

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

**ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИРИ РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
СЕКЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**МОСКВА
2021**

УДК 947.084 (063)

ББК 63.3 (2) 6

Г72

Рецензенты:

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук,
профессор, заведующий центром экономической истории ИИиА УрО РАН;

Бабашкин Владимир Валентинович — доктор исторических наук,
профессор кафедры политико-правовых дисциплин
и социальных коммуникаций РАНХиГС

Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века:

Г72 сборник статей /отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. —
Москва: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. — 430 с.

ISBN 978-5-6046-4324-2

В сборник включены тексты докладов и сообщений, представленные на VIII Международную научно-практическую конференцию «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века».

УДК 947.084 (063)

ББК 63.3 (2) 6

ISBN 978-5-6046-4324-2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В XIX – НАЧАЛЕ XXI в. (О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ)

В статье предпринята попытка акцентировать внимание на некоторых значимых теоретических аспектах, отражающих сущностные стороны и содержание процесса взаимодействия государственной власти и российского крестьянства в XIX – начале XXI в.

Ключевые слова: Государственная власть, крестьянство, крестьянская власть, сущность, содержание, аграрная история, аграрные отношения.

Romanchenko V. Ya.

STATE POWER AND THE PEASANTRY IN THE XIX-EARLY XXI CENTURIES. ON SOME THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article attempts to focus on some significant theoretical aspects that reflect the essential aspects and content of the process of interaction between state power and the Russian peasantry in the XIX – early XXI centuries.

Keywords: State power, peasantry, peasant power, essence, content, agrarian history, agricultural relations.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что на протяжении всех эпох отечественной истории аграрный вопрос занимал в ней главенствующее место. И здесь хотелось бы солидизироваться с мнением известного историка В. В. Кондрашина в том, что именно его решение определяло не только судьбы российской деревни, но и «всей страны, в том числе ее современный социально-экономический и политический облик»². Отсюда — огромное значение изучения аграрной истории и ответственность тех, кто к этому причастен. Но дело не только в этом. В нашем мире, где так много лжи, особенно велик запрос на истину, на правду истории. И нет иного способа «докопаться» до нее кроме как путем углубления существующих и получения новых знаний по крупицам собираемых из различных источников.

¹ Романченко Валерий Яковлевич, доктор исторических наук, Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова, Россия, г. Саратов, romanvja@yandex.ru.

² Кондрашин В. В. Актуальные проблемы истории России XX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. стат. по материалам междунар. научно-практ. конф. — М.: ИРИАН, 2020. — С. 3.

В многообразии проблем аграрной истории тема «Государственная власть и крестьянство» безусловно является стержневой, оселковой, вокруг которой объединяются и которую обогащают своим содержанием все остальные. Не случайно вот уже многие годы в ее рамках проводятся международные конференции, круглые столы, объединяющие историков-аграрников со всей России.

В исследовании этой необъятной темы накоплен уже достаточно большой эмпирический материал для того, чтобы сделать попытку на его основе выйти на постановку некоторых, на наш взгляд, принципиально важных проблем теоретического характера, требующих дальнейшей разработки.

Во-первых, обращает на себя внимание фрагментарный характер освещения проблемы. Существующие публикации обращаются, как правило, к безусловно важным вопросам, характеризующим аграрную политику государства на разных этапах истории XIX–XX вв.: крестьянское и помещичье хозяйство, деятельность колхозов и совхозов, фермерских хозяйств, организацию управления ими, экономические, социальные, культурные преобразования в российской деревне, их региональные особенности, аграрные реформы и многое другое, что с различных сторон отражает процесс аграрного развития России и СССР. Но в большинстве своем они лишь затрагивают проблему взаимоотношений государственной власти и крестьянства настолько, насколько это требует анализ других актуальных проблем аграрной истории. Фрагментация исследований по отдельным частным аспектам, хронологическим рамкам, регионам пока что не дает возможности воссоздать целостную интересующую нас картину на широком историческом полотне.

Во-вторых, тем не менее, проведенные исследования дают основания полагать, что на протяжении XIX – начала XXI в. с разной степенью интенсивности проходила эволюция взаимоотношений государственной власти и крестьянства. Она имела свои этапы и особенности проявления на каждом из этих этапов. Совпадают ли они со сложившейся периодизацией аграрной истории? Думается, что нет. В последней публикации в сборнике «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века», автор пытался показать это на примере трансформации взаимоотношений государственной власти и крестьянства в Великой русской революции³. Исследователям еще предстоит обозначить эти этапы хронологически и выявить их особенности на всем протяжении XIX – начала XXI в. Оче-

³ Романченко В. Я. Взаимоотношения государственной власти и крестьянства в Великой русской революции: этапы трансформации // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. стат. по мат-лам междунар. научно-практ. конф. — М.: ИРИАН, 2020. — С. 108–114.

видно, также, что характеристика данных особенностей должна осуществляться не только по вертикали, но и по горизонтали, т.е. в сравнении с особенностями взаимоотношений государственной власти и крестьянства в иных, в частности, западноевропейских политических системах, в иных формах государственной власти и политических процессов. Существенные достижения современной аграрной регионалистики позволяют получить интересные результаты сравнительного анализа взаимоотношения государственной власти и крестьянства и в различных регионах России, СССР.

Однако обобщающий труд, включающий в себя подобный анализ, еще ждет своего исследования. Вместе с тем, как нам представляется, подвижность и изменчивость во времени содержательной стороны взаимоотношений крестьянства и российской государственной власти не затрагивала их сущность. В ее основе всегда лежали единство и борьба противоположностей, весьма далеких друг от друга, находящихся в отдельные периоды в большей в другие в меньшей степени, но всегда в состоянии антагонистических противоречий. Их глубинные различия зиждились на различии интересов государственной власти и крестьянства, которые были весьма далеки друг от друга. Для государственной власти крестьянство традиционно было средством решения своих экономических и политических задач, для крестьянства она всегда ассоциировалась с орудием его эксплуатации.

Получение объективной картины взаимодействия государственной власти и крестьянства в дореволюционный период аграрной истории обуславливает необходимость учитывать то, что на протяжении всего этого периода в российской деревне фактически существовало двоевластие: власть крестьянской общины, которая была достаточно сильна и близка к крестьянскому миру и государственная власть, далекая от него.

Сила крестьянской власти заключалась в том, что она строилась на началах самоуправления и тех традициях, неписаных законах, которые признавались крестьянами как справедливые и отвечающие их интересам. Именно осознание этой силы и влияния вдохновляло революционеров-демократов XIX в. на осуществление идеи крестьянской революции и перехода к социализму, основанному на принципах общинного самоуправления.

Но крестьяне тогда не пошли за ними и их «хождение в народ» завершилось провалом. Можно выделить, по крайней мере, две причины данного явления. Во-первых, несмотря на понимание несправедливости существующей государственной власти, крестьянство относилось к ней в целом вполне терпимо, с традиционными для его ментальности «догматизмом, аскетизмом, способностью нести страдания и жертвы во имя

своей веры...»⁴. Во-вторых, на протяжении всей досоветской истории российское крестьянство было скованно в свободе действий тремя факторами: постоянным ограничением попыток полного самоуправления, малоземельем и безденежьем⁵. Все они так или иначе подпитывались центральной властью. Тем не менее государственная власть не только вынужденно терпела крестьянскую, но и была кровно заинтересована в ее существовании в качестве посредника с крестьянским миром и своего рода опорой в нем.

После отмены крепостного права общинному самоуправлению были делегированы новые полномочия в решении насущных задач. Так, например, устройство и поддержание существовавших с первой половины XIX в. сельских запасных магазинов было отдано на откуп сельскому «миру». Назначение ссуд из них было предоставлено сельским сходам, а надзор за их сохранностью общественного хлеба и «за правильным распоряжением оным» возлагался на сельского старосту. Открытые в отдельных местностях волостные магазины были переданы в ведение волостных сходов⁶.

Определенным шагом государственной власти в сторону сближения с крестьянской было создание в рамках либеральных реформ Александра II земских учреждений, роль которых в урегулировании поземельных отношений в пореформенной России, в обустройстве крестьянского быта, на наш взгляд, до сих пор остается недооцененной в полной мере и требует дальнейшего изучения. Однако их деятельность находилась под жестким контролем «сверху», который усилился в период правления Александра III. Это относится и к волостным, уездным органам государственной власти, что несомненно препятствовало сближению государственной власти с сельским и волостным крестьянским самоуправлением. В течение всего пореформенного периода оно было обособлено от внешнего мира. В данной связи встает вопрос: состоялся ли в этот период дрейф аграрной России в сторону утверждения демократических ценностей и если да, то был ли он успешен? Однозначного ответа на этот вопрос историография пока что не дала.

Тем не менее, анализ современной литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на принятые меры, государственная власть так и не смогла упрочить свое положение в деревне за счет крестьянской общи-

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 9.

⁵ Кодылев А. В. Российское крестьянство и власть: историческая ретроспектива // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Вып. 6. Межвуз. сб. науч. труд. (к 100-летию СГАУ им. Н. И. Вавилова). — Саратов: Саратовский ГАУ им. Н. И. Вавилова, 2012. — С. 110–113.

⁶ Рогожина А. С. «Земства и обеспечение продовольствием сельского населения России во второй половине XIX века» // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. тематич. сб. науч. труд. Вып. 19. Под ред. В. Н. Никулина. — Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — С. 109.

ны. С началом революции эта опора становится все менее прочной. Более того, царская власть стала рассматривать общинную в качестве угрозы своему режиму и принимает меры к ее ослаблению, начав в 1906 году Столыпинскую аграрную реформу. Не вдаваясь в подробный анализ ее результатов, отметим лишь, что при всем своем желании П. Столыпин не мог уже остановить набравший скорость локомотив крестьянской революции. Данный политический процесс сопровождался все большим ослаблением в деревне органов государственной власти и укреплением позиций власти крестьянской, созданием новых органов крестьянского самоуправления, которые в отличие от царской власти эффективно решали насущные проблемы крестьянства. В конечном итоге в период так называемого двоевластия в российской деревне наступает короткий период фактического единовластия крестьянства при формальном сохранении органов власти Временного правительства⁷.

Октябрьский переворот знаменует собой начало формирования новой политической системы. В ней на смену единовластия монарха приходит жесткая диктатура партии большевиков, которая постепенно выдавливая из российской деревни сам дух крестьянской вольницы, а вместе с ним и реально избранные «низами» органы крестьянского самоуправления. Начинается новый, советский этап противостояния крестьянства и власти, сопровождающийся дальнейшей эксплуатацией последнего, которая не исчезает и после распада СССР с началом рыночных реформ.

Однако, как известно, формы и степень этой эксплуатации, как и формы взаимоотношений государственной власти и крестьянства в целом задолго до начала XIX века существенно дифференцировались — в зависимости от категорий крестьянского сообщества. Проследить их эволюцию с учетом данной дифференциации еще предстоит будущим исследователям. Очевидно, должен получить отражение и вопрос о роли дворянства, разночинской интеллигенции, в советский период — сельских советов, руководителей колхозов и совхозов в качестве своеобразного посредника в отношениях между царской, советской властью и крестьянством.

Многочисленные и плодотворные исследования советского периода аграрной истории дают возможность выйти на новые обобщения, раскрывающие тенденции и противоречия, особенности взаимоотношений крестьянства и власти в условиях господства нового политического

⁷ Кабытова Т. Н. Перегрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. XXXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщений. Брянск. 4–28 сент. 2018 г. — М., 2018. — С. 162–165; Романченко В. Я. Крестьянское самоуправление в российской деревне (весна – осень 1917) // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. XXXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщений. Брянск. 4–28 сент. 2018 г. — М., 2018. — С. 165–168.

режима, проследить динамику данного процесса. Разумеется, его объективный анализ исключает абсолютизацию каждой из его составляющих. Вместе с тем, он требует выявления мотивов и глубины сближения и противостояния двух полюсов аграрных отношений в различных условиях, в частности в периоды участия России, СССР в войнах XX в., механизмов обратной связи крестьянства с государственной властью.

Каждый из этапов их взаимодействия имел свои особенности. Их характеристика, в том числе применительно к региональной специфике, частично получала уже освещение в отечественной и зарубежной историографии. Ее анализ позволяет сделать вывод о значительном ускорении процесса трансформации отношений крестьянства и государственной власти в XX в. под влиянием войн, революций, реформ, смены политических систем. Это процесс шел, как нам представляется, параллельно с так называемым «агропереходом», включавшим в себя, в частности, трансформацию материально-технической базы сельского хозяйства, развитие рыночных отношений и кооперации, подсобных крестьянских хозяйств, преодоление экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, ломку уклада сельской жизни⁸. Оба обозначенных процесса развивались не изолированно друг от друга, но постоянно находились в состоянии глубокого и сложного взаимовлияния, составляя единый процесс аграрной модернизации. В данной связи самостоятельного изучения заслуживает вопрос о влиянии экономических, социальных сдвигов, политических и культурных преобразований в деревне на взаимоотношения государственной власти и крестьянства. И здесь все более востребованным, на наш взгляд, является комплексный, междисциплинарный подход к исследованию проблемы, в том числе с привлечением трудов философов, экономистов, социологов, культурологов и психологов с активным применением общенаучных методов исследования, подготовкой и изданием соответствующих трудов на стыке исторической и других гуманитарных наук.

Дальнейшее исследование проблемы требует обратить внимание и на те процессы, которые происходили внутри двух основных составляющих рассматриваемой политической коммуникации и влияли на нее. Очевидно, что их анализ тоже должен осуществляться через призму взаимоотношений государственной власти и крестьянства. С учетом этого представляется целесообразным изучение:

- влияния институционального элемента политических систем на эволюцию политической власти и ее взаимоотношения с крестьянством, смены политических элит во власти на изменение социального состава крестьянства;

⁸ Корнилов Г. Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Под ред. Хироси Окуда. — Токио. 2005. — С. 286–314.

- взаимоотношения политической и аграрной элит России на различных этапах аграрной истории XIX – начала XXI в.;
- роли политических партий в процессе коммуникации государственной власти и крестьянства;
- особенностей рефлексии крестьянства на аграрную политику государства на различных этапах их трансформации;
- политической культуры как средства формирования крестьянских воззрений на власть;
- эволюции восприятия власти в политическом сознании крестьянства и крестьянства в политическом сознании властвующей элиты;
- государственного регулирования аграрных отношений центральной властью и ее низовыми учреждениями в деревне;
- деятельности кооперации как разновидности крестьянского самоуправления и ее взаимоотношений с государственной властью;
- изменения поземельных отношений в российской деревне и влияния на них государственной власти;
- внутрикрестьянских конфликтов и способов их разрешения, в том числе с участием государственной власти;
- влияния особенностей российской цивилизации, региональных, национальных особенностей на положение крестьянства и его отношения с властью.

Безусловно, подобный перечень мог бы быть продолжен. Сегодня, когда историография существенно продвинулась вперед в разработке отдельных этапов коммунизации государственной власти и крестьянства, региональных особенностей эволюции каждого из участников данного процесса, в овладении новыми методами изучения аграрной истории, как нам представляется, уместной будет постановка вопроса о проведении «сквозных» исследований, обозначенных нами, и иных сторон темы «государственная власть и крестьянство» с начала XIX и до начала XXI в., в том числе на общероссийском материале. Проведение таких исследований позволило бы дать обобщающие характеристики таких проблем как:

- закономерность и случайность в смене парадигмы аграрной политики государства;
- взаимообусловленность экономических, политических и аграрных кризисов в истории России XIX – начале XXI в.;
- соотношение стихийности и сознательности в крестьянском движении изучаемого периода;
- этапы и особенности движения российской деревни во времени в совокупности и взаимовлиянии экономических, политических, социальных и ментальных составляющих данного процесса;

- характерные черты и особенности взаимовлияния государственной власти и русской общины применительно к различным этапам аграрной истории;

- соотношение объективных и субъективных факторов раскрестьянивания деревни, российские особенности и этапы данного процесса;

- единство и противоположность политической, материальной, социальной и духовной составляющих общего политического процесса в российской деревне;

- крестьянство и власть в контексте развития российской и общеевропейской цивилизации; общее и особенное в эволюции крестьянства и власти в России и странах ближнего зарубежья, образованных после распада СССР.

В своей совокупности повышение «градуса» обобщений, вытекающих из проведенных исследований обеспечило бы выход историков-аграрников на новый уровень изучения проблемы «Государственная власть и крестьянство», дало бы возможность глубже понять механизмы их взаимодействия, более пристально взглянуть в будущее исторических судеб российского крестьянства. Наконец, оно должно дать ответ на вопрос: были ли в известном противоборстве крестьянства и власти победители? Видный экономист-аграрник академик А. А. Никонов в своей последней монографии с символическим названием охарактеризовал историю аграрных отношений спиралью многовековой драмы, прежде всего, крестьянства, а, следовательно, и народа⁹.

Если согласиться с таким суждением, то следовало бы заметить, что развернутого объяснения причин трагической истории российского крестьянства все еще нет. Очевидно, что трагедию российской деревни во-многом определила система существовавшей в стране государственной власти, которая делала ее, как и аграрную экономику, заложницей своей политики. Но можно ли не считать трагичными судьбы самой этой власти, которая, меняя состав политических элит, формы правления и государственного устройства, тем не менее приходила к бесславному концу своего существования? Каковы были механизмы, двигавшие российское крестьянство и государственную власть по спирали многовековой драмы? И можно ли аграрные реформы постсоветской эпохи рассматривать в качестве события, положившего конец раскручиванию этой спирали? Ответы на эти и многие другие вопросы еще предстоит дать современной динамично развивающейся аграрно-исторической науке.

⁹ Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — С. 546.

**О НЕКОТОРЫХ ТРАКТОВКАХ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ
ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Статья посвящена вопросу об изложении и интерпретации в современной историографии материалов российского законодательства по крестьянскому вопросу XVIII–первая половина XIX в. На основании ряда публикаций делается вывод о существовании определенного кризиса в российской исторической науке.

Ключевые слова: крестьянский вопрос, крепостное право, законодательство, владельческие крестьяне, российское самодержавие, освобождение крестьян.

Dolgikh A. N.

**ON SOME INTERPRETATIONS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE
PEASANT QUESTION OF THE PRE-REFORM ERA IN MODERN RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY**

The article is devoted to the presentation and interpretation in modern historiography of the materials of Russian legislation on the peasant question of the XVIII – first XIX centuries. Based on a number of publications, it is concluded that there is a certain crisis in Russian historical science.

Key words: the peasant question, serfdom, the law, possessory peasants, the Russian autocracy, and the liberation of the peasants.

Рассматривая вопрос о состоянии современной российской историографии в отношении истории владельческой (крепостной) деревни до-реформенного периода, следует признать сегодня определенный упадок в его изучении в сравнении с советским временем. Несмотря на некоторые достижения в ней, особенно в плане изучения хозяйственного состояния этой категории крестьян, налицо отставание в изучении вопроса о законодательстве в сфере крестьянского вопроса и о его реализации. Надо иметь в виду, что в отношении владельческих «подданных», являвшихся в кре-

¹ Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, г. Липецк, adonli@mail.ru.

постническую эпоху «крещеной собственностью» помещиков, любое законодательство имело ограниченный характер, так как самодержавие лишь по минимуму вступало здесь в противоречие с интересами правящего сословия. Однако оно все же существовало, так как государственная власть была заинтересована в исправном поступлении податей, исполнении рекрутской повинности, в сохранении спокойствия в деревне, особенно после «пугачевщины», ужас которой верхние классы России помнили долго.

При доступности данного материала, размещении его (в основном) в Полном Собрании законов Российской империи, Сводах законов, в существующей научной, справочной и научно-популярной литературе по-прежнему существует путаница и в изложении содержания тех или иных указов, и в их трактовке. В большинстве случаев эти недостатки в историографии не связаны с политической и научной позицией автора, а скорее, с недостатком профессионализма у исследователей, не желающих вникать в тонкости данного сюжета. Эти явления и ранее имели место, но сегодня они усугубились. Почему-то особенно ярко это все проявляется применительно ко времени правления Павла I и Александра I². В качестве объекта исследования возьмем здесь для начала материалы известной современной энциклопедии, обобщающую монографию о России за несколько столетий и одно из лучших нынешних исследований биографического жанра.

Наиболее авторитетной из современных энциклопедий (хотя и не завершенной по ряду причин) является издание «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.» В одной из ее статей — «Крестьянство» (автор соответствующего раздела — В. А. Федоров) отмечалось, что «первой попыткой регламентировать повинности крепостных крестьян стал указ Павла I 5.4.1797 о 3-дневной барщине», что неточно, так как это все же был манифест (читавшийся в церквях, значит, гласный и предназначенный в том числе и для самих крестьян), а главным его содержанием стала отмена воскресной барщины. С потолка взято положение об отмене права помещиков ссылать крестьян на каторгу в 1807 г., а на поселение — в 1809 г. На самом деле, никаких актов, запрещавших помещикам ссылать крестьян на поселение, не принималось в ту пору, хотя с 1802 г. действовал своеобразный мораторий, завершившийся в 1822 г. А ссылка на каторгу, действительно, была воспрещена в 1809 г. Странно

² Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в России на рубеже XVIII–XIX вв.: об исторической памяти и кризисе современной науки // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк, 24–26 сентября 2015 г. Тамбов, 2015. — С. 207–215; Его же. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. историографические очерки: в 2 т. Т. 1. Липецк, 2018. — С. 69–86.

звучит заявление об издании особого указа «в 1808–1809 гг.», запрещающего «давать объявления о продаже дворовых». Нам он неизвестен³.

Не совсем убедительны тезисы о запрещении в 1822–1823 гг. крестьянам подавать властям «жалобы на жестокость своих господ» и особенно «возбуждать иски о воле». Насчет первого положения заметим, что такие запреты повторялись многократно в крепостническую эпоху, и данный период ничем особым здесь не отличался. Что же касается запрета «исков о воле», то это явная неправда, так как в александровское время существовало целое законодательство насчет «ищущих свободы» из помещичьего владения. В подобных случаях авторам энциклопедий нужно выбирать главные вехи и писать ясно о конкретных актах (кстати, давая на них ссылки), а не в фигуральном смысле. Наконец, не доказан факт поручения 12 сановникам империи монархом разработать проекты отмены крепостного права, да и перечисление некоторых из них здесь не всегда корректно, о чем существует и наше исследование⁴.

Приведем ряд положений одного из новейших изданий, претендующих на глобальный охват отечественной истории — книгу «История России: конец или новое начало?» А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко. Одним из основополагающих их положений является утверждение о серьезном росте тягот крепостничества в последпетровскую эпоху. Заметим, что указанные авторы либеральной направленности не пытаются обелять Петра в отношении его социальной политики, как это делалось ранее, что уже хорошо. Однако, по их мнению, именно в последпетровское время «дополнительные ограничения, накладывавшиеся... на крепостных, в сочетании с дополнительными льготами, которыми наделялись крепостники, постепенно изменяли характер отношений в российской деревне». Так, указывали они, в течение нескольких лет «крестьянам было запрещено заниматься отхожими промыслами без разрешения помещика и добровольно поступать на военную службу, что при Петре являлось законным способом освобождения от крепостной зависимости... Дворяне получили право переселять крепостных с места на место, а при Елизавете Петровне — даже ссылать их в Сибирь»⁵.

³ Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: Монография: в 2 т. Т. 1. — Липецк, 2006. — С. 144–148; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. — М., 2000. — С. 137, 156; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: в 40 т. — СПб., 1832 (ПСЗ-I). Т. 30. № 23530.

⁴ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? /2-е изд., испр. и доп. — М., 2008. — С. 188.

⁵ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 1. С. 167–176; ПСЗ-I. Т. 6. № 3728, 3754, 3757, 3995, 4044; Т. 7. № 4236; Т. 8. № 6232; Т. 11. № 8577.

С нашей точки зрения, владельческим крестьянам и ранее не разрешались всякого рода отхожие промыслы без ведома помещика, а прекращение права вступать в армию по желанию самого крестьянина произошло где-то на рубеже петровской и послепетровской эпохи (ясно, что у самого Петра имели место на сей счет колебания, которые исчезли у его потомков на троне). Что же касается ссылки крестьян в Сибирь (заметим, «на поселение» с зачетом за рекрутов), то данное законоположение можно трактовать и иначе, так как эти крестьяне в Сибири становились относительно свободными, выходя из-под помещичьей власти, не говоря уже о малом использовании данного акта на практике и обо всех иных правах помещика, существовавших и ранее (сдача в армию, в тюрьму и работные дома, «домашнее» наказание и др.)⁶.

Сюда можно добавить и известное в России отношение к закону («закон что дышло...»). В этой связи говорить о том, что тот или иной закон за-вершил дело оформления крепостного права можно лишь весьма осторожно, здесь вехами являлись, безусловно, Соборное уложение 1649 г. и петровская податная реформа рубежа 1810–1820-х гг., а не какие-нибудь частные акты вроде разрешения помещикам ссылать крестьян на каторгу в 1765 г. Данное право было, конечно, важным, но погоды не делало, сути дела не меняло. К тому же оно и мотивировалось не столько заботой об интересах дворян, сколько общегосударственными соображениями: у военно-морского ведомства не хватало людей для работы на галерах, где и предполагалось использовать дополнительный контингент каторжников. Между прочим, и указ 1760 г. о ссылке крестьян в Сибирь имел и общероссийскую цель — освоение Сибири. Кстати, и закрепощение крестьян на Левобережной Украине также несло подобное начало, позволяя, по мнению авторов, «увеличить доходы казны»⁷. Однако, заметим, что, когда власти будут эти негативные положения законов отменять, это будет шагом вперед — к крестьянской эмансипации. Скажем и о трактовке авторами законодательства о продаже людей без земли. По их мнению, высказанному применительно ко времени Екатерины Великой, «сквозь пальцы смотрела императрица и на то, что, вопреки запрету на продажу помещиками крестьян без земли, торговля шла полным ходом». Авторы издания просто не знают, что торговля людьми без земли не была запрещена, а лишь несколько ограничена для той поры несколькими мелкими актами властей⁸.

⁶ Ахиезер А. и др. Указ. соч. — С. 197, 206.

⁷ Ахиезер А. и др. Указ. соч. С. 202; Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 1. — С. 209–211.

⁸ Ахиезер А. и др. Указ. соч. С. 212–213; Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 1. — С. 51–68; Его же. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...». Т. 2. — С. 4–17.

Авторы указывают, что «даже Павел, убежденный сторонник крепостничества, счел необходимым издать указ, который запрещал помещикам принуждение крестьян к барщинным работам по воскресеньям, ограничивая их тремя днями в неделю. Правда, последнее было скорее рекомендацией, чем жестким предписанием, а потому не выполнялось». Заметим, что, во-первых, это все же был манифест, а не просто указ. Во-вторых, последнее его положение было, конечно, рекомендацией, и нечего здесь придумывать за Павла его идеи и обвинять в лицемерии — это не его стезя: он сказал то, что сказал. В-третьих, на самом деле, это большой вопрос — проблема реализации данного акта, требующий дополнительного изучения. Его нормы основывались на обычаях и традициях Великороссии и на предшествовавшем законодательстве времен Соборного уложения 1649 г. В-четвертых, Павел иначе воспринимал крепостное право, рассматривая помещика как государственного чиновника, а не как полностью независимого от государства самодержца местного масштаба⁹.

Отметим и важное и справедливое положение указанных авторов о том, что в послепетровское время дворянство, «получив привилегированную возможность владеть землей и при этом не служить, сохраняло за собой и монопольную возможность владеть крепостными, лишенными каких-либо прав вообще». Формально они частной собственностью помещиков не являлись (что в той или иной степени было зафиксировано в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.), однако последние могли распоряжаться ими по своему усмотрению именно как «крещеною собственностью». Эта ситуация «находилась вне пределов правового поля: отношения между дворянами и крестьянами частично регулировались отдельными императорскими указами, но, в целом, оставались юридически незафиксированными»¹⁰. Согласиться здесь можно только с тем, что общее расширение прав дворянства (в отношении постепенного их высвобождения от обязательной службы и поселения в силу этого в деревне) «силою вещей» и приводило к реальному росту тягот крепостничества, а не какие-то жалкие указы, которые к тому же часто не доходили до мест, а всякого рода «старосветские помещики» или какая-нибудь Коробочка, как правило, и слыхом не слыхивали о них, ведя свое хозяйство по старинке.

Остановимся также и на недавнем издании биографического исследования об Александре I Л. М. Ляшенко «Самодержавный республиканец», на наш взгляд, наиболее удачного из всех подобных. Однако и в нем видны те же огрехи. Так, говоря о мерах, направленных к ограничению

⁹ Ахизер А. и др. Указ. соч. — С. 203, 213.

¹⁰ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 1. — С. 168–175; Ляшенко Л. М. Александр I: Самодержавный республиканец. — М., 2014. — С. 98.

крепостного права, автор указывает, что император Александр запретил ссылать крестьян «в Сибирь за незначительные проступки». Данный вопрос нами специально изучался, и мы пришли к выводу, что в 1802 г. фактически был лишь введен своеобразный мораторий на ссылку крестьян на поселение в Сибирь их владельцами, позже в 1822 г. восстановленной в несколько ином виде, чем первоначально задуманный в указе 1760 г.¹¹

Тот же автор отмечал, что монарх «прекратил массовые пожалования казенных крестьян в частные руки», но только в Центральной России. «На окраинах империи практика пожалований продолжалась и рассматривалась как водворение общего “благоустройства” государства. Здесь крепло не только местное помещичье землевладение, но и крупное землевладение дворянства пришлое, в массе своей вельможного». Данное заявление автора выглядит весьма ответственным. Можно, конечно, сказать, что незначительные отступления от запрета перевода казенных крестьян в частное владение были, но, в принципе, это положение, формально не зарегистрированное в законах, продолжало существование и при Александре I, и при Николае I. Другое дело, что сохранялась практика существования так называемых «арендных» имений в ряде западных губерний, а в отношении тамошних крестьян, сохранявших формально статус государственных, существовала давняя практика временного (арендного) владения ими (обычно на 12 лет), восходящая к традициям Речи Посполитой. Здесь ничего нового не было предпринято. Иное дело, что аренды эти не были ликвидированы, а положение «подданных» в них было довольно тяжелым, но это было явлением другого порядка¹².

В общем-то ни на чем не основываясь и спрямляя фактическую канву, автор утверждает, что уже в начале царствования монарх «наотрез отказался обсуждать проекты отмены крепостного права», среди авторов которых он упоминает князя (правильнее — светлейшего князя с 1796 г.) П. А. Зубова, графа (графом он стал в 1834 г.) Н. С. Мордвинова и графа С. П. Румянцева, отмечая лишь, что в отношении последнего был использован способ издания частного указа, адресованного самому его инициатору. Отметим, во-первых, что проект П. А. Зубова, вообще говоря, во многом по инициативе Александра I обсуждался в Негласном комитете, но не встретил там поддержки других членов этого правительствующего синклита, а в отношении Н. С. Мордвинова заметим, что нам не известен

¹¹ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия. Т. 1. С. 130–131; Т. 2. — С. 21–35; Ляшенко Л. М. Указ. соч. — С. 98.

¹² Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...». Т. 2. — С. 64–65; Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сборник документов: в 2 т. /Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А. Н. Долгих. — Липецк, 2005. Т. 1. — С. 207–209, 245–255; Т. 2. — С. 256–257, 261–264; Ляшенко Л. М. Указ. соч. — С. 105–106.

какой-либо его проект освобождения крестьян, датируемый началом царствования¹³.

Очень странно звучит пассаж автора о том, что помещики по указу 1803 г. о вольных хлебопашцах могли отпускать крестьян «на волю с пашней без обязательного одобрения Сената». Почему здесь идет речь о Сенате, не совсем понятно — ведь окончательную визу на договор, заключенный между помещиками и крестьянами на местах, и так давал министр внутренних дел, то есть представитель высшей (точнее — центральной) власти. Применительно к реализации указа о вольных хлебопашцах автор дает цифру освобожденных по нему за первую половину XIX в. — около 47 тыс. крестьян, между тем как подобная цифра имеет место в историографии именно и только для первой четверти столетия. Существуют и иные цифры получивших свободу по этому указу в период правления Александра I — 36327 д.м.п.¹⁴

Нам не известен указ 1816 г. о запрещении «совершать купчие на людей без земли», о котором пишет автор, но был акт от 23 октября 1816 г. запрещавший укрепление крестьян разночинцами «по верующим письмам», то есть не потомственными дворянами, а это совсем другое дело: такого обычно никогда ни до, ни после, законами не разрешалось. И уж совсем никуда не годится положение автора о том, что в 1820 г. «император особым распоряжением вновь ограничил продажу крепостных без земли и, несмотря на то, что против этой меры выступили большинство членов Государственного совета, настоял на своем». На самом деле, решения на тех заседаниях никакого принято не было. В 1821 г., отмечал автор, «последовал указ о невозвращении получивших свободу помещичьих людей в крепостное состояние (ранее существовала и такая практика)». Несмотря на отсутствие ссылки, мы вычислили, что речь здесь идет об указе от 30 ноября 1821 г., вот только эта практика существовала еще с 1775 г., подтверждаясь многократно и до данного акта.

Наконец, вызывает определенные сомнения по-настоящему не доказанное авторское положение о том, что в 1817–1818 гг. монарх приказал, «по крайней мере, двенадцати сановникам заняться проблемой отмены крепостного права», в числе которых был Н. С. Мордвинов, граф Д. А. Гурьев, М. А. Балугьянский и А. А. Аракчеев. Реально не доказано и

¹³ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 2. — С. 173; Ляшенко Л. М. Указ. соч. — С. 98–99; Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. — М., 1988. — С. 32; Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – начала XX в. Л., 1983. — С. 62.

¹⁴ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 1. — С. 134–148, 238–244; Ляшенко Л. М. Указ. соч. — С. 156; ПСЗ-I. Т. 33. № 26469; Т. 35. № 27352; Т. 36. № 27740а; Т. 37. № 28249, 28501, 28817, 28823; Т. 38. № 29416, 29557; Т. 39. № 29936, 30040; Т. 40. № 30248, 30407.

существование особого Общества 1816 г. помещиков Петербургской губернии (известного только со слов И. В. Васильчикова), созданного для освобождения принадлежавших им крестьян, о котором как о доказанном факте пишет автор. Большой вопрос — вопрос об участии князя Н. Г. Вяземского в так называемом Обществе 1820 г., созданном в кругу братьев Тургеневых, М. С. Воронцова, А. С. Меншикова, хотя он и упоминался в определенном контексте в связи с идеей этого Общества, но его взгляды слишком отдавали здесь махровым консерватизмом. Полагаем, что автор книги просто перепутал его с князем П. А. Вяземским, действительно, имевшим непосредственное касательство к созданию этого Общества¹⁵.

¹⁵ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике Российского самодержавия... Т. 2. — С. 210–215; Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...». Т. 1. — С. 82–86; Т. 2. — С. 224–252; Ляшенко Л. М. Указ. соч. — С. 157–159.

**ПРАВОУСТАНОВЛИВАЮЩИЙ АКТ 1815 г. НА ХУТОР
ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАКА МАТВЕЯ ЛОМАКИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

В статье рассматриваются как объективная реальность прошлого исторический документ о праве собственности на хутор (земельный участок), принадлежавший простому черноморскому казаку, а также сопутствующие появлению акта исторические обстоятельства.

Ключевые слова: билет, земля, казак, курень, частная собственность, хутор.

Skorik A. P., Fedina I. M.

**THE LEGAL ACT OF 1815 ON THE FARM OF THE BLACK SEA COSSACK
MATVEY LOMAKI AS A HISTORICAL SOURCE**

The article examines as an objective reality of the past the historical document on the ownership of the farm (land plot), which belonged to a simple Black Sea Cossack, as well as the historical circumstances accompanying the appearance of the act.

Key words: ticket, land, Cossack, kuren, private property, farm.

Среди первых типов казачьих поселений в историческом регионе Кубани широкое распространение получили хутора как активные субъекты хозяйствования в аграрном производстве и индивидуализированная поселенческая реальность. С нашей точки зрения, казачий хутор — это социально-экономическая и поселенческая структура, отличающаяся способами ведения хозяйственной деятельности и организации системы землепользования, наличием территориального общественного самоуправления (обусловленного местными традициями), обустройством повседневного быта и архетипичными чертами культуры хуторян, ноосферным формированием экологоприродной среды обитания, преимущественными моделями экономического поведения и характерной ментальностью жителей².

¹ Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; Россия, г. Новочеркасск Ростовской области; s_a_p@mail.ru; Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Кубанский государственный университет; Россия, г. Краснодар; ir_lar@mail.ru.

² Скорик А. П., Федина И. М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). — Новочеркасск: Лик, 2016. — С. 27.

На этапе заселения Черномории вплоть до середины XIX в. преобладала историческая тенденция, когда маленькие поселения хуторского типа буквально бисером рассыпались по осваиваемой территории, и первоначально никто не контролировал этот процесс свободного расселения черноморских казаков на пожалованных им «в вечное владение» императрицей Екатериной II кубанских землях. Как сообщается в исторических источниках, к примеру, осел «футором» при речке Кирпили полковник, армии секунд-майор Пётр Бурнос с женой Пелагеей, с тремя детьми и работниками в количестве 6 чел. При речке Челбасах поселился полковой есаул Роман Белый с братом и работниками числом 5 чел. В двух «футорах», находящихся при С(Ц)окуровом лимане и принадлежащих полковнику и кавалеру Антону Головатому проживало 9 казаков. При реке Малый Бейсуг расположился хутором полковой есаул, прапорщик Игнат Кожух с женой, двумя детьми и двумя работниками и т. д.³

Инициативные черноморские казаки свободно селились по берегам степных кубанских рек отдельными хуторами, и как первооснователи ничем не были стеснены. Они воспроизводили хозяйственную систему хуторов, сформированную запорожскими казаками на своей исторической прародине. Эта хозяйственная система вполне отвечала природно-климатическим условиям Правобережья Кубани, «земли степных рек и бассейнов» мало чем отличались от привычных днепровских степей, поэтому традиция ведения хуторского хозяйства быстро прижилась в новых условиях, и в первые десятилетия в Черномории наблюдался заметный рост численности хуторов. Если в 1809 г. в Черномории фиксировалось всего 66 хуторов, то в 1821 г. их количество уже достигало 1776 хозяйств, а к середине XIX в. насчитывалось 3000 хуторов⁴.

Рост численности хуторов, с одной стороны, отражал тенденцию поселенческой индивидуализации в использовании типов поселений черноморскими казаками при освоении территории Правобережья Кубани. С другой стороны, основание хуторов означало значительное расширение прав собственности черноморского казачества на землю, и являлось подтверждением его заслуг и большого значения для продвижения государственных интересов на имперском Юге. Именно свободное пользование земельными участками, обретение заимок, обустройство хуторов на общевойсковой земле способствовали появлению законодательно за-

³ Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / [сост. Н. В. Малеева и др.; редкол. В. В. Горковенко и др.]; Администрация Краснодарского края, Управление по делам архивов Краснодарского края, Государственное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края». — Краснодар: Диапазон-В, 2006. — С. 35, 76, 94, 139, 288.

⁴ Голубуцкий В. А. Черноморское казачество. — Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1856. — С. 238–240.

крепленного правила. Войско получило исключительное право выдавать «открытые листы» (владельческие акты, билеты) на вечное пользование землей, и, тем самым, легализовать существовавшие казачьи займки, что и отразили характерные исторические источники.

Процитируем текст такого документа: «Билет. Предъявителю сего куреня Щербиновского козаку Матвею Ломаке. Позволяется иметь для скотоводства впредь до рассмотрения хутор, состоящий на речки Ясинях. По заверению куренного, его Ломаки общества, что он честного поведения и ни в каких худых качествах не замечен. В том, что он должен иметь в куренном селении дом, в коем жительствова, выполнять наравне с прочими жителями все повинности, а в хуторе не давать вора, разбойникам, никаким беглым и виновным и в письменном ведании сомнительным людям пристанища. Для чего ему Ломаке, и сей от Черноморской войско-вой канцелярией за подписью и печатью выдан Октября 10 дня 1815-ого года»⁵.

Тем самым, с позиций атрибуции исторического акта, мы видим «открытый лист» (билет) на обзаведение хутором для занятия скотоводством, который выдан 10 октября 1815 г. черноморскому казаку Щербиновского куреня (ныне это станица Старощербиновская, районный центр в Краснодарском крае) Матвею Ломаке, выступающему адресатом персонального владельческого акта. Причем, имеется четко обозначенная дата документа, определена его индивидуализированная принадлежность (имя и фамилия человека) с указанием социального статуса владельца (куренного казака) и места его проживания (Щербиновский курень). Более предметной адресации тогда не требовалось, ибо казаки в те времена приписывались по своим куреням, под которыми понималось куренное поселение, расположенное в конкретном месте, и бóльших пояснений изначально не предполагалось, поскольку самого названия куреня оказывалось вполне достаточно. Курень, по нашему авторскому определению, это исторически сложившаяся казачья община, выступающая носителем военного и культурно-хозяйственного уклада казаков, располагающаяся в одном и/или нескольких поселениях, как правило, имеющая собственное имя. В данном случае речь идет об одном из 38 коренных (изначально запорожских) куреней Черноморского казачьего войска, Щербиновском курене, переселившемся в конце XVIII в. в исторический регион Кубани, обосновавшемся на реке Ея и в близлежащих степных местах. Вовсе не случайно в билете делается отсылка на мнение куренного общества, подтверждающего исключительное право своего казака на отдельное

⁵ О прошлом и настоящем станицы НовоЩербиновской. Сборник статей / Сост. Г.В. Алексеенко. — Ростов н/Д.: Альтаир, 2012. — С. 19. Текст акта выверен нами по копии оригинала билета.

хозяйственное обзаведение на хуторе. Мнение куренного общества Черноморская войсковая канцелярия берет за основу при выдаче правоустанавливающего акта о собственности на землю: казак Щербиновского куреня Матвей Ломака охарактеризован как человек «честного поведения и ни в каких худых качествах не замечен», иначе говоря, куренное общество Щербиновского куреня полностью доверяло своему казаку и не фиксировало за ним никаких злоупотреблений в отношении соблюдения общественных интересов. Поэтому казак Ломака имел возможность с учетом поддержки куренного общества Щербиновского куреня получить желаемое свидетельство о праве собственности на землю, ибо под хутором в историческом контексте рассматриваемого нами артефакта понимался конкретный земельный участок с характерным для того времени описанием его координат при землеотведении на местности. Выданный билет являлся публичным заверением для Матвея Ломаки его легитимного владения хутором (тождественным земельным участком), с правом пользования уже освоенными им земельными угодьями и распоряжения этой землей с вполне определенным хозяйственно-экономическим назначением («для скотоводства»). Билет считался официальной бумагой (документом), предоставленной по частному запросу (ходатайству) хозяйствующего в хуторе субъекта уполномоченным властно-административным органом в результате осуществления последним необходимых регистрационно-управленческих действий с целью непосредственного подтверждения указанного права собственности на землю (реальный хутор) конкретного физического лица.

В качестве полномочного властно-административного органа Черноморского казачьего войска Российской империи, удостоверяющего личность и социальный статус владельца анализируемого документа, прописана Черноморская войсковая канцелярия. На левом широком чистом поле документа перпендикулярно основному тексту примерно посередине его начертания указан порядковый номер, очевидно соответствующий осуществлявшемуся общевойсковому делопроизводству Черноморской войсковой канцелярии (№ 11668). Не вызывает никаких сомнений тот факт, что войсковая канцелярия на 1815 г. считалась исполнительно-распорядительным властным органом в Черноморском казачьем войске, в сферу управленческой компетенции которой входили подобная юридическая обязанность и принадлежащее ей исключительное право на выдачу актов, подтверждающих право собственности на землю хозяйствующих субъектов, поскольку под хутором, еще раз подчеркнем, в данном случае понимался именно земельный участок, и его владелец, прежде всего, получал право собственности на земельный участок, а уж затем на возможное хозяйственное обзаведение (но по тем временам предполага-

ему хозяйственную деятельность прописывать вовсе не требовалось, поскольку такой порядок недвусмысленно подразумевался и ни в каких дополнительных разъяснениях не нуждался), хотя в нашем случае однозначно указывается в качестве единственной разрешаемой сферы ведущейся хозяйственной деятельности (сельскохозяйственной отрасли) для обозначенного хутора скотоводство. Именно войсковая канцелярия нарекла это письменное разрешение на земельное владение билетом (полагая такое название правоустанавливающего документа на земельную собственность вполне допустимым и удачным), присвоила ему свой порядковый номер, определила точную дату подтверждения права частной собственности на землю (10 октября 1815 г.), проставила оттиск гербовой печати (на нем изображен двуглавый орел с монархическими коронами над головами и приведена следующая круговая надпись «Его Императорского величества Черноморского войска»). Помимо заверения войсковой печатью, под документом имеются три подтверждающие подлинность владельческого акта на землю подписи: первая помещается сразу под текстом (подпись самого ответственного лица для Черноморской войсковой канцелярии), вторая приводится ниже уровня сделанного слева оттиска печати с указанием должности («полковой хорунжий»), третья еще ниже также с указанием должности («его [возможно также при прочтении сокращение — полковой] помощник»). Перечисленные выше реквизиты в полной мере свидетельствуют о достоверности анализируемого исторического источника. Очевидно, судя по текстуальному исполнению, билет, выданный Черноморской войсковой канцелярией, имел стандартную форму, где есть название документа, прописанный адресат, условия выдачи удостоверяющего акта, заверяющие реквизиты, размер бумажного листа, позволяющий складывать его в четверо, что и делал его владелец (как и его наследники) неоднократно, если обратить внимание на внешний вид сохранившегося в течение двух веков артефакта. Именно возможность складывать билет вчетверо сильно затруднила нам полное прочтение текста.

Отдельного внимания заслуживают условия, с учетом которых выдавался правоустанавливающий документ на земельный участок. Начнем с того, что речь шла о праве частной собственности на землю (хутор), причем хутор простой казак Матвей Ломака уже по нраву вольной заимки сам себе определил на берегах степной речки Ясени, и никого об этом не спрашивал, да и до поры до времени его делами никто не интересовался. Очевидно, неоднократно предъявленные Матвеем Ломаке административные претензии на законность его хозяйственного обзаведения заставили щербиновского казака ходатайствовать о выдаче необходимой бумаги на ранее обустроенный им хутор. А чтобы подтвердить свое

хозяйственное отделение от куренного общества он указал на преимущественное занятие скотоводством, по определению невозможного только в пределах куренного поселения. Также Матвей Ломака получил необходимую поддержку от куренного общества, говоря современным языком, ему подписали в родном курене положительную характеристику с указанием на достойное поведение и практическое отсутствие с его стороны делинквентных социально-психологических реакций.

Возведенный простым казаком Ломакой на берегу степной речки Ясени хутор занимал значительный земельный участок, но истинные размеры захваченных Матвеем по нраву вольной заимки земельных угодий войсковые власти в общем-то не беспокоили, ибо при больших и еще не освоенных земельных пространствах сам факт заимки их так уж особо не волновал, как вызывал встревоженность установленный факт самостоятельного хозяйственного обзаведения, отдельного от куренного общества, ведь, отделяясь в хозяйственном отношении от своего куреня, казак Ломака, так или иначе, все меньше участвовал в общественных делах, а соответственно не испытывал особого желания нести какие-либо общественные повинности. Вовсе не случайно в билете указывается на необходимость выполнять «наравне с прочими жителями все повинности» в качестве основного условия выдачи документа, для чего владелец хутора обязывался жить в своем доме в куренном селении, ибо только так, по мнению войсковых властей, он мог нести в полном объеме возлагаемые на него общественные повинности. Тем самым, под хутором во владельческом акте понимался исключительно земельный участок, расположенный на берегу степной речки Ясени, служившей постоянным местом водопоя для уже разведенного Матвеем Ломакой скота. Судя по всему, на Ясенях у казака располагался зимовник, где он круглогодично содержал свой скот, имелись временное жилье и загоны для скота, что хозяин называл «футором» и стремился непременно узаконить свое хозяйственное обзаведение.

В фонде войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска Государственного архива Краснодарского края мы обнаружили краткое, но детальное описание «футора» казака Максима Ломаки (здесь или допущена ошибка в указании имени владельца, или же речь идет о сыне Матвея Ломаки)⁶, датированное 1831 г. Оно позволяет расширить информационный потенциал анализируемого исторического источника. В найденном дополнительном документе сообщаются следующие важные сведения. При речке Ясени значится хутор казака Старощербиновского куреня Максима Ломаки, поскольку к тому времени уже появилось Новощербиновское куренное селение, а, соответственно, Щербиновское куренное селе-

⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 684. Л. 38.

ние стало называться Старощербиновским куренем. У хозяина степного казачьего хутора имелся необходимый правоустанавливающий документ, выданный Черноморской войсковой канцелярией 10 октября 1815 г. за № 11668, подтверждающий его исключительное право собственности на хутор (земельный участок). В 1818 г. на хуторе был возведен «дом приличной постройки», и при этом из хозяйственных обзаведений на 1831 г. числились: одна кладовая, два сарая, огороженный «досками родючий фруктовый разного рода сад», 30 голов рогатого скота и 30 овец. Хутор Максима Ломаки относился по существовавшей классификации к хуторам первого разряда Ейского округа Черноморского казачьего войска.

Владельческий билет на хутор выдавался Матвеем Ломаке «впредь до разсмотрения», что означало при соблюдении указанных в документе условий хозяин хутора приобретал индивидуализированное право частной собственности на уже имеющийся хутор, расположенный на степной речке Ясени, южнее куренного Щербиновского селения, хотя точные координаты месторасположения хутора не указывались, ибо тогда ещё межевания земель не производилось. Называется для выявления месторасположения хутора в качестве ориентира лишь речка Ясени, впадающая в озеро Ханское и протекающая южнее, параллельно более крупной реке Ея, но этого в те исторические времена оказывалось вполне достаточно, чтобы сориентироваться в степном пространстве. Причём, даже не обозначается берег речки: левый или правый, ибо для местных жителей этого не требовалось по определению, все и так знали, где именно обустроились со своим скотоводством Матвей Ломака.

От хозяина хутора, расположенного на берегу речки Ясени требовалось, помимо сохранения достойного социального поведения, отказа от совершения противоправных деяний, проживания в куренном селении Щербиновского куреня, выполнения всех возлагаемых на него общественных повинностей, никогда не представлять в хуторе места «ворам, разбойникам, никаким беглым и виновным», не допускать в хуторе «сомнительным людям пристанища». Тем самым, получая владельческий акт, Матвей Ломака принимал на себя обязательства по отказу от укрывательства разного рода преступников, беглых крепостных и иных сомнительных лиц. С большей долей вероятности (судя по информации 1831 г.) можно утверждать, что хозяин хутора для осуществления активной хозяйственной деятельности привлекал работников, жизненная траектория которых могла содержать некоторые своеобразные загогулины, беспокоившие власти, поэтому от него и требовали не допускать частного трудоустройства лиц, характеризующихся делинквентным поведением.

Оригинал исторического документа, выданного Черноморской войсковой канцелярией на устройство одного из хуторов, положивших

начало Ново-Щербиновскому куреню, сегодня хранится в Старощербиновском историко-краеведческом музее имени М. М. Постернак. Его случайно обнаружили на чердаке старой хаты, и он представлял собой ценную семейную реликвию одной казачьей семьи. Нам удалось сканировать этот артефакт, что и позволило осуществить источниковедческий анализ исторического документа актового характера.

Наш анализ показывает, что войсковое правительство Черноморского казачьего войска своими действиями по оформлению «открытых листов» (билетов) фактически вводило частную собственность на земли, принадлежащие всему войску, ибо подтверждало право казаков на вечное владение зафиксированными в войсковых актах, выданных Черноморской войсковой канцелярией, хозяйственными обзаведениями.

Также мы констатируем формирование хутора как особой поселенческой структуры, изначально направленной на поселенческую индивидуализацию его первоначальных жителей — черноморских казаков. Кош, а в большей мере вольная заимка создавали материально-хозяйственные основания для организации хутора, и, в свою очередь, хуторские поселения зачастую становились протостаницами. Но в первой половине XIX в. пока преобладала историческая тенденция небольшого хуторского поселения, частновладельческие хутора являлись своеобразным поселенческим лицом Черномории.

В стремлении быстрее освоить закреплённую территорию Правобережья Кубани, войсковое правительство Черноморского казачьего войска при всех коллизиях проводимой поселенческой политики в конце XVIII – первой половине XIX в., поддерживало развитие хуторских поселений при трёх условиях: наличии в куренном селении жилого дома с проживанием в нём хозяина, выполнении хуторянами наравне с прочими жителями куренных селений всех повинностей, отказа сомнительным людям в пристанище на хуторе.

**МНИМЫЙ «УКАЗ О ВОЛЬНОСТИ» 1855 г. И ДУХОВЕНСТВО:
К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ
В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматриваются крестьянские волнения, возникшие во время Крымской войны в связи с неверным истолкованием Высочайшего манифеста о созыве ополчения, воспринимавшегося как «указ о вольности». Показано положение, в котором оказалось при этом приходское духовенство: задачи, возложенные на него Синодом, попытка их реализации, а также отклик на действия духовного сословия в крестьянской среде.

Ключевые слова: Крестьянские выступления, Крымская война 1853–1856 гг., ополчение, духовенство, земля, воля.

Melnikova L. V.

**THE IMAGINARY «DECREE OF LIBERTY» OF 1855 AND
THE CLERGY: ON THE QUESTION OF PEASANT UNREST
DURING THE CRIMEAN WAR**

Abstract: The article deals with peasant unrest that arose during the Crimean War due to the misinterpretation of the manifesto on the convocation of the militia, which was perceived as a «decree of liberty». The situation in which the parish clergy found themselves at the same time is shown: the tasks assigned to them by the Synod, the attempt to implement them, as well as the response of the peasants to the actions of the priests.

Keywords: Peasant demonstrations, the Crimean War of 1853–1856, militia, clergy, land, will.

Весной 1855 г. в связи с выходом Высочайшего манифеста «О призывании к государственному ополчению» в семи губерниях Российской империи документ был истолкован превратно, что вызвало крестьянские волнения, в ходе которых пострадали десятки священнослужителей. Во время выступлений крестьяне предъявляли священникам требования о проведении массовой записи на военную службу, что, по мнению восставших, должно было сопровождаться освобождением их

¹ Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук, Россия, г. Москва, melnikova-lv@mail.ru

от крепостной зависимости и наделением земель. Особенно сильно это проявилось в Киевской губернии, где крепостное право установилось за полвека до рассматриваемых событий, и где еще свежа была память о казачестве, ассоциировавшемся с воинской службой и вольностью. Следует отметить, что Киевская губерния не была включена императором в район формирования ополчения (состоявший из 31 губернии), поскольку, наряду с Волынской и Подольской губерниями, несла квартирную и подводную повинности при проходе войск на Дунай.

Упомянутый манифест Николай I подписал 29 января 1855 г. Это было вызвано тяжелым положением русской армии на театре военных действий, а также угрожающей позицией Австрии, заключившей 2 декабря 1854 г. союзный договор с Англией и Францией. Как известно, правительство и прежде в период трудных военных столкновений прибегало к созыву ополчения (например, в 1806 г. и в 1812 г.), так как рекрутская система не позволяла существенно пополнить армию в ходе самой войны. Церковь, выполнявшая в России идеологическую роль, в таких случаях традиционно объясняла народу необходимость нового созыва и призывала к спокойствию и повиновению властям.

Уже в феврале 1855 г. Святейший Синод принял ряд мер, направленных не только на обнародование соответствующей информации, но и на разъяснение временного характера ополчения, участие в котором не должно было изменить социального статуса вступивших в него ратников. Принятые меры включали в себя: постановление Синода о прочтении во всех храмах страны манифеста и предписание о ежедневном совершении молитвы «о победе на супостаты»; издание воззвания Синода по случаю ополчения²; а также разработку распоряжений по Духовному ведомству³. Архиереи всех епархий должны были *секретными* наставлениями предписать священникам, чтобы они пристально следили за тем, не возникает ли в среде крепостных крестьян «каких-либо превратных толков» об ополчении или «беспокойств». В случае появления таковых где-либо преосвященные обязаны были «командировать туда самых благонадежных духовных лиц» для внушения крестьянам, «сколь сие преступно пред Богом и Его Помазанником, и недостойно православного русского народа». При необходимости архиереи по согласованию с губернаторами должны были принимать соответствующие обстоятельствам меры⁴.

² Воззвание от Святейшего Правительствующего Синода к чадам Православной Российской Церкви по случаю государственного ополчения // Христианское чтение. 1855. Ч. 1. — С. 246–251.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 32–36.

⁴ Там же. Л. 34 об – 36.

Чтение в церквах манифеста от 29 января 1855 г. и воззвания Синода послужило толчком к массовым крестьянским выступлениям в Киевской губернии. Несмотря на старания священников, ложные толкования манифеста все-таки возникли. Неукротимое желание получить волю и землю заставляло крестьян искать и находить в царских словах совершенно иной смысл.

Прежде всего крестьянам хотелось верить, что в ополчение возьмут всех желающих. В какой-то мере этому способствовали и неопределенные выражения манифестов периода Крымской войны. Например, в манифесте от 14 декабря 1854 г. «О воззвании к России по случаю настоящей войны» говорилось: «Буде нужно, мы *все*, царь и подданные... станем перед рядами врагов на защиту... безопасности и чести Отечества»⁵. В манифесте от 29 января 1855 г. отмечалось: «Обращаемся с сим новым воззванием ко всем сословиям государства, повелевая: приступить к *всеобщему* государственному ополчению»⁶.

Желание крестьян поступить на военную службу проявлялось в Киевской губернии еще до появления манифеста о созыве ополчения. Например, в октябре 1854 г. в «Киевских губернских ведомостях» была опубликована статья священника села Черкассы Васильковского уезда Михаила Вышинского о патриотическом настрое его прихожан. По словам священника, после прочтения им в храме манифеста от 9 февраля 1854 г. «О прекращении политических сношений с Англией и Францией» крестьяне говорили: «Пиши, отче духовный, до кого следует, что мы все ...готовы идти на войну за веру христианскую, за честь цареву и за родину»⁷. По словам протоиерея Петра Лебединцева, после выхода этой заметки среди крестьян впервые начались разговоры о том, что батюшка запишет их «в казаки»⁸.

Манифест от 29 января 1855 г. был воспринят в ряде мест губернии как призыв к немедленному всеобщему вступлению в ополчение с освобождением от исполнения барщины («панщины»). Прослушав текст манифеста, крестьяне часто просили священников составить списки желающих поступить на службу. Необдуманное согласие на это некоторых священнослужителей стало той искрой, из которой вскоре разгорелось пламя. Например, священник села Керданы Таращанского уезда Макарий Семинский в марте 1855 г. не только составил список крестьян, пожелав-

⁵ ПСЗ-II. Т. 29. № 28824.

⁶ Там же. Т. 30. № 28991.

⁷ Вышинский М., свящ. Потап Герасименко // Киевские губернские ведомости. 1854. № 42, 16 октября.

⁸ [Лебединцев П. Г., прот.] Записки протоиерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козацщине» 1855 г. // Киевская старина. 1900. Т. 70. № 7–8. — С. 3.

ших поступить в ополчение, но и привел их к присяге на верность Александру II. (Согласно манифесту от 25 ноября 1741 г., к присяге на верность императору в России приводились только лица свободных состояний.) Священник села Великая Волнянка того же уезда Иван Мельниковский собрал у 146 крестьян подписки на поступление в ополчение. По предписанию Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова) Семинский и Мельниковский были переведены в другие уезды с подпиской о воздержании впредь от подобных действий «под опасением лишения священнического сана»⁹. В том же уезде пресловутые «списки» составили также священник села Федюковка Павел Вышинский и священник села Веселый Кут Лисинский. Вскоре они также были определены в другие приходы.

Для наведения порядка в Таращанском уезде митрополит Филарет командировал туда протоиерея И. Мациевича. Для предотвращения появления превратных толков в других уездах губернии в течение марта 1855 г. из Киевской духовной консистории во все духовные правления были трижды разосланы соответствующие предписания¹⁰.

Однако, несмотря на принятые меры, крестьянские волнения в Таращанском уезде не прекращались. Более того, толки о начавшейся записи «в казаки» вскоре дошли до смежных уездов: Васильковского, Звенигородского, Сквирского и Уманского. По мере распространения превратные слухи, как снежный ком, обрастали новыми «фактами». В немалой степени этому способствовала активная деятельность дьячка села Федюковка Таращанского уезда Слотвинского, который разъезжал по селам и представлял крестьянам указ 1806 г. об ополчении как современный царский указ, якобы укрываемый духовным и гражданским начальством. При этом он записывал желающих «в казаки», беря за каждую запись по 2,5 коп. Возмутитель общественного спокойствия вскоре был арестован¹¹. Тем не менее брошенная им идея о существовании «настоящего» царского указа об ополчении (понимавшегося в качестве «указа о вольности»), скрываемого сговорившимися с «панами» священниками, пришлась крестьянам по душе. Они стали толпами приходить к пастырям с требованием выдать им их «добро» (указ о вольности) и записать «в казаки». Откуда-то взялась информация, что записаться нужно непременно к концу Фоминой недели (до 9 апреля 1855 г.). Неуместные шутки некоторых лиц типа «Записывайтесь скорее, а то опоздаете» воспринимались всерьез и только подливали масла в огонь. Началась смута.

Весной 1855 г. крестьянские волнения охватили 9 из 12 уездов Киевской губернии: Таращанский, Васильковский, Сквирский, Каневский, Зве-

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 391. Л. 11–12.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.–12 об.

¹¹ Там же. Л. 13.

нигородский, Киевский, Уманский, Черкасский и Чигиринский, наиболее сильно проявившись в первых четырех. Крупнейшие эпизоды крестьянского движения развернулись на территории имений князя П. П. Лопухина (местечко Корсунь и ряд других сел Каневского уезда), помещика А. С. Понятовского (местечко Таганча того же уезда), а также графов братьев Браницких. Последнее имение, с административно-хозяйственным центром в селе Белая Церковь, занимало огромную площадь с населением более 100 тыс. человек православного вероисповедания. В него входили 2/3 Васильковского уезда, по 1/3 Таращанского и Каневского, 1/4 Звенигородского, а также части Черкасского и Радомысловского уездов¹².

В общей сложности в той ли иной степени смута затронула около 500 сел, примерно в 100 из них действия крестьян были направлены непосредственно против священников¹³. Принцип действия был примерно одинаковым: явившись к священнику, крестьяне требовали выдать им их «добро» и записать «в казаки». Никакие объяснения не помогали. Крестьяне отказывались верить, что указа о вольности не существует. Они искали его в домах священников, в храмах. Народное воображение рисовало этот указ написанным золотыми буквами, украшенным крестом и золотыми кистями по углам. В порыве запальчивости крестьяне нередко проявляли по отношению к священникам грубость и неуважение. Например, упоминавшегося автора патриотической заметки Вышинского прихожане ночью стащили с кровати, выволокли во двор и, «всячески терзая», в течение нескольких часов заставляли предъявить им необходимые документы. Испугавшись за свою жизнь, Вышинский написал заявление на имя исполняющего должность Киевского военного губернатора князя И. И. Васильчикова, что крестьяне села Черкасс, деревень Поправка и Быковая Гребля желают поступить на военную службу. Отдав эту бумагу крестьянам, священник поспешил уехать в Белую Церковь¹⁴.

Предъявление требований часто сопровождалось бранью и угрозами. Священников называли «хриstopродавцами», «кровопийцами», «царскими брехунами» (т. е. лгущими именем царя, искажающими его слова)¹⁵. Около 10 священнослужителей, подобно Вышинскому, с испуга дали крестьянам какие-то бумаги. Чаще всего это был ни к чему не обязывающий

¹² Ясинский М. Н. К истории крестьянских движений в России. Волнения помещичьих крестьян Киевской губернии в 1855 году. — Киев, 1890. — С. 18.

¹³ Фруменкова Т. Г. Православное духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. — С. 14–15.

¹⁴ Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 7.

¹⁵ [Ковальский А., свящ.]. Посмертный рассказ о. Антония Ковальского. (К истории крестьянских волнений в Киевской губернии 1855 г.) // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 181; Сикорский В., прот. Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г. // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. — С. 92.

перечень крестьян села, без упоминания о «казачестве» и «вольности». Слухи о таких «добрых священниках», якобы объявивших волю, широко распространялись в крестьянской среде и заставляли остальных еще сильнее терзать своих «упрямцев». Восставшими были задержаны 33 служителя Церкви. Их насильственно «брали из домов» и под караулом водили в другие села, где крестьяне уже якобы получили указ о вольности, или, наоборот, запирали в жилищах или в церкви, не давая возможности оттуда выбраться. 19 священнослужителей подверглись избиениям и пыткам¹⁶.

Одним из наиболее пострадавших был протоиерей села Малая Березна Сквирского уезда Василий Сикорский, в течение недели (причем, Пасхальной) терпевший побои и издевательства от крестьян. Позднее он подробно описал свои злоключения¹⁷. Еще одним пострадавшим, оставившим воспоминания, был священник села Мироновка Каневского уезда Антоний Ковальский¹⁸.

Восстановить порядок гражданское и духовное начальство первоначально пыталось мирными средствами. В середине марта 1855 г. И. И. Васильчиков предписал всем исправникам Юго-Западного края «действовать с осторожностью, отнюдь не дозволяя крайних мер». «Употребление воинской силы и вразумление крестьян наказаниями» следовало допустить только в том случае, «если бы крестьяне, не слушая вразумлений, оказали сопротивление властям»¹⁹.

В марте 1855 г. для опровержения ложных слухов и успокоения крестьян в наиболее волнующиеся уезды Васильчиков командировал две особые комиссии. В Васильковский и Сквирский уезды были направлены генерал-майор корпуса жандармов Белоусов, исполняющий должность гражданского губернатора коллежский советник Веселкин и чиновник особых поручений капитан С. Громеко; в Таращанский и Каневский уезды — чиновник особых поручений подполковник Афанасьев и советник Киевского губернского правления К. К. Янкулио²⁰. Комиссиям предписывалось «не охлаждать проявившихся чувств преданности крестьян Государю», но выявить тех, «кои подстрекают крестьян и утверждают их в заблуждении»²¹. В состав второй комиссии по распоряжению митрополита Филарета вошел протоиерей Петр Лебединцев, описавший исполнение этой миссии в воспоминаниях²². Он констатирует, что убеждения уполномо-

¹⁶ Фруменкова Т. Г. Указ. соч. — С. 15–16.

¹⁷ Сикорский В., прот. Указ. соч. — С. 85–105.

¹⁸ Ковальский А., свящ. Указ. соч.

¹⁹ Цит. по: Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 19–21.

²⁰ Ясинский М. Н. Указ. соч. — С. 14–15.

²¹ Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 21–22.

²² Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч.

моченных в ряде мест Таращанского и Каневского уездов действовали на крестьян положительно, однако во многих селах найти общий язык с восставшими не удалось²³.

После первых бесед с крестьянами Лебединцев в рапорте на имя митрополита Филарета изложил свои впечатления и их требования: 1) крестьяне «не хотят работать барщины и платить податей под предлогом готовности служить Богу и Государю и хотят быть вольными казаками в надежде, что им будут даны земли»; 2) «к сему увлекают их ложные слухи и примеры сел Черкас, Кердан и Федюковки, священники которых, по их словам, получили будто крест и звезду за приведение прихожан своих к присяге»; 3) «побуждением решиться идти в казачество послужили притеснения со стороны помещичьих экономий, обременение их разными повинностями, бедность, ...а недоверие к священникам происходит от того», что последние «не принимают их жалоб, тогда как при введении инвентарных правил²⁴ объявлено было, ...что крестьяне должны обращаться к священнику в случае недоразумений или излишних требований со стороны помещика»²⁵.

Нередко выдвигаемое восставшими требование передать крестьянам всю помещичью землю, что не мог содержать в себе пресловутый «указ о вольности», даже если бы он существовал, заставляет предположить, что превратные толки были использованы вожаками как повод для того, чтобы выдать желаемое за действительное и поднять восстание. В пользу этого предположения говорит, в частности, еще один эпизод из воспоминаний Лебединцева. В Таганче после долгих и бесплодных переговоров один крестьянин тихо сказал протоиерею: «Батюшка, мы и сами хорошо знаем, что такого указа нет, но нам хочется, чтобы он был»²⁶.

После провала «политики увещания» правительство было вынуждено использовать крайние меры. В марте – апреле 1855 г. в различных местах Киевской губернии были сосредоточены войска: три дивизиона резервной легкой кавалерийской дивизии, 6-й резервный батальон Белевского егерского полка и пять рот сапер²⁷. В ходе усмирения крестьянских выступлений оружие было применено в трех местах: деревне Быковая Гребля Васильковского уезда, селе Березна Сквирского уезда и селе Корсунь Каневского уезда. Это была вынужденная мера, ибо во всех трех случаях крестьянские отряды, вооруженные дубинами и топорами,

²³ Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 42–45.

²⁴ Инвентарные правила, регулировавшие отношения между помещиками и крепостными крестьянами, были введены в Киевской и некоторых других губерниях 26 мая 1847 г. Вторая редакция была утверждена 29 декабря 1848 г.

²⁵ Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 6–7.

²⁶ Там же. С. 39.

²⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 20, 22 об., 31 об., 38, 49.

оказали неповиновение воинским частям, более того, пытались напасть на них и разоружить солдат. В Быковой Гребле в ходе вооруженного столкновения (1 апреля) 5 крестьян были убиты и 4 ранены²⁸, в Березне (3 апреля) — 20 крестьян убиты и 40 ранены²⁹, в Корсуне (10 апреля) — по разным данным, от 11 до 13 крестьян убиты и от 23 до 27 ранены³⁰. В последнем случае погиб также унтер-офицер Белевского егерского полка Сидоров³¹.

В остальных местах обошлось без кровопролития. Одного присутствия воинских частей хватило, чтобы крестьяне успокоились и даже выдали зачинщиков волнений. Несколько предводителей были арестованы, преданы суду и приговорены к тюремному заключению. Наиболее активные участники волнений были публично высечены розгами, остальные просто распущены по домам. «Вразумление крестьян наказаниями» было проведено в селах Шкаровка и Трушки Васильковского уезда, в селах Кагарлык, Шубовка, Липовец Киевского уезда, а также в местечке Таганча Каневского уезда. В Таганче экзекуция была одной из самых сильных, после ее проведения 20 чел. из 40 наказанных были отправлены для лечения в больницу. В большинстве случаев, где крестьян удалось переубедить, экзекуции не применялись.

Весной 1855 г. всплеск народного движения произошел также в ряде великорусских губерний: Саратовской, Нижегородской, Самарской, Пермской, Воронежской и Симбирской. События повсеместно разворачивались сходным образом. Услышав манифест от 29 января 1855 г. и воззвание Синода, крестьяне выражали стремление поступить на службу, надеясь получить за это свободу от крепостной зависимости. В ряде районов, как и в Киевской губернии, крестьяне перестали ходить на барщину, требуя у священников выдачи «указа о вольности». Во всех губерниях, кроме Воронежской, куда были вызваны войска, крестьянские волнения удалось остановить при помощи полиции и духовенства³².

Таким образом, весной 1855 г. священники Киевской и некоторых других губерний подверглись нападению со стороны прихожан, требовавших выдать им несуществующий царский указ о вольности и записать их в ополчение. Многие священнослужители повели себя при этом достойно: терпя оскорбления и истязания, они продолжали объяснять крестьянам истинное положение вещей. Поскольку некоторые священни-

²⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5496. Л. 22–23.

²⁹ Там же. Л. 26–27.

³⁰ Там же. Л. 46–46 об.; Ковальский А., свящ. Указ. соч. С. 390; Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 45.

³¹ Лебединцев П. Г., прот. Указ. соч. — С. 45–46.

³² Фруменкова Т. Г. Указ. соч. — С. 16–17.

ки совершили необдуманные поступки, приведшие к усилению смуты, то после восстановления порядка в ряде мест власти пытались возложить вину за происшедшее на духовенство. Священники, составившие списки желающих поступить в ополчение, а также наиболее пострадавшие в результате волнений, были переведены в другие приходы. Несколько церковнослужителей, обвиненных в подстрекательстве, были арестованы и осуждены. Несмотря на допущенные духовенством просчеты, полагаем, что вряд ли правомерно всерьез возлагать на него ответственность за происшедшее. Причина смуты коренилась в существовавшей крепостнической системе, заставлявшей крестьян использовать любые слухи как надежду на освобождение и как повод для борьбы за свободу.

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОСТЗЕЙСКИХ ГУБЕРНИях И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

Осмысление опыта аграрных преобразований в Остзейских губерниях 1804–1856 гг. занимает важное место в процессе разработки концепции крестьянской реформы 1861 г. – до осени 1858 г. этот вариант рассматривался как основная модель освобождения крестьян в империи. Крестьянская война в Эстляндии заставила монарха осенью 1858 г. скорректировать план аграрной реформы.

Ключевые слова: Российская империя XIX в., правительственная политика, крестьянский вопрос, аграрные преобразования в Прибалтике, крестьянские комитеты Николая I, реформа П. Д. Киселева, инвентарная реформа в западных губерниях.

Rujnickaya I. V.

AGRARIAN TRANSFORMATIONS IN THE OSTSEE PROVINCES AND THE PEASANT REFORM OF 1861

The understanding of the experience of agrarian reforms in the Baltic provinces of 1803–1856 occupies an important place in the process on the formulation of the concept of peasant reform in whole Empire. The peasant war in Estland forced the monarch in the autumn of 1858 to correct the plan of agrarian reform.

Key words: the nineteenth-century Russian Empire, government policy, the peasant question, agrarian transformations in the Baltic countries, the peasant committees of Nicholas I, the reform of P.D. Kiseleva, inventory reform in the western provinces

Сложившаяся в либеральной историографии конца XIX – начала XX в. традиция начинать историю крестьянской реформы 1861 г. с 1857 г. была поддержана советской историографией. Подобный подход бытует до сих пор. Это ошибочное видение проблемы, что в свое время отмечали Н. М. Дружинин и Л. Г. Захарова. Реформа 1861 г. выросла «из преобразовательных попыток» всей первой половины XIX в.²

¹ Ружицкая Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук, Россия, г. Москва, iraruz@gmail.com.

² Дружинин критикует господствующее в научной литературе мнение, будто бы «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» «были сконструированы заново в течение трех лет без всякой предварительной подготовки и без каких бы то ни было юри-

Начало масштабным переменам в положении крепостных было положено при императоре Александре I. Годы его правления, как вообще вся первая половина XIX в. — это время активизации правительственной деятельности в отношении крепостного права, можно говорить о целенаправленном поиске путей переустройства существующих отношений между помещиками и их крестьянами и о реализации некоторых вариантов этого переустройства. Именно при Александре I были воплощены в жизнь три *модели* освобождения крестьян, две из которых были прошли апробацию в Прибалтике.

Итак, первая модель — личное освобождение крестьян с наделением их земель в собственность за выкуп. Ее законодательным воплощением стал указ 20 февраля 1803 г. о свободных хлебопашцах, по которому помещики могли отпускать своих крестьян на волю с предоставлением им земельных наделов *в собственность*, при этом за личную свободу и за землю крестьяне должны были платить. В указе впервые был определен порядок отпуска крепостных на волю и сформулирован принцип крестьянской реформы — освобождение крестьян с землей за выкуп, а также прописан их юридический статус — они наделялись всеми гражданскими правами и становились свободными людьми³.

На следующий день после выхода указа о свободных хлебопашцах были изданы «особые правила» по его реализации (21 февраля 1803 г.). В этом документе, помимо варианта по которому крестьяне становились свободными собственниками земли, есть и положение о возможности предоставлении им земли во владение или пользование за определенные повинности «по жизнь помещика или навсегда», т.е. положение о наследственной семейной аренде земли⁴.

Эта идея нашла свое воплощение в 1804 г. в Лифляндии и Эстляндии. Ровно через год после издания указа о свободных хлебопашцах 20 февраля 1804 г. были издано Положение для поселян Лифляндской губернии⁵,

дических предпосылок». Подобный подход характерен и для Л. Г. Захаровой, отметившей связь отмены крепостного права с предшествовавшим законодательством (Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 2: Реализация и последствия реформы. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 551; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. — М.: Издательство Московского университета, 1984. 254 с. — С. 3, 90.

³ Первое полное собрание законов (далее — ПСЗ-1). Т. 27. № 20620. Об отпуске помещиком крестьян своих на волю, по заключению условий, на обоюдном согласии основанных.

⁴ ПСЗ-1. Т. 27. № 20625. Высочайше утвержденные правила, постановленные в руководство министру внутренних дел при рассмотрении условий между помещиками и крестьянами по указу 20 февраля 1803 г., предварительно одобренные Советом на заседании 9 февраля 1803 г.

⁵ ПСЗ-1. Т. 28. № 21162. Указ Сенату от 20 февраля 1804 г. с приложением высочайше утвержденных Положений для поселян Лифляндской губернии и Инструкции Ревизионным комиссиям для определения их повинностей.

декларировавшее прикрепление ограниченно свободных крестьян к земле путем предоставления ее в семейное наследственное пользование; это рассматривалось как переходный этап на пути к окончательному освобождению с выкупом наделов. Это была вторая модель крестьянского освобождения и первый этап остзейской аграрной реформы.

По Положению 1804 г. крестьяне объявлялись прикрепленными к земле, а не к личности помещика, их запрещалось продавать, покупать и закладывать без земли. Крестьяне делились на хлебопашцев (дворохозяев и безземельных) и дворовых. Дворохозяева получили право передавать свои усадьбы по наследству, таким образом, устанавливалась наследственная семейная аренда земли. Барщина ограничивалась двумя днями в неделю, а повинности определялись в зависимости от доходности земли. Помещики не могли произвольно расширять свою запашку за счет крестьянских наделов и увеличивать размер повинностей. Частично изменялся правовой статус крестьян. В том же году, в августе, подобное положение было принято и для Эстляндской губернии⁶. Таким образом, в Лифляндии и Эстляндии фактически началось проведение *инвентарной реформы*, затянувшееся до начала 1820-х гг.⁷

Прибалтийскую реформу 1804 г.⁸ нельзя рассматривать лишь в региональном аспекте, она является «важной вехой в политике российского самодержавия по крестьянскому вопросу»⁹. По мнению Б. Н. Миронова, Прибалтика использовалась «как полигон для проведения экспериментальных реформ с целью найти оптимальный вариант отмены крепостного права в России». С ним солидаризируются и другие современные историки, занимающиеся историей крестьянского вопроса в первой половине XIX в.: В. М. Бокова, А. Н. Долгих.

Эстляндское дворянство, недовольное тем, что ему было запрещено присоединять надельные земли крестьян к своей, сразу начало борьбу против реализации Положения 1804 г. Еще до начала войны 1812 г. оно добилось согласия монарха на его пересмотр. 23 мая 1816 г. в Эстляндии началась реализация третьей, самой невыгодной для крестьян, моде-

⁶ Положение об эстляндских крестьянах и их повинностях от 27 августа 1804 г. В ПСЗ отсутствует, так же, как и более поздние указы об отмене личной зависимости прибалтийских крестьян в Эстляндии (1816), Курляндии (1817) и Лифляндии (1819) и Эстляндское Положение 1856 г.

⁷ Инвентарная реформа — опись границ, состава и состояния помещичьих имений, в соответствии с которыми устанавливались размеры наделов и повинностей крестьян. С середины 1830-х гг. стала рассматриваться как переходная ступень на пути к окончательному освобождению крестьян.

⁸ В 1805 г. документы реформы были дополнены изданием Положения о крестьянских судах Эстляндии.

⁹ Долгих А. Н. Лифляндское положение 1804 г. в имперском аспекте... — С. 19.

ли освобождения — без земли. Был дан старт второму этапу остзейской реформы: в 1817–1819 гг. она была распространена на Курляндию и Лифляндию.

Бесперспективность и ошибочность безземельного освобождения были признаны только в конце 1830-х гг., когда проявились результаты реформы 1816–1819 гг. К началу 1830-х гг., а реформа была рассчитана на 14 лет, все категории крестьян получили личную свободу, но часть их лишилась земли. Это привело к снижению уровня доходов крестьян — тех, которые арендовали землю у помещиков, и тех, кто ее потерял. Это беспокоило правительство с точки зрения учета фискальных интересов и внутренней безопасности: потерявшие землю крестьяне пролетаризировались или пополняли ряды маргиналов. На официальном уровне пришло понимание, что «безземельное освобождение хуже, чем крепостное право» (формулировка из протокола одного из секретных комитетов с участием наследника престола Александра Николаевича¹⁰). Оптимальным вариантом «крестьянской эмансипации» в конце 1830-х гг. было признано личное освобождение крепостных и превращение их в наследственных арендаторов помещичьей земли. Налицо сценарий дополнений к указу о свободных хлебопашцах и остзейских преобразованиях 1804 г.! Такое освобождение рассматривалось как первый этап реформы, предусматривавшей в отдаленной перспективе выкуп крестьянами арендуемых наделов.

В связи с отказом от безземельного освобождения крестьян, в 1839 г. был создан секретный Комитет (функционировал до 1842 г.) для пересмотра положения указа 1803 г. об обязательном выделении свободным хлебопашцам помещичьей земли в *собственность*, поскольку на практике это положение останавливало землевладельцев, желавших освободить своих крестьян. Задачей Комитета, по замыслу министра государственных имуществ П. Д. Киселева, согласованному с Николаем I, было поставить процесс превращения крепостных в лично свободных наследственных арендаторов помещичьей земли под контроль государства. План министра был подвергнут в Комитете резкой критике. Киселев вынужден был отказаться от первоначального замысла — законодательного нормирования наделов и повинностей обязанных крестьян, т.е. проведения *инвентарной реформы*.

В итоге появился указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, носивший рекомендательный характер, который воплотил идею договорного пользования земельным наделом за отработываемые повинности,

¹⁰ Из журнала Комитета 1 марта 1846 г. (РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV Архива Государственного совета. Д. 148. Л. 11 об.); см. также: Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. — М.: ИРИ РАН, 2005. — С. 104–109).

предоставив определение конкретных условий добровольному соглашению сторон¹¹. По замыслу Киселева, претворение в жизнь указа 1842 г. даже в таком виде должно было создать благоприятные условия для следующего шага: выкупа крестьянами их наделов. Именно поэтому Николай I рассматривал указ об обязанных крестьянах как первый этап общего аграрного преобразования и многого ждал от его реализации. 30 марта 1842 г., собираясь в Государственный совет на заседание, посвященное указу, он сказал императрице: «благослови меня, жена, я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян»¹².

Договорное пользование крестьянами земель помещиков, декларированное в указе об обязанных крестьянах — ничто иное, как «облегченный» вариант прибалтийской реформы 1804 г.

Закон 2 апреля 1842 г. сыграл важную роль в формулировании *теоретических основ освобождения*: «по умолчанию» он предполагал предоставление личной свободы крестьянам *без выкупа*, и определял механизм их перехода из крепостного состояния, существенно отличавшийся от процедуры освобождения по закону 1803 г. об свободных хлебопашцах¹³.

Принципиально важным представляется тот факт, что благодаря указу 2 апреля 1842 г. был найден *оптимальный* путь проведения аграрной реформы, при котором помещики сохраняли собственность на землю, а крестьяне получали ее в пользование или, по терминологии 1830–1840-х гг., в *оброчное содержание*, с перспективой в отдаленном будущем непрерывного превращения надела в собственность.

Подобное изменение концепции крестьянского преобразования потребовало *корректировки* остзейской реформы 1816–1819 гг., положения которой были пересмотрены в двух специальных комитетах — в Главном комитете для рассмотрения предположений лифляндского ландтага об улучшении быта лифляндских крестьян, (1842–1846 гг.), и в Остзейском комитете, созданном в 1846 г.¹⁴

¹¹ ПСЗ-2. Т. 17. № 15462.

¹² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж, отец, император. — М.: Слово/Slovo, 2000. — С. 286.

¹³ Указ об обязанных крестьянах сыграл большую роль в изменении правового статуса крепостных. Это был прорыв в крестьянском законодательстве, поскольку, как первым отметил В. О. Ключевский, «на почве закона 1842 г. только и стало возможно Положение 19 февраля, первая статья которого гласит, что крестьяне получают личную свободу “без выкупа”», по умолчанию, что и вошло в Положения 1861 г. (Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч. в 9 тт. — М., 1989. Т. 5. — С. 255).

¹⁴ Другое название Комитета 1842–1846 гг. — Комитет для рассмотрения проекта правил, относящихся до улучшения положения лифляндских крестьян; Остзейский комитет или Комитет остзейских дел просуществовал до 1876 г.

В результате его работы 9 июля 1849 г. было издано Лифляндское крестьянское поземельное уложение (и к 1846 г. подготовлено такое же для Эстляндии, но стараниями местных помещиков оно было утверждено только в конце 1854 г.). Целью Лифляндского крестьянского поземельного уложения стало при сохранении дарованной крестьянам в 1816 г. личной свободы дать им возможность приобретать землю в собственность или, по крайней мере, обеспечить за ними *пользование* землей (за повинности), а также способствовать уничтожению барщины, которая была признана вредной как для крестьян, так и для помещиков и допущена была лишь временно по невозможности сразу совершенно ее устранить (кстати, с 1845 г. в Эстляндии и Лифляндии размер барщины был ограничен «высшей нормой»)¹⁵. Уложение 1849 г. предписывало вновь созданным особым комиссиям в течении пяти лет разграничить господские (мызные) и крестьянские земли, последние помещик в дальнейшем мог отдавать в аренду и продавать, но только «своим» крестьянам. Условия аренды земли должны были быть основаны на добровольном соглашении, а договоры должны были заключаться на определенный срок — от 6 до 50-ти лет. Очень важным представляется, что был определен минимальный срок договора, до этого обычной практикой были договоры, заключаемые всего на год¹⁶. Для облегчения приобретения крестьянами земли учреждался «Крестьянский непрерывно-доходный банк» (он выдавал ссуды крестьянам на выкуп земли под 4 %). И, хотя в донесениях Третьего отделения отмечалось низкая результативность деятельности этого банка¹⁷, сама попытка правительства «освоить» опыт приложения кредитной операции к устройству быта крестьян¹⁸ представляется крайне важной для перспектив решения крестьянского вопроса.

Аналогичное Положение было высочайше утверждено в 1856 г. и для Эстляндии¹⁹. Прибалтика стала экспериментальным полем для «репетиции» крестьянской реформы в Российской империи, с аграрных преоб-

¹⁵ «Уж не от того ли балтийское дворянство так искренне возненавидело барщину и так любило оброк, о котором (по крайней мере, в Лифляндии и Эстляндии) они до того времени не хотели и слышать», — писал Ю. Н. Самарин (Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос... Т. 2. — С. 619).

¹⁶ Россохина А. В. Решение земельного вопроса при освобождении крестьян в Остзейских губерниях в 1816–1819 гг. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. — С. 82–88.

¹⁷ Там же. С. 84 (См. также: РГИА. Ф. 1282. Оп. 14. Д. 836. Л. 6, 15).

¹⁸ Семевский В. И. Крестьянский вопрос... Т. 2. — С. 618–619.

¹⁹ Положение о крестьянах Эстляндской губернии 5 июля 1856 г. СПб., 1856. — Положение предусматривало необходимость люстрации земли и ее межевания (с целью отделения крестьянской земли от помещичьей).

разований в этом регионе началось ее «поэтапное проведение»²⁰. На территории Остзейских губерний были опробованы, по крайней мере, две модели или два варианта освобождения. Один из них — безземельный — был отвергнут, поскольку не оправдал надежд ни власти, ни дворянства. Вариант «свободных хлебопашцев» к этому времени был отодвинут в отдаленное будущее. Таким образом две модели освобождения были забракованы или признаны несвоевременными. Зато в копилку опыта была положена *концепция* реформы, попытка реализации которой была предпринята в 1804 г., в 1849 и 1856 гг. в Лифляндии и Эстляндии, и внедрение которой в имения великорусских губерний сорвалось в 1842 г.

Констатация этого факта важна еще и потому, что на начальном этапе подготовки крестьянской реформы 1861 г. остзейский путь аграрных преобразований рассматривался как наиболее оптимальный. Это подтверждается записками товарища министра внутренних дел А. И. Левшина конца 1856 – середины 1857 гг. (с 1856 г. работа над проектом реформы велась в МВД под его руководством). Так, в записке 26 июля 1857 г. «подтверждалось значение прибалтийского опыта освобождения крестьян в качестве образца для будущей реформы»²¹. Левшин пояснял, что имеет в виду не законы 1816–1819 гг. о безземельном освобождении, а акты 1849 и 1856 гг., предусматривавшие *превращение крестьян в наследственных арендаторов помещичьей земли с перспективой выкупа наделов*. Такое освобождение он рассматривал как «среднюю точку между безземельным и полноземельным состоянием крестьянина»²². Ошибочно мнение, что такой подход означал «обезземеливание абсолютного большинства крестьян»²³. Это была попытка закрепить за крестьянами в постоянное пользование обрабатываемые ими земли при сохранении всей земли в собственности помещиков, т.е. речь шла о наследственной семейной аренде. Этот сценарий вполне мог воплотиться в реальность на территории всей империи, о чем свидетельствуют записки Левшина 1856–1857 гг. и Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. А. С. Меншиков в январе 1858 г. записывает в дневнике: «Из слов деятелей я вижу, что к нашим русским имениям хотят применить положение для эстлянд-

²⁰ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия... Т. 2. — С. 177. Ср.: Александр I «избрал ареной первого эксперимента в этой области [аграрной – И. Р.] окраину Российской империи — Лифляндию, где стала готовится реформа, осуществленная в 1804–1805 гг.» (Бокова В. М. А. М. Бакунин и его трактат «Условие помещика с крестьянами» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 5. — С. 67).

²¹ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 119.

²² РГИА. Ф. 1180. Оп. XV. Д. 13. Л. 7–9 об. Левшин ссылается на императора: «Сам государь указывал на Курляндию как на пример».

²³ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. — С. 119.

ских крестьян 1856 г.»²⁴. Между тем утвержденное в 1856 г. Положение для Эстляндии было опубликовано только в конце апреля 1858 г. Положение предусматривало необходимость люстрации земли и ее межевания с целью отделения крестьянской земли от помещичьей. Невозможность в одночасье провести межевание земли не устраивало крестьян, кроме того, в тексте закона ничего не говорилось о вспомогательной барщине, из чего крестьяне сделали вывод, что она отменяется. Они отказывались выполнять ее, в связи с чем Эстляндии начались крестьянские волнения, переросшие в т.н. «войну в Махтра» — вооруженное выступление эстонских крестьян в 1858 г. Оно продолжалось с апреля по июль, охватило всю губернию и было подавлено с применением армии.

Император отправил в Эстляндию генерал-майора свиты Н. В. Исакова, рапорт которого шефу жандармов (8 июня) и две докладные монарху (14 июня — краткий обзор событий и их анализ; более подробно о причинах — конец сентября), по желанию последнего представленного в Главный комитет по крестьянскому делу, существенно ослабили позиции основной части его членов, склонявшихся к проведению реформы по остзейскому образцу. Записки Исакова убедительно опровергали версию о бесконфликтных последствиях отмены крепостного права в Остзейских губерниях, а его выводы были однозначны: следовать прибалтийскому образцу опасно. «Война в Махтра» 1858 г. стала одним из факторов (некоторые исследователи полагают, что решающим), повлиявших на изменение концепции земельной реформы осенью 1858 г. Эстонские историки Лиги и Кахк полагали, что события в Эстляндии стали основным фактором изменения позиции председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева. Они оказали большое влияние и на императора Александра II. К осени 1858 г. он окончательно отказался от «остзейского» варианта освобождения крестьян и признал, что конечной целью реформы должно быть наделение крестьян землей сначала в пользование за повинности, затем в собственность за выкуп при сохранении дворянского землевладения.

В результате осенью 1858 г. был пересмотрен подход к общеимперской аграрной реформе: вариант С. С. Ланского — А. И. Левшина, рассматривавший прибалтийский вариант как основной, был заменен вариантом Н. А. Милютина, предусматривавшим выкуп крестьянами их наделов в собственность. Именно с этого момента меняется концепция реформы: ее конечной целью провозглашается превращение крестьян в собственников земли и самостоятельных хозяев.

²⁴ РГИА. Ф. 728. Оп.1. Д. 2538 а. Л. 4.

МАНИФЕСТ ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ТАМБОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ

В статье изучается восприятие крестьянством Манифеста об отмене крепостного права, реакция деревни на экономические и политические изменения. Исследуются действия местной власти.

Ключевые слова: крестьянство, отмена крепостного права, деревня, волнения, пореформенный период.

V. P. Nikolashin

MANIFESTO ON THE ABOLITION OF SERFDOM AND TAMBOV

The article examines the perception of the peasantry of the Manifesto on the abolition of serfdom, the reaction of the countryside to economic and political changes. The actions of local authorities are being investigated.

Key words: peasantry, abolition of serfdom, village, unrest, post-reform period.

Тамбовская губерния в XIX в. была очагом крупного помещичьего землевладения и, в связи с этим, территорией проживания широкого слоя крестьянства, поэтому осуществляемые в стране аграрные преобразования для Тамбовщины являлись событиями особой важности, следствием которых были глубокие сдвиги в области региональной экономики, демографии, экологии, местного социума в целом.

Импульсы социально-экономического развития страны в 30-е гг. XIX в. вступили в противоречие с существующей феодально-крепостнической системой. Процесс нарастающего кризиса охватил и Тамбовскую губернию. Уже с 1840-х гг. началось ее перенаселение. Возраставшее демографическое давление обуславливало активизацию крестьянского движения. Столкновение двух противоборствующих общественно-политических сил — тамбовского крестьянства и местного дворянства — вело к социальным протестам, восстаниям и бунтам крестьян еще до утверждения Манифеста 19 февраля 1861 г.

Сведения о нарастающей напряженности постоянно отправлялись в центр. Так, в донесении тамбовского губернатора К. К. Данзаса мини-

¹ Николашин Вадим Павлович, доктор исторических наук, заместитель директора по инновационной работе технопарка «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Россия, г. Тамбов, nikolashin.vadim@yandex.ru.

стру внутренних дел С. С. Ланскому (от 21 мая 1858 г.), составленном на основании сообщения Усманского предводителя дворянства, сообщалось об отказе помещичьих крестьян Усманского уезда подчиняться местным властям и своим владельцам. В нем отмечалось, что «...с недавнего времени в некоторых помещичьих имениях ... обнаружился в крестьянах дух строптивости, сопровождаемой грубостями ближайшему начальству и ослушаниями распоряжениям его... Такое вредное направление крестьян г. предводитель относит к появившимся в журналах и газетах рассуждениях о наделе крестьян землею...»².

30 июля 1858 г. тамбовский вице-губернатор И. А. Окунев сообщал в донесении министру внутренних дел С. С. Ланскому об отказе крестьян Козловского уезда подчиняться их владельцам и полицейским. Аналогичная ситуация сложилась в соседних имениях помещиков Вырубова, Кузовлевой и Ралгина, где взбунтовавшиеся крестьяне «по случаю превратного понятия о вольности вышли из всякого повиновения владельцев, делают дерзости, грубости и разные своеволия, работы господские выполняют лениво... дух непокорности дошел до того, что когда он [исправник] приехал на место и потребовал к себе крестьян, то из первых двух имений они совсем не явились, а из последнего хотя и пришли, но после разбирательства, когда он хотел наказать виновных, то не дозволив сего, наделали шума и оказали сопротивление...»³. Исправник для восстановления правопорядка вызвал военную роту солдат 18-го стрелкового батальона.

23 февраля 1861 г., накануне оглашения Манифеста об отмене крепостного права, тамбовский помещик В. П. Маслов сообщал главному тамбовскому исправнику о том, что крестьяне вместе с приказчиком Иваном Янсиным, «будучи отправлены в Моршанск с хлебом... с тем, чтобы оттуда привезти лес, на что крестьяне оттуда лес не повезли, а требовали от Янсина за повоз леса на каждую подводку по два рубля...»⁴. Когда приказчик ответил отказом на выдвинутые требования, крестьяне, несмотря на ожидаемые объяснения с помещиком, разошлись по домам. Таким образом, крестьяне выражали свое неприятие изживавшей себя формы внеэкономического принуждения — барщины. По свидетельству источников, подобные выступления и откровенный саботаж помещичьих приказов накануне отмены крепостного права в Тамбовской губернии имели массовый характер.

В Тамбове Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости был получен с 7 на 8 марта 1861 г. Его доставил генерал-майор

² И пыль веков от хартии отряхнув... Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. — С. 98.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 7132. Л. 2, 2-об.

Ф. Ф. Винценгероде и передал губернатору К. К. Данзасу. Губернатор принял все необходимые меры, дабы донести царскую волю до населения: «Еще до приезда барона губернатором были избраны чиновники в курьеры для доставления манифеста во все уезды и одновременно по возможности объявления его по всей губернии; курьерские тройки для них везде были наготове, а исправникам и становым приставам было предписано ждать в городах этих посланцев и, по получении от них манифеста, немедленно отправиться для обнародования его во всех помещичьих имениях»⁵. 10 марта Манифест был объявлен в Тамбове, 11 марта — в ближайших городах, 12 марта — в отдаленных городах, к 20 марта «во всех уездах его объявили исправники и становые приставы»⁶.

Учитывая настроения крестьянства накануне опубликования Манифеста, власть как в центре, так и на местах, максимально мобилизовала административно-управленческий аппарат. Министерством внутренних дел рассылалась специальная инструкция с предписанием порядка вызова полицейских команд для подавления возможных крестьянских выступлений. Губернаторам направлялись ведомости расположения штабов войск на территории губерний для обращения в случае необходимости к ближайшему воинскому начальнику. Особые указания давались полиции⁷.

По свидетельству официальных источников, сам процесс обнародования Манифеста в Тамбовской губернии не вызвал всплеска социального протеста. Из материалов докладов командования корпуса жандармов по Тамбовской губернии следует, что документ крестьянами был встречен равнодушно в силу понимания «как дарованных им преимуществ, так и отношений их к помещикам, на землях которых они поселены, и, может быть, и вследствие разочарования в исполнении несбыточных надежд обладать всею землею помещичьих имений»⁸.

В сообщении представителя тамбовской ученой архивной комиссии П. А. Дьяконова от 14 марта 1890 г. отмечаются и более оптимистичные настроения тамбовчан: «Обнародование Манифеста всюду производилось с подобающей торжественностью и сопровождалось всеобщими ликованиями. Энтузиазм, вызванный величием совершившегося факта, проявился в сильной степени даже среди помещиков... помещики, по прочтении манифеста в церквях и после благодарственного молебна, пригла-

⁵ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Избранное. — Т. 2. Тамбов. 2009. — С. 124.

⁶ ГАТО. Ф.26. Предисловие. Л. 3.

⁷ См.: Фурсов В. Н. Черноземная деревня в первые месяцы проведения в жизнь реформы 1861 г. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX—начало XX вв.). — Вып. 3. — Тамбов. — 2000. — С. 25.

⁸ Фурсов В. Н. Черноземная деревня в первые месяцы проведения в жизнь реформы 1861 г. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX—начало XX вв.). — Вып. 3. — Тамбов. — 2000. — С. 26.

шали к себе бывших крепостных людей, и, поздравляя их с царской милостью, по русскому обычаю, первые выпивали по чарке вина за здоровье императора, и затем угощали крестьян, которые, единодушно с ними, благословляя и превознося имя великого и доброго государя, благодарили и своих помещиков»⁹. Далее П. А. Дьяконов сообщал, что в день объявления Манифеста в Тамбове после литургии местные дворяне отправилась к губернатору на прием, прославляя за обеденным столом императора Александра II и дворянство, благородно отказавшееся от крепостного права.

Усилия местных властей не прошли даром. Через два месяца после обнародования Манифеста губернатор К. К. Данзас был пожалован орденом Святой Анны 1-й степени, а наиболее усердные в деле пропаганды Манифеста тамбовские чиновники удостоились высочайшего благоволения.

Таким образом, на начальном этапе реализации реформы местные власти ее не блокировали. Более того на первых порах ее проведения оживилась деятельность Губернского правления в силу организации новой отрасли управленческого производства. Местная администрация под руководством губернаторов возложила на себя ответственность по разнообразным вопросам земельного устройства, организации суда и общественного управления крестьянами¹⁰. Вместе с этим перед местными властями встала новая не менее важная задача — организовать крестьянское самоуправление под надзором губернаторов.

Необходимость контроля над крестьянами в чрезвычайных условиях реформирования осознавали все представители тамбовской управленческой элиты. Тамбовский предводитель дворянства Н.А. Никифоров в письме губернатору К. К. Фредериксу (15 марта 1861 г.) писал: «Я совершенно верю в необходимость высказать мой взгляд вмешательства правительства во все действия такого юного народа как наш...»¹¹. При этом «вмешательство» местные управленцы, в первую очередь, расценивали как физическое принуждение, жесткий контроль над крестьянами во всех сферах их деятельности. Как показала практика, методы жесткого контроля и принуждения не возымели должного эффекта при организации «крестьянского дела».

Реформа 1861 г. освободила тамбовских крестьян от личной зависимости относительно помещиков, вместе с тем сохранилось их экономическое бремя, обрекающее на растущее из года в год малоземелье. Формы зависимости крестьян от помещиков были разнообразными. Во-первых,

⁹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии Избранное. Том 2. — Тамбов. 2009. — С. 125.

¹⁰ См.: Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). — М., 2001. — С. 82.

¹¹ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7120. Л. 7-об.

тамбовские крестьяне выплачивали помещикам за полученные наделы 30,3 млн руб., что на 7,5 млн руб. превышало рыночные цены. В пореформенный период росли стоимость земли и арендные цены, в результате выкупные платежи за полученную крестьянами землю примерно в два раза превысили ее рыночную стоимость и тяжелым бременем легли на крестьянское хозяйство. Во-вторых, малоземелье заставляло крестьян арендовать землю у помещиков даже на самых тяжелых условиях¹².

Ситуация усугублялась и другими обстоятельствами. Так, около 60 тысяч крестьян (главным образом в Козловском, Лебедянском и Усманском уездах) предпочли в 1861 г. получить так называемые «четвертные» наделы. В черноземной полосе «четвертной» надел составлял около 3 десятин земли, что в крестьянском хозяйстве было недостаточным для простого воспроизводства. Для компенсации дефицита продукции с собственных наделов тамбовским земледельцам приходилось наниматься в качестве сельскохозяйственных рабочих к помещикам и зажиточным односельчанам, арендовать землю. Все это побуждало крестьян к борьбе против помещиков, в которых они видели главных виновников своих бед. Не разубедили крестьян так и не давшие ни «земли», ни «воли» Положения. Узнав о выкупе за землю, временно обязанном состоянии, «отрезках» тамбовские земледельцы не поверили в подлинность царского Манифеста. В деревнях стали распространяться слухи о том, что господа «подменили волю». Так, один из бывших крепостных помещицы Воейковой (Бокинской волости Тамбовского уезда) на сходе заявил: «Уставные грамоты мы не хотим, будем ждать новой воли». В ответ на эти заявления в село прибыла военная команда с целью высечь недовольных. Возмутившиеся крестьяне подверглись порке¹³. Угроза потери контроля над ситуацией толкала местные власти на применение силы.

Раскрепощенные, но обманутые в своих ожиданиях крестьяне пошли по пути открытого сопротивления власти, в первую очередь местной. Крупные волнения охватили большинство уездов Тамбовской губернии: Козловский (имения Верещагиной, Григорьевой, Рахманинова, Черкасова), Тамбовский (имение Урнижевского), Моршанский (имение Васильевой, Безобразовой), Усманский (имение Баранова), Спасский (имение Гагарина) и др. Большинство восстаний сопровождалось истреблением и расхищением барской собственности, но, с точки зрения местных властей, не представляло серьезной опасности для общественного порядка, быстро умиралось мировыми посредниками и полицией¹⁴.

¹² Крестьянское движение 1905–1907 гг. в Тамбовской губернии. Сборник документов. — Тамбов, 1957. — С. 6.

¹³ История Тамбовской области. Изд. 2-е. — Воронеж, 1971. — С. 37.

¹⁴ Тамбовская энциклопедия. — Тамбов, 2004. — С. 274.

К 1865 г. тамбовское крестьянство перешло от открытого сопротивления властям к пассивным методам борьбы с новыми порядками. Отчасти это нашло отражение в накопившихся недоимках, величина которых к октябрю 1865 г. составила 3 млн руб.¹⁵ Аграрное движение не прекратилось, а лишь временно приостановилось.

В пореформенный период русский мужик по-прежнему мечтал о «земле и воле», не получив ожидаемого сполна, он не терял надежды. Тамбовские земледельцы весной 1862 г. говорили, что «царь все-таки даст землю рано или поздно, безвозмездно нам, крестьянам»¹⁶. Даже жесткая и оперативная реакция властей на любые крестьянские толки о скором изъятии «всей земли, оставшейся у помещиков»¹⁷, о дележе «господской и купеческой земли по равному между всеми»¹⁸ не могла заставить крестьян забыть свою давнюю мечту.

Вникнув в суть «освободительной механики», пореформенные крестьяне стремились прекратить «обязательные отношения с помещиками»¹⁹, уходя либо на четвертные надель, либо стремясь их выкупить. Помещики были вынуждены считаться с настроениями крестьянства, при этом, не отказываясь от эксплуатации «освобожденного» сословия.

В первые пореформенные годы тамбовская власть несмотря на свои политические задачи, действовала по сходному с крестьянами сценарию. Однако, в отличие от крестьянства, перед губернскими властями стояла задача созидать, создавать условия для реализации реформы в рамках существовавшего правового поля. Требовались изменения в области развития аграрного сектора региона в новых условиях перехода страны к рыночной экономике и генезиса элементов гражданского общества.

Складывавшиеся веками общинные традиции не отвечали модернизационным процессам второй половины XIX в. Разрубить «узел» противоречий были призваны совместными усилиями представители центральной и местной исполнительной власти. Последние старательно выполняли все направляемые им из столицы предписания и указания, в большинстве случаев отказываясь от выдвижения собственных прогрессивных идей, опасаясь ущемить интересы «благородного сословия», пополнявшего ряды местного чиновничества.

¹⁵ ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1635. Л. 74.

¹⁶ ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1017. Л. 2.

¹⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1872. Л. 2.

¹⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2157. Л. 1-об.

¹⁹ ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1627. Л. 175-об.

ПРОМЫСЛЫ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ПЕТЕРГОФСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

На основе опубликованных материалов показано распределение рабочей силы между земледелием и промыслами в крестьянских дворах Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX века. Отмечены особенности использования в экономике крестьянского хозяйства мужского и женского труда. Затронут вопрос о территориальном размещении промыслов. Охарактеризовано влияние Санкт-Петербурга на хозяйственную и бытовую жизнь крестьян Петергофского уезда.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская губерния, Петергофский уезд, крестьянство, сельское хозяйство, земледелие, крестьянские промыслы, отходничество.

Nikulín V. N.

CRAFTS IN THE LIFE OF THE PEASANTS OF THE PETERHOF DISTRICT OF THE ST. PETERSBURG PROVINCE (LATE XIX-EARLY XX CENTURY)

Basing itself on published materials, the article shows the labour force's distribution between agriculture and other occupations among the peasant households of Peterhofsky Uyezd, located in the St. Petersburg Governorate, in the late XIX-early XX century. It notes the particular qualities of the uses of male and female labour in peasant household economics. Additionally, the article raises the issue of occupations' territorial distribution. It also characterizes the influence of St. Petersburg on the economic and everyday lives of Peterhofsky Uyezd's peasants.

Keywords: St. Petersburg Governorate, Peterhofsky Uyezd, peasantry, agriculture, farming, peasant occupations, seasonal work.

Природно-климатические условия Петергофского уезда в значительной степени определяли хозяйственные занятия сельского населения. Скудная почва, малоземелье, низкая урожайность и суровый климат не позволяли обеспечить всем необходимым крестьянское хозяйство. К концу XIX в. производство зерна не покрывало и половины потребностей в нём. Сотни крестьян не могли найти применения своему труду в сфере

¹ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград, nikuliny@mail.ru.

сельскохозяйственного производства. Они вынуждены были заниматься различными ремёслами, местными и отхожими промыслами, чтобы прикупить на заработанные деньги недостающий хлеб, одежду, обувь и другие промышленные товары. Недаром губернская администрация не раз отмечала необходимость развития кустарного производства как условия роста благосостояния «населения в такой неземледельческой местности, как С.-Петербургская губерния»².

Петергофский уезд занимал центральную часть столичной губернии, на юго-востоке он граничил с Царскосельским уездом, а на юго-западе — с Ямбургским уездом. На севере земли уезда выходили к южному побережью Финского залива. Такое административно-территориальное положение Петергофского уезда и близость его волостей к столице империи оказывали решающее влияние на все направления хозяйственной деятельности крестьян, в том числе и на промыслы. Недаром во всеподданнейшем отчёте за 1871 г. губернатор Санкт-Петербургской губернии И. В. Лутковский отметил, что «близость столицы» предоставляет крестьянам «лёгкую возможность к хорошо оплачиваемым заработкам»³. Позднее во всеподданнейшем обзоре за 1888 г. о положении дел в подведомственной ему губернии граф С. А. Толь, характеризуя ситуацию с крестьянскими промыслами, написал: «...если же местами промыслы, издавна занимающие крестьян, ослабели, то уменьшение заработка, в этих случаях, восполнялось отхожими промыслами в столице, где редко прекращается надобность в рабочих руках для того или другого дела»⁴.

Сельское население ближайших к Санкт-Петербургу волостей всегда могло рассчитывать на работу в городе. Своего хлеба для пропитания крестьянам не хватало до конца года, поэтому они рассчитывали на сторонние заработки «которые и находят в С.-Петербурге и расположенных вблизи городах»⁵. Как отмечали современники «каждая взрослая девушка или женщина, отправляясь в столицу, питает полную уверенность найти себе тотчас же место в услужении»⁶. Об интенсивности отхожих промыслов можно судить по количеству выданных крестьянам паспортов и билетов волостными правлениями (см. табл. 1)⁷.

² Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1888 год. — СПб., 1889. — С. 2.

³ Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1871 год. — СПб., 1872. — С. 6.

⁴ Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1888 год. — СПб., 1889. — С. 2.

⁵ Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1901 год. — СПб., 1902. — С. 4.

⁶ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 157.

⁷ Там же.

Таблица 1

Число паспортов и билетов,
взятых крестьянами-отходниками в 1881 г. (по волостям)

Волость	Паспорта			Билеты			Паспорта и билеты		
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего
Бегуницкая	349	296	645	108	9	117	457	305	762
Витинская	304	191	495	92	16	108	396	207	603
Воронинская	476	453	929	117	33	150	593	486	1079
Гостилицкая	506	599	1105	38	14	52	544	613	1157
Губаницкая	388	281	669	78	16	94	466	297	763
Ковашевская	178	59	237	123	18	141	301	77	378
Копорская	698	482	1180	317	53	370	1015	535	1550
Медушская	412	466	878	71	41	112	483	507	990
Ораниенбаумская	32	42	74	–	–	–	32	42	74
Ропшинская	332	311	643	190	82	272	522	393	915
Шунгоровская	118	105	223	2	3	5	120	108	228
Итого	3793	3285	7078	1136	285	1421	4929	3570	8499

С учетом того, что крестьян трудоспособного возраста в уезде проживало 26 тыс. человек получается, что из них более 8 тыс. рассчитывали преимущественно на сторонние заработки за пределами своей деревни. При этом следует учитывать, что крестьян, которых не могли удовлетворить доходы от работы в родной деревне, было больше, чем тех, кто брал в волостных правлениях документы для отхода⁸.

При подворной переписи 1900 г. в Петергофском уезде было зафиксировано 11095 крестьянских хозяйств. В 348 (8,5 % общего числа дворов) из них крестьяне занимались исключительно земледелием, в 8666 (81,7 %) хозяйствах занимались земледелием наряду с промыслами и население 1573 (14,8 %) крестьянских дворов было занято только промыслами. Между различными занятиями рабочая сила в петергофской деревне распределялась неравномерно (см. табл. 2).

⁸ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1893 год. — СПб., 1895. — С. 216.

Распределение работников по видам занятий (в %)⁹

Занятие	% занимавшихся		
	крестьян	крестьянок	крестьян и крестьянок
Исключительно земледелием	10,3	43,5	27,0
Земледелием и промыслами	50,8	34,3	46,1
Только промыслами	38,9	22,2	26,9
Итого	100	100	100

Данные таблицы 2 убедительно свидетельствует, что на рубеже XIX–XX столетий распределение рабочей силы в деревне Петергофского уезда между сельским хозяйством и промыслами было не в пользу земледельческих занятий. Только чуть более ¼ всего трудоспособного населения было занято исключительно в сельском хозяйстве, в то время как труд ¾ крестьян и крестьянок в той или иной степени был связан с промыслами.

Зимой, когда крестьяне чаще всего отправлялись в отход, многие деревни почти полностью пустели. В Воронинской волости 7 крестьян из 10 идут в отхожие промыслы, в Копорской волости — 8 из 10, в Гостилицкой, Ковашевской и Медушской — 5 из 10 земледельцев. Крестьяне и крестьянки уходили, как правило, в города своей губернии, преимущественно в Санкт-Петербург и Кронштадт. Значительным был отход крестьян на заработки из южных волостей, где земледелие было более развито, нежели в северной части уезда. Так из Бегуницкой волости на заработки уходило до 44 % мужчин-работников, Витинскую волость в поисках сторонних заработков покидало не менее 40 % крестьян, в Губаницкой волости до 38 % крестьян оставляли своё хозяйство и отправлялись на промыслы.

На заработки, преимущественно в качестве услуги, стремилось уйти много женщин и девушек. Так в Воронинской волости 55 % женщин и девушек трудоспособного возраста, живших в волости, предпочитали промысловый отход занятиям сельским хозяйством, в Витинской волости — 49 %, в Гостилицкой — 46 %¹⁰. В отдельных случаях из деревни уходило на заработки больше женщин, чем мужчин. Крестьянки брали больше

⁹ Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Петергофский уезд. — СПб., 1911. — С. 2.

¹⁰ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 158.

годовых паспортов и уходили на более продолжительный срок, чем мужчины. Зато крестьяне чаще брали краткосрочные билеты на срок до 3-х месяцев¹¹.

Уездные земские деятели отметили такую особенность в соотношении уходивших на сторону крестьян к общему числу мужчин, находившихся в трудоспособном возрасте, — «сторонние заработки развиты тем сильнее, чем дальше какая-либо местность от столицы»¹². Так из Шунгоровской волости, расположенной вблизи столицы, уходило на заработки до 7 % взрослого мужского населения, из Ропшинской волости, отстоявшей дальше от Санкт-Петербурга — до 37 %, из Гостилицкой — до 44 %, из Медушской до 49 %, из Воронинской — до 70 %, а из Копорской волости, расположенной на границе с Ямбургским уездом, в отход отправлялось уже не менее 80 % крестьян. Такая картина с отходом складывалась потому, что крестьянские хозяйства в волостях, близко расположенных к столице, развивались так, что крестьяне, не переселяясь в город (в этом случае им необходимо было брать в волостном правлении билет либо паспорт), всегда находили пеший или конный заработок. Заготовка леса, песка, камня, извести для строительства, ломовой и легкой извоз давали крестьянам надёжный заработок.

Среди отхожих промыслов наибольшее значение для крестьян имел извоз: ломовой — транспортировка различных грузов, и легкой — перевозка пассажиров. Различными видами извозного промысла охвачено было до 1/3 всех крестьянских хозяйств уезда, участвовавших в промыслах. В 1900 г. более 3300 крестьянских хозяйств в которых извозом занимались свыше 3100 крестьян заработали в общей сложности свыше 1 млн 130 тыс. руб. — в среднем по 333 руб. на хозяйство¹³. Крестьяне, занимавшиеся дальним ломовым извозом в Ораниенбаум и Кронштадт, за зимний сезон зарабатывали до 100 руб. на хозяйство¹⁴.

В извозе принимали участие в различном соотношении крестьяне всех волостей уезда. Так в Витинской и Гостилицкой волостях участвовали в извозе до 25 % крестьянских дворов, в Бегуницкой, Губаницкой и Медушской — до 30 % дворов, в Воронинской — до 50 % дворов. Фактически каждый 5-й крестьянский двор, так или иначе, был связан с извозным промыслом.

¹¹ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1893 год. — СПб., 1895. — С. 218.

¹² Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 158.

¹³ Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Петергофский уезд. — СПб., 1911. — С. 19.

¹⁴ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1906 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1906 году. — СПб.: 1907. — С. 120.

Как правило, крестьяне-домохозяева занимались извозом, используя свою лошадь, зимой кошеву (или розвальни), а в летнюю пору — легковую коляску. Крестьяне-безлошадники нанимались в работники. Из 221 крестьянина Бегуницкой волости, что занимались легковым извозом в столице, 8 человек трудились наёмными работниками за 6–8 руб. в месяц. В Медушской волости из 180 извозчиков, промышлявших извозом в Санкт-Петербурге, наёмными работниками были 28 крестьян. Были среди извозчиков крупные предприниматели, имевшие по несколько десятков лошадей, необходимую упряжь и экипажи — летние и зимние, прибегавшие к найму работников. В Воронинской волости жили 32 крестьянина, имевшие в общей сложности 245 лошадей, которые приносили своим владельцам солидный доход. Крестьянин Спиридон Федотов, проживавший в селе Заозерье Бегуницкой волости, имел 40 лошадей и 20 экипажей, что позволяло ему получать только в зимний период до 4 тыс. руб. прибыли, поскольку использование 1 лошади в извозном промысле в среднем приносило ему доход в 100 руб.¹⁵

Крестьяне-извозчики, имея приличный заработок в столице, постепенно рвали связи со своими хозяйствами, возвращаясь в деревню только для выполнения таких трудоемких работ, как сенокос и заготовка дров на зиму. Со временем такие крестьяне перебирались вместе с семьей в город, сохраняя чисто формальную связь с общиной только уплатой податей и передачей своего надела в аренду кому-нибудь из односельчан.

Из ремёсел, продукция которых сбывалась в городах, преимущественно в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Ораниенбауме в Петергофском уезде существовали корзиноплетение и керамическое производство. Изготовление корзин было широко распространено в Бегуницкой, Гостилицкой (д. Горлово, Каменка, Мишелово, Порожок, Сорки), Медушской и Ораниенбаумской волостях. Всего этим промыслом в уезде занимались 243 семьи. В среднем каждый рабочий, занятый плетением корзин, зарабатывал до 95 руб. в год¹⁶. По сообщениям земских корреспондентов «во многих деревнях этому промыслу посвящает труды не менее половины хозяйств»¹⁷. Продукция местных мастеров отличалась высоким качеством и пользовалась, поэтому, большим и устойчивым спросом. Два корзинщика из д. Мишелово и Порожок, участвовавшие в кустарной выставке в столице, получили за свои изделия медаль и похвальный лист¹⁸.

¹⁵ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 161.

¹⁶ Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Петергофский уезд. — СПб., 1911. — С. 33.

¹⁷ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1907 г. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1907 г. — СПб., 1909. — С. 163.

¹⁸ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1902 и 1903 годы. Вып. 1.

Крестьяне плели чёрные (для хранения и перевозки угля) и белые (бельевые) корзины из ивовых и рябиновых прутьев для продажи в столице. Бельевые корзины продавали по 30–45 коп, дорожные корзины-сундуки с крышкой — по 2 руб. и дороже. Дело было весьма прибыльным, общий годовой заработок корзинщиков достигал суммы в 23 тыс. руб., некоторые крестьянские семьи, занимавшиеся плетением корзин, за год зарабатывали до 375 руб.¹⁹ В Медушской волости семья из 3-х человек, занимающаяся плетением корзин, зарабатывала от 100 до 240 руб.²⁰

Гончарное ремесло по сравнению с плетением корзин было развито слабее. Обширные природные запасы пригодной для обжига глины способствовали развитию гончарного промысла и кирпичного производства. Центром промысла были Гостилицкая волость, а также волости Медушская и Ораниенбаумская. В этих волостях изготовлением разнообразной посуды занимались до 100 крестьянских дворов. Сезон работ длился с октября по март или с сентября по апрель. Всё зависело от конъюнктуры рынка; рост спроса на изделия гончаров сопровождалось увеличением рабочего времени и наоборот.

Глину для будущих изделий крестьяне заготавливали с осени. Привезённую на двор глину гончары месили, при этом удаляли сор и мелкие камни, доводя её до однородного состояния. Для изготовления посуды крестьяне сооружали на дворе отдельные помещения, где устанавливали гончарный круг и печь для обжига изделий. Вылепленную посуду ставили на полки, расположенные вдоль стен, и сушили от двух суток до недели в зависимости от времени года, температуры в помещении и на улице, а также от влажности воздуха. После сушки изделия помещали в печь для обжига. В номенклатуру изделий входили молочные крынки, чайники, чашки, кружки, кувшины, сливочники и тарелки. Эта продукция была предназначена в основном для удовлетворения запросов сельских жителей.

Годовая выручка всех гончаров колебалась от 22 до 23 тыс. руб. в год. Изготовленная керамика сбывалась в соседних деревнях и в Петербурге, или самими гончарами, или через скупщиков.

Почти третья часть крестьян занимались местными «заработками». Так называли свою работу на лесозаготовках и в каменоломнях деревенские жители. Распределение крестьян, занятых «заработками», было неодинаковым по волостям: от 74 % крестьянских дворов в Ковашевской волости и 71 % в Ораниенбаумской волости до 10 % в Гостилицкой и

Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1902 и 1903 гг. — СПб., 1905. — С. 176.

¹⁹ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 164.

²⁰ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1912. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1912 г. — СПб., 1913. — С. 129

12 % в Бегуницкой и Копорской волостях. В Ковашевской и Ораниенбаумской волостях практически все население деревень участвовало в рубке леса, пилке и вывозке лесоматериалов с делянок. В этих работах наряду с мужчинами активно участвовали женщины и подростки. Крестьяне из д. Бор, Клясино и Кожерицы Медушской волости занимались возкой дров на Забородскую писчебумажную фабрику и «заработали на общество около 2000 руб., часть которых употреблена на харчи и прокорм лошадей, а большая часть пошла на уплату повинностей и недоимок»²¹. В Копорской волости 1/3 крестьян из д. Подмошье, Ивановка, Копорье и Широкая и 2/3 жителей д. Горбовица и Петровица Воронинской волости трудились на возке брёвен и дров для Калищенского стеклянного завода, принадлежавшего Северному промышленному обществу²². Зарплата пешего работника не превышала 15 руб. в месяц, а рабочего с лошадью — 30 руб.

Отдельные разбогатевшие крестьяне становились лесопромышленниками, покупали десятинами лес, преимущественно у помещиков, активно использовали наёмных рабочих. Так у крестьянина д. Устье Петра Евдокимова работники с лошадью при заготовке дров в зимнее время зарабатывали по 60 коп. в день, грузчики дров — по 15 коп. с куб. сажени²³. Не всегда лесные промыслы давали необходимый заработок всем желающим крестьянам. Губернатор граф С. А. Толь в своем всеподданнейшем отчёте за 1881 г. вынужден был отметить, что малоснежная зима 1880–1881 гг. препятствовала вывозке лесных материалов с делянок и поэтому заработки крестьян были минимальными²⁴.

В примыкавших к побережью Финского залива волостях преобладали промыслы, связанные с заготовкой и доставкой в Санкт-Петербург, Гатчину и Кронштадт различных строительных материалов: ломка и возка плиты, добыча булыжника, извести и песка.

В заключение можно констатировать, что в Петергофском уезде в конце XIX – начале XX в. главным занятием крестьян становятся промыслы, а не земледелие. Если в сельскохозяйственном производстве преобладал женский труд, то в промыслах доминировал труд мужчин. Благодаря близости уезда к столице империи сложилась ситуация при которой численность крестьян, занятых различными промыслами, незначительно превышала численность крестьянок, трудившихся преимущественно в качестве услуги в Санкт-Петербурге.

²¹ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1897 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1896–1897 сельскохозяйственном году. — СПб.: 1898. — С. 125.

²² Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1898 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1897–1898 сельскохозяйственном году. — СПб.: 1899. — С. 112.

²³ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. — СПб., 1882. — С. 165.

²⁴ Обзор Санкт-Петербургской губернии за 1881 год. — СПб., 1882. — С. 4.

**ПОНИМАНИЕ «ДУХОВНОСТИ» ВЕЛИКОРУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье рассматривается понимание «духовности» великорусского крестьянства рубежа XIX–XX вв. в отечественной историографии. Анализируются исследования дореволюционных, советских и современных авторов.

Ключевые слова: духовность; религиозность; дореволюционные исследователи; советское время; современная историческая наука.

Sviridov I. S.

**UNDERSTANDING «SPIRITUALITY» OF THE GREAT
PEASANTRY OF THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES.
IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY**

The article discusses the understanding of the «spirituality» of the Great Russian peasantry at the turn of the XIX–XX centuries in Russian historiography. The research of pre-revolutionary, soviet and modern authors is analyzed.

Keywords: spirituality; religiosity; pre-revolutionary studies; Soviet times; modern historical science.

Под духовностью нами понимается специфически человеческое качество, характеризующее мотивацию и смысл поведения личности, недоступное ни животному, ни моделирующим действия человека машинам. Духовность — позиция ценностного сознания, свойственная всем его формам — нравственной, политической, религиозной, эстетической, художественной, но особенно существующая в сфере моральных отношений. Понятие «духовность» производно от «духа»; этим термином издавна обозначается то, что противоположно субстанциональной основе бытия — «материи». Духовность в христианской этике связывается с внутренней чистотой и умиротворенностью, со скромностью и послушанием; она «беспристрастна и нелицемерна»².

¹ Свиридов Илья Сергеевич, методист, Выставочный зал «Страницы истории», Россия, г. Чалыгин, Липецкая обл., ilya.sviridov.1992@mail.ru.

² Духовность // Словарь по этике. Под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. Изд. 6-е. — М.: Политиздат, 1989. — С. 87–88.

Однако необходимо уточнить, что религиозность от духовности отличается тем, что религиозность представляет собой качество индивида, проявляющееся в вере и поклонении священному и сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений, как в религиозной, так и в нерелигиозной сферах³.

Традиционно историографию принято разделять на три периода: до-революционный, советский и современный.

Тема духовности великорусского крестьянства активно поднималась *дореволюционными исследователями*.

К группе исследователей относятся те, которые изучали духовность и религиозность современного им великорусского крестьянства. Детальному анализу подверглись отношение крестьян к Богу, благотворительность и взаимопомощь крестьян, подача милостыни и уход на богомолье и т.д.

Так, причины русского нищенства пытался выяснить Д. А. Линеv⁴.

Проблеме взаимоотношений сельских пастырей и их прихожан особое внимание уделил В. Д. Кузьмин-Караваев, который считал, что «обилие праздников, особенно в летние месяцы, характерное бытовое явление русской деревни»⁵.

Пристальное внимание сектантству уделял в своих работах исследователь раскола А. С. Пругавин. Он выяснил территорию распространения сектантских идей и основные мотивы зарождения сект⁶. Автор подчеркивал, что «вера важнее всего; мало быть добродетельным, безупречной нравственностью человеком, необходимо быть верующим»⁷. Детальное исследование посвятил теме сектантства Тамбовской губернии М. Третьяков⁸.

Также отметим обстоятельную работу В. Н. Терлецкого⁹ и исследование о курском сектантстве¹⁰. Так, В. Н. Терлецкий писал: «Происхождение

³ Религиозность // Словарь по этике. Под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. Изд. 6-е. — М.: Политиздат, 1989. — С. 288.

⁴ Линеv Д. А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. — СПб.: Изд. В. Демакова, 1891. — 44 с.

⁵ Кузьмин-Караваев В. Д. Деревенские праздники и свадьбы // Земство и деревня. 1898–1903. Статьи, рефераты, доклады, речи. — СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1904. — 444 с.

⁶ Пругавин А. С. Алчущие и жаждущие правды. Очерки современного сектантства. — СПб.: А. С. Суворин, 1882. Кн. I. — 165 с.; Пругавин А. С. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. — СПб.: Изд. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. — 210 с.

⁷ Пругавин А. С. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. — СПб.: Изд. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. — С. 208.

⁸ Третьяков М. Сектантство Тамбовской губернии. — СПб.: Изд. «Колокол», 1910. — 46 с.

⁹ Терлецкий В. Н. Очерки, исследования и статьи по сектантству. — Полтава: Электр. тип. Г. И. Маркевича, 1911. — 256 с.

¹⁰ Курское сектантство. Очерки современного состояния епархиального сектантства. — Курск, 1905. — 67 с.

сектантства почти всегда стоит в связи с недостатками и пороками, наблюдаемыми в жизни православных, и представляет собою протест против них. Выступая с протестом, сектанты, естественно, на первых порах стараются удалиться и избегать тех недостатков и пороков, какие они замечают и порицают в жизни православных. И насколько они этого достигают, насколько действительно им удается осуществить в жизни своей евангельские начала, настолько, конечно, сектантство не может не вызывать к себе некоторых симпатий»¹¹.

Проявлению в сельском быту язычества и мифологизированности жизни сельского населения посвящены работы В. Н. Добровольского¹², В. В. Тенишева¹³ и др.

В. Н. Добровольский отмечал, что «святочные песни и обряды по своему характеру являются как бы введением, как бы прологом для народной поэзии, и некоторые мотивы святочных песен и святочного культа еще отчетливее развиваются в песнях весенних»¹⁴. В. В. Тенишев констатировал, что «деятельность ближайших к населению судов — волостных, определяется, не законом, а обычаем. Существует воззрение, что власть разрешения судебных дел принадлежит Богу и поставленным от Царя властям»¹⁵.

В советское время вопросами духовности сельского населения историки практически не занимались. Советская история до 1929 г. рассматривалась лишь как прелюдия сталинизма, как процесс становления тоталитаризма. Наряду с культом высшего руководителя в стране существовала система «культиков» местного руководства.

Упадок религиозности в революционный период исследователи трактовали, главным образом как результат «полевения» масс, рост самосознания крестьянства¹⁶. Так, Л. И. Емелях пришла к выводу о возникновении в ходе революции церковного индифферентизма у значительной части крестьян. А тот факт, что крестьяне требовали ликвидации частного землевладения, ссылаясь на Священное Писание, а также крестьянское видение церковной реформы, объяснялся ею исключительным воздействием сохранившихся у крестьян предрассудков¹⁷.

¹¹ Терлецкий В. Н. Указ. соч. — С. 10.

¹² Добровольский В. Н. Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии. — СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1907. — 20 с.

¹³ Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. — Брянск: Изд. Л. И. Итина и К., 1907. — 192 с.

¹⁴ Добровольский В. Н. Указ. соч. — С. 16.

¹⁵ Тенишев В. В. — С. 9.

¹⁶ Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период Первой русской революции. — М.— Л.: Наука, 1965. — С. 126.

¹⁷ Там же. — С. 41, 95, 126.

Проблему политической реакции религиозных воззрений по сравнению с революционными замыслами восставшего народа, противодействия сельского духовенства стремлению крестьян овладеть землей в 1917 г. автор рассмотрел в одной из своих последующих монографий¹⁸.

В работе Е. Ф. Грекулова «Церковь, самодержавие, народ» на значительном фактическом материале конца XIX – начала XX в. доказывался массовый отход крестьян от церкви, рост религиозного индифферентизма¹⁹.

В работе П. Н. Зырянова «Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» представлен детальный анализ наиболее острых форм антиклерикального движения (захват церковной и монастырской земли, изгнание священников, антиклерикальные демонстрации и пр.) и наиболее массовых его форм (уменьшение посещаемости церквей, снижение платы за требоисправления, отказ в финансовой поддержке церковных школ и т.п.)²⁰. И тем большее значение имеет вывод автора о том, что «следует учитывать медленность и сложность отхода от церкви народных масс. Даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь ещё сохраняла большую притягательную силу. Играла роль темнота и забитость народных масс, особенно крестьянства, сказывалась историческая традиция»²¹.

Начиная с 1990-х гг., многие отечественные и зарубежные специалисты при изучении истории дореволюционной России, прибегают к использованию теории модернизации, суть которой заключается в рассмотрении внутренних факторов развития любой отдельно взятой страны, влияющих на процесс ее перехода от аграрного (традиционного) общества к обществу индустриальному.

Одной из первых работ в рамках этой теории стал труд историка О. Г. Вронского, в котором автор проанализировал соотношение закона и обычая в великорусской деревне рубежа XIX–XX вв. и пришел к выводу, что большинство явлений крестьянской повседневности правильнее именовать «обычным бесправием», нежели обычным правом²². Стоит особенно упомянуть об исследованиях В. П. Данилова, всесторонне изучившего крестьянский повседневный быт²³.

¹⁸ Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. — Л.: Наука, 1976. — 174 с.

¹⁹ Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.). — М.: Наука, 1969. — 184 с.

²⁰ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. — М.: Наука, 1984. — 226 с.

²¹ Там же. — С. 40.

²² Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура, управление, земельные отношения, правопорядок. — М., 1999. — 202 с.

²³ Данилов В. П. Насилие против насилия (Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. — М.: РОССПЭН, 2011. — 831 с.

Одним из видных исследователей обычного права великорусских крестьян является Л. И. Земцов. В своих научных работах на материале решений волостных судов двух уездов Рязанской губернии, он делает выводы о преобладании в 1860–1870-х гг. в великорусской деревне обычно-правовых норм над юридическими законами²⁴.

В исследованиях Л. И. Земцов касается и вопросов взаимоотношения крестьянства и приходского духовенства, пробуждения самосознания великорусских крестьян в начале XX в.²⁵, положения крестьянского мира во время мировой войны²⁶.

В 2004 г. выходит исследование В. Б. Безгина. В нем автор, уделяя пристальное внимание сельским традициям рубежа XIX–XX вв., частично затрагивает вопросы православия, деревенских суеверий, женской обрядности и сельских пороков²⁷.

Частично вопрос о духовной культуре русского крестьянства рубежа XIX–XX вв. рассматривают в своих исследованиях Б. Н. Миронов²⁸ и В. П. Булдаков. Последний, в частности, утверждает о том, что вернувшиеся в 1917 г. солдаты с фронтов Первой мировой войны и устроили «красную смуту». Это было связано со столкновением модернизаторства и традиционализма в деревне в начале XX в., однако религиозное сознание великорусских крестьян продолжало оставаться весомым и значимым вплоть до середины 1920-х гг.²⁹ В свою очередь, Б. Н. Миронов рассматривает Россию как нормально и поступательно развивающееся европейское государство, способное осуществлять модернизацию и немало сделавшее на этом пути в течение своего развития в период империи³⁰. В другом исследовании Б. Н. Миронов дает свое объяснение исторической загадки — как и почему успешная в целом модернизация империи закончилась революцией. «Про-

²⁴ Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 447 с.

²⁵ Земцов Л. И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. Вып. 1. — С. 73–79; Земцов Л. И. Самосознание русского крестьянства в начале XX в. (по материалам думских прений) // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Материалы IV Международной научной конференции. 27 февраля 2015 года. — Липецк, 2015. — С. 221–227.

²⁶ Земцов Л. И. Крестьянский мир и война (1914–1916 гг.) // История: факты и символы. — Елец, 2017. № 2. — С. 110–116.

²⁷ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века. — М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. — 304 с.

²⁸ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — 896 с.

²⁹ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 1997. — 376 с.

³⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч.

веденное исследование, — констатирует автор, — демонстрирует, что при изучении модернизации и революции необходимо учитывать весь набор факторов, оказывающих влияние на поведение человека. При этом значение психологического фактора велико, в некоторых случаях больше, чем экономического, социального, экологического или политического»³¹.

Изучением церковно-приходских взаимоотношений и представлениям крестьян о той или иной социальной группе занимается Т.Г. Леонтьева³². Большинство работ вышло на тему языческих и мифологических проявлений в сельском быту³³.

Частично вопрос о духовном состоянии великорусского крестьянства затрагивался и на Аграрном симпозиуме стран Восточной Европы во время XXXI, XXXII и XXXV сессий в Вологде, Рязани и Брянске соответственно. В частности, Л. И. Земцовым рассматривалось влияние общины не только на экономическую деятельность крестьянства, но и на духовно-нравственную³⁴, а также влияние волостных судов на мирскую жизнедеятельность крестьянства³⁵, В. Б. Безгиным — сельский сход на материалах кн. В. Н. Тенишева³⁶.

Так, по мнению Л.И. Земцова «для оценки роли общины главное заключается в том, что уже в 60–80-х гг. XIX в. очевидными являются перемены

³¹ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. — 528 с.

³² Леонтьева Т. Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. — М., 1996. — С. 324–356.

³³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. — М.: Лабиринт, 2000. — 186 с.; Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии. — М.: РОССПЭН, 2008. — 679 с.; Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. — М.: Новый хронограф, 2010. — 911 с.; Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — 523 с.; Лаврентьева Л. С., Смирнов Ю. И. Русский народ. Культура. Обычаи. Обряды. — СПб.: Паритет, 2014. — 445 с.

³⁴ Земцов Л. И. Крестьянская община и становление рыночных отношений в России (60–80-е гг. XIX в.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. — М., 2008. — С. 58–59.

³⁵ Земцов Л. И. Решения волостных судов как источник по истории крестьянства 60–70-х гг. XIX века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. — М., 2010. — С. 52–54.

³⁶ Безгин В. Б. Сход в повседневности русского села конца XIX века (на материалах Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. — М., 2010. — С. 59–61.

в ценностных ориентациях крестьянства, демонстрирующие приспособление его к новым экономическим реалиям в рамках действующей земельной общины»³⁷. По его же словам, «решения волостных судов с большой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о «правде» (и истине, и справедливости) в переложении на обыденные жизненные ситуации — в них прямо говорит и поступает сам русский крестьянин»³⁸.

Так, по мнению В. Б. Безгина, «сельский сход являлся традиционной формой крестьянского самоуправления. Характер решения повседневных вопросов деревенской жизни позволял наиболее и полно учитывать интересы и нужды сельской общины»³⁹.

Таким образом, в отечественной историографии понимание «духовности» великорусского крестьянства рубежа XIX–XX вв. было изучено с разных сторон. Отойдя от классового подхода, используемого в советское время, современные исследователи уделили внимание малоизученным темам, как например, влияние волостных судов на религиозность сельского населения и т.д.

³⁷ Земцов Л. И. Крестьянская община... — С. 59.

³⁸ Земцов Л. И. Решения волостных судов... — С. 54.

³⁹ Безгин В. Б. Сход в повседневности... — С. 60.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Крестьянство на протяжении нескольких столетий в России составляло самое многочисленное сословие (класс). Для него присущ особый характер жизни и занятий, представление о мире и справедливости, выраженные в образе мыслей. Крестьянство, связанное с землей, было вполне консервативным сословием в силу своей патриархальности. На основе анализа отечественной и зарубежной историографии проведен социокультурный анализ такого сложного понятия, как «ментальность» с целью выяснения его влияния на восприятие крестьянами модернизационных процессов в России.

Ключевые слова: крестьянство, реформы, ментальность, менталитет, сознание, психология, П. А. Столыпин, модернизация.

Shalaeva N. V.

MODERNIZATION PROCESSES IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF THE PEASANT MENTALITY

The peasantry for several centuries in Russia was the most numerous estate (class). For him, there is a special character of life and occupation, an idea of peace and justice, expressed in a way of thinking. The peasantry, connected with the land, was quite a conservative class due to its patriarchy. Based on the analysis of domestic and foreign historiography, a socio-cultural analysis of such a complex concept as «mentality» is carried out in order to clarify its influence on the perception of modernization processes in Russia by the peasants.

Key words: the peasantry, reforms, mentality, mentalty, consciousness, psychology, P. A. Stolypin, modernization.

На протяжении всего периода своего развития российская цивилизация находится в центре пересечения двух тенденций — постоянной, периодически повторяющейся модернизации и сохранения сильных традиций. В русской культуре это было выражено в дискуссии между западниками и славянофилами в середине XIX в. Другими словами Россия, с одной

¹ Шалаева Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н. И. Вавилова, Россия, г. Саратов, shalaevanv@sgau.ru.

стороны, всегда стремилась встать в один ряд с европейскими государствами, с другой — укорененность и консервативность традиций, которые затрудняли модернизационные трансформации. Многие нововведения власти воспринимались со стороны общества как минимум — негативно, максимум — вызывали активное сопротивление. Причиной такого отношения со стороны общества служили ментальные установки, выраженные в традициях. Особенно ярко устойчивость традиций проявилась на ментальном уровне в крестьянском сознании.

Ментальность как научную проблему в истории стали разрабатывать только во второй половине XX в., благодаря работам французских историков школы Анналов². Обращение к проблеме ментальности связано со стремлением изучения истории, социальных процессов с позиции человека, его психологии, а не руководствуясь только социально-экономическими аспектами. В результате объективные процессы дополнялись субъективными переживаниями современников событий.

Целью статьи является выяснение основ русской ментальности как полисемантического понятия глубинного мышления русского человека, в частности крестьянства, оказывающие влияние на исторические процессы.

Для историков школы Анналов ментальность связана с внутренним миром человека, его ценностными установками и убеждениями³. Они считали, что исторические события надо рассматривать с позиции человека того времени, его чувств, верований, моделей и стереотипов поведения, а не давать им оценку исходя из сегодняшнего дня⁴.

Теоретические и методологические разработки школы Анналов способствовали развитию социокультурного поворота в изучении истории России, формированию социальной истории⁵, исторической психологии⁶,

² Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М., 1986; Ревель Ж. История ментальностей: Споры о главном. — М., 1993; Февр Л. Бои за историю. — М., 1990.

³ Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994; Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997; Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. — М., 1991.

⁴ Ревель Ж. История ментальностей: Споры о главном. — С. 53.

⁵ Жидков В. С., Соколов К. Б. Русское крестьянство. — СПб, 2003; Миронов Б. Н. Историческая психология и историческое знание // Общественные науки. 1986. № 1.

⁶ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. — 1988. — № 1. — С. 56–70; Николаева И. Ю. Ментальность гендерного казуса // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. — М., 2004; Поршиев, Б. Ф. Социальная психология и история. — М., 1966; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). — Екатеринбург, 2000.

новой локальной истории⁷, общественного сознания как одного из пластов ментальности⁸.

Сегодня в историографии нет единого определения понятия «менталитета» из-за сложности его фиксации в сознании. Его особенность — психоэмоциональное состояние и переживание человека, выраженное, зачастую, спонтанно в поведенческих практиках, в источниках личного происхождения (письма, дневники, воспоминания). Ментальные установки в обыденное время, в условиях благополучного развития общества, слабо проявляются, тогда как в условиях кризиса истории фиксируют изменения как в поведенческих практиках, так и на эмоциональном уровне.

Для современной исторической науки понятие «менталитет» имеет весьма большое методологическое значение. Менталитет играет роль своеобразного медиатора между конкретно-историческими по своей сущности компонентами сознания как общественного образования и инвариантными относительно потока исторических изменений образованиями духовной жизни людей.

Российское крестьянство, в течение многих столетий оказывало весьма глубокое и своеобразное воздействие на все стороны российской социальной действительности. Понимание своеобразия картины мира крестьянства, образа его жизни (т.е. ментальности) крайне необходимы для осмысления истории России, одной из сложных и противоречивых её страниц — реформ А. П. Столыпина в начале XX в. Как писал Г. Федотов, крестьянство означало «всю Русь, оставшуюся чуждой европейской культуре. Это черная, темная, социально деградировавшая, но морально крепкая Русь, живущая в понятиях и быте XVIII века. ...Не только народничество русское, но и все консервативные направления русской мысли сохраняют сознание, что в этой почве коренятся моральные устои России»⁹.

⁷ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. Т. II. — М., 2020; Козлов С. А. Московское общество сельского хозяйства: исторический опыт // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. — М., 2020. — С. 4–7.

⁸ Лившин, А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. — М., 2004; Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1937 гг. — М., 2010; Шалаева Н. В. Советская праздничная культура и ее отражение в крестьянском сознании. 1917–1920-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века. Сборник статей международной научно-практической конференции. — Коломна, 2013. — С. 312–315; Шалаева Н. В. Трансформация. // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. Е. Б. Дудниковой. — Саратов, 2019. — С. 395–399.

⁹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. — СПб., 1991–1992. — С. 58.

Своеобразие картины мира русского крестьянина определялось, прежде всего, тем, что в ней сохранилось множество архаичных фрагментов, уходящих своими корнями в глубокую, еще дохристианскую эпоху. По мнению многих исследователей (как историков, так и культурологов) своеобразие крестьянской ментальности во многом корениться во влиянии природно-климатического и географического факторов¹⁰. Короткое лето, капризы природы, непредсказуемость результатов труда — всё это приучило русского человека к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, к своеобразному отношению к своему труду и к земле. Постоянная борьба с непогодой привела к тому, что крестьянин-земледелец еще на стадии становления общества стал воспринимать и ассоциировать образ собственной личности с семьей или деревенской общиной, являвшимися регуляторами поведения крестьянина. С веками эта связь только усиливалась, и, когда встал вопрос о самостоятельной жизни без общины в начале XX в., крестьянин оказался к этому морально не готов. «Российское сельское население жило в...более обособленном мире, чем селяне на Западе... Крестьянство... сохраняло верность культурным традициям Московской Руси»¹¹.

Крестьянская ментальность носила дуалистический характер, что нашло отражение в понимании воли. Если представить себе степень несвободы крестьянина, его зависимость от власти помещика и сил природы, которые он плохо понимал и никак не мог контролировать, то начинаешь понимать излюбленную мечту — сделаться абсолютно свободным. Но воля для крестьянина, по мнению В. Жидкова и К. Соколова, означала полную необузданность, право на буйство, гулянку, поджог и т. д.¹² Картина воли рисовалась совершенно неприглядной с точки зрения западного образа жизни: воля как анархия, как цыганщина, как отказ подчиняться правилам. В то же время воля — это и свободное распоряжение своей землей, т. е. делать на ней то, что он считает нужным: сеять, пахать без указа свыше; посадить, рассадить культуру в таком количестве, в каком ему необходимо и наверно, перестать переходить с одного участка на другой. Подтверждение дуализма воли можно найти и в идеях русских разношце-
вцев XIX в.¹³

Несомненно, что природно-географический фактор сыграл определенную роль в формировании отношения к земле и результатам собственно-го труда у русского крестьянина. Неэффективность земледелия во многом

¹⁰ Кондаков И. В. Культурология. История культуры России. Курс лекций. — М., 2003.

¹¹ Пайпс Р. Русская революция 1905–1917. В 3-х т. Т. 1. Агония старого режима. — М., 2005. — С. 127.

¹² Жидков В. С., Соколов К. Б. Русское крестьянство. С.-Петербург, 2003. — С. 383.

¹³ Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2-х т. Т. 2. — М., 1994. — С. 157.

объяснялась особенностями картины мира русского крестьянина. Любые нововведения в сельском хозяйстве в его понимание картины мира обретали образ очередной барской причуды. Даже довольно образованные крестьяне, включая крестьянских депутатов Думы, говорили: «Культура — дело барское!»¹⁴. Любое вмешательство помещиков в привычную трудовую деятельность крестьянина — использование новых агрикультур или техники — вызывало лишь недовольство. Добрые намерения помещика, желавшего за свой собственный счет улучшить крестьянский труд, вызывали такие же негативные чувства, как и действия безжалостного помещика-эксплуататора. «Достаточно, чтоб помещик приказал пахать землю на дюйм глубже, — сообщал очевидец, — чтобы можно было услышать, как крестьяне бормочут: «Он плохой хозяин, он нас мучает». И горе ему тогда, если он живет в этой деревне!»¹⁵. О этом напоминает сцена из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», когда Левин без конца предлагает своим крестьянам все новые способы организации труда и технические усовершенствования, объясняет выгоды от их применения, но, увы, встречается с их полным неприятием и отторжением. «Жизнь русского крестьянина вращалась вокруг трёх основных институтов: двора, деревни... и общины», где «преобладали личностные отношения над деловыми»¹⁶.

Объясняя сложность реализации аграрной реформы, Р. Пайпс рассматривает на ментальном уровне специфику жизни русской деревни¹⁷. Он выделяет три плоскости или, как он называет, установления, сознания, психологии и жизни русской деревни в начале XX в. Он говорит о специфике семьи, общины и сельского схода, в которых сохранялись патриархальные отношения. Но конкретная патриархальная семья существовала, пока был жив ее глава. После его смерти семья распадалась и образовывала новые несколько семей, так как выделялись в самостоятельные семьи сыновей, становившиеся главами новых патриархальных семей. При этом происходило дробление земли. Проблему русской деревни Пайпс видит именно в малоземелье русской деревни, в отсутствии крупных крестьянских хозяйств, которые составляли опору власти в сельском хозяйстве на Западе¹⁸. По мнению, Р. Пайпса, низкий уровень реализации реформы, связан был с несколькими причинами. Исходя из общинного сознания крестьян и общинной практики возделывания земли (путь и патриархальной семьей) для крестьянина сложно было самостоятельно, без под-

¹⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического общества. В т. I. — М., 1991. — С. 268.

¹⁵ Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М., 1993. — С. 386.

¹⁶ Пайпс Р. Русская революция 1905–1917. В 3-х т. Т. 1. Агония старого режима. — С. 128.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 128–137.

держки общины возделывать землю. Условия жизни в зоне рискованного земледелия изначально создавали требования совместной работы на земле, поэтому переход на единоличные хозяйства был для крестьян сомнительным мероприятием. При этом нельзя забывать, что в большинстве своем крестьянские хозяйства носили натуральный характер и были слабо ориентированы на рынок, тогда как аграрная реформа предполагала капитализацию деревни. Это так же создавало дополнительные трудности при реализации реформы, большая часть крестьян была не готова ни морально, ни экономически к вхождению в рынок.

Своеобразным было понимание крестьянином земельного права. Он был глубоко убежден, что вся земля — пахота, выпасы и лес — по праву принадлежит ему. Из раннего периода освоения земли крестьянин вынес убеждение, что целина — ничья и что пашня принадлежит тому, кто расчистил ее и возделал. Так что крестьяне всегда сохраняли убеждение в своем праве на помещичью землю. Именно эти особенности крестьянской картины мира объясняют то обстоятельство, что «раздел земли» между помещиками и крестьянами в 1861 г. был воспринят деревней как великая несправедливость, так как крестьяне претендовали на все земли. Претензии крестьянства обосновывались не столько экономическими потребностями, сколько осознанием своеобразного публичного права. В результате освобождения монархическое сознание и чувства крестьян претерпели серьезную трансформацию, было положено начало разложению тех духовных основ, на которых держалась верность царю.

В ходе аграрных преобразований разрушение основ крестьянского уклада и, как следствие, ментальных элементов, сопровождалось резким расслоением крестьянской массы. В руках одних концентрировались значительные средства, другие ее теряли, разорялись, усугублялась поляризация крестьянского мира. Выделение крестьян из общины привело к расколу некогда единого сельского мира. Так, например, по сведениям саратовских чиновников «обстановка в деревне... крайне обострена и натянута, между крестьянами..., укрепившими свои наделы в личную собственность, ... с лицами, оставшимися в общине, ... совершенно не желают выделять им землю и всеми неправдами застрашают их, отчего землеустройство в ... обществе имеет полный застой»¹⁹.

Обе реформы не смогли решить важнейшую задачу — удовлетворение потребности крестьян в земле, еще больше обострялся извечный дефицит земли, что создавало почву для ее дальнейшего передела. С целью разрядить социальное напряжение в деревне в начале XX в. государство прове-

¹⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха. Т. 2, ч. 2. — Саратов. 1999. — С. 92.

ло политику переселения крестьян, предусмотренную аграрной реформой. Но защитники помещичьего землевладения считали, что крестьянского малоземелья нет и незачем увеличивать площадь крестьянского землепользования, что надо улучшать способы ведения хозяйства. На основе свидетельств современников нельзя утверждать, чтобы многоземельным крестьянам жилось лучше, чем малоземельным. Не редко выходило даже наоборот. На знаменитых русских черноземах, которым нет равных в Европе, чаще, нежели в других районах, отмечались неурожаи и голодовки. Долго жившая в деревне и много помогавшая крестьянам княгиня М. К. Тенишева писала: «У смоленских крестьян земли довольно, но не умели обращаться ею. Скот, обработка земли — одно отчаяние. На благоустроенное имение, смотрели как на господскую затею, к ним неприменимую. ... У некоторых, бывали прикупленные клочки земли, но на них они были не хозяевами: зависть соседей не позволяли мужику пользоваться ими. Посеет культуру, соседи напустят скотину, насадят яблонь — ребятишки все яблоки еще зелеными украдут»²⁰. Здесь мы встречаемся с еще одной ментальной особенностью крестьянства — консервативностью и негибкостью сознания.

Предпринимаемым правительством попыткам реформирования деревни часто противостоял дух крепостничества. М. Бок, дочь П. А. Столыпина, вспоминала: «Жило у нас во дни моего детства в Колноберже удивительное существо ... бывшая крепостная Машуха... До конца своей жизни... она так и не поняла, что она уже не крепостная, что свободна, что может, если захочет, перейти от нас на другое место. На все наши уверования в том, что это так, и разъяснения она отвечала своим добродушным баском: «Полно, полно, шутить изволите»²¹. Аналогичный образ бывшего крепостного крестьянина был выведен у А. П. Чехова в «Вишневом саду» в образе слуги Фирса, который, так же как и Машуха не представлял себе иной жизни.

В заключение можно отметить, что крепостничество наложило неизгладимый отпечаток на взаимоотношения крестьян с другими социальными группами общества. Даже спустя полвека после отмены крепостного права оно все еще определяло отношения между деревней и городом. Вплоть до революции 1917 года сохранялись две мерки, два свода приличий — для господ и для крестьянства. А также до 1917 г. в русских деревнях можно было встретить стариков, которые помнили времена крепостничества и повторяли предания о том, «как нас на собак меняли» или «как травили медведями наших детей». Крестьянин до самого последнего момента

²⁰ Тенешева М. Воспоминания моей жизни /Электронный ресурс/ URL: <https://www.litmir.me/br/?b=243940&p=1>

²¹ Бок П. М. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. — Нью-Йорк. 1953. — С. 50.

не забыл и не простил старых обид, растравляемых новыми унижениями²².

Таким образом, проблема крестьянской ментальности, являясь одной из центральных для понимания специфики внедрения и развития модернизации русской деревни начала XX в., помогает выявить особенности развития сознания и психологии русского крестьянина, определить специфику жизни крестьянского двора, что сказалось на существовании деревни в ходе реформ.

²² Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. — СПб., 1991–1992. — С. 157.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ П. П. РУМЯНЦЕВА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ
СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Использование статистических материалов комиссии П. П. Румянцев по обследованию русского старожильческого населения Семиреченской области встречается в научных публикациях редко, что и обуславливает актуальность данной темы. Они особо ценны тем, что предоставляют сведения, полученные в результате разработки программы для выявления более полных сведений, содержащихся в источнике. Совокупным выражением всех сторон социально-экономического развития в деревне, является разложение крестьянства, что определяется при анализе старожильческих хозяйств.

Ключевые слова: Семиреченская область, статистическое обследование, подворное исследование, основание группировки хозяйств, математические методы в исторических исследованиях, комбинационные таблицы, коэффициент корреляции, русские старожильческие селения.

Miymanbayeva F. N.

**STATISTICAL MATERIALS OF THE P.P. RUMYANTSEV COMMISSION
AS A SOURCE FOR THE STUDY OF OLD-AGE FARMS
OF THE SEMIRECHENSK REGION**

The use of statistical materials of the commission of P.P. Rumyantsev on the survey of the Russian old-time population of the Semirechensk region is rarely found in scientific publications, which determines the relevance of this topic. They are especially valuable in that they provide information obtained as a result of the development of a program to reveal more complete information contained in the source. The aggregate expression of all aspects of socio-economic development in the countryside is the decomposition of the peasantry, which is determined by analyzing the old-timers' farms.

Keywords: Semirechensk region, statistical survey, household research, founding a grouping of farms, mathematical methods in historical research, combination tables, correlation coefficient, Russian old-time villages.

¹ Мийманбаева Фиалка Нуруевна, кандидат исторических наук, доцент, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан; m.fialka58@mail.ru.

В задачу историка входит вовлечение в научную практику источников, содержащих сведения для раскрытия определенных исторических вопросов. Многие факты общественной жизни могут быть установлены только статистикой. Они получают конкретную значимость лишь будучи выраженными в статистических показателях. Факты, устанавливаемые статистикой, имеют большую доказательную силу. Они могут являться базой для многих обобщений. При работе со статистическими источниками очень важно выработать исследовательские подходы, разработать методику исследования статистических данных для того, чтобы полученные результаты давали надежные ответы на поставленные вопросы, позволили оценить их полноту и научную ценность.

В 1909 г. правительством для выяснения условий и количественного учета землепользования кочевого населения и определения размеров земель для переселяющихся в регион крестьян, было решено провести в Семиреченской области сплошное статистическое исследование. Заведующим статистическими работами в Семиречье был назначен известный статистик Петр Петрович Румянцев, работавший ранее в Акмолинской области, публиковавшийся в солидном журнале «Вопросы колонизации». Результатом исследования явились «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные под руководством П. П. Румянцева»². Материалы комиссии П. П. Румянцева — слабо исследованный статистический источник и ценны в том отношении, что они являются результатом подворного исследования, были собраны экспедиционным методом, который заключался в устном опросе населения по заранее разработанным формулярам, что обеспечивает их высокую достоверность.

Обследование русских старожильческих селений Лепсинского, Копальского, Верненского и Пишпекского уездов было произведено в 1909–1913 гг. В 1910 г. были исследованы селения Лепсинского и Копальского уездов, в 1912 г. — часть Пишпекского уезда (Чуйская долина) и в 1913 г. — остальные части Пишпекского и Пржевальского уездов³.

Программа исследования включала в себя все виды описаний — сплошных и выборочных, а также обычных в русской земской статистике: подворную перепись по карточной системе, поселенные списки и описание бюджетов отдельных хозяйств.

² Румянцев П. П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. В 8 т. — СПб, Пг, 1911–1916.

³ Материалы обследования русских старожильческих хозяйств этих уездов составляют содержание 6 тома «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева». Т. 6. — СПб., 1912–1916 гг.

Подворная карточка включала следующие вопросы:

1. место приписки хозяина, место выхода его из России, время поселения его в Семиреченской области;
2. половой и возрастной состав семьи;
3. занятия и промыслы каждого члена семьи, помимо своего хозяйства;
4. скот;
5. инвентарь;
6. постройки;
7. землевладение и землепользование (сдача и аренда земли);
8. площадь посева определенных культур;
9. площадь сенокосов;
10. огороды;
11. сады;
12. пчельники.

Поселенные описания составлены сплошь для всех старожильческих селений Семиреченской области и охватывают вопросы:

1. об истории образования селения;
2. об общекультурных условиях его существования (церковь, школа, больница, почта, телеграф и т. д.);
3. о величине надела и порядке землепользования;
4. о землепользовании;
5. о системах полеводства и севооборота;
6. о подесятинных посевах и урожаях для отдельных культур;
7. о технике обработки земли, полива и уборки урожая;
8. о естественных покосах и травосеянии;
9. о животноводстве;
10. о несельскохозяйственных промыслах и заработках.

Что касается бюджетных описаний, то они были произведены для 2% хозяйств. В бюджетный бланк входили вопросы о годовом приходе-расходе и о стоимости имущества. Однако, упомянув о том, что бюджетные описания были проделаны, П. П. Румянцев самих описаний не приводит. Видимо, в последующем, при обработке, комиссию остановила недостаточная достоверность материала, так как для достоверности бюджетных данных необходимо было бы проанализировать не менее 10 % хозяйств.

Каковы же принципы сбора и группировки, применяемые Румянцевым П. П., в чем заключаются положительные и отрицательные стороны его работы?

Итоги подворного описания были обобщены П.П. Румянцевым в поаульные, пообщинные, порайонные и поуездные комбинационные таблицы.

Группировке и подсчету были подвергнуты подворные карточки всех наличных хозяйств, как приписных, так и посторонних, то есть, не приписанных к обществу, в среде которого они проживали. В основание группировки была положена посевная площадь, так как в Семиречье развивалось экстенсивное зерновое хозяйство. В.А. Васильев писал: «...Старожилы и переселенцы ведут экстенсивное зерновое хозяйство по навыку, усвоенному еще от отцов и дедов в Европейской России»⁴. Земледелие являлось источником существования и основой благосостояния крестьян Семиреченской области.

Верно выбрав группировочный признак, комиссия допустила ошибку, которая характерна для земской статистики — излишне дробную группировку признаков, которая сглаживает различие между группами и не дает ясного представления о социальной дифференциации внутри крестьянских хозяйств. Так, П.П. Румянцев в статистическом отчете выделяет 9 групп крестьянских хозяйств по площади посева и устанавливает следующие группы:

1. хозяйства без посева;
2. сеющие до 3-х дес.
3. сеющие от 3 до 5 дес.
4. сеющие от 5 до 10 дес.
5. сеющие от 10 до 15 дес.
6. сеющие от 15 до 25 дес.
7. сеющие от 25 до 50 дес.
8. сеющие от 50 до 100 дес.
9. сеющие свыше 100 дес.

Такая дробная группировка плавно сглаживает различия между группами и не дает возможности судить, где кончаются бедняцкие группы хозяйств и начинаются середняцкие и затем зажиточные. Этот прием иллюстрирует предвзятость статистического опроса. На наличие трех социальных групп в старожильческих селах Семиречья указывали в своих работах А.Г. Зима⁵, С.М. Ильясов⁶, К. Забиров⁷.

⁴ Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. — СПб., 1915. — С. 84.

⁵ Зима А.Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1959. — С. 43.

⁶ Ильясов С.М. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. — Фрунзе, 1963. — С. 260.

⁷ Забиров К. Переселение и колонизация Северной Киргизии. // Уч. зап. Истафа КГУ. Вып. 6. — Фрунзе, 1958. — С. 150.

Для выявления социально-экономических групп в обществе крестьян-старожильцев в пореформенный период совершенно недостаточен анализ землевладения и земледелия. Для определения доли участия каждой группы в товарном производстве необходимы данные по найму, промыслам, бюджету, но именно они очень скудны, что использование их представляет значительную трудность и без привлечения других документов почти невозможно.

При анализе историко-статистических данных были использованы математические методы, которые несколько усложняют методику исторических исследований, но это усложнение позволяет углубить анализ и пойти значительно дальше, чем это возможно при обычных приемах.

Первый прием математического анализа носит в вариационной статистике название «определение существенности различия/или разности» и позволяет определить, действительно ли разность между исследуемыми объектами настолько велика, что о ней следует говорить, или же она несущественна.

Такую разность пришлось устанавливать между каждой из 9 групп, приведенных в статистическом отчете П. П. Румянцева в следующей последовательности: I и II; II и III; III и IV;...VIII и IX. Предварительно вычисляется математическая средняя путем случайной, но представительной выборки, т.е. определяется средняя посевная площадь, характерная для каждой отдельной группы. При этом учитывается не только надельная посевная площадь, но и арендная. Они суммируются и делятся на число хозяйств этой группы.

Учет арендной площади очень важен потому, что удельный вес аренды в старожильческом хозяйстве вообще очень велик, а с ростом достатка в крестьянском хозяйстве — особенно. Надельная же площадь слабо отличается в каждой группе и очень мало говорит о фактическом землепользовании.

Был произведен пересчет абсолютных величин в относительные, как наиболее показательные, наглядно иллюстрирующие отношения между группами. Мы прибегли к вторичной группировке данных статистического описания. Вторичная группировка — это перегруппировка ранее сгруппированных данных. Необходимость перегруппировки вызвана целью сведения 9 мелких групп в более ясные, позволяющие выделить основные социально-экономические типы хозяйств. В результате чего выделили в старожильческих хозяйствах 3 социально-экономические группы. Решающим группировочным признаком явился размер посева.

I группа — соответствует I и II группам П.П. Румянцева и принимается как хозяйство низшей обеспеченности;

II группа — соответствует III, IV, V, VI группам;

А III группа объединяет в себе VII, VIII и IX группы.

К I группе хозяйств могут быть отнесены хозяйства, засевавшие по 2,3 + 0,61 дес.; ко II группе — хозяйства, посевные площади которых равны 15,6 + 3,2 дес., а в III группе — 64,9 + 11,1 дес. Эти данные показывают, что группировка произведена достаточно верно, так как каждая предыдущая группа существенно отличается от последующих.

II группа — середняцкая, никак не может быть отнесена к зажиточным, имея 50 % однолошадных хозяйств и 33% — двухлошадных. Проанализировав размеры землевладения, количество скота, найма, сделан вывод, что только три группы — VII, VIII и IX, отмечаются расширенным воспроизводством и имеют право называться зажиточной.

При рассмотрении Прииссыккульского района Семиреченской области видно, что даже в I группе Румянцева, которая считается «группой без посевной площади», на хозяйство в среднем приходится 2,6 дес., а в селе Теплоключенка эта площадь для подобного хозяйства составила 109 десятин⁸. Очевидно, что здесь следует рассматривать с I по VI румянцевские группы как единую II группу и сделать вывод, что бедняцкие хозяйства в русских старожильческих хозяйствах Прииссыккуля являются не правилом, а исключением, так как район Иссык-Кульской котловины был одним из первых во время «правительственной колонизации», когда переселенцам были предоставлены максимальные льготы⁹. Все это свидетельствует об общей более высокой зажиточности крестьян этого района.

Появление в статистическом отчете П. П. Румянцева двух первых групп в этом районе связано с тем, что именно в эти группы включены торговые местечки Нарын и Атбаши с большим количеством населения, у которого источником дохода являлась торговля, а не земледелие. Земля здесь принадлежала казачеству и в старожильческом хозяйстве не указывалась. Усреднение этого населения с земледельческим, смешение статей дохода привело к методологической ошибке. Кроме того, оказалось, что IX группа хозяйств отличается огромной посевной площадью, но процент их так ничтожен в общем числе старожильческих хозяйств (0,05 %), что они являются не правилом, а исключением. Однако хозяйства именно этой IX группы отличаются расширенным воспроизводством земледельческих культур. Но при анализе этих хозяйств недостаточно группировки по посевной площади.

В хозяйствах IX группы размер землевладения в среднем составляет 132 дес. Кроме того, эти хозяйства прибегают к расширенному примене-

⁸ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования...». Т. 6. — С. 634.

⁹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. — СПб, 1905. — С. 191.

нию наемного труда — 8 чел. на хозяйство. В этой же группе в среднем насчитывается до 300 голов скота, из них 80–90 голов — рабочего. Материалы не дают представления о денежном доходе такого хозяйства, поэтому мы не можем судить ни об оплате труда наемных рабочих, ни о расходах на интенсификацию хозяйства, ни о чистом доходе с него. Можно предположить, что оплата труда наемных рабочих была крайне низкая, учитывая колониальный характер ведения хозяйства. Любопытно, что все 6 хозяйств этой группы были расположены в Пишпекском уезде, в селах Михайловское, Георгиевское, Дмитриевское, которые, как и Теплоключенка, являлись впоследствии центрами кулацких мятежей¹⁰. Однако, скудость материала (всего 6 хозяйств) не позволяет сделать каких-либо выводов.

Следующий вопрос — это определение зависимости благосостояния крестьянского хозяйства от наличия рабочего скота и давности поселения. Введение этих признаков наряду с группировкой по посеву носит название комбинационных и П.П. Румянцевым не использованы. Что касается давности поселения, то П.П. Румянцев считает, что давность поселения обуславливает устойчивость переселенческого хозяйства и введение этого признака в комбинационные таблицы следует считать правильным, но вместе с тем говорит, что и «это положение применимо к сравнительно молодым переселенческим хозяйствам. Через 18–20 лет переселенческое хозяйство превращается уже в старожильческое, то есть, его нарастание или упадок не стояли в большой связи с возрастом хозяйства, а зависели от общих экономических условий». Так как исследованные в Семиреченской области крестьянские хозяйства относились к числу старожильческих, громадное большинство их имело возраст старше 20 лет. Поэтому при табличной разработке возраст хозяйства не введен как комбинационный признак, однако, он приведен параллельно основному признаку — «площадь посевов».

Таким образом, необходимо выяснить действительную зависимость между достатком в крестьянском хозяйстве, с одной стороны, и количеством скота, давностью поселения — с другой. При рассмотрении распределения рабочего скота в Семиреченской области в зависимости от группы хозяйств видно, что между количеством скота и обеспеченностью хозяйства существует прямая и тесная зависимость. То, что первые две группы отнесены нами к мелким хозяйствам верно, подтверждается тем, что процент безлошадных и однолошадных в этих группах превышает 50 %.

Такой признак, как «давность поселения» нельзя исключить как взаимовлияющий при анализе старожильческих хозяйств. Термин

¹⁰ История Киргизской ССР. Т. 2. Кн.1. — Фрунзе, 1968. — С. 149–169.

«старожильческие хозяйства» ряд авторов считает синонимом «кулацкие»¹¹, что верно только для определенной части старожильского населения, ибо сам П. П. Румянцев при переписи крестьянских хозяйств старожильческих сел вводил 9 различных по хозяйственной обеспеченности групп и малоимущие крестьяне составляли в них 39 %. Поэтому рассмотреть влияние давности поселения на социальное расслоение внутри старожильческих сел весьма интересно.

За основу при определении зависимости между обеспеченностью хозяйства и давностью поселения были приняты данные П. П. Румянцева, сведенные для всей области в процентные соотношения внутри каждой из 9 групп. Для определения этой зависимости пришлось использовать следующий способ вычисления, носящий в вариационной статистике название «определение тесноты и характера связи между двумя признаками или явлениями».

Прежде чем приступить к оценке тесноты связи между двумя признаками совокупности, нужно установить, существует ли между этими признаками причинная связь, являются ли изменения одного признака необходимым следствием изменений другого.

Зависимость обеспеченности крестьян от давности поселения вычислялась для каждой из трех групп, выделенных отдельно. При этом мы исходили из вероятности того, что связь в разных группах обеспеченности будет проявляться по-разному. Следует сказать, что связь между обеспеченностью старожильского хозяйства и давностью поселения существует. Однако, бедняцкие хозяйства находятся в наименьшей зависимости от давности поселения, зато по мере увеличения достатка зависимость растет и достигает максимального значения в наиболее обеспеченной группе хозяйств.

Анализ материалов П. П. Румянцева позволяет сделать следующие выводы. Отчет комиссии по своей форме и содержанию является достоверным и полным источником постольку, поскольку это отвечало целям обследования, т.е. определению различия возможного налогового обложения крестьян, выявления излишков земли для последующей колонизации за счет ограбления исконного населения этого края.

Однако, материалы эти имеют и ряд недостатков, к ним можно отнести:

1. дробность группировки, нивелирующую социальную дифференциацию в обществе крестьян-старожилов;
2. группировка по наделу в целом не может быть признана удачной, т.к. искажает истинные отношения между людьми в деревне;

¹¹ Румянцев П. П. «Материалы по обследованию...». Т. 6; Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. — СПб, 1915.

3. для характеристики процесса социальной дифференциации, выделения основных типов хозяйств, необходима комбинация системы показателей, а именно, сочетание (комбинация) посевной площади (надельная земля, аренда, сдача), количество скота, а для колонизируемых районов и учет давности поселения — все эти показатели включены только как вспомогательные и только показатель надела исчерпывает характеристику групп;

4. характеристика хозяйств полностью подчинена этой исключительно дробной и крайне односторонней группировке. Так, несмотря на действительное отсутствие в хозяйствах крестьян-старожильцев Пржевальского уезда первой группы хозяйств (безземельных), эта группа формально введена в описание;

5. крайне скудные сведения о найме, особенно отсутствие показателей оплаты труда, не позволяют судить с достоверностью о его природе.

С учетом этих замечаний, материалы комиссии П. П. Румянцева следует признать доброкачественными, которые при соответствующей переработке могут дать богатейший материал для изучения экономической действительности.

Именно на основании этих материалов нами выделены 3 социально-экономические группы хозяйств: низшая, представители которой являются базой для найма; средняя; высшая, хозяйства которой отличаются расширенным воспроизводством.

Определяя зависимость благосостояния этих хозяйств от давности поселения, выяснили, что если последнее и не оказывает решающего влияния на достаток в хозяйстве, то имеет определенное значение, причем, чем больше обеспеченность хозяйства, тем больше его зависимость от давности поселения.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассмотрены основные подходы и оценки современных исследователей, связанные с крестьянским восприятием Первой мировой войны. Показаны особенности изучения данной научной проблемы в российской историографии.

Ключевые слова: Первая мировая война, крестьянство, российская историография, «настроение 1914 года», образ врага, восприятие войны.

Budkina Yu. B.

WORLD WAR I IN THE PERCEPTION OF THE RUSSIAN PEASANTRY: FEATURES OF MODERN RESEARCH

The article provides general approaches and assessments, given by modern researchers connected with the perception of World War I by the peasantry. It shows the importance of this investigation for Russian historiography.

Key words: World War I, peasantry, Russian historiography, «the mood of 1914», image of the enemy, perception of war.

В изучении Первой мировой войны заметно выделяются сюжеты, посвященные отношению различных слоев общества к мировому конфликту. В настоящей статье рассмотрены основные подходы и оценки российской историографии за последние десятилетия, связанные с крестьянским восприятием войны.

Существенный вклад в разработку обозначенной научной проблемы внесла О. С. Поршнева². Она справедливо отметила тот факт, что объявление Германией войны России способствовало «формированию в мас-

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, г. Рязань, jullyb@mail.ru.

² Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004. — С. 86–116; Она же. «Настроение 1914 года»: к переосмыслению историографической метафоры (Россия и Запад) // Вестник РУДН. Серия История России. — 2008. — № 2. — С. 39–50; Она же. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. — 2010. — № 2. — С. 185–200; Она же. Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. — М., 2014. — С. 134–141.

совом сознании установок ее восприятия как войны справедливой, оборонительной, направленной на отражение германской агрессии». Изучив детально «настроение 1914 года» (метафора основательно вошла в российскую историографию из западной), О. С. Поршнева пришла к выводу, что в первые дни войны патриотический подъем захватил «практически все слои населения, включая рабочих и крестьян», подтверждая это примерами повсеместного прохождения патриотических манифестаций, шествий, молебнов о даровании победы над врагом. Но, вместе с тем, она подчеркнула, что потенциал достигнутого общественного согласия был «невелик». Причем «в звуках патриотического энтузиазма первого месяца войны голоса крестьянства слышно почти не было». По мнению историка, для крестьян было характерно «фаталистическое мироощущение», поэтому их «восприятие войны отличалось от чувств и представлений других слоев общества». Они считали войну проявлением «божественной воли». В связи с этим крестьяне восприняли ее «как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание». Этот вывод прочно утвердился в историографии и цитируется во многих исследованиях о мировой войне. В то же время, с точки зрения автора, крестьяне были «стихийными патриотами», которые «любили свою мать-Русь и желали ей победы». На отношение крестьян к войне в 1914 г. влияли такие факторы как проведение мобилизации в разгар летних полевых работ, беспокойство за семьи, которые лишились кормильцев, нерешенность земельного вопроса. В крестьянской среде работала формула «За Веру, Царя и Отечество». Начиная с 1915 г. отношение к войне изменилось. О. С. Поршнева проследила эти изменения и пришла к выводу, что война стала восприниматься как «ненужная», которой «нет оправданий». В 1915 г. — большей части 1916 г. наблюдалась приверженность крестьян идее «почетного» мира как наилучшего для России исхода войны. В конце 1916 г. прослеживалась физическая и психологическая усталость от войны, разочарование крестьянского населения в политике верховной власти, озлобление против помещиков, хуторян и горожан.

Многие подходы и оценки О. С. Поршневой были подтверждены и получили свое развитие в региональных исследованиях³. Так, К. В. Самохин, изучив материалы по Тамбовской губернии, констатировал, что крестьяне «не воспринимали войну как одно из направлений политики, проводимой правящими кругами». Война ими понималась «как кара или испытание, посланное им Богом». Кроме того, автор отметил, что во время первой

³ Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). — СПб., 2004; Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. — М., 2008; Крайкин В. В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дис. ... канд. ист. наук. — Брянск, 2009.

мобилизации «патриотические настроения были доминирующими в народном сознании». В начале войны, когда положение на фронте для России было благоприятным и ее войска наступали в Восточной Пруссии, солдаты из крестьян помогали формировать через письма положительное отношение к военным событиям. В целом, К. В. Самохин считает, что крестьяне поддерживали ведение войны лишь с августа по декабрь 1914 г. По его мнению, основными причинами этого были мощная идеологическая работа, проведенная правительством и местными властями, а также слухи о возможности бесплатного получения земли крестьянами как победителями. Последнее, по оценкам исследователя, являлось «самым убедительным доводом при обосновании необходимости дальнейшего ведения войны». Но, начиная с января 1915 г., настроение сельского населения стало меняться. Заметно сказывались поражения русских войск на фронте, мобилизации и реквизиции, отрицательно влиявшие на крестьянское хозяйство, а также сообщения ратников о реальном положении на фронте и собственные наблюдения крестьян. К. В. Самохин делает вывод, что в 1915 г. о войне в отрицательном плане еще открыто не говорилось, так как моральные и материальные резервы до конца не были использованы. Но в 1916 г. отношение крестьянства к войне стало «определенно отрицательным», что во многом было связано с отсутствием ожидаемых от правительства действий для решения вопроса о земле. В свою очередь это привело к их участию в революционных событиях семнадцатого года⁴.

О. А. Сухова акцентирует внимание на том, что в представлениях крестьянства Среднего Поволжья война мыслилась «не только как испытание, ниспосланное Господом», но и как реальная возможность обретения земли в качестве награды за участие в военных действиях. Она также указала на «сохранение крестьянского фатализма по отношению к войне, патриотических порывов вплоть до осени 1915 г.». О. А. Сухова считает, что такие настроения «поддерживались внешнеполитическими мероприятиями правительства, а также ростом в крестьянской среде интереса и доверия к материалам периодической печати». Но уже в октябре 1915 г. большинство сельского населения желало «почетного» мира при сохранении патриотизма. В конце 1916 г. после разгрома румынской армии «утрата патриотизма» среди крестьянства Среднего Поволжья становится очевидным фактом. К началу 1917 г. прослеживается заметный рост пораженческих настроений⁵.

⁴ Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). – СПб., 2004. – С. 85–95.

⁵ Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008. – С. 384–440.

Однако в современной историографии есть альтернативная точка зрения на отношение к началу войны. Наиболее явно она проявляется в работах В. Б. Аксенова. Он считает, что крестьянство во многом негативно восприняло начало войны. По его мнению, в российской историографии имеет место преувеличение и идеализация патриотических настроений 1914 г. Кроме того, В. Б. Аксенов акцентирует внимание на том, что добровольчество и участие населения в благотворительности не является «безусловным доказательством» патриотических настроений. Исследователь, основываясь на труде В. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой⁶, настаивает на том, что добровольческое движение частично было вызвано возможностью выбирать род войск, а вовсе не патриотическим порывом⁷. Все же истолковывать такой факт как прямое свидетельство «корыстного патриотизма», особенно среди крестьян, нет достаточных оснований. Что касается «обратной стороны» благотворительности, то историк не приводит ни одного примера, который бы касался именно крестьянства.

В целом, В. Б. Аксенов не отрицает крестьянский патриотизм, но считает его «привнесенным» в массовое сознание части российских крестьян посредством периодической печати. В одной из своих статей он определил отличие сельского патриотизма от городского как «готовность к самопожертвованию не во имя абстрактной любви к не менее абстрактной для крестьянства империи, а ради вполне конкретных людей — детей, мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт». Им также выделены ряд факторов, под воздействием которых формировалось крестьянское отношение к военной действительности: особенности проводившейся властями мобилизации, вспомоществования семьям солдат, призванных на войну, реквизиции скота и лошадей, религиозно-мистические представления крестьянского населения. Заслуживает внимание вывод автора о том, что в крестьянском сознании доминировало представление о войне как о «бессмысленном побоище». Единственное рациональное объяснение вооруженному конфликту крестьяне-земледельцы видели в решении с его помощью земельного вопроса. Таким образом, во многом образ войны для них, по мнению В. Б. Аксенова, был связан с битвой за землю⁸.

Составной частью восприятия войны является отношение к противнику. О. С. Поршнева, опираясь на воспоминания А. А. Брусилова, достаточно убедительно показала, что в представлении солдат-крестьян враг был иной веры, имел образ «басурмана», «нехристя». Но когда

⁶ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. — М., 2015. — С. 320.

⁷ Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). — М., 2020. — С. 55–70.

⁸ Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. — 2012. — № 4. — С. 137–145.

крестьяне узнавали, что немцы — христиане, приходили в полное недоумение⁹. По мнению Е. С. Сеньявской, в тылу имело место опосредованное влияние военных событий на сознание людей, поэтому противник представлялся «обезличенной символической фигурой». У участников военных действий под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, сформированный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека¹⁰. Последний вывод является весьма дискуссионным и не принимается многими российскими исследователями. Стоит отметить, современными историками в большей степени уделяется внимание анализу источников, которые формировали образ врага в народном сознании, но недостаточно изучена специфика восприятия противника в крестьянской среде.

Значительный интерес представляют работы¹¹ по рассматриваемой проблеме на основе материалов периодической печати. Однако в них уделяется весьма незначительное внимание восприятию войны и отношению к противнику среди крестьянского населения.

«Женский взгляд» на войну подробно изучил П. П. Щербинин. Историк отметил отсутствие патриотического подъема и воодушевления среди женщин в связи с начавшейся войной. Война озадачила большинство из них, стала причиной ухода мужей на фронт. Но, с другой стороны, автор показал важные изменения, которые вносила война в женскую повседневность. Из «незаметной» крестьянка стала основным работником в российской деревне. У женщин появилась возможность единолично распоряжаться деньгами, самостоятельно вести хозяйство. Рост женского самосознания, обретение новых качеств главы семьи приводили к серьезным переменам в менталитете солдаток. Некоторые из них открыто заявляли, что жизнь после ухода мужа в армию стала лучше. Прекращались постоянные скандалы, побои и унижения. Как не парадоксально, но женщины нередко выступали за то, чтобы война продолжалась как можно дольше. В историографии широко известной стала фраза одной из солдатских жен, опубликованная в «Тамбовском земском вестнике» летом 1916 г.: «Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, Господи, чтобы война эта подольше прошла»¹².

⁹ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004. — С. 91.

¹⁰ Сеньявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — М., 2006. — С. 68, 69.

¹¹ Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). — Смоленск, 2006; Терешина Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.). — Казань, 2009.

¹² Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. — Тамбов, 2004. — С. 222–269; Он же. Особенности проявлений патриотических настро-

Еще одним аспектом проявления женского отношения к войне стало добровольческое движение. Убедительные примеры патриотизма и храбрости женщин-крестьянок на фронте приводит в своей монографии С. Н. Базанов¹³. В свою очередь, В. Б. Аксенов отметил разные причины женского стремления оказаться на фронте. Сравнивая мотивы столичной курсистки и крестьянки, он пришел к выводу, что личные интересы преобладали над «искренним патриотизмом». Женское добровольчество, по его мнению, «в ряде случаев ... было вызвано проблемами в личной жизни, бытовой неустроенностью и порой являлось бегством, способом ухода от тяжелой жизненной ситуации». В то же время В. Б. Аксенов показал, что объединяло всех женщин: «общим оказывалось восприятие начавшейся войны как начала эпохи, открывавшей новые горизонты»¹⁴.

Не менее важным является изучение детского отношения к войне. Весомый вклад в разработку этой темы внесли П. П. Щербинин и В. Б. Аксенов. П. П. Щербинин пришел к выводу, что восприятие военных событий в сельской местности отличалось от городского восприятия и зависело от социокультурной среды и тех взаимоотношений, которые складывались в окружении детей. Общее проявлялось в том, что все игры детей стали связаны с военными событиями. В целом, по оценкам автора, война детьми воспринималась неоднозначно. С одной стороны, она вызывала страх и интерес, сожаление к солдатам, раненым, семьям, провожавшим на фронт своих близких, ненависть к немцу. С другой стороны, была наполнена романтическим флером, воспринималась как приключение и возможность совершить подвиги. В связи с последним одной из характерных черт военного времени было бегство детей на фронт, детское добровольчество. Для юных патриотов все, что касалось русской армии, являлось священным и божественным¹⁵.

В. Б. Аксенов, анализируя детское восприятие войны, заостряет внимание на том, что у младших школьников в ряде случаев бегство на фронт воспринималось в качестве «игрового действия», в котором не было «осознанной патриотической подоплеки». Опираясь на мнение современника, историк подчеркнул, что в восприятии деревенскими детьми

ений в общественном сознании населения России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: региональное измерение // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. — М., 2014. — С. 254–260.

¹³ Базанов С. Н. Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». — М. 2017. — С. 13.

¹⁴ Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). — М., 2020. — С. 153–154.

¹⁵ Щербинин П. П. Повседневная жизнь детей и подростков в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. — Тамбов, 2017.

войны прослеживалось «больше реализма и рассудительного спокойствия в отличие от культурных городских слоев, попадавших под влияние пропаганды, абстрактных разговоров и теоретических споров взрослых». Исследователь также сделал акцент на том, что «в психике деревенских детей война ... изначально была наполнена семантикой горя, в то время как в городе — семантикой геройства, праздника». При этом он отметил, что «по мере затягивания военных действий, ухудшения материальных условий жизни эти две картины приходили к общему знаменателю»¹⁶.

Отдельно стоит выделить монографию А. Б. Асташова, посвященную Русскому фронту в 1914 – начале 1917 г. Анализируя поведение солдат из крестьян в рамках фронтовой повседневности, автор утверждает, что их патриотизм часто ассоциировался с малой родиной. Война воспринималась как крестьянская повинность, которая санкционировалась «господней», «божией волей». Крестьянин шел на войну не по велению сердца, а чтобы «царю послужить», что было равносильно в его глазах «послужить родине». Дополнительной мотивацией к участию в военных действиях был долг каждого защитить свою семью. А. Б. Асташов также отметил различия в отношении к войне у солдат-крестьян, в основном пехотинцев, и представителей других видов войск. Кроме того, историк проследил связь между степенью грамотности и отношением к военной действительности. Так, чем грамотнее были бойцы, тем бодрее было их настроение и вера в успех. У малограмотных солдат в большей мере проявлялось угнетенное настроение. Весьма показательным является тот факт, что солдаты из крестьян войну называли «театром», а военные действия сравнивали с адом, где «смерть кругом», со страшным судом¹⁷.

Подводя итог, выделим особенности современных исследований по рассматриваемой проблеме. Стоит, прежде всего, отметить, значительное увеличение количества источников, введенных в научный оборот. Среди них первостепенную роль играют периодическая печать и источники личного происхождения. Именно из-за известной степени субъективности они сохранили те свидетельства эпохи, которые наиболее важны при исследовании восприятия Первой мировой войны. Однако потенциал периодической печати до сих пор использован в исторической науке недостаточно. Перспективным является более детальное изучение материалов губернских и уездных газет, с целью выявления особенностей восприятия войны среди крестьянства в зависимости от территориального фактора.

¹⁶ Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). — М., 2020. — С. 186–222.

¹⁷ Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. — М., 2014. — С. 168–223.

Положительным моментом является использование историками достижений не только российской, но и зарубежной историографии. Преимущественно обращается внимание на подходы и оценки англоязычных исследований, но также привлекаются данные из работ на немецком и французском языках. При этом следует подчеркнуть, что зачастую увлеченность исследователей западной методологией приводит к необоснованным оценкам и выводам, так как не учитывается в должной мере разница в восприятии российской истории зарубежными и отечественными авторами.

Одним из дискуссионных аспектов темы остается восприятие войны в 1914 г., и прежде всего крестьянством. Ученые спорят о наличии и степени крестьянского патриотизма, мотивах его проявления. К сожалению, продемонстрировать степень патриотизма цифровыми данными невозможно. Но нельзя сбрасывать со счетов, что патриотические настроения, показанные на страницах периодической печати, к которым некоторые исследователи относятся весьма скептически, находят подтверждение в других источниках.

Таким образом, анализ современного состояния российской историографии показал, что восприятие Первой мировой войны крестьянством является перспективным направлением для дальнейшего изучения, как в конкретно-историческом, так и в методологическом аспектах.

КРЕСТЬЯНЕ И ЗАКОН

Отмена крепостного права превратила крестьян, помимо прочего, в активных субъектов правоотношений. Первые десятилетия пореформенного периода — процесс накопления положительного и отрицательного правового опыта. Начинается процесс постепенного ознакомления крестьянства с законами — процесс никем не управляемый и должным образом не контролируемый. В итоге традиционное крестьянское право сохранило свои позиции в виде рецидивов на достаточно долгий срок не столько из-за абсолютной близости его крестьянам, но по причине пробелов в крестьянском правовом опыте.

Ключевые слова: крестьянство, закон, понимание законности, правосознание, социальный опыт.

Safonov D. A.

PEASANTS AND THE LAW

The abolition of serfdom turned the peasants, among other things, into active subjects of legal relations. The first decades of the post-reform period are a process of accumulating positive and negative legal experience. The process of gradually acquainting the peasantry with the laws begins — a process not controlled by anyone and not properly controlled. As a result, traditional peasant law retained its position in the form of relapses for a fairly long period, not so much because of its absolute proximity to the peasants, but because of gaps in peasant legal experience.

Key words: peasantry, law, understanding of legality, sense of justice, social experience.

Важным элементом приобретаемого крестьянами социального опыта было их ознакомление с законами, а еще точнее — с правоприменительной деятельностью государства. Это происходило бесконтрольно, самыми разными путями, через практику. Собственные представления о справедливости и достаточно разрозненные знания о праве создавали в сознании крестьян достаточно сложное представление о «законности».

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФБГОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Россия, г. Оренбург, d.safonov@mail.ru.

Исследователи уже отмечали, что понятие собственно законности, как соответствия действующим юридическим нормам, и крестьянское понимание законности не совпадают. В этом сказываются особенности статуса крестьянства и особенности его мышления. «Законность», с точки зрения крестьянина, это органический сплав реального, настоящего и того, что ему (крестьянину) полезно. Неразрывность их проявляется и в том, что крестьяне ищут и находят в законодательных актах подтверждения желаемого, и не признают эти акты, если в них содержится что-либо противоречащее или не согласуемое с ним. Иными словами, крестьянское понимание «законности» включает в себя как правовое, так и нравственное, моральное содержание. «Законное» по крестьянским понятиям было синонимом справедливого. При подходе ко всему новому в окружающем мире крестьяне как бы оценивали его на полезность своим нуждам. Оценить и проанализировать проблему в масштабе всей страны сложно. Мы затрагиваем проблему в пределах одного отдельно взятого региона — в данном случае — Южного Урала. Выводы и наблюдения, к которым мы приходим, не претендуют на всеобщность, но все же — позволяют проследить динамику процесса и с большой долей вероятности заключать о типичности явления как такового.

Практически до реформ 1860-х гг. уровень осведомленности в отношении законов у крестьян был крайне низким. Кроме того, у различных групп крестьян были разные возможности получения информации: в наиболее изолированном положении находились помещичьи, для коих властная воля заключалась в решениях и приказах своего помещика, не нуждавшегося в законодательном обосновании таковых. Прибавим сюда фактическую изолированность поместий и малую мобильность земледельцев. Государственные крестьяне были более знакомы с законами — повторяемость случаев возникновения волнений в казенных селениях Челябинского уезда в 1843 и 1857 гг. из-за появившихся подложных указов² свидетельствует, помимо прочего, о знаниях крестьян в отношении указов.

Во всяком случае, никто целенаправленно информированием крестьян относительно тех или иных законов не занимался; в принципе объявления любой инициативы «государевой волей» или «царским приказом» было для всех достаточно.

С началом реформ ситуация стала ощутимо, хотя и медленно, меняться — происходящие перемены прежде всего отражались на правосознании крестьян. Новые условия создали повышенное внимание крестьян

² Середа Н. Позднейшие волнения в Оренбургском крае. // Вестник Европы. — Т. II. — СПб., 1868. — С. 395; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 55. Оп. 3. Д. 47/1. Л. 39 об.

к законам, что достаточно понятно — из объекта правоприменительной деятельности, крестьяне стали субъектами правоотношений. Практически все требования крестьян периода реформы носят правовой характер, с обязательным желанием соблюдения правил, заключенных в законах, причем как властями и помещиками, так и самими крестьянами. Ситуация была ощутимо усложнена самими законодателями: через допущение вариативности решения вопроса (в частности — дарственный надел), а также предложение двух вариантов для мастеровых и сельских работников на горных заводах без учета того, что четкого разделения крепостных на горных заводах Урала не существовало. Так, на Благовещенском заводе Уфимского уезда крестьяне еще в 1861 г. были записаны сельскими работниками, но после выхода указа 3.12.1862 г. о льготах мастеровым, все пожелали стать мастеровыми³. 9 июня 1864 г. Главный комитет принял положение «По устройству быта населения Благовещенского завода Дашковых в Оренбургской губернии», по которому зачисление в сельские работники было признано неправильным⁴.

После 1863 г. активно волновались удельные крестьяне — в большинстве селений края они отказывались подписывать и/или принимать грамоты. Но отказы не встречали реакции со стороны властей, настойчиво признававших грамоты составленным верно и потому подлежащими утверждению. После этого углубления конфликта уже не происходило. В губернаторском отчете за 1864 г. отмечалось, что крестьяне удела «остановились на мысли о возможности прекращения обязательных к уделу отношений чрез получение в дар $\frac{1}{4}$ части высшего душевого надела, как это указано в положении 19 февраля 1861 г. для помещичьих крестьян. Убеждение это крестьянские грамотеи выводили из того, что в положении об удельных крестьянах есть постоянное указание на положение 19 февраля и не хотели слышать, что освобождение от обязательных отношений чрез дар надела не распространяется на крестьян удельных»⁵.

Показательно, что выводы из происходившего в 1861-м, сделали обе стороны: удельные крестьяне по той же схеме пытались выбрать подходящий для себя вариант (что явно свидетельствует в пользу их знания опыта крестьян помещичьих), а власти объявили, что никакой вариативности быть не может.

События периода утверждения уставных грамот характеризуются активным поиском крестьянами приемлемого (а значит, в их понимании — правильного) пути решения для себя вопроса о земле. Шло накопление опыта — на протяжении всех пореформенных лет крестьяне не придер-

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13836/л. Л. 34 об.—35.

⁴ Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкирии. — М: Наука, 1983. — С. 131.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13836/л. Л. 72 об.

живались стабильных требований, при необходимости меняя их. Появление военных команд воспринималось как доказательство ошибочности и «незаконности» своих действий. Чаще всего это приводило к принятию требований помещика и мирового посредника. Но иногда вело к перемене требований, поиску альтернативного, но тоже «законного» пути. Цель при этом оставалась прежней.

Факты позволяют сделать вывод, что крестьянство (разумеется, не всё крестьянство буквально) в достаточной мере приноровилось к существующим порядкам: свое толкование законов помноженное на знание порядков бюрократического государства давало нужный эффект. Крестьяне умело использовали затяжки, возникающие при рассмотрении их дел во властных структурах, отказываясь от исполнения невыгодных им распоряжений «до окончательного решения» дел. Крестьяне Узянского сельского общества Стерлитамакского уезда достаточно долго требовали признать за ними право на угодья и лесные дачи завода, пытаясь утвердить его явочным порядком. Местными властями в период 1899–1901 гг. было заведено из-за их самовольных действий около тысячи гражданских дел. Ответной мерой крестьян было активная подача жалоб на действия должностных лиц, «чтобы затянуть дело»⁶. Несогласные с переделом земли крестьяне д. Казы-Ельдяк Бирского уезда в апреле 1905 г., вооружившись топорами и вилами, помешали переделу, заявив при этом, что не дадут это делать до получения ответа на их прошения царю и в Сенат⁷. Жители хуторов Богдановского и Ждановского, созданных на войсковой земле, в марте 1911 г. приняли приговоры, где, в частности, требовали «административным взысканиям отдельных лиц не подвергать, впредь до распоряжения по этому вопросу высших С. Петербургских сфер», а также «оставить выселение с войсковой земли впредь до обнародования новых реформ и выяснения земельных вопросов»⁸.

Отметим еще несколько проявлений крестьянского правосознания, детерминированных переменами. Во-первых, крестьяне соблюдали субординацию подачи жалоб, прошений и т.п., начиная снизу, и постепенно продвигаясь выше и выше, не перескакивая очередной уровень. Яркий пример — действия крестьян Новой Бекетовой Белебеевского уезда. После экзекуции 1862 г. они подали жалобу 15 июня мировому съезду. Затем 23 июня в следующую инстанцию — в губернское присутствие. Не получив ответа и оттуда, 2 августа была подана жалоба генерал-губернатору, и только после отрицательного ответа общество приняло решение посы-

⁶ ГАОО. Ф.11. Оп.1. Д.558. Л. 2 об.-19.

⁷ 1905. Аграрное движение в 1905–1907 гг. Материалы и документы. Т. 1. — М.: ГИЗ, 1925. — С. 633.

⁸ ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д.17. Л. 99–99 об.

лать ходоков к царю⁹. Аналогично: жители Белорецкой волости подавали прошения о наделении их земель в 1901, 1903, 1904 гг. — соответственно в губернское присутствие, губернатору, затем — в МВД¹⁰. Во-вторых, использование правил юридических споров, навязываемых крестьянам, самими крестьянами. Наблюдаются факты предъявления «встречных» обвинений, а также обвинения противной стороны в деяниях, нарушающих закон. Очень показательна в этом смысле история с переселенцами на землю Шихобалова в 1884 г., против которых была задействована военная команда. Явно неслучайно, в крестьянской жалобе упоминалось: «В неистовстве этого избиения солдаты даже бросили на землю и растоптали портрет императора Александра III»¹¹. В Узянском заводе доверенные от общества обвинили местную администрацию в том, что она «подкуплена» компанией, владеющей заводом и потому отменяют решения земского начальника «при малейшем нарушении процессуальных норм»¹². В-третьих, знание конкретных нормативных актов. Вообще знание законов — аспект достаточно сложный. Интересно, насколько крестьяне представляли себе объем законодательного материала. Отстаивающие свои права крестьяне с Ивановского Мензелинского уезда в начале 1855 г. в качестве доказательств своей правоты, по их словам, «для ограждения себя», показывают помещику выписки из Свода законов»¹³. Указ 12 декабря 1904 г., пересматривавший закон «об иноверцах», был использован в марте 1905 г. башкирами ряда волостей Бирского уезда, как обоснование их желания провести собрания «доверенных» для обсуждения «нужд наших и веры нашей»¹⁴. На уставную грамоту ссылались для обоснования своих намерений крестьяне Тирлянского сельского общества Верхнеуфалевского уезда весной 1906 г.¹⁵

В то же время полагать массовым явлением ознакомление крестьян с законами нет оснований. Распространенное в работах современников (XIX – начало XX в.) и затем перекочевавшее в отечественную историографию мнение о доминирующем традиционном крестьянском праве верно

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13858. Л. 25 об., 26, 27.

¹⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 4. Л. 245.

¹¹ Самородов Д. П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. — Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. ГПИ, 1996. — С. 194–195. Уместно напомнить о существовании уголовных статей, связанных с так называемым «оскорблением величества», под которые названные действия в отношении портрета монарха полностью попадали.

¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 558. Л. 3 об.

¹³ Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. — М.: Соцэкгиз, 1962. — С. 460.

¹⁴ Кийков А. Из былого Урала: мат-лы к истории рев. движения на Южном Урале и в Приуралье (1905–1907) — Уфа: Баш. обл. бюро Истпарта, 1923. — С. 55.

¹⁵ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 156. Л. 2.

лишь в определенном смысле. Современники объясняли все отсталостью и косностью мышления крестьян, якобы не могущих, не желающих, да и не способных выйти за замшелые рамки традиционного права. Многими наблюдателями отмечалось неумение и нежелание крестьян понимать законы так, как они написаны, а стремление вычитывать в них то, что желательно. Власти, явно не задумываясь над этим, вносили посильный вклад в усложнение ситуации, меняя правила на ходу. Между тем, любая заминка, отсрочка и т.п. трактовались крестьянами однозначно. Власти же предпочитали использовать традиционное объяснение, что «излишнее внимание»¹⁶ к крестьянам в правовой сфере будет только во вред, что нет необходимости внимательно реагировать на крестьянские прошения, поскольку это только стимулирует крестьян к дальнейшему поиску. Действия властей воспринимались как надежнейшее доказательство правоты позиций крестьян: если бы должны были, то «с ними не стали бы разговаривать и писать штрафы, давно заставили бы слушаться»¹⁷.

Одновременно тезис о том, что крестьян «жалеть» не надо, что у них свои представления о праве, и потому они не способны понять «настоящего» правосудия и т. п., значительно упрощал дело для чиновников, развязывал руки для злоупотреблений. Так, земский начальник Троицкого уезда В. Мейер, высказываясь против передачи дела крестьян с Николаевки в суд (кстати, оправдавший бы их), писал: «крестьяне вряд ли будут в состоянии дать правильную оценку тем мотивам, на основании коих присяжные заседатели могли бы вынести оправдательный приговор. «Нет, не виновен», — было бы понято в буквальном смысле слова, на обвиняемых стали бы смотреть, как на невинно пострадавших и невольно зародились бы сомнения, которые послужили бы удобной почвой в будущем для новых агитаций»¹⁸. Возник любопытный правовой казус: не реагировать на инициативы крестьян, реагировать на них по закону — нежелательные последствия будут все равно. Понятно, что на местах чаще всего предпочитали первый вариант, обязательно сопровождая информацию в документах о том или ином эксцессе отсылкой к специфике крестьянского бытия в рамках традиционного права.

В действительности во всех крестьянских новациях не было ничего, что основывалось на крестьянском обыденном праве или обычаях; напротив, крестьяне действовали в рамках существующих государственных

¹⁶ Управляющий палатой государственных имуществ Самары писал в феврале 1860 г.: «попытка обмануть правительство, попытка слишком обыкновенная у крестьян, когда им дают к тому повод излишним к ним вниманием» [ГАО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13687. Л. 43 об. — 44.] Показательна пометка Оренбургского губернатора по полях донесения: «правда».

¹⁷ ГАО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14. Л. 43. Из заявления крестьян Дурасовской вол. Стерлитамакского уезда в марте 1870 г.

¹⁸ ГАО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 375. Л. 54.

законов. Несогласие с законом через иное его толкование постепенно уходило в прошлое — против законов не выступал никто. И сами крестьяне никогда не поднимали вопрос о смене власти — они хотели перемен в свою пользу в существующих правовых рамках, т. е. действовать по правилам.

Проблема возникла тогда, когда существование власти было поставлено под сомнение, и в неразрывной связи с этим — под сомнение попало и наличие законов. Первый тревожный сигнал прозвучал в первую революцию. Так, в Тирлянском сельском обществе в мае 1906 г. учитель Батяйкин объявил, что новых законов еще нет. Поэтому крестьяне избрали его и еще 22 чел. уполномоченными и на сходе приняли решение о разделе лугов¹⁹.

После революции 1917 г. и особенно в период гражданской войны, государства не стало — в смысле не стало единой системы управления, сил, поддерживающих правопорядок, осуществляющих правосудие — властей, особенно на местах, было немало, но власти законной, причем признаваемой таковой крестьянством — нет. Если законов не стало, то, по логике, крестьянам оставалось только традиционное право. Но полного отката в прошлое на деле не произошло. В сложных условиях деревня решала свои проблемы сама — житель с. Алексеевки Исаево-Дедовского уезда А. Колыхалов в воспоминаниях 1925 г. отмечал, что «советы судили все», приводя очень показательную историю, имевшую место в его селе. Совет решил нужным вмешаться в личную жизнь супругов Строковых, живших крайне буйно и скандально, часто ссорившихся. Было созвано «вече», на котором супруги были опрошены и признаны собравшимися «вредными и разлагающими общество». Потому и было решено их расстрелять. Отменен приговор был только после «слез и просьбы осужденных и некоторых лиц со стороны» — «после отмены заставили поцеловаться троекратно при всех и отпустили». «Супруги зажили хорошо» — с удовлетворением завершал рассказ мемуарист²⁰.

Привыкнув обходиться своими силами, крестьяне даже после определенной стабилизации власти в крае, не спешили обращаться к государственным структурам за содействием. Весной 1922 г. на х. Ново-Никольский (Херсон) Орского уезда у крестьянина И. Бирзлова украли 5 пуд. ячменя. Начатый хуторянами поиск привел в д. Альчинбееву, где устроили обыск и нашли несколько фунтов у башкира Х. Бердегулова. После побоев «плетью и кулаком» он сказал, что купил ячмень у жителя с. Дергаиш Асеева. Он, а также некто В. Пиржан, были доставлены на хутор и также подверглись побоям. В итоге они показали, как соучастников трех жителей хутора. Чрезвычайно важным мы полагаем то обстоятельство,

¹⁹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 156. Л.2–3 об.

²⁰ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л.2 об.

что разрешение на арест подозреваемых (а значит и все прочие действия) давал предсельсовета И. Сиротенко. Своих хуторян крестьяне заставили дать подписку Ново-Никольскому сельсовету, что «мы пойманы на воровстве, признаем себя виновными и ручаемся если впредь будут покражи и убийства или поджог, то мы отвечаем за это своей жизнью и имуществом». И только тогда их сдали в милицию. При этом один из трех умер по дороге, другой был убит при попытке бежать, третий — скончался от побоев через несколько дней²¹.

В эти годы возник необычный синтез в сознании крестьян понимания того, что правосудие может отправлять только государственная власть и нежелания обращаться к ней за содействием. Очень ярко это видно на примере самосуда, устроенного в марте 1922 г. в с. Донском Ильинской вол. У одного из жителей села украли бычка, крестьяне провели обыски и обнаружили пропажу и нескольких виновных. На общем собрании председатель сельсовета поставил на голосование прозвучавшее предложение убить воров, и при двух воздержавшихся крестьяне так и постановили. После этого приговоренных по одному выводили из комнаты в прихожую, и там их «били палками, поленьями, обухами топора и в довершение поднимали и сажали на чурбак и бросали во двор» — «в зале собрания только слышались крики и стоны». Суд в феврале 1923 г. амнистировал всех частных к этому событию²².

Таким образом, мы видим, что процесс вхождения крестьян в общество с его правилами, правосознанием, отношением к законам был растянут во времени на несколько десятилетий, имея, в общем, наступательный характер. Он подвергался активным внешним воздействиям происходящих социальных катаклизмов. Корректировке и изменениям подвергалось не только отношение крестьян к власти и законам, но и традиционные крестьянские правовые представления. Повиновение закону, исходящему от власти, возможно по двум основным мотивам: признания авторитета закона и власти, которая его издала, и через насилие со стороны власти, заставляющей признать и ее самое, и ее законы. Мы склонны полагать, что в российском варианте доминировал последний вариант.

²¹ ГАОО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 150. Л. 199–200.

²² Там же. Д. 58. Л. 72, 81.

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ
«ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ²**

Статья посвящена анализу причин, обусловивших в годы Гражданской войны проведение большевиками на подконтрольной советской власти территории России политики «военного коммунизма». Делается вывод, что эта политика являлась закономерной в условиях военного времени, хотя и основывалась на марксистской идеологии.

Ключевые слова: Гражданская война, «военный коммунизм», советская Россия.

Kondrashin V. V.

**TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE SYSTEM
«WAR COMMUNISM» IN SOVIET RUSSIA**

The article is devoted to the analysis of the reasons that caused the Bolsheviks to carry out the policy of «war communism» on the territory of Russia controlled by the Soviet government during the Civil War. It is concluded that this policy was natural in wartime conditions, although it was based on Marxist ideology.

Keywords: Civil War, «war communism», Soviet Russia.

Экономическая политика, проводимая советской властью в годы Гражданской войны, была названа большевистским руководством, а впоследствии и исследователями политикой «военного коммунизма». Это одна из самых дискуссионных и активно изучаемых тем в историографии Гражданской войны.

Советские историки, внесшие значительный вклад в изучение проблемы, идеализировали «военный коммунизм», приукрашивали его последствия, доказывали его вынужденный характер, обусловленный иностранной интервенцией и Гражданской войной³. С этой целью они стремились

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, г. Москва; vikont37@yandex.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

³ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. — М. 1973; Он же. Формирование советской политической системы. М., 1995; Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. — М., 1970; он же. Так что же такое «военный коммунизм»? // История СССР. 1990. № 3. — С. 131–142; Дмитренко В. П.

«выписать» «военному коммунизму» более позднее свидетельство о рождении, т.е. определяли его начальные хронологические рамки с мая 1918 г. (провозглашения советской властью продовольственной диктатуры), а ряд исследователей шли чуть дальше к большевистскому декрету о национализации крупной промышленности 28 июня 1918 г., декрету о продразверстке 11 января 1919 г. и даже к началу 1920 г. в связи с реализацией советской властью планов хозяйственного строительства на основе принуждения и милитаризации труда⁴.

«Военный коммунизм» связывался советскими историками исключительно с «оборонительной» Гражданской войной. Для победы в ней большевики и выработали «военно-коммунистическую» политику. Она оказалась успешной и благодаря ей, победив в Гражданской войне, они смогли в дальнейшем взять курс на строительство социализма «в одной, отдельно взятой стране».

Занимая подобную позицию, советские историки почти не замечали идеологические и социокультурные аспекты «военного коммунизма», его связь с идеей мировой революции и идеологией марксизма-ленинизма в целом⁵. В то же время они глубоко и всесторонне охарактеризовали сам процесс введения и реализации политики «военного коммунизма» в годы Гражданской войны: национализацию промышленности в сочетании с централизацией ресурсов, государственную монополию на торговлю (которая не могла удовлетворить потребности людей и поэтому сопровождалась возникновением сильного черного рынка), стремительную инфляцию, приведшую к частичному прекращению денежных сделок и широкому распространению бартера и выплат заработной платы товарами, продразверстку (реквизиция крестьянских излишков), милитаризацию труда (создание трудовых армий и т. д.).

В постсоветский период изучения проблемы исследователи подвергли критике тезис советской историографии о вынужденности «военного коммунизма», указав на важнейшее значение идеологии большевизма в принятии и реализации этой политики советской властью в годы Гражданской войны⁶. При этом ряд ведущих советских истори-

«Военный коммунизм», нэп...// История СССР. 1990. № 3. — С. 3–26 и др.

⁴ Берхин И. Б. Так что же такое «военный коммунизм»? // История СССР. 1990. № 3. — С. 139; Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп...// История СССР. 1990. № 3. — С. 6 и др.

⁵ Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. — С. 40–41.

⁶ «Военный коммунизм»: как это было: (По материалам «Круглого стола»). — М., 1991; Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. — С. 40–58; Коган Л. А. Военный коммунизм: утопия и реальность. // Вопросы истории. 1998. № 2. — С. 122–135; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М., 1997.

ков скорректировали свою позицию и признали наличие в политике «военного коммунизма» элементов неоправданного форсирования темпов социально-экономических преобразований и утопизма⁷.

В работах историков постсоветского времени превалирует критическая оценка политики «военного коммунизма», указывается на ее важную роль в формировании командно-административной системы в СССР, на обусловленность опытом государственного регулирования 1914–1917 гг., утопическими представлениями большевиков о путях утверждения мировой революции, а также особым психологическим состоянием общества под воздействием Первой мировой войны и революции 1917 г.⁸

Большинство современных исследователей определяют начало «военного коммунизма» первыми декретами советской власти о национализации, рабочем контроле и хлебной монополии, а также установлением в стране диктатуры большевистской партии (декабрь 1917 г. – первой половиной 1918 г.)⁹. Таким образом, речь идет о периоде до начала фронтовой Гражданской войны.

В литературе существует дискуссия о содержании основных этапов политики «военного коммунизма». В частности, Г. А. Бордюков и В. А. Козлов увидели в политике большевиков весной 1918 г. элементы «нэпа» (статья В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»), которые не реализовались из-за чехословацкого мятежа и победы антибольшевистских сил на Украине и Северном Кавказе, перекрывших каналы поступления продовольствия в Центр страны¹⁰. С ними не согласен С. А. Павлюченков, утверждая, что таким образом авторы перекладывают ответственность за действия большевиков на «контрреволюцию». Между тем, по его мнению, именно большевики своей «красногвардейской атакой на капитал» развалили городскую экономику, подорвали региональные экономические связи и создали почву для контрреволюции¹¹.

⁷ Амбарцумов Е. А. Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // Вопросы истории. 1984. № 4. С. 15–29; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. — М., 1995. — С. 96.

⁸ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). — М., 2006; Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. — С. 40–58; Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. — С. 46. Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12. — С. 41 и др.

⁹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997 и др.

¹⁰ История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М., 1991. — С. 14, 49, 52, 55–57, 61, 115.

¹¹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

Следует отметить несомненные успехи российских исследователей в изучении экономики России периода «военного коммунизма»¹². Особенно заслуживают внимания труды В.В. Кабанова и В.Л. Телицына о крестьянском хозяйстве¹³, А.А. Матвейчука и М.В. Ходякова о промышленности¹⁴, В.В. Борисова, А.А. Васильева, И.Т. Филиппова и др. авторов о продразверстке¹⁵, Л.В. Борисовой и А.А. Ильюхова о политике советской власти в сфере труда¹⁶, А.Ю. Давыдова о нелегальном снабжении (мешочничестве)¹⁷, С.В. Веселова о кооперации¹⁸ и др. В них на новых архивных материалах показано реальное состояние основных отраслей российской экономики в годы Гражданской войны, влияние на них политики «военного коммунизма».

Рассматриваемая проблема получила освещение в зарубежной историографии¹⁹. Так, например, в трудах Л. Самуэли обосновывается тезис о мощной идейной подоплеке «военного коммунизма», восходящей

¹² Иголкин А.А. Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922 гг.: очерки экономической и политической истории. — М., 2004. — С. 186–249; Мухамедина Ш. Экономическая политика советской власти в казахстанском регионе 1917–1926 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. — С. 125–133; Ольшевский В.Г. Финансово-экономическая политика советской власти в 1917–1918 гг.: тенденции и противоречия // Отечественная история. 1999. № 3. — С. 28–45; Присяжный Н. Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). — Ростов н/Д., 1994; Суворова Л.И. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4. — С. 48–59; Хазиев Р.А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия. — М., 2007 и др.

¹³ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. — М., 1998.

¹⁴ Матвейчук А.А. В клещах пролетарской национализации // Нефть России. 2018. № 6. — С. 61–64; Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917–1920 гг. — СПб., 2002.

¹⁵ Борисов В.И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914–март 1921 гг.) Дисс. докт. ист. наук. М, 1996; Васильев А.А. Продовольственная политика Советского государства в 1918–1920 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 2001; Тишкина А.В. Продовольственная политика Советской власти в 1917–1921 гг.: На материалах Среднего Поволжья. Дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2004; Филиппов И.Т. Продовольственная политика в России в 1917–1923 гг. М., 1994; Ямпольская Г.А. Военный коммунизм на территории Воронежской и Курской губерний: складывание и функционирование военно-хозяйственной диктатуры (конец 1917–1920 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Курск, 2011 и др.

¹⁶ Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000; Она же. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006; Ильюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). Смоленск, 1998.

¹⁷ Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007 и др.

¹⁸ Веселов С.В. Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9–10. — С. 25–37 и др.

¹⁹ Дэвис Р.У., Гастреля П. От царизма к энпу // Вопросы истории. 1992. № 8/9. — С. 32–54; Malle, Sylvana. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge, 1985.

к К. Марксу, Ф. Энгельсу и К. Каутскому²⁰. Р. Даниэльс связывает утверждение «военно-коммунистических» порядков с декретом СНК от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности²¹. Японский исследователь С. Кадзикава считает, что политика «военного коммунизма» была закономерным явлением, реакцией большевиков на хозяйственную разруху в стране²². Прозрачность всесторонне освещена в монографии Л. Ли «Хлеб и власть в России», получившей высокую оценку специалистов²³. Аграрно-крестьянский аспект затронут в работах А. Грациози, М. Левина и О. Файджеса²⁴. В связи с его анализом представляет интерес точка зрения М. Левина об этатизации и архаизации общественно-экономической жизни страны в результате политики «военного коммунизма». Зарубежные исследователи подчеркивают неудачи советской власти в организации промышленности и сельского хозяйства «военно-коммунистическими» методами²⁵.

Впервые термин «военный коммунизм» в качестве характеристики экономической политики советской власти в годы Гражданской войны был использован В. И. Лениным в апреле 1921 г. в статье «О продовольственном налоге». Эта статья важна еще и тем, что в ней в обобщенном виде изложена ленинская трактовка сути политики «военного коммунизма»: ее причин и результатов. «Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, — писал В. И. Ленин, — что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эсеры, Каутский

²⁰ Szamuely L. First Models of the Socialist Economic Systems: Principles and Theories. — Budapest, 1974. — P. 24–28

²¹ Daniels R. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Union. Boulder - Lnd., 1988. — P. 92, 94.

²² Кадзикава С. О военном коммунизме // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. — М., 1996. — С. 331–336 и др.

²³ Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkely, 1990.

²⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М., 2001; Levin M. Making of Soviet System. N.Y., 1985; Figes, Orlando. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.

²⁵ Malle S. The Economic Organization of War Communism. 1918–1921. N. Y., 1985; Yaney G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861–1930. — Urbana, 1982. — P. 463–508.

и К°, когда они ставили нам в вину этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе»²⁶.

Таким образом, под «военным коммунизмом» В. И. Ленин видел вызванные войной действия советской власти по принудительному изъятию у крестьян («в долг», «за бумажные деньги») хлеба для рабочих и армии ради победы над врагом.

В дальнейшем вслед за В. И. Лениным термин «военный коммунизм» прозвучал в выступлениях В. М. Молотова, Е. А. Преображенского, Л. Д. Троцкого и Б. Д. Рязанова на состоявшемся в марте-апреле 1922 г. XI съезде РКП(б) как антитеза нэпу, «отменившего» «военный коммунизм»²⁷.

В действительности автором данного термина являлся не В. И. Ленин, а его идейный противник А. А. Богданов, у которого вождь большевиков, скорее всего, его и заимствовал. Последний ввел термин «военный коммунизм» еще до Октября 1917 г. для характеристики экономической политики воюющих в Первой мировой войне стран, правительства которых перенесли «военно-коммунистическую организацию» фронта, представлявшего собой «обширную потребительскую коммуну», на тыл. Но такая политика «военного коммунизма», по мнению А. А. Богданова, не имела ничего общего с социализмом, поскольку социализм — это «товарищеская организация производства», а последний («военный коммунизм») — «авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления»²⁸. Почти сразу же после захвата власти большевиками и провозглашения курса на «социалистическую революцию» А. А. Богданов указал, что В. И. Ленин и большевики в действительности пошли не по пути этой революции, а стали проводить «военно-коммунистическую» политику капиталистических стран²⁹.

В данном контексте представляется заслуживающей внимания точка зрения ряда исследователей о том, что большевистская политика

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. — С. 220.

²⁷ XI съезд РКП(б). Стеногр. отч. — М., 1961. — С. 52, 80, 82, 133.

²⁸ Богданов А. А. Вопросы социализма. — М., 1918. — С. 76, 87.

²⁹ Богданов А. А. Вопросы социализма. — М., 1990. — С. 348.

«военного коммунизма» гносеологически не включала в себя ничего «социалистического», поскольку отрицала дух социализма, черпающего свой импульс в демократии. В большей степени она была связана с тем, что называлось «государственно-монополистическим капитализмом», который В. И. Ленин хорошо понимал и без знакомства с идеями бывшего соратника³⁰. Поэтому для него «военный коммунизм» стал прежде всего средством решения труднейших проблем экономики страны, как доставшихся большевикам от предшествующих властей, так и появившихся в ходе реализации их политической программы и охватившей страну Гражданской войны.

«Военный коммунизм» возник не на пустом месте. Его элементы существовали в политике царского самодержавия и Временного правительства. Они имели место и во всех странах участницах Первой мировой войны, поскольку поразивший их экономический кризис имел общую природу и требовал примерно одинаковой схемы действий: максимального усиления роли государства в производстве, снабженческо-распределительной сфере, в мобилизации трудовых ресурсов и т.д. По этому пути пошло и царское правительство, регулируя экономику государственными заказами, фиксированными ценами, ограничением свободы торговли, введением хлебной разверстки. Эту традицию продолжило и Временное правительство. В условиях продовольственного кризиса оно начало свою деятельность с объявления хлебной монополии законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства»³¹. Очевидец событий, историк-меньшевик Н. Н. Суханов считал, что именно хлебной монополией Временного правительства был провозглашен в России «военный коммунизм»³². Более того, руководитель экономического отдела исполкома Петроградского совета, впоследствии крупнейший советский статистик В. Г. Громан предложил Временному правительству усилить регулирующее участие государства почти во всех отраслях промышленности, а также в распределении сырья и готовой продукции. Его план предусматривал и фиксацию цен на основные товары. Однако предложения В. Г. Громана, несмотря на заявления главы Временного правительства А. Ф. Керенского о необходимости строгого регулирования всех сторон экономической жизни государства, не получили поддержки из-за противодействия промышленных кругов, стремившихся сохранить свои прибыли в неприкосновенности³³.

³⁰ Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. — С. 40–58.

³¹ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962. — С. 398.

³² Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. — М., 1931. — С. 386.

³³ Май В. А. Реформы и догмы. — М., 1993. — С. 40.

Этот факт хорошо осознавало большевистское руководство. На состоявшемся в августе 1917 г. VI съезде РСДРП(б) оно констатировало неспособность Временного правительства из-за его соглашательства с буржуазией справиться с нараставшей в стране экономической катастрофой³⁴. Чуть позже, в сентябре 1917 г. об этом же напишет В. И. Ленин в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»³⁵.

Таким образом, доставшееся большевикам после захвата власти «наследство» в виде кризисного состояния экономики России требовало действий, направленных на его преодоление. Прежде всего необходимо было, как минимум, сохранить действующее производство и, во-вторых, рационально организовать распределение имевшихся продовольственных и сырьевых запасов. Именно в этом, по оценке Н. И. Бухарина и состояла «историческая роль» политики «военного коммунизма», когда в силу сложившихся объективных обстоятельств главным стало «не столько развитие хозяйства и подъем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов»³⁶.

По свидетельству члена президиума ВСНХ Ю. Ларина (М. А. Лурье), образцом для большевиков при выработке чрезвычайной экономической политики в годы Гражданской войны стал «военный коммунизм» врага России в мировой войне Германии. Германский опыт «ставился на голову», «организационные формы господства буржуазного хозяйства» были превращены в орудие организационного утверждения диктатуры пролетариата — вспоминал Ю. Ларин³⁷. Видимо, он был не далек от истины, поскольку В. И. Ленин высоко оценивал предпринятые «буржуазно-юнкерской» Германией «железные» меры по управлению экономикой в годы войны, хотя и назвал их «военной каторгой для рабочих»³⁸. Как известно, эти меры состояли в государственной монополии и твердых ценах на важнейшие продукты питания и товары ширпотреба, в их нормированном распределении, во введении трудовой повинности, а также разверсточного метода отчуждения сельскохозяйственного продукта от сельского населения³⁹. Еще находясь в эмиграции, в марте 1917 г. В. И. Ленин предлагал «осуществить правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы

³⁴ VI съезд РСДРП(б). Протоколы. — М., 1958. — С. 150–154.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. — С. 151–199.

³⁶ Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 8. — С. 5–6.

³⁷ Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918 гг.). — М.-Л., 1928. — С. 5–6.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. — С. 179, 191.

³⁹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М., 1997. — С. 67.

«обязанностью гражданской службы»⁴⁰. Весной 1918 г. приехавшая для налаживания торговых отношений группа немецких предпринимателей после получения информации от Совнаркома о принципах советской экономической политики заявила: «Знаете, то, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете «коммунизмом», а у нас это называется государственным контролем»⁴¹. Тогда же В. И. Ленин призывал большевиков учиться «государственному капитализму у немцев», «всеми силами перенимать его», «не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴².

В связи с несомненным фактом влияния на большевистское руководство и лично В. И. Ленина германского опыта, а также доставшегося от царского самодержавия и Временного правительства груза нерешенных проблем в экономике дискуссионным является вопрос о роли марксистской идеологии и доктринальных целей большевистской партии при выработке и проведении в годы Гражданской войны политики «военного коммунизма».

Нет сомнений в том, что у большевиков не было заранее четко выработанного плана управления Россией и ее экономикой по «социалистическому пути». В конце августа 1917 г. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»⁴³. Эту же мысль В. И. Ленин повторил на излете своей политической карьеры 17 января 1923 г. в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». В ней он признался, что в октябре 1917 г. у большевиков не было знания «деталей» будущего развития России, и они просто «ввязались в серьезный бой» по принципу Наполеона «On s'engage et puis... on voit» («Сперва ввязаться в бой, а там видно будет»)»⁴⁴. 8 марта 1918 г. на VII съезде РКП(б), еще до начала фронтовой стадии Гражданской войны, в полемике с Н. Н. Бухариным В. И. Ленин заявлял: «Каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем»⁴⁵.

Тем не менее, программные документы большевистской партии и заявления ее лидеров содержат информацию, которая позволяет судить

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. — С. 43–44.

⁴¹ Труды I Всероссийского съезда народного хозяйства. — М., 1918. — С. 157.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 301.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. — С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 45. — С. 381.

⁴⁵ Там же. Т. 36. — С. 64, 65.

об их конкретных планах и действиях по выводу российской экономики из кризиса с учетом влияния на них марксистской идеологии. Вот лишь некоторые и наиболее важные из них.

На Апрельской партийной конференции 1917 г. в качестве первоочередных «шагов к социализму» были названы: национализация земли, установление государственного контроля над банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами (Продуголь, Продамет и др.), проведение всеобщей трудовой повинности⁴⁶.

В работе «Государство и революция» В. И. Ленина простые рабочие и крестьяне вступают во владение уже исправно работающим механизмом империалистической экономики⁴⁷.

Призыв к строжайшему контролю за производством и учету продукции, арестам и отдаче под суд «революционного народа» осмелившихся «поднять руку на народное добро» содержится в воззвании В. И. Ленина к рабочим от 5 ноября 1917 г.⁴⁸ Меры строжайшего контроля, регламентации производства и усиления административно-репрессивных мер в отношении нарушителей трудовой дисциплины последовательно обосновывались и в других выступлениях и работах В. И. Ленина, в том числе в период, предшествовавший красному террору. В этой связи следует подчеркнуть, что склонность к «классовому насилию» и террору оставалась неизменной позицией вождя большевиков в годы Гражданской войны. Анализируя причины победы в войне, он откровенно говорил, что новая дисциплина держалась на революционном насилии, которое следовало использовать не только в военное, но и в мирное время⁴⁹.

В декабре 1917 г. на заседании бюро ВСНХ В. И. Ленин предложил план «по налаживанию правильной хозяйственной жизни», названный участником заседания, будущим начальником ЦУНХУ СССР Н. Осинским (В. В. Оболенским) «проектом всеобщей национализации производства». План предусматривал объявление собственностью государства всех акционерных предприятий, при сохранении управления в руках бывших собственников, если последние подчиняться закону о рабочем контроле и будут предоставлять еженедельную отчетность местным советам. В плане содержались пункты об аннулировании внешних и внутренних займов, о прикреплении всех граждан к потребительским обществам, введении всеобщей трудовой повинности для граждан от 16 до 55 лет и др.⁵⁰

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. — С. 451–452.

⁴⁷ Там же. Т. 33. — С. 1–120.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. — С. 66.

⁴⁹ Там же. Т. 36. — С. 217, Т. 40. — С. 117, 120.

⁵⁰ Там же. Т. 35. — С. 174, 428, 429.

Важным источником, раскрывающим планы экономической политики большевиков, являются наброски В. И. Ленина к проекту новой программы партии, написанные в начале марта 1918 г. В них ставилась цель, которая сводилась к следующему: «социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе» через заводские комитеты под общим руководством советской власти; введение государственной монополии торговли и ее замена в дальнейшем планомерно-организованным распределением через союзы торгово-промышленных служащих; принудительное объединение «всего населения» в потребительско-производительные коммуны и повышение в них «организованности», «дисциплины» и «производительности труда» за счет «соревнования» между коммунами для постепенного сокращения рабочего дня до 6 час. в сутки, постепенного «выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях».

В завершение автор набросков предлагал замену «индивидуального хозяйничанья» отдельных семей «общим кормлением» их «больших групп»⁵¹. Фактически — это была программа «распределительного социализма», который легко мог трансформироваться в «военный коммунизм».

В то же время в «Очередных задачах Советской власти» В. И. Ленина, увидевших свет в конце апреля 1918 г., до выступления чехословаков и начала активной фазы Гражданской войны, говорилось о сохранении рыночных элементов в экономике страны: сдельной оплате труда, аккуратном и добросовестном счете денег, экономном хозяйничанье, зависимости высоты заработка от успешности выполнения установленных норм производительности предприятия и т.д.⁵² Эта установка вождя была не плодом его теоретических размышлений, а отражением реальных процессов в промышленной отрасли страны. Например, о сохранении сдельной оплаты труда, как средства повышения производительности труда шла речь в резолюции Центрального комитета Всероссийского союза рабочих-металлистов от 25 марта 1918 г.⁵³

В этот период для В. И. Ленина главным была не борьба за абстрактную марксистскую доктрину, стойким приверженцем которой он оставался, а желание научить трудящихся «управлять Россией» на уровне конкретных предприятий, с использованием традиционных хозяйственных методов и преимуществ советской власти. Но это не означало отхода от «базовых» ценностей большевистской партии.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 72, 74–75.

⁵² Там же. — С. 165–208.

⁵³ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М., 1997. — С. 56.

Приведенные и другие факты дают основания заключить, что в рамках магистрального направления — строительства социализма — у большевиков имелась программа, основанная на марксистской идеологии и включавшая в себя элементы «военного коммунизма»: национализацию средств производства, тотальную регламентацию экономической и общественной жизни, ставку на «классовое насилие» и т. д. Но они не были чисто «марксистскими», а являлись частью необходимых мер организации экономической жизни в условиях военного времени.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ
В СЕЛЕ ЗОЛОТОНОШКА СТЕРЛИТАМАКСКОГО УЕЗДА
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮЛЬ 1918 г.)**

В статье на основе выявленных источников и научной литературы анализируется крестьянское восстание в селе Золотоношка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Отмечаются отличительные черты рассматриваемого крестьянского восстания.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Стерлитамакский уезд, Гражданская война, крестьянское восстание.

Ivanov A. O.

**SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF THE PEASANT UPRISING IN THE
VILLAGE OF ZOLONOSHKA, STERLITAMAK DISTRICT,
UFA PROVINCE (JULY 1918)**

Based on the identified sources and scientific literature, the article analyzes the peasant uprising in the village of Zolotonoshka, Sterlitamak district, Ufa province. The distinctive features of the peasant uprising in question are noted.

Key words: Ufa province, Sterlitamak district, Civil war, peasant uprising.

Изучение истории Гражданской войны в России — вопрос особый. Это огромное по своим масштабам и последствиям событие всегда привлекало внимание, что отражено в большом количестве различных научных и публицистических работ², которые, в свою очередь, посвящены различным аспектам и широкой гамме сюжетов, составляющих трагическую картину сложного, многогранного внутригосударственного конфликта.

Одним из малоизвестных аспектов истории Гражданской войны на территории Уфимской губернии является история изучения различных крестьянских восстаний 1918 г. Практически все события, связанные с крестьянским сопротивлением продовольственной политики большевиков на территории региона в 1918 г., являются огромным «белым пят-

¹ Иванов Алексей Олегович, кандидат исторических наук, преподаватель Колледжа Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Россия, г. Уфа; ivanov_alex1990@mail.ru.

² Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин, — Мурманск. 2012.

ном» в историографии. Причем, как с точки зрения источниковой, так и, соответственно, информативной составляющей. Сложность изучения подобных событий заключается в том, что приходится буквально «по крупицам» восстанавливать реальную картину произошедшего на основе крайне разрозненного комплекса источников. Достаточно сложно выявить хоть какие-то значимые материалы, порой практически полностью отсутствующие в фондах архивов.

Социально-экономическая ситуация в регионе в конце 1917 – начале 1918 гг. характеризовалась началом радикальных преобразований в деревне. Взявшим власть большевикам в «наследство» от Временного правительства достался сложно разрешимый продовольственный вопрос. Уфимские большевики, работавшие в продовольственных органах Временного правительства, прекрасно видели ситуацию в губернии и к концу декабря 1917 г. твердо убедились в необходимости силового давления на деревню в целях изъятия хлеба. С победой Октябрьской революции и утверждением новой власти в стране постепенно была ликвидирована частная торговля, объявлено о немедленной отмене помещичьей собственности на землю, введен прямой продуктообмен между городом и деревней, продовольствие также, как и при Временном правительстве, стало распределяться по карточкам. В стране начались первые локальные боевые действия, ознаменовавшие развертывание полномасштабной Гражданской войны.

Применительно к Уфимской губернии отметим также, что большевики региона основной упор в своей политике делали на продовольственный вопрос и заготовку хлеба. Исследуя борьбу политических партий в губернии, уфимский историк А. Н. Алдашов также отмечает этот факт: «Иногда складывалось впечатление, что и власть они стремились захватить только с учетом того, как это отразится на работе по реквизиции продовольствия»³. Большевик А. А. Юрьев в своих воспоминаниях в 1933 г. прямо говорил, что «...Центральный комитет нашей партии считал, что Уфимская губерния по существу должна служить главным резервуаром продовольствия»⁴. Говоря о подготовке организации «штурма», в преддверии Октябрьской революции, на страницах многотомной «Истории гражданской войны в СССР» авторы отмечали в разделе «На Урале», что местным большевикам были заранее даны четкие указания: «...В частности уфимской партийной организации поручалось приготовить несколько хлебных маршрутов для отправки в Петроград и Москву на следующий

³ Алдашов А. Н. Общероссийские социалистические партии в Уфимской губернии в 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Уфа. 1997. — С. 114.

⁴ НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 415. Л. 24.

день после победы пролетарской революции»⁵. Приведенные сведения свидетельствуют, что Уфимская губерния была заранее избрана в качестве своеобразного «резервуара» для выкачки продовольствия в центральные (потребляющие) регионы. В данном случае, уфимским большевикам были вполне известны данные о том, что «Излишек наличного хлеба за покрытием потребностей населения Уфимской губернии выражается в количестве около 25 миллионов пудов»⁶.

Подобная политика, позже получившая наименование «военный коммунизм», вызвала мощные, зачастую «рецидивные» восстания в уездах Уфимской губернии. События этих восстаний в советской историографии освещались мало, кратко и характеризовались как «кулацкие», «антисоветские» или «кулацко-эсеровские». Эта тенденция нашла свое отражение в трудах местных исследователей, опубликованных на страницах различных сборников⁷.

В советской историографии тема, связанная с историей крестьянского протеста проводимой в 1917–1918 гг. социально-экономической политики, была, фактически, табуирована, поскольку научная разработка данного вопроса гарантировано привела бы к формулировке общих выводов, которые бы шли в разрез с идеологическими установками того времени. Достаточно проследить эволюцию советской историографии в описании какого-либо факта крестьянского сопротивления, чтобы увидеть определенную трансформацию взглядов советских историков, которая, впрочем, менялась очень медленно и с некоторой «оглядкой».

Восстание, о котором идет речь в данной статье, в советской региональной историографии, по понятным причинам, серьезно не изучалось. Вместе с тем следует отметить, что в статье Т.Х. Ахмадиева, изучавшего историю становления Советской власти в г. Стерлитамаке и Стерлитамакском уезде, впервые в региональной историографии кратко упомина-

⁵ История гражданской войны в СССР: в 5-ти т. М. 1943. Т. 2. — С. 94.

⁶ Уфимский торгово-промышленный вестник. 1918. № 3. 31 января. Стб. 13; То же: НА РБ. Ф. 8865. Оп. 1. Д. 55а. (без нумерации страниц).

⁷ Сираев З. И. Продовольственная помощь трудящихся Башкирии Фронту и пролетарским центрам Советской России в 1918–1920 гг. // Из истории Башкирской АССР: сб. ст. — Уфа, 1959. — С. 48–67; Юлдашбаев Б. Х. Организация большевиками Октябрьского переворота — первой победоносной социалистической революции // Научная сессия, посвященная 40-летию Октябрьской революции (31 октября — 1 ноября 1957 г.). — Уфа. — С. 7–9; Чемерис В. П. Установление Советской власти в Башкирии (октябрь–декабрь 1917 г.) // Научная сессия, посвященная 40-летию Октябрьской революции (31 октября — 1 ноября 1957 г.). — Уфа, 1957. — С. 10–11; Чемерис В. П. Из истории создания первых сельскохозяйственных коммун и артелей в Уфимской губернии в 1918 г. // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии: сб. ст. / под ред. Р. Г. Кузеева, Б. Х. Юлдашбаева. — Уфа, 1959. — С. 112–113; Аминев З. А. Борьба за упрочнение Советской власти в Башкирии (октябрь 1917 — июнь 1918 годов) // Ученые записки БГУ. Вып. 1. — Уфа, 1957. — С. 77–108.

ется о восстаниях в селе Нагадак Богоявленской волости, случившегося в апреле 1918 г.⁸, а также в деревнях Золотоношка и Тюршили⁹, в имении Пылаевых¹⁰, произошедших уже летом 1918 г. Особенность изложения материала автором статьи состоит в том, что при упоминании событий, во-первых, не даются четкие даты этих событий, а во-вторых, при их описании отсутствует какой-либо научно-справочный аппарат. В итоге, не ясно, какими именно источниками и литературой пользовался Т.Х. Ахмадиев при подготовке рассматриваемой публикации.

Стоит отметить, что в 1960-х гг., кроме общих и монографических работ, выходили повести, посвященные персоналиям руководителей большевиков в Уфимской губернии¹¹, на страницах других произведений сходного жанра затрагивается тема похода красных партизан во главе с В.К. Блюхером¹², где кратко упомянуто «кулацкое» восстание в богатом селе Золотоношка¹³. Отметим, что этими источниками по истории восстания в селе Золотоношка и «ограничивается» советская историография. Из описанного несложно сделать вывод о том, что в целом имеются отрывочные упоминания о восстании в селе Золотоношка, но никакой конкретики, по понятным причинам, относительно событийной стороны нет.

Некоторые детали в последние годы добавлены историком из г. Стерлитамака И. В. Денисовым. В ряде своих статей он вводит в научный оборот воспоминания участников подавления золотоношского восстания, некоторые материалы периодической печати, сохранившиеся до настоящего времени. Именно на основе этих сведений И. В. Денисов анализирует крестьянские восстания на территории Стерлитамакского уезда Уфимской губернии¹⁴. Автор справедливо замечает, что «В июне-июле 1918 г.

⁸ Ахмадиев Т.Х. Борьба за власть Советов в городе Стерлитамаке и Стерлитамакском уезде // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии: сборник статей / под ред. Р.Г. Кузеева, Б.Х. Юлдашбаева. — Уфа. 1959. — С. 71.

⁹ В данном случае Т.Х. Ахмадиевым допущена ошибка в наименовании села. Правильно: Тюрюшля.

¹⁰ Ахмадиев Т.Х. Борьба за власть Советов в городе Стерлитамаке и Стерлитамакском уезде // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии: сборник статей / под ред. Р.Г. Кузеева, Б.Х. Юлдашбаева. — Уфа. 1959. — С. 72.

¹¹ Красильщиков В. И. Интендант революции. Повесть об Александре Цюрупе. — М.: Политиздат. 1968. 335 с.

¹² Недолин И. П. Рейд Блюхера. Уфа: Башкиргоиздат. 1962. 195 с.; Недолин И. П. Перевал. — Уфа: Башкиргоиздат. 1967. 251 с.

¹³ Недолин И. П. Рейд Блюхера. Уфа: Башкиргоиздат. 1962. С. 20; Недолин И. П. Перевал. — Уфа: Башкиргоиздат. 1967. — С. 41–42.

¹⁴ Денисов И. В. Стерлитамак в начале Гражданской войны // Актуальные вопросы современной науки: научный журнал. 2015. № 3(7). — С. 57–58; Он же. Стерлитамакский уезд летом 1918 года // «Великая российская революция 1917–1922 гг. в контексте историко-

на территории Стерлитамакского уезда Уфимской губернии вспыхивает ряд антисоветских восстаний, сведения о которых недостаточно задокументированы в источниках советского времени»¹⁵.

Крайне малочисленна и источниковая база по истории рассматриваемого восстания. В Национальном архиве Республики Башкортостан автором этих строк выявлен фонд Р-4667. Это личный фонд Г.А. Акимова (1925–1971 гг.), участника Гражданской войны, в котором имеются интересные сведения, характеризующие ход и последствия восстаний в ряде сел Уфимской губернии, в том числе и в селе Золотоношка Стерлитамакского уезда в июле 1918 г. В фонде 10311 «Коллекция документов по истории башкирского национального движения (1917–1993 гг.)» нами использованы материалы диссертации Г.И. Гужвенко о крестьянских восстаниях интересующего нас периода.

Учитывая такую слабую источниковую базу, нами были использованы также отдельные материалы музея села Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан для изучения крестьянского восстания в селе летом 1918 г. Для этого была использована машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке», написанная в 1965–1985 гг.¹⁶

Проанализировав советскую и современную историографию, а также источниковую базу применительно к истории восстания в селе Золотоношка, мы можем сказать, что на текущий момент не выявлено серьезных источников по рассматриваемому восстанию; нет исследований, авторы которых с использованием исчерпывающих источников полностью бы раскрыли событийную сторону восстания в селе Золотоношка, произошедшего летом 1918 г. В свою очередь, автор настоящей статьи не претендует на абсолютный характер сделанных выводов. Вместе с тем, необходимо отметить, что предстоит скрупулезная работа по дальнейшему поиску и выявлению в региональных, ведомственных и, возможно, федеральных архивах материалов, объективно иллюстрирующих ход, итоги и последствия рассматриваемого события.

культурного развития страны»: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием 24 ноября 2017 г. Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2017. — С. 36–38; Он же. Зирганское антисоветское восстание летом 1918 года // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. — С. 165–167.

¹⁵ Денисов И.В. Антисоветские восстания летом 1918 г. в Уфимской губернии // Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 29–30 ноября 2018 г.). — Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. — С. 120.

¹⁶ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 1–27.

Пока же на имеющемся материале мы можем заключить, что крестьянское восстание в селе Золотоношка произошло в начале июля и шло некоторое время в течение июля 1918 г.

Село Золотоношка Стерлитамакского уезда было основано в начале XX в. крестьянами-переселенцами из Украины¹⁷. Говоря о хронологических рамках восстания, необходимо отметить, что в данном случае в источниках не всегда указывается конкретная дата, а дается лишь информация о месяцах, в течение которых происходили события.

Таблица 1

Численность и национальный состав населения села Золотоношка по переписи 1917 г.¹⁸

Национальность	Число хозяйств	Число жителей	Площадь посева (дес.)	Число рабочих лошадей	Группировка по посеву (дес.)				
					Без посева	До 4	4,01-10	10,01-15	Более 15
Украинцы	55	395	719,71	112	4	5	13	14	19
Русские	2	9	–	2	2	–	–	–	–
Итого:	57	404	719,71	114	6	5	13	14	19

Золотоношское выступление, судя по имеющимся источникам, началось сразу же, как только стало известно о продвижении чехословаков по железной дороге от Самары к Уфе¹⁹. Перед началом выступления его зачинщики организовали несколько террористических актов против представителей Советской власти.

В данном случае, мы можем выделить отличие Золотоношского выступления от других подобных восстаний. Если в предыдущих выступлениях крестьян мы видим значительный элемент случайности, то Золотоношское готовилось очень тщательно. Помимо убийства советских работников, местные крестьяне организовали экспедицию в Раевку, к занимавшим станцию чехословакам²⁰.

С точки зрения военной стратегии чехи поступили дальновидно, поскольку Стерлитамакский уезд находился на их фланге во время продвижения по железной дороге от Раевки к Уфе. Поэтому чехи были заинтересованы в локализации сил красных в Стерлитамакском уезде. И вполне логично

¹⁷ Золотоношка // Стерлитамакский район Республики Башкортостан: энциклопедия. — Уфа. 2007. — С. 80

¹⁸ Таблица составлена по данным: Роднов М. И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2010. — С. 66.

¹⁹ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 5–6.

снабдили оружием местных крестьян, готовых выступить против большевиков.

Восстание в Золотоношке, судя по данным источников, началось 9 июля 1918 г.²¹ Сразу же был выдвинут лозунг: «спасти Россию от большевиков». Видимо, советские и партийные работники Золотоношки растерялись, тем более пошли слухи, что к населенному пункту пошли отряды чехов. Никакого серьезного сопротивления повстанцам фактически не было оказано. По разным данным было арестовано около 150 чел.²²

Большевики, однако, попытались подавить Золотоношское выступление. 11 июля 1918 г. стерлитамакские красногвардейцы под командованием местного комиссара продовольствия, члена ревкома А. Н. Гарбуза двинулись на Золотоношку. Отряд Гарбуза вступил в Золотоношку почти без боя, расстрелял несколько захваченных повстанцев и сжег 11 домов мятежников. Затем из Стерлитамака пришли сведения, что к городу подходят чехословацкие войска. Отряд Гарбуза вынужден был покинуть Золотоношку. На фоне этих событий противниками большевиков были организованы четыре карательных отряда²³. Судя по отрывочным сведениям, отряд А. Н. Гарбуза был окружен и разбит, почти все его бойцы убиты²⁴.

Несколько позже началось выступление крестьян и в селе Нордовка (18 июля 1918 г.)²⁵. Поскольку Уфа и Стерлитамак уже были заняты чехами, нордовские большевики сделали попытку прорваться в сторону Оренбурга, однако повстанцы пресекли эту попытку²⁶. В начале августа 1918 г. всех арестованных в Нордовке привезли в Золотоношку на кладбище и расстреляли²⁷. По разным данным было убито от 30 до 36 советских и партийных работников²⁸. Золотоношское и Нордовское восстания крестьян оказались последними в непрерывной цепи крестьянских выступлений против Советской власти в Уфимской губернии с февраля по июль 1918 г.

Таким образом, говоря о восстании в селе Золотоношка, отметим, что по данным архивных источников и воспоминаний участников подавле-

²¹ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 6.

²² Там же. Л. 7.

²³ Гражданская война 1917–1921 // Стерлитамакский район Республики Башкортостан: энциклопедия. — Уфа. 2007. — С. 66.

²⁴ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 8.

²⁵ НА РБ. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

²⁶ НА РБ. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 8 об.

²⁸ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 10–12; НА РБ. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–7; Учакин Кулацкое восстание в [селе] Нордовке // Гражданская война в Башкирии: воспоминания участников / Под ред. П. А. Кузнецова. — Уфа: Башкиргоиздат. 1932. — С. 198.

ния восстания²⁹, оно охватило значительную территорию, по сути, объединив ряд близлежащих сел и волостей (Федоровской, Карагушевской, Четырмановской). Указанное восстание местных крестьян (этнических украинцев) имело свои отличительные черты. Первой из них являлось то, что это восстание, по сравнению с другими, случилось достаточно поздно — 9 июля 1918 г.³⁰ и было тщательно спланировано. Вторая черта обусловлена попытками реквизиций хлеба у зажиточных крестьян, что буквально раскололо местное население на два непримиримых лагеря. Третьей чертой было то, что восставшее село стало, по воспоминаниям оставшихся в живых большевиков, межволостным центром «контрреволюции, объединив кулаков нескольких волостей»³¹. Четвертой чертой была значительная удаленность от других центров антибольшевистского крестьянского сопротивления в Уфимской губернии. Пятой чертой было то, что выступление крестьян в Золотоношке и Нордовке началось фактически под влиянием успешного продвижения чехов к Уфе и Стерлитамаку. В свою очередь, события в Нордовке еще раз показали отношение местного населения к аграрным преобразованиям Советской власти и к ее представителям, реализовывавшим на местах социально-экономическую политику центра.

На всем протяжении революции и Гражданской войны в пределах Уфимской губернии крестьянство стало не только объектом борьбы со стороны всех политических сил, действовавших в регионе, но и само активно участвовало в этой борьбе. Свидетельством тому являются многочисленные крестьянские восстания, приведшие, в целом ряде случаев, к попыткам организации крестьянской власти в форме органов крестьянского самоуправления, но без участия большевиков. Итогом жесткой социально-экономической политики большевиков в отношении крестьянства Уфимской губернии стал ее полный провал. В результате крестьянство края перестало оказывать поддержку Советской власти, а многочисленные крестьянские выступления привели к рассеиванию вооруженных отрядов большевиков. Столкнувшись с организованным выступлением в лице Чехословацкого корпуса и Комуча, потеряв поддержку крестьянства, большевики вынуждены были временно оставить территорию Уфимской губернии летом 1918 г.

²⁹ См., напр.: Учакин Кулацкое восстание в с[еле] Нардовке // Гражданская война в Башкирии: воспоминания участников / Под ред. П. А. Кузнецова. — Уфа: Башкиргоиздат. 1932. — С. 196–197.

³⁰ Гражданская война 1917–1921 // Стерлитамакский район Республики Башкортостан: энциклопедия. — Уфа. 2007. — С. 66.

³¹ Музей села Золотоношка. Машинописная рукопись фонда «Социалистическая революция и Гражданская война в Золотоношке». Л. 7.

ТАМБОВСКОЕ И ЗАЗЕЙСКОЕ ВОССТАНИЯ. ПРИЧИНЫ. ФАКТОРЫ. ИТОГИ

В статье осуществляется сравнительный анализ Тамбовского восстания 1920–1921 гг. и Зазейского восстания 1924 г., сравниваются сходства и различия крестьянских выступлений времен Гражданской войны и эпохи НЭПа. Изучается значимость экономического и религиозного факторов восстаний, социальный состав их участников. Анализируются итоги восстания, а также методы подавления и судебного рассмотрения дел участников.

Ключевые слова: крестьянство, повстанчество, гражданская война, религия, новая экономическая политика.

Podlesnov V. I.

TAMBOV AND ZAZAYAN UPRISING. THE REASONS. FACTORS. RESULTS

Abstract: The article provides a comparative analysis of the Tambov uprising of 1920–1921. and the Zazeisky uprising of 1924, analyzes the similarities and differences between peasant uprisings during the Civil War and the NEP era. The significance of the economic and religious factors of the uprisings, the social composition of their participants is being studied. The results of the uprising, as well as the methods of suppression and judicial examination of the cases of the participants, are compared.

Key words: peasantry, rebellion, civil war, religion, New Economic Policy.

Актуальность исследования обоснована необходимостью осмысления роли крестьянского повстанческого движения во время и после Гражданской войны, выявления сходств и различий крестьянских выступлений. Научная новизна состоит в осуществлении сравнительного анализа Тамбовского и Зазейского восстаний, центром последнего стало с. Тамбовка, основанное переселенцами из Тамбовской губернии в начале XX в. Целью статьи является выявление общего и особенного в причинах, ходе и итогах этих крестьянских восстаний. Для ее достижения решены следующие задачи: рассмотрена социально-экономическая ситуация в районах крестьянского протеста накануне восстаний; изучен социальный

¹ Подлеснов Владимир Ильич, аспирант кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета, Россия, г. Тамбов, wlscl990@gmail.com.

состав повстанцев и их политические требования; установлено значение религиозного фактора в их ходе; определены итоги восстаний, установлены сходство и различия в методах их подавления.

Тамбовская губерния исторически являлась одним из крупнейших аграрных центров Российской империи, а её население было преимущественно крестьянским. Председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии В. А. Антонов-Овсенко в докладе в ЦК РКП(б) «О положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением» от 20 июля 1921 г отмечал: «Тамбовская губерния, по составу своего населения, наиболее крестьянская из всех губерний России: на 3 1/4 миллиона сельского населения приходится всего 250000 горожан (8 %)». В 1917 г. здесь было сильно погромное движение, ставшее настоящей проблемой для властей. Так, в Козловском уезде только с 1 по 18 сентября было разграблено 54 частновладельческих имения, часть из них сожжено², а 3 декабря прокурор Тамбовского окружного суда по Борисоглебскому участку докладывал в Тамбов о невозможности прекратить разгром помещичьего имения своими силами³. После установления Советской власти земельный вопрос решен не был, лучшие помещичьи и монастырские земли были отданы совхозам и коммуна, что вызывало недовольство крестьян, которых зачастую мобилизовали для работы в таких хозяйствах. Там, где крестьян не удавалось привлечь к «коммунистической барщине», совхозы зачастую не справлялись с обработкой земли и были убыточны⁴.

Но основным фактором, который привёл к восстанию, была продовольственная разверстка и произвол выполнявших её продотрядов, напрямую подчинявшихся тамбовскому губпродкомиссару Якову Григорьевичу Гольдину. В 1920 г. Тамбовскую губернию поразила засуха, при этом продразвёрстка составила 11,5 млн пуд. зерна, 46 % из которых пришлось на Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский уезды. В Борисоглебском уезде сложилось такое положение, что если бы крестьянство уезда в целом выполнило всю разверстку, то оставшегося хлеба хватило бы только на семена для будущего года. Работники продотрядов не считались с интересами крестьян, зачастую злоупотребляли властью. По донесению волостной коммунистической ячейки Русановской волости, продотряды производили систематические избиения граждан, массовые аресты, содержание арестованных в подвалах при тридцатиградусном морозе, конфискацию предметов, не имеющих никакого

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1058. Оп. 1. Д. 37. Л. 375–378.

³ ГАТО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 4945 Л. 6.

⁴ Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (ГАСПИТО). Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 52–58 об.

отношения к продразвёрстке, не давая снисхождения и беднякам, вдовам и сиротам⁵.

Подобные события спустя три года происходили и в Благовещенском уезде Амурской области. Здесь земельный вопрос не был столь острым, земля всегда принадлежала обрабатывающим ее крестьянам. Гражданская война не вызвала классовых столкновений, не разделила жителей региона на «красных» и «белых», здесь она велась против внешнего врага — японских интервентов, пришлых белогвардейцев и казаков. Еще одной особенностью уезда была разнородность населения волостей. Борисоглебовская, Вознесеновская, Ерковецкая, Песчаноозерская волости были населены православными крестьянами, Гильчинская и Тамбовская — молоканами, Николаевская и Константиновская — казаками. Население уезда составляло 220 660 чел., из них 160 000 крестьян в 246 населенных пунктах. В основном, население было зажиточным, в зависимости от волости, процент зажиточных крестьян составлял от 53 до 70 %. В период Гражданской войны Амурская область входила в буржуазно-демократическую, но подконтрольную Советскому правительству буферную Дальневосточную республику, которая 15 ноября 1922 г. волилась в состав РСФСР. Уже в декабре 1922 г. Амурское бюро РКП (б) объявило ударный месячник по сбору продовольственного налога, который было необходимо собрать как за текущий, так и за прошедший год. К концу декабря было собрано 86 % налога за 1921 г. и 95 % за 1922 г. Невыполнение плана объяснялось неурожаем 1921 г. Следующий 1923 г. тоже был неурожайный из-за болезни зерновых. В итоге, с декабря 1922 по сентябрь 1923 г. крестьянам было необходимо собрать продналог за 3 года. Особенно тяжело налог лёг на хозяйства крестьян-середняков, составлявших 44 % населения области и обязанных заплатить 51,8 % единого налога в губернии. Не сдавших продналог крестьян ожидал штраф или тюремное заключение с конфискацией имущества. В декабре 1923 г. по инициативе Дальревкома и региональных финорганов для Амурской области был повышен разряд налогообложения, в итоге, в Благовещенском уезде налог вырос на 26,7%. Амурский губревком обратился в вышестоящие органы с протестом, который был оставлен без внимания. Сбор налога сопровождался массовыми злоупотреблениями местных властей, что подтверждается тем, что из амурской милиции была уволена почти треть сотрудников. Кроме того, часть населения, например, уважаемые в амурских селах баптистские и молоканские проповедники были лишены права голоса при выборах в Совет, что стало еще одной причиной, вызвавшей восстание.

В советской историографии и Тамбовское, и Зазейское восстание были объявлены кулацкими мятежами. Это не соответствует действительно-

⁵ ГАТО. Ф 5201. Оп. 1. Д. 1357. Л. 280.

сти, участниками обоих восстаний были представители самых разных социальных слоёв. Большинство участников Тамбовского восстания 1920–1921 гг. по своему имущественному положению были середняками и бедняками. Так, из 420 «бандитов» Федоровской волости Тамбовского уезда середняки составляли 64%, бедняки — 30,5%, зажиточные — 5,5 % от всего списочного состава⁶. Политрук названного соратником Г. И. Котовского Алексеем Гарри «антоновской гвардией» 14 Нару-Тамбовского полка Герасим Болтнев, был из зажиточной крестьянской семьи, которой принадлежал хутор со 120 дес. земли, его старший брат числился старостой церкви. Комендант этого же полка, житель с. Галицина Хитровской волости Емельян Швечиков, происходил из бедняков. Поддерживали Партизанскую армию не только крестьяне. В сводке протокола 2-го боевого участка от 5 июля 1921 г. признаётся, что «в дальнейшем придётся наводить район агитаторским и политическими силами, поскольку на местные интеллектуальные силы рассчитывать не приходится»⁷. Были сторонники у повстанцев и в городах. Так, в Информационном бюллетене Особого отдела при ЧК с 25 февраля 1921 г. указано, в г. Тамбове по Кирпичной улице д. 3 собирается группа местной интеллигенции, которая ведет провокации и привлекает крестьян на сторону восставших⁸. Вооруженные силы повстанцев были объединены в Партизанскую армию, насчитывающую в разное время до 20 полков, личный состав, по разным источникам, оценивался от 10 до 50 тыс. человек. Во главе армии стоял Главный оперативный штаб, руководил которым левый эсер Александр Степанович Антонов, при этом повстанцы не имели связей с партией эсеров, всероссийская конференция которых приняла резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы с большевиками в данный момент. Основным лозунгом восставших были: «В борьбе обрешь ты право свое», который был начерчен и на красных знаменах полков.

Были бедняки и в числе Зазейских повстанцев. По свидетельству прокурора Петровского, среди 59 участников судебного процесса над «бандитами» было только 8 кулаков. В советских публикациях руководителями восстания назывались царский генерал Алексеев и полковник Метелица, однако это не соответствует действительности. Казак Василий Петрович Алексеев руководил одним из отрядов, однако генералом он не был, а Николай Григорьевич Метелица носил чин младшего урядника, восстания они не возглавляли. Лидерами выступления были жители села Тамбовка братья Родион, Петр и Андрей Чешевы и секретарь Новоалександровского

⁶ ГАТО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 24. Л. 23–48.

⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп.1. Д. 1055, Л. 24

⁸ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп.1. Д.1047. Л. 4

сельского Совета Михаил Аистов. Петр Чешев был сельским фельдшером, а Андрей Чешев — баптистским проповедником, что позволяло им не привлекая внимание ездить по хуторам и селам для ведения агитации. Известно, что восставшие связывались с бывшим начальником Иркутского военного округа и комендантом Иркутска при адмирале Колчаке К. И. Сычевым, однако помощь дальневосточной казачьей эмиграции была незначительна, а по версии историка В. Н. Абеленцева и вовсе ограничивалась посылкой связных для выяснения обстановки. Основной силой восстания были жители волостей, численностью около 5 тыс. чел. Руководило восстанием сформированное в селе Тамбовка Амурское правительство, председателем которого был избран Родион Чешев. Символом восстания стал возвращенный русский трехцветный флаг, хотя многие повстанцы, воевавшие до этого в Красной армии, настаивали на использовании флага красного.

Амурское правительство приняло программу, в которую входило завоевание политических свобод, в т.ч. свободы слова, печати и вероисповедания; неприкосновенность личности и имущества граждан; изменение налоговой политики таким образом, чтобы не разорять налогоплательщиков; политика землепользования должна оставаться без изменения вплоть до решения этого вопроса избранным Учредительным собранием.

Эти пункты перекликаются с выработанной тамбовскими повстанцами программой Союза Трудового Крестьянства, которая включала в себя политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы, свободу слова, печати, совести, союзов и собраний, проведение в жизнь закона о социализации земли, Созыв Учредительного собрания по принципу равного всеобщего прямого и тайного голосования, не предпреляя его воли в выборе установления политического строя, допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны⁹.

В обоих выступлениях важную роль играл религиозный фактор, место которого в Тамбовском восстании до сих пор не оценено исследователями. Среди населения губернии ходили слухи о том, что Советская власть, будучи властью антихриста, продлится ровно 42 месяца, после чего коммунисты будут вырезаны и наступит царство Божие¹⁰. Эти слухи не могли не вызывать отклика в среде терпящего притеснения большевиков крестьянства, которое оставалось в большинстве своём православным. Принимали участие в восстании и представители духовенства. Краевед Борис Юдин упоминает о поддерживавшем восставших священнике с. Хитрово

⁹ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф.235. Оп. 1. Д. 29. Л. 77–78.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 964. Л. 41.

Георгии Муравьеве, который пользовался авторитетом в селе и влиял на настроения граждан. Его сыновья занимались антисоветской пропагандой, листовки и оружие хранили в церкви на хуторе Беговой. Информационные сводки содержат сведения о хранившей эсеровскую литературу дочери попа¹¹ и «злостных бандитах» сыновьях священника¹².

Наиболее показателен случай, приведенный побывавшим в Тамбове в январе 1921 г. Питиримом Сорокиным, когда остановившие поезд антоновцы заподозрили одного из пассажиров в том, что он коммунист. «Другой задержанный, который болтал о коммунизме, стал горячо доказывать, что в душе он не коммунист, а всего лишь служит в комиссариате финансов, чтобы прокормить семью. «Ладно! Посмотрим. Крест на груди есть?» Дрожащий служащий вытащил крест и человек в форме сказал: «Только это спасает тебе жизнь. Советую оставить свой комиссариат и не болтать больше коммунистической чуши».

Религиозный фактор Зазейского восстания усиливался тем, что здесь во всех селах здесь велось не только гражданское, но и церковное обучение жителей независимо от их принадлежности к той либо иной конфессии. Претворение в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» ставило под удар всю устоявшуюся систему образования. Советское государство выступало не только против Православной церкви, но и против других распространенных в области конфессий — мормонов и баптистов. Прошедшая с 5 по 8 марта 1923 г. Дальневосточная конференция РКП(б) подтвердила необходимость усиления антирелигиозной работы, приняла решение об усилении всех звеньев антирелигиозной пропаганды и скорейшем претворении в жизнь вышеупомянутого Декрета. Религиозные притеснения вызвали ответную реакцию верующих, среди которых начали ходить слухи о скором конце света. Люди верили, что антихристу (подразумевались коммунисты) рано или поздно придет конец, и желали этого как избавления. Одновременно со всех кафедр молитвенных домов оглашались слова известного проповедника баптизма Якова Винса — американского миссионера, который еще в 1919 г. переехал в Благовещенск из Владивостока: «Братья во Христе, никогда люди своим ограниченным умом не добьются осуществления великих идей свободы, равенства и братства. Забыто людьми священное писание. Испортились люди, и дети их испортились. По театрам, да по митингам и собраниям больше ходят, чем о молитве думают: с малых лет развращаются».

Тамбовское восстание продлилось с августа 1920 по июнь 1921 г., последние группы повстанцев были уничтожены поздней осенью.

¹¹ РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 89. Л. 56.

¹² ГАСПИТО. Ф. П-840. оп. 1. Д. 1110. Л. 60.

Восстание Зазейское началось 10 января и было разгромлено в феврале. Экономические требования крестьян в обоих случаях были выполнены: марте 1921 г. продразверстка была отменена, а после Зазейского восстания продналог был снижен в два раза, были уволены допускавшие нарушения советские работники, для сдавшихся повстанцев была объявлена амнистия. При этом небольшие экономические послабления были компенсированы жесточайшим террором в отношении крестьян. В Тамбовской губернии по приказу командующего войсками М. Н. Тухачевского №130 брались в заложники семьи повстанцев, для них были созданы концентрационные лагеря, имущество конфисковалось¹³. Пленных Антоновцев зачастую без суда расстреливали после допроса. При боевых участках для суда над восставшими создавались Особые тройки¹⁴, использовались эти карательные органы, носившие в тот период название «Коллегия Амургуботдела ОГПУ полегруппы Амурских войск» и при подавлении Зазейского восстания. Документально подтверждено около 400 вынесенных ими смертных приговоров, но по свидетельствам жителей Благовещенского уезда их было более 1000. Количество погибших при подавлении Тамбовского восстания до сих пор точно неизвестно. Многие из попавших под амнистию участников восстаний стали жертвами политических репрессий в 30-е гг.

В. В. Самошкин упоминает, что, узнав об отмене продразверстки, Александр Степанович Антонов сказал: «Да, мужики победили. Временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка». Историк В. П. Данилов называет эту «победу» равносильной поражению¹⁵. В реальности же, «победа» была не только временной, но и иллюзорной, поскольку кардинальных изменений в отношении Советской власти к крестьянству не произошло. Присоединив к РСФСР Дальневосточную республику, коммунисты проводили там те же самые действия и совершали те же самые ошибки, что привело к новому, на этот раз локальному, но схожему с событиями 1920–1921 гг. восстанию. Основной причиной крестьянских выступлений в обоих случаях стала проводимая большевиками аграрная политика, чрезмерные поборы с крестьян. Другим фактором стали вызывавшие недовольства крестьян антирелигиозные мероприятия Советской власти, направленные как против Православной церкви, так и против других религиозных течений. В обоих случаях руководство повстанцев выходило на связь с антикоммунистическими движениями за пределами района восстания, но грамотная координация совместных

¹³ ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д.1000. Л. 9.

¹⁴ РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

¹⁵ Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.ru/history/danilov_rev.html (дата обращения: 01.06.2021).

действий осуществлена не была, и оба крестьянских выступления были жестоко подавлены. В обоих случаях Советская власть пошла на экономические уступки восставшим, но предлагаемая ими программа не была выполнена даже наполовину. Политические и религиозные репрессии продолжались, прекращение же вооруженной борьбы со стороны крестьян не означало примирения с Советской властью, а говорило об отсутствии ресурсов для этой борьбы¹⁶.

¹⁶ Выражаю благодарность Амурской областной научной библиотеке имени Н. Н. Муравьева-Амурского и лично заведующей отдела краеведения и редких книг Чесноковой Марине Константиновне за предоставленные материалы.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Осуществляется анализ аграрной политики в начале 1920-х гг. Сделан вывод, что после перехода к нэпу произошел отказ от принуждения крестьян к выполнению государственного задания. Основным стимулом развития крестьянского хозяйства должна была стать экономическая заинтересованность.

Ключевые слова: НЭП, аграрная политика, крестьянство, сельское хозяйство, регулирование землепользования, агрономическое обслуживание.

Ilinykh V. A.

AGRARIAN POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE EARLY 1920 s.

Author analyzes agrarian policy of the state in the beginning of 1920 s. It is concluded that after transition to NEP, there was a refusal to coerce the peasants to fulfill the state assignment. The main incentive for the development of the peasant economy was to be economic interest.

Key words: NEP, agrarian policy, peasants, agriculture, regulation of the land tenure, agronomic services.

В 1919 – начале 1921 г. в Советской России сложилась система социально-экономических отношений и методов управления, которая определялась как «военный коммунизм». Она основывалась на отказе от товарно-денежных отношений, натурализации обмена, государственном распределении продуктов по классовому признаку, милитаризации труда. Данная политика была реакцией на чрезвычайные условия Гражданской войны и в то же время отражала программные положения правящей Коммунистической партии и идейные взгляды ее лидеров. В аграрной сфере составными частями «военного коммунизма» являлись административный и повинностный характер регулирования сельского хозяйства, насаждение «социалистических» форм организации сельхозпроизводства, продовольственная разверстка.

Чрезвычайные методы управления экономикой стали одним из факторов, способствовавших победе большевиков в тотальной Гражданской войне. После ее окончания большевистское руководство не отказалось от

¹ Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск, agro_iwa@mail.ru.

«военного коммунизма», решив, что продолжение данной политики позволит в короткие сроки добиться достижения стратегической цели Коммунистической партии — построения социализма.

Однако данный курс вызвал ожесточенное сопротивление крестьянства. Основным лозунгом массового крестьянского движения стало требование установления строго фиксированных обязательств перед государством и разрешения свободной торговли излишками сельхозпродукции. С трудом подавленные масштабные антисоветские вооруженные выступления вынудили большевиков уступить крестьянству и перейти к новой экономической политике.

Первым актом нэпа стал переход от продразверстки к продналогу, который был декларирован 15 марта 1921 г. в известной резолюции X съезда РКП(б)², а затем 21 марта законодательно оформлен ВЦИК РСФСР³. В соответствии с постановлением ВЦИК государственная монополия на сельскохозяйственную продукцию и разверстка как способ ее осуществления отменялись. Государство становилось собственником не всей произведенной крестьянами продукции, а только ее части, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное количество продовольствия и сырья оставалось в полном распоряжении крестьянина и могло быть использовано как для внутрихозяйственного потребления и накопления, так и для продажи (обмена).

Однако публичная декларация о переходе к экономическим принципам взаимоотношений с крестьянством не означала одномоментного отказа от военно-коммунистических методов проведения аграрной политики. Взимание продразверстки в Сибири фактически завершилось лишь с наступлением весенней распутицы. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 г., в котором выполнение доведенного до села и двора государственного посевного плана объявлялось государственной повинностью⁴, весной 1921 г. отменено не было. Свободная торговля сельхозпродуктами первоначально разрешалась в пределах местного рынка. Межрайонные операции передавались государственной потребкооперации, которой дозволялось осуществлять оборот товаров исключительно путем их непосредственного обмена и по фиксированным обменным эквивалентам (ценам). Ограниченный характер имела и официально предоставленная крестьянам свобода распоряжения «излишками» сельхозпродукции. Большая ее часть изымалась

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. — М., 1983. Т. 2. — С. 370–371.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1967. Т. 1. — С. 213.

⁴ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. 1917–1922: сб. документов. — М., 1959. Т. 1. — С. 135–140.

по продналогу, который для Сибири оказался еще более тяжелым, чем разверстка. До выполнения завышенного налогового задания свободная торговля сельхозпродукцией запрещалась. На железных дорогах выставили заградотряды. Местные власти продолжали самоуправную конфискацию у селян продуктов их труда.

Неспособность монополистических государственно-кооперативных структур приобрести у крестьян необходимое количество сельхозпродукции, вызванный катастрофическим неурожаем в Поволжье продовольственный кризис, продолжающееся падение производства вынудили руководство страны с осени 1921 по лето 1922 г. пойти на достаточно радикальную либерализацию экономики. Упразднились ограничения на свободу товарооборота. Разрешалась денежная форма обмена. Цены «отпускались». Государственные предприятия снимались с государственного обеспечения и переводились на хозрасчет. Отменялась всеобщая трудовая повинность. Осуществлялось разгосударствление и частичная приватизация предприятий мелкой промышленности.

Произошли радикальные изменения в целеполагающих основаниях и методах реализации аграрной политики. С повестки дня снималась поставленная в начале 1919 г. задача перехода «от единоличных форм землепользования к товарищеским»⁵. Ведущая роль в восстановлении экономики страны, разрушенной Гражданской войной и «военным коммунизмом», отводилась крестьянам-единоличникам. Доходы, полученные ими от продажи произведенной продукции на рынке, должны были создать базу для восстановления собственных хозяйств. Государство публично брало на себя обязательства создать благоприятные юридические и экономические условия для наращивания производственного потенциала крестьянских хозяйств, а также оказать им организационно-финансовую помощь (машиноснабжение, кредит, землеустройство, агрономическое обслуживание и т.п.). Развитие крестьянской экономики создавало базу для восстановления народного хозяйства страны в целом.

Базовым принципом работы с крестьянством в новых условиях должен был стать не приказ, а стимулирование инициативы. В резолюции XI съезда РКП(б) от 2 апреля 1922 г. «О работе в деревне» подчеркивалось, что «работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного подхода»⁶. При этом методы «ударности» и «кам-

⁵ «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

⁶ Решения партии и правительства... Т. 1. — С. 308.

панейщины» в проведении мероприятий по развитию аграрной экономики постепенно заменялись принципами планомерности и постоянства.

К выработке аграрной политики в начале 1920-х гг. привлекались известные ученые из числа так называемых буржуазных и мелкобуржуазных специалистов, среди которых были и экономисты, имевшие отличные от марксистских взгляды на решение аграрного вопроса. В состав Плановой комиссии при Наркомате земледелия РСФСР (Земплана) входили А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, Д. Н. Прянишников, Б. Н. Книпович. В 1922–1923 гг. Земплан фактически превратился в рабочий аппарат Наркомзема, без заключения которого не решался ни один важный вопрос в коллегии наркомата.

Общепризнанными препятствиями на пути восстановления сельского хозяйства являлись неурегулированность земельных отношений и неустойчивость крестьянского землепользования. В связи с этим в качестве одной из основных задач советской власти в деревне в первые годы нэпа рассматривалось обеспечение устойчивости прав на землю. В решении XI конференции РКП(б) по докладу Наркомзема «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» были провозглашены базовые принципы решения земельного вопроса в условиях нэпа: а) «упрочение крестьянского землепользования»; б) «предоставление крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования». При этом особо подчеркивалось «незыблемое сохранение национализации земли»⁷.

На необходимость решения земельной проблемы указал состоявшийся в конце декабря 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов, призвавший «обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей», что должно было «побудить их к наилучшему вложению в нее затрат в виде удобрений, земельных улучшений и т.д.». Съезд также поручил ВЦИК разработать правила использования наемной рабочей силы и аренды земли крестьянскими хозяйствами⁸. Нормативным оформлением поставленных партконференцией и съездом советов задач стал принятый в мае 1922 г. «Основной закон о трудовом землепользовании»⁹. Кодификация земельного законодательства на базе нэпа завершилась утверждением 31 октября 1922 г. IV сессией ВЦИК Земельного кодекса¹⁰, разработка которого была возложена на Наркомат земледелия РСФСР.

Земельный кодекс подтверждал национализацию земли и изъятие ее из товарного оборота. Основной формой сельскохозяйственного использования национализированных земель провозглашалось трудовое

⁷ КПСС в резолюциях... Т. 2. — С. 468.

⁸ Решения партии и правительства... Т. 1. — С. 268–269.

⁹ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.

¹⁰ Там же. № 68. Ст. 901.

землепользование. Земли, находившиеся в фактическом пользовании волостей, селений и сельскохозяйственных объединений, закреплялись за ними в постоянное пользование. Дальнейшее «поравнение» земель между волостями и селениями в директивном порядке прекращалось. Обеспечивалась судебная защита права на землепользование.

Законодательно устанавливались три юридически равноправные формы трудового землепользования: «а) общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); б) участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков) и в) товарищеский (с совместным использованием землею членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли)».

В рамках общины каждый крестьянский двор или их группа получали право «отказаться от существующего порядка землепользования и выйти с землею к одному месту». При реализации данного права согласия земельного общества во время проведения полного передела принадлежавших ему сельхозугодий не требовалось. В период между переделами выход без согласия общины допускался в том случае, если этого требовала законодательно установленная часть ее членов (не менее 1/5 от общего числа дворохозяйств или не менее 50 дворов в земельном обществе, имеющем в своем составе более 250 хозяйств). Предусматривались меры против чрезмерного дробления крестьянских дворов вследствие разделов. Вводились ограничения на переделы общинных земель. Землеустройство следовало в первую очередь проводить «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальноземелья и т.п.».

Земельный кодекс предусматривал для крестьянских хозяйств ограниченное право аренды земель и использования наемного труда. Оно предоставлялось дворам, «временно ослабленным» из-за стихийных бедствий, недостатка инвентаря и рабочей силы. Аренда земли, как правило, разрешалась на срок одного севооборота, а при его отсутствии — на 3 года¹¹. Арендатором могло стать хозяйство, обрабатывающее свою и арендованную землю без применения наемной рабочей силы. Наемный труд фактически мог иметь только сезонный характер и допускался «лишь при непременно сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя», т.е. при условии, если его наличные трудоспособные члены принимали участие в сельхозработах «наравне с наемными рабочими». При этом наем допускался лишь при условии соблюдения законодательства о труде.

¹¹ «В исключительных случаях» предельный срок аренды мог быть увеличен до двукратного севооборота или 6 лет.

В Сибири применялись более либеральные нормы регулирования отношений аренды и найма рабочей силы, чем это предусматривалось Земельным кодексом. Так, в Алтайской губернии, помимо сдачи в аренду части своих земель «временно ослабленными» хозяйствами, разрешалась аренда не используемых сельхозугодий, принадлежавших крестьянским общинам. Устанавливался предельно допустимый ее срок — 6 лет. Право использования наемного труда предоставлялось не только «ослабленным» хозяйствам, но и любому крестьянскому двору, включая арендаторов. Расширительное применение норм сторонниками данного подхода объяснялось необходимостью «возможно большего увеличения посевной площади» и наличием в губернии большого количества неприписанных к общинам переселенцев и беженцев. Наемный труд для многих из них являлся «единственным средством к существованию», а арендованные участки в связи с отсутствием постоянного права на земельный надел давали возможность завести земледельческое хозяйство. Использование в качестве наемной рабочей силы переселенцев и беженцев позволяло, в свою очередь, «более крепким старожильческим хозяйствам» увеличить площадь посева¹². Следует отметить, что в силу предельно сжатых сроков уборочных работ, которые определялись климатическими особенностями, в найме в Сибири нуждались не только зажиточные, но и маломощные крестьянские хозяйства.

После перехода к нэпу радикально изменилась кооперативная политика советского государства. Потребительская кооперация должна была превратиться из огосударственного распределительного аппарата в инструмент хозяйственной «смычки» между городом и деревней, мелким сельским товаропроизводителем и социалистической промышленностью. Объединение крестьян в выделяемую из потребительской сельскохозяйственную кооперацию рассматривалось как обязательное условие для восстановления сельской экономики. При этом ставка делалась на развитие специализированной сбыто-снабженческой кооперации, а также так называемых простейших производственных товариществ. Задача «организации крупного социалистического земледелия» отодвигалась на отдаленную перспективу. Более того, государственная материальная и финансовая помощь колхозам была фактически прекращена. Коллективные хозяйства переводились на кооперативный устав и преобразовывались в производственные сельскохозяйственные кооперативы. Ранее предоставляемые им налоговые льготы отменялись.

Перестройка экономики на базе нэпа непосредственно коснулась земельных органов в регионах. Резко сокращалось их бюджетное финансирование. Подведомственные предприятия (совхозы, ремонтные

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1383. Л. 374–375.

мастерские, сельскохозяйственные склады, ветеринарные аптеки, прокатные и случные пункты и др.) переводились на хозяйственный и коммерческий расчет. Вместо бесплатного обслуживания и снабжения крестьянских хозяйств и колхозов вводилось платное. Часть мелких предприятий (мастерских, мельниц) передавалась кооперации или сдавалась в аренду, в том числе частную. Платными становились также ветеринарные услуги и землеустроительные работы. Специалисты, ранее прикрепленные к земельным органам в порядке обязательной профессиональной мобилизации, получили право свободного выбора места работы.

Изменились и базовые принципы работы земельных органов с крестьянами. В отчете Сибземотдела за первую половину 1921/22 сельскохозяйственного года констатировалось, что «уже в конце сентября [1921 г.] выяснилась неприемлемость старых методов работы земорганов (разверстание и принуждение), насущнейшая необходимость новых методов и приемов»¹³. В отчете Алтайского губземотдела от 26 апреля 1922 г. указывалось, что метод «понуждения» крестьянина к выполнению государственного задания в обязательном порядке трансформировался в дачу агрикультурных рекомендаций «в соединении с демонстрацией лучших способов обработки земли, проверенных на местном опыте наряду со снабжением старательных хозяйств улучшенными сортами семенного материала и усовершенствованными земледельческими орудиями и демонстрацией на деле экономической целесообразности рекомендованных мероприятий без всяких насильственных мер». При этом центр тяжести в государственном регулировании аграрной экономики переносится «на экономическую заинтересованность производителя в размерах и результатах производства»¹⁴.

Таким образом, после перехода к нэпу приоритетной целью аграрной политики советского государства провозглашалась поддержка индивидуального крестьянского хозяйства. Произошел отказ от принуждения крестьян к выполнению государственного задания. Основным стимулом развития сельского хозяйства должна была стать экономическая заинтересованность производителя во внедрении рекомендованных ему мероприятий по улучшению культуры земледелия и животноводства.

¹³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1020. Л. 26.

¹⁴ Там же. Д. 258. Л. 21.

ИЗ ПРАКТИКИ ВЗИМАНИЯ ПРОДНАЛОГА В 1921–1923 гг.

В статье отражена практическая работа местных продовольственных органов советской власти по сбору продналога на основе изучения рассекреченных документах РГАЭ. Автор приходит к выводу, что практика сбора продналога сохраняла во-многом архаичные формы продразверстки.

Ключевые слова: НЭП, продналог, крестьянство, Наркомпрод, губпродком, ревтрибунал.

Pushkarev V. S.

FROM THE PRACTICE OF COLLECTING THE FOOD TAX IN 1921–1923.

The article reflects the practical work of local food authorities of the Soviet government to collect food tax on the basis of studying declassified documents of the Russian State Agrarian University. The author concludes that the practice of collecting the food tax retained in many ways archaic forms of prodravzverstki.

Key words: NEP, prodnalog, peasantry, Narkomprod, gubprodkom, revtribunal.

Одним из актуальных направлений в изучении истории России 1920-х гг. в XXI в., является изучение повседневности в ее различных аспектах: социальным, культурным, экономическим. В частности, рассмотрение повседневности в экономическом аспекте позволяет исследовать историю повседневной хозяйственной практики 1920-х гг., показывающий будни экономической жизни страны того времени, своего рода «обыденный НЭП».

Неотъемлемой частью исследования хозяйственной практики 1920-х гг. в России является рассмотрение практики сбора налоговых поступлений, в данном случае с большинства тогдашнего населения страны — крестьянства. Размеры налогообложения, методы и порядок сбора налогов отражают действительное отношение государства к тем или иным социальным группам населения, степень готовности государственной власти (местной и центральной) к принятию товарно-денежных отношений как базы для восстановления хозяйственной жизни России, влияние экономической политики государства на развитие внутреннего рынка страны.

¹ Пушкарев Виталий Семенович, начальник отдела Российского государственного архива экономики, Россия, г. Москва, oio@rgae.ru.

Предыдущая форма сбора налогов с крестьянства (продразверстка), введенная в разгар гражданской войны декретом СНК РСФСР от 11 января 1919 г.², представляла из себя скорее конфискацию урожая, собранного крестьянами, чем налоговые сборы. В распоряжении крестьян оставалось зерна только на ограниченное личное потребление и посевную кампанию. Конечно, без действенной помощи продотрядов и загранотрядов кампании по сбору налогов было невозможно провести. Известным декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. продразверстка была заменена натуральным налогом³. Продналог в количественном отношении должен был стать для крестьян значительным облегчением, так как уменьшил налоговое бремя на них примерно вдвое. Наряду с продналогом с сельскохозяйственного населения взималось еще ряд налогов (трудгужевой, подворно-денежный и ряд других). 17 марта 1922 г. продналог подвергся унификации. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР взамен существовавших в 1921/22 г. натуральных налогов на продукцию сельского хозяйства устанавливается на 1922/1923 г. единый натуральный налог, исчисляемый в единой весовой мере – пуде ржи или пуде пшеницы⁴. Ликвидирован продналог был одновременно с установлением единого сельскохозяйственного налога на 1923/24 г. декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г.⁵ Как мы видим, история взимания продналога охватывает два хозяйственных года: 1921/22 и 1922/23.

Для изучения практики сбора налогов с крестьянства в период НЭПа исследователи располагают добротной источниковедческой базой. Здесь можно выделить три основные группы источников: отчетные материалы (доклады, докладные записки, телеграммы, письма) местных продовольственных органов в Наркомпрод РСФСР о ходе и результатах кампании по сбору налогов с крестьян, в том числе продналога; письма граждан или должностных лиц в различные партийно-государственные учреждения, в которых затрагивался или освещался вопрос по сбору налогов с крестьянского населения; информационные материалы (сводки) ГПУ (ОГПУ), содержащие информацию о реакции крестьян на проводимые государством налоговые кампании. Значительная часть документов, указанных выше, рассекречены. Был опубликован большой комплекс инфосводок ГПУ (ОГПУ) о советской деревне за 1921–1923 гг.⁶

² СУ, 1919, №1, ст. 10–11.

³ СУ, 1921, №26, ст. 147.

⁴ СУ, 1922, №25, ст. 284.

⁵ СУ, 1923, № 42, ст. 451.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. /Т. 1. 1918– 1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 864 с.; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. /Т.2. 1923–1929 гг. / Под ред. А. Береловича,

При рассмотрении практики взимания продналога в 1921/22 г. обращает на себя внимание сохранение прежних «продразверсточных» методов сбора продналога, характерных для периода «военного коммунизма». Так, 11 января 1922 г. Череповецкой губпродтройкой был объявлен месяц продовольственной диктатуры. Тройка предоставила право райпродтройкам и волпродтройкам в противоречие с действующим тогда законодательством налагать в административном порядке штрафы на неплательщиков семсуды и продналога в четырехкратном размере недоимки⁷. Также продолжали активно действовать ревтрибуналы, выносившие суровые приговоры должникам по выплате продналога. Например, в телеграмме Архангельского губпродкома от 24 января 1922 г. сообщалось, что с начала кампании по сбору налогов 21 января аресту было подвергнуто 3992 чел. В ряде волостей были полностью закрыты рынки. Вынесено 126 обвинительных приговоров, оправдательных 57⁸.

Важным моментом в уплате продналога для крестьянского хозяйства было определение размера налога. Казалось бы советским государством была провозглашена политика, направленная на облегчение налогового бремени для крестьянских хозяйств, в первую очередь для бедняцких и середняцких хозяйств. Однако, на практике нередко были случаи, когда назначался такого размера продналог, что после его уплаты крестьянское хозяйство полностью разорялось. Так, в жалобе служащего Мариинской пожарной команды П.Ф. Постникова в Томский губревтрибунал от 27 января 1922 г. сообщалось, что уплатить причитающейся его семье продналог он не смог. Постников был занят по месту службы и поэтому не помог семье в сельхозработах. Томский губревтрибунал не принял во внимание это обстоятельство и приговорил за невыполнение 100 % продналога к конфискации принадлежащего Постникову всего движимого и недвижимого имущества. По его словам, после исполнения приговора, его семья нищенствует⁹.

Другой пример показывает, что даже служба в правоохранительных органах не является гарантией защиты от произвола ревтрибуналов. В прошении служащего милиции Мариинского уезда М.И. Будько сообщалось о конфискации у его отца движимого и недвижимого имущества по приговору Томского губревтрибунала за невыполнение продналога. При этом с помощью родственников его отцу удалось собрать требуемую сумму, но с опозданием в сроке сдачи продналога. За опоздание в сроке

В. Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 1068 с.

⁷ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1085. Л. 17.

⁸ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1791. Л. 24.

⁹ Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сборник документов/ отв. ред. В. И. Шишкин. — Новосибирск: Автограф, 2020. — С. 72–73.

на отца было наложено пенни в виде выплаты продналога в двойном размере, что отец Будько сделать уже не смог. В результате крестьянин со всем своим семейством (12 чел.) оказался на улице и без средств к существованию¹⁰. Большой размер продналога, даже выплаченного вовремя, наносил значительный ущерб крестьянскому хозяйству, препятствуя его восстановлению после гражданской войны. Так, в Госинфсводки ВЧК по Терской области от 16 января 1922 г. отмечалось, что крестьяне продают рабочий скот и обменивают его на зерно с целью уплаты продналога, вследствие чего сельское хозяйство разрушается¹¹. А в Госинфсводки ВЧК по Омской губернии от 4 февраля 1922 г. также отмечается, что в Славгородском уезде крестьяне продают скот, семенной материал, сельскохозяйственный инвентарь, чтобы уплатить продналог¹². В этом же уезде коммунисты, полностью сдавшие продналог, были вынуждены наниматься в батраки к кулакам¹³. В статье для газеты «Беднота» члена Васильевской сельскохозяйственной артели «Пчелка» Хлопцова от 20 января 1922 г. отмечалось, что «с введением новой экономической политики и продналога, беднота в деревне задыхается. В центральных губерниях беднота голодает подобно поволжанам»¹⁴.

Наиболее ярким свидетельством сохранения методов сбора налогов периода продразверстки при проведении кампании по сбору продналога в 1921/22 г. были действия продотрядов и заградотрядов. Они продолжали оставаться ударной силой налоговой кампании в деревне и буквально выколачивали из крестьян продналог. Госинфсводки ВЧК — ГПУ содержат многочисленные примеры самоуправства и бесчинств, которые совершали продотряды во время сбора продналога. Так, в Госинфсводки ВЧК по Омской губернии от 11 февраля 1922 г. сообщалось, что бесчинства продработников в губернии достигли совершенно невероятных размеров. Собрав жителей нескольких сел на общее собрание один из продотрядов, оперирующих в Омской губернии, избивал собравшихся нагайками и обнаженными шашками. Не выполнивших полностью продналог топтали лошадьми. После чего сажали голыми в холодные амбары¹⁵. В Госинфсвод-

¹⁰ Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сборник документов/ отв. ред. В. И. Шишкин. — Новосибирск: Автограф, 2020. — С. 74–75.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — С. 559.

¹² Там же. — С. 569.

¹³ Там же. — С. 573.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 564. Л. 53–53об.

¹⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — С. 573.

ки ВЧК по Новониколаевской губернии от 16 января 1922 г. указывалось, что самочинные репрессии продотрядов продолжаются. Заградотряды отбирают у крестьян хлеб, привозимый ими из других районов для уплаты налога¹⁶.

Как видно из приведенных документов методы сбора продналога в первый год НЭПа остались практически такими же, как и при проведении продразверстки. В основе их лежали жесткие меры внеэкономического принуждения. В практике сбора продналога проявилось действительное отношение большей части быстро развивающегося после окончания гражданской войны советского бюрократического аппарата к крестьянству, как податному сословию. На словах в политике советского государства по отношению к деревне провозглашался классовый подход, выражавшейся в поддержке бедняцких слоев крестьянства и борьбе с кулаками. Но на самом деле главным для партийно-государственной бюрократии были возможности крестьянства по обеспечению ее существования и развития. Интересно в этом отношении заявление коммуниста рабочего — кузнеца С. Д. Шишкина в Риддерский волостной комитет РКП(б) о выходе из партии от 2 января 1922 г. Вот как он описывает свое участие в кампании по сбору налогов с крестьянства: «Меня посылают и приказывают ни с чем не считаясь вытрясать все до зерна и оставлять на верную голодовку. И кого. Да бедняка. ...Мы берем последнее у бедняка, и кулак над бедняком издевается: «Вот, мол, ваша власть, что с вами делает»¹⁷. При этом С. Д. Шишкин указывает на качественное изменение состава советского государственного аппарата: «у власти стали не нашего поля ягоды, а дети буржуазии и бюрократии»¹⁸.

Кампания по сбору единого продналога в 1922/23 г. проходила в более благоприятных условиях, чем предыдущая. Это было связано с хорошим урожаем 1922 г., унификацией продналога, использованием облигаций хлебного займа для расчетов по продналогу. В целом улучшение условий для проведения налоговой кампании в деревне по-прежнему сочеталось с «наркомпродовскими» методами выбивания продналога из крестьян. В продсводки ГПУ по Вятской губернии от 27 декабря 1922 г. сообщалось, что «главными причинами недовольства крестьян являются сбор равных налогов, а также применение репрессий к неплательщикам. Продналоговая кампания заканчивается, хотя ход ее замедлился. ... Налог поступает под давлением властей»¹⁹. В 1922/23 г. изменились по сравне-

¹⁶ Там же. — С. 560.

¹⁷ Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сборник документов/ отв. ред. В. И. Шишкин. — Новосибирск: Автограф, 2020. — С. 62.

¹⁸ Там же. — С. 63.

¹⁹ РГЭ. Ф. 1943. Оп. 22. Д. 32. Л. 3.

нию с 1921/22 г. виды нарушений, допускаемые продработниками. Если количество сообщений о случаях насилия со стороны продработников над налогоплательщиками заметно снизилось, то количество сообщений об использовании со стороны продработников своего служебного положения в корыстных целях, наоборот, выросло. Например, в Госинфсводки ГПУ по Вологодской губернии от 25 сентября 1923 г. сообщалось, что «продналоговая кампания в текущем году повсеместно сопровождалась крайне нежелательными явлениями. Во многих заготовконторах крестьян систематически обвешивали и обмеривали, особенно часто это имело место на скотоприемных пунктах... Эти злоупотребления вызывают среди крестьян острое недовольство»²⁰.

На втором году взыскивания продналога для выбивания недоимок и устрашения крестьян по-прежнему активно использовались судебные органы. По информации Нижегородского губпродкома от 14 февраля 1923 г. наиболее действительными мерами наказания в смысле влияния на успешное поступление налога были, главным образом, имущественные взыскания. В то же время на 9946 приговоров выездных сессий нарсуда по делам о взыскивании продналога было принесено 7459 жалоб. Главным мотивом принесения жалоб была полная невозможность плательщика уплатить взыскиваемый по суду налог по маломощности своего хозяйства. К концу кампании по взыскиванию продналога в Нижегородской губернии 50% репрессивных мер целиком падают на бедняков, причем процент применения репрессий к беднякам достигает в отдельных районах губернии до 85 %²¹. И здесь мы видим, что в практике взимания продналога реализуется, прежде всего фискальный интерес бюрократической системы. Как показывают письма и сообщения с мест при разборе в суде дел о неуплате продналога нередко были злоупотребления. И тогда приходилось обращаться за справедливостью в самые высокие инстанции. Примером такого документа может служить письмо конторщика Томской железной дороги на имя председателя ВЦИК М. И. Калинина. В этом письме от имени жителей двух волостей Томской губернии сообщалось о злоупотреблениях со стороны уездного продовольственного комиссара при взыскивании недоимок по продналогу. Чувствуя свою полную безнаказанность инспектор, производя опрос перед судом, тыкал оружие в живот крестьянина, приговаривая: «Что, хочешь, чтобы тебе выпустил кишки?»²².

²⁰ РГЭ. Ф. 1943. Оп. 22. Д. 32. Л. 33.

²¹ РГЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1130. Л. 23, 23 об, 24.

²² Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 – декабрь 1929 г.): сборник документов/ отв. ред. В. И. Шишкин. — Новосибирск: Автограф, 2020. — С. 158–159.

Еще одним аргументом в пользу того, что советской властью крестьянство в целом рассматривалось прежде всего, как податное сословие служит сравнение тяжести налогового обложения крестьянства до революции и после революции. Как следует из докладной записки президиума Рязанского губисполкома в Президиум ВЦИК от 14 марта 1923 г. такие подсчеты были произведены по Рязанской губернии²³. Получились следующие результаты:

Налогообложение сельского населения Рязанской губернии в 1911 г.

На душу населения приходится 5,9 р. или 6,5 п. рж. ед.

На двор приходится — 47,8 р. или 53,1 п. рж. ед.

На десятину посевной площади — 11,7 р. или 13 п. рж. ед.

Налогообложение сельского населения Рязанской губернии в 1922/23 г.

На душу населения приходится — 54,7 р. или 6,6 п. рж. ед.

На двор приходится — 312,8 р. или 38,1 п. рж. ед.

На десятину посевной площади — 133,4 р. или 16,2 п. рж. ед.

Подсчет производился в ржанных единицах, которые применялись тогда, как единица измерения при подсчете натуральных налогов. По полученным результатам видно, что тяжесть налогового обложения сельского населения губернии не только не уменьшилась после революции, а даже несколько возросла.

Изучение практики взимания продналога за время его действия показало, что несмотря на провозглашение лозунгов НЭПа, методы сбора продналога большей частью остались прежними, основанными на грубом принуждении. Здесь сыграл свою роль и тот факт, что налоговые кампании по сбору продналога проводил тот же наркомпродовский аппарат, который участвовал в проведении продразверстки. По методам проведения налоговых кампаний в 1921–1923 гг. видно, что для советского государства все крестьянство представляло из себя, прежде всего, податное сословие, обеспечивающее существование советского бюрократического аппарата.

²³ РГАЗ. Ф. 8151. Оп. 6. Д. 16. Л. 49–51об, 53, 53 об, 54, 55, 56.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВХОЗНОГО СЕКТОРА В АГРОСФЕРЕ СТОЛИЧНОЙ ГУБЕРНИИ (1918 – СЕРЕДИНА 1920-х гг.)

В статье рассматривается политика советского государства по формированию системы государственных сельхозпредприятий в первые послереволюционные годы на примере Московской губернии. Прослежены изменения позиции властей относительно совхозов в первое советское десятилетие.

Ключевые слова: аграрная политика, совхозы, Московская губерния, землепользование, социализация, нэп.

Kovalev D. V.

FORMATION OF THE STATE FARM SECTOR IN THE AGRICULTURAL SPHERE OF THE CAPITAL PROVINCE (1918-MID-1920s)

The article deals with the policy of the Soviet state on the formation of the system of state agricultural enterprises in the first post-revolutionary years on the example of the Moscow province. The changes in the position of the authorities regarding state farms in the first Soviet decade are traced.

Keywords: Agricultural policy, state farms, Moscow province, land use, socialization, NEP.

Совхозы изначально рассматривались большевистским руководством, как наиболее прогрессивная, экономически перспективная и потому предпочтительная с точки зрения аграрной стратегии государства форма организации сельхозпроизводства. Хотя, уже первый опыт функционирования советских хозяйств показал, что, с точки зрения рентабельности и решения организационно-производственных задач они в большинстве себя не оправдывали. Неслучайно уже в условиях нэпа последовала кардинальная реорганизация всей совхозной системы, существенно изменившая экономическое и правовое положение совхозов и в несколько раз сократившая их численность.

Их организация развернулась фактически уже спустя месяц после провозглашения советской власти. По инициативе местных советов и

¹ Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, г. Москва и Государственного социально-гуманитарного университета, Россия, г. Коломна Московской области, dmitrij-kovalev@yandex.ru.

хозяйственных объединений они, как правило, создавались на базе конфискованных частновладельческих земель. Правда, поначалу такого рода предприятия именовали не совхозами, а «народными», «советскими», «красными» «экономиями», «имениями» и т. п. Термин «советские хозяйства» вошёл в употребление только летом 1918 г., а «совхозы» — уже с весны 1919 г.

Возможность организации таких хозяйств предусматривалась Декретом о земле и подтверждалась рядом последующих законодательных актов. Однако правовой статус, внутреннюю организацию и принципы хозяйственной деятельности совхозов в общегосударственном масштабе впервые определило «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» 14 февраля 1919 г., закрепившее подведомственность совхозов Народному комиссариату земледелия. С этой целью внутри отдела обобществления сельского хозяйства Наркомзема учреждался подотдел советских хозяйств. Для осуществления руководства совхозами на уровне губерний формировались специальные губернские и районные управления. Постановление СНК от 28 августа 1919 г. «Об управлении советскими хозяйствами» дополнило административно-производственный контроль политическим: губисполкомы назначали политкомиссаров, следивших за управленческой деятельностью, культурно-просветительной и политической работой совхозов «среди сельскохозяйственного пролетариата и окружающего крестьянства»².

Но власти столичной губернии, проявлявшие особую активность в огосударствлении аграрной отрасли и своими решениями нередко превосходявшие нормативные акты центральных органов, уже 17 октября 1918 г. издали собственную «Инструкцию по управлению и эксплуатации советских коммунистических хозяйств». При этом, республиканский наркомзем поспешил дистанцироваться от инициативы губернского комиссариата, направив соответствующее разъяснение о своей непричастности в редакцию «Известий ВЦИК», опубликовавших «Инструкцию»³. Вряд ли данное обстоятельство всерьёз смутило руководителей столичного региона, ибо они не только продолжали следовать избранной линии, но и наращивали свои усилия в этом направлении, попутно втягиваясь в новые разбирательства с Центром.

Характерные для Подмосковья малоземелье и высокая плотность сельского населения, а также относительно небольшой удельный вес крупных землевладений и стабильность поземельной структуры объективно затрудняли выделение совхозам обширных сельхозугодий. Тем не менее, региональная власть стремилась добиться максимального

² СУ. 1919. № 45. Ст. 441.

³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 47. Л. 347.

распространения государственных форм хозяйствования на земле и немало в этом преуспела. Поэтому уже в первые послереволюционные годы численность советских хозяйств в Московской губернии достигла внушительной величины: к началу 1919 г. их насчитывалось уже 250, а к осени 1920 г. – свыше полутысячи, что было вдвое – втрое больше, чем в любой другой губернии.

Во многом это обуславливалось объективными причинами: обострение продовольственного кризиса подталкивало правительство к налаживанию механизмов самообеспечения трудовых коллективов промышленных предприятий и городских учреждений. Декрет Совнаркома «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» 15 февраля 1919 г. предоставлял им право организовывать свои собственные совхозы, вскоре получившие наименование «приписных», то есть приписанных к тому или иному предприятию или организации. Заводы, фабрики, учреждения, во множестве сконцентрированные в столичном регионе, как правило, беспрепятственно получали достаточно большие участки сельскохозяйственных земель, устраивая на них такие «приписные» хозяйства. Площадь угодий, доставшихся подавляющему большинству совхозов, достигала 150–200 и более дес.⁴ Но рабочим и служащим категорически запрещалось заводить в хозяйствах собственные огороды, а также скот или птиц. Обзавестись индивидуальным участком и скотиной на законных основаниях труженики совхозов, как известно, смогли лишь через полтора десятилетия, в разгар «сплошной коллективизации».

Работы по отводу земли советским и коллективным хозяйствам относились к разряду «внеочередных». На фоне неспешных действий власти по распределению конфискованных земель в постоянное пользование крестьянства оперативная и целенаправленная передача угодий в распоряжение трудовых коллективов города вызывала недоумение на местах. «...Наблюдается ненормальное явление, — сообщали в Наркомзем из Козловского волисполкома Московского уезда: — частновладельческие земли, на прирезку которых население возлагало надежды, почти все уходят под разные организации, какие-то «Центрожиры» и т. п.». Стоит обратить внимание, что среднедушевой надел в волости составлял всего-навсего четверть десятины⁵.

К началу лета 1920 г. в Московской губернии к промышленным предприятиям, их объединениям и организациям было приписано 126 хозяйств, в распоряжение которых поступала земельная площадь, превысившая 24 тыс. десятин. При этом, рабочие приписных совхозов об-

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 642. Оп. 1. Д. 602. Л. 4; СУ. 1919. № 39–40. Ст. 384.

⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1589. Л. 139–139об.

работали лишь 13 % (3176 дес.) земельных угодий или немногим больше 25 дес. на хозяйство⁶. Хотя, в своих заявлениях о выделении сельскохозяйственных земель представители промышленного пролетариата брали на себя обязательства показывать пример «образцового социалистического земледелия» местному крестьянскому населению⁷. В действительности же впечатления селян от хозяйственной деятельности совхозных тружеников часто не оправдывали ожидания властей, даже несмотря на сравнительно благоприятные условия развития сельхозпроизводства. Так, образование совхоза «Лотошино» на базе бывшего имения князей Мещерских Волоколамского уезда, где до революции успешно функционировала самая передовая по тем временам и прекрасно оснащённая технически помещичья экономия, по сути, привело это хозяйство в упадок. Причём, в отличие от многих других поместий, подвергшихся разграблению и погромам после революции, здесь удалось сохранить в наличии и сложную сельскохозяйственную технику, и оборудование для мукомольного, маслобойного, сыроваренного, винокуренного производства. Однако бесхозяйственность и отсутствие у администрации и рабочих необходимых опыта, знаний и трудовой дисциплины во многом обесценивали весь этот внушительный потенциал. Бескормица и неудовлетворительный уход вызвали падёж скота, а большая часть полевой земли, заброшенной после 1917 г., не использовалась по назначению вплоть до начала 1920-х гг.⁸

Зачастую уже обрабатываемая крестьянами земля, количество которой никак нельзя было признать достаточным, передавалась совхозам⁹. Весной 1921 г. постановлением Мосземотдела из пользования жителей деревни Лыткино Борисовской волости Можайского уезда, имевших ничтожные наделы (в среднем по 1883 квадратных сажени на едока), было изъято для нужд коммуны «Прогресс», преобразованной из совхоза «Лыткино», 26,5 дес. Причём, коммунары не страдали от малоземелья и до прибавки, располагая площадью в 89 дес. на 26 чел. Более «справедливо» власти обошлись с обществом села Троицко-Лыково (Козловская волость Московского уезда): в порядке компенсации за выгон, перешедший к совхозу «Троицкое», селяне получили землю на другом берегу Москвы-реки, полноценного сообщения с которым поблизости не имелось. Между тем, отторгаемые угодья, до революции в течение сорока лет арендовавшиеся крестьянами у Покровского женского монастыря, плотную

⁶ Справочник о совхозах, приписанных индустриальному пролетариату. Вып.1: Московская губерния. — М., 1920. — С. 3–4.

⁷ Селунская В.М. Рабочий комитет содействия социалистическому земледелию (1919–1920 гг.) // История СССР. 1960. № 5. — С.125.

⁸ ГА РФ. Ф. 5466. Оп. 1. Д. 105. Л. 173.

⁹ РГАЗ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1589. Л. 236; Д. 1590. Л. 80, 81, 85, 203; Оп. 7. Д. 101. Л. 194, 279.

«подходили к их окнам и заборам». После получения жалоб от сельских сходов оба постановления столичного земотдела были отменены Наркомземом¹⁰. Однако нельзя не заметить, что в данном случае правомерность действий губернских властей была уж более чем сомнительной. Иначе крестьянские интересы, возможно, не встретили бы столь явного сочувствия в центральном ведомстве. Ведь приоритетность обобществления крупных земельных владений была прописана во всех важнейших нормативных актах советской власти на данном этапе.

Не являлись исключением и факты самовольного захвата совхозами бывших частных владений вместе с имениями даже без ведома местных земотделов¹¹. По-видимому, к началу 20-х гг. совхозная экспансия приобрела размах, который значительно обострил земельные проблемы крестьянства не только в подмосковном регионе. В принятом 20 марта 1921 г. II сессией ВЦИКа постановлении «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землёю» запрещалось её принудительное отчуждение под советские и коллективные хозяйства, если она уже была распределена, пусть и временно, среди сельского населения¹².

В общей сложности на 1 ноября 1920 г. за советскими хозяйствами в Московской губернии было закреплено 78,3 тыс. дес. — свыше четверти всего распределительного фонда¹³. И в дальнейшем их землепользование продолжало расширяться вплоть до провозглашения нэпа. Однако в экономическом отношении они зачастую себя не оправдывали. Сведения, собранные губернским земотделом к концу лета 1919 г., давали серьёзные основания усомниться в хозяйственной состоятельности данного производственного уклада. Как распространённые явления в деятельности совхозов сотрудниками земельных органов отмечались использование семенного фонда для непроизводственных целей, практикуемый «во многих уездах» найм «исполу» крестьян из близлежащих селений для пахоты, покоса и других видов сельхозработ. Был возбуждён ряд судебных дел по фактам привлечения наёмного труда и сдачи в аренду совхозных угодий. Ревизии выявили также и случаи манипуляций, направленных на сокрытие посевов от продорганов¹⁴.

Многочисленные несовершенства и пороки совхозной системы не ускользнули и от внимания представителей политической элиты. Заведующий отделом ЦК РКП (б) по работе в деревне, член коллегии Наркомата

¹⁰ РГАЭ. Оп. 7. Д. 1010. Л. 49–51; 82–97.

¹¹ Там же. Оп. 6. Д. 1589. Л. 236; Д. 1590. Л. 203.

¹² Известия ВЦИК. 1921. 23 марта.

¹³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 2008. Л. 169, 170.

¹⁴ Ковалёв Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона (по материалам Московской губернии). — М., 2004. — С. 160–161.

земледелия В. И. Невский считал совхозы в лучшем случае потребительскими хозяйствами, едва справляющимися со снабжением собственных коллективов, а часто и вовсе не способными обойтись без государственного продовольственного вспомоществования. Глава советского правительства В. И. Ленин, который оставался одним из наиболее давних и последовательных приверженцев главенствующей роли государственных сельхозпредприятий, в проекте постановления Совнаркома «О мерах по улучшению организации советских хозяйств» в качестве первоочередной меры определил решительную борьбу «против явно помещичьего характера злоупотреблений, которые обнаружились в применении аренды за деньги и исполу и т. п.», а также «против крайней недостаточности трудовой дисциплины и крайне низкой производительности труда»¹⁵.

Тем не менее, численность совхозов неуклонно продолжала расти и к декабрю 1921 г. уже перевалила за 650, а их обеспеченность земельными угодьями неизменно оставалась на сравнительно высоком уровне. По данным 10-процентного земельного исследования 1922 г., проведённого Центральным статистическим управлением, в среднем на один совхоз в Московской губернии приходилось 106,9 дес. (для сравнения: средние размеры землепользования коммун в Московской губернии составляли 60,6 дес., артелей — 43,8)¹⁶.

Новая экономическая политика, во многом реанимировавшая рыночные отношения, обусловила перевод госпредприятий на хозрасчётные принципы функционирования. В сложившихся условиях для подавляющего большинства совхозов иного способа выжить, кроме передачи в аренду имеющихся угодий и материально-технического фонда просто не существовало. Прекрасно отдавая себе отчёт в реальном хозяйственном положении «народных имений», Наркомат земледелия РСФСР осенью 1921 г. разослал в губернские земельные отделы запрос о совхозах, предполагаемых к сдаче в аренду. Ответ, полученный из Московской губернии, не оставлял сомнений в плачевном состоянии совхозного сектора Подмосковья: земотдел Моссовета планировал передать арендаторам 555 совхозов из 653 или 85 % их общей численности в регионе¹⁷. Более того, владельцы приписных совхозов, как правило, категорически не соглашались на роль арендодателей, рассматривая дальнейшее сохранение за собой совхозных земель и имущества, как ничем не оправданную обузу, и всячески стремились от неё избавиться. В конечном счёте, летом

¹⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 5. Д. 15. Л. 39; Ленинский сборник. XXIV. Эпоха гражданской войны 1919–1920. — М., 1933. — С. 51.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. — М., 1924. С. 99.

¹⁷ Центральное управление земледелия и советских хозяйств в свете новой экономической политики. — М., 1921. С. 123.

1924 г. ВСНХ издал приказ о ликвидации системы приписных совхозов. Лишь некоторые промышленные предприятия согласились сохранить за собой бывшие приписные хозяйства и эксплуатировать их уже на правах аренды. Такое решение, например, приняла дирекция Коломенского машиностроительного завода, Строительное управление государственной Каширской районной электростанции (Каширстрой). Но подобные факты являлись исключением. Значительная часть совхозных земель по решению центральных и местных органов власти была передана в постоянное пользование крестьянским общинам. В целом за пять лет с 1921 по 1925 г. прекратили существование три из четырёх советских хозяйств, образованных ранее в столичной губернии¹⁸.

Начало 1925 г. в Подмоскowie ознаменовалось новыми шагами властей по реорганизации совхозной системы с учётом хозяйственной целесообразности. Согласно директиве XIII губернской партконференции, состоявшейся в конце января, предусматривалась ликвидация маломощных совхозов, «затрудняющих правильный порядок землепользования» крестьянским хозяйствам с последующей передачей освободившихся угодий крестьянам «не позже годичного срока после ликвидации». 3 марта и 16 апреля выходят соответствующие постановления Президиума Моссовета¹⁹. Таким образом, аграрные преобразования, намеченные в столичном регионе, по сути, предвосхитили выработку аналогичных мер земельной политики в общегосударственном масштабе под лозунгом «Лицом к деревне» на прошедшем в апреле 1925 г. пленуме ЦК РКП (б), который указал на необходимость передачи «части земель госфонда (в том числе арендуемых госорганами) в пользование крестьян», находя целесообразным в этой связи сокращение совхозов.

Однако в условиях формирования мобилизационной модели экономики и усиления централизации управления народным хозяйством в годы первых пятилеток развитие совхозной системы вновь сделалось одной из приоритетных задач аграрной политики советского государства. В дальнейшем хроническое отставание сельского хозяйства от промышленности вынуждало руководство страны наращивать масштабы огосударствления агросферы посредством преобразования колхозов в совхозы. Последние тем самым превращались в абсолютно доминирующую форму организации сельхозпроизводства. Впрочем, как известно, это не обеспечило необходимых темпов модернизации отечественному агропрому и не позволило предотвратить его сползания к социально-экономическому кризису на закате советской эпохи.

¹⁸ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 548. Л. 119–121, 127 об.; Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник 1923/24–1927/28. — М., 1929. — С. 111.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 548. Л. 119–121, 127 об.

**ЕДИНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ В 1924/1925 гг.:
ОТ ПРИНЯТИЯ ПОЛОЖЕНИЯ К СБОРУ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Автор дает описание кампании по сбору сельскохозяйственного налога в Иваново-Вознесенской губернии. Рассматривает проблемы организации, практики сбора и выполнения налоговых обязательств.

Ключевые слова: единый сельскохозяйственный налог, новая экономическая политика, крестьянство, Иваново-Вознесенская губерния.

Komissarova I. A.

**SINGLE AGRICULTURAL TAX IN 1924/1925:
FROM INTRODUCTION TO COLLECTION
(ON THE MATERIALS OF IVANOVVO-VOZNESENSK REGION)**

The author describes the campaign of single agricultural tax collection in Ivanovo-Voznesensk region and examines the problems of organization, practice of collection and fulfillment of tax obligations.

Key words: single agricultural tax, new economic policy, peasantry, Ivanovo-Voznesensk region.

В истории советского государства есть периоды, которые всегда были интересны исследователям. Новая экономическая политика занимает в этом ряду отдельное место: в силу особых условий в стране, неоднозначного отношения власти ко всему происходящему и времени, когда эксперимент был частью экономики. Постоянные изменения, которые декларировало государство в начале каждого хозяйственного года и уже в ходе его, часто имели отношение к аграрному сектору и налогу с крестьянства, как важной его части. Стоит отметить и особенности кампании 1924/1925 г. С одной стороны, в этот период налог занимал важное место в экономике, в том числе поддерживал проведение финансовой реформы. С другой стороны, государство, все больше внимания уделяло не экономическим свойствам налоговых платежей, а возможности через налоги влиять на разные категории населения в своих интересах. Тем более интересно проследить ход, условия и результаты налоговой кампании 1924/1925 гг. на местных материалах.

¹ Комиссарова Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, ФГУВО «Ивановский государственный университет», Россия, г. Иваново, komissarova-ia@rambler.ru.

Можно отметить, что в историографии 2000-х гг. многие исследователи пошли, именно по этому пути, дополняя и уточняя союзный материал и государственную политику в целом. Так, например, В. А. Саблин, анализируя основные тенденции и этапы налоговой политики в деревне Европейского Севера России, акцентирует внимание на эволюции законодательной базы и делает выводы о том, что налоги к концу восстановительного периода играли важную роль в процессе товаризации сельского хозяйства². Е. В. Касимов анализирует влияние, которое оказал на ход налоговой кампании 1924/25 гг. переход на денежную форму взимания единого сельскохозяйственного налога. Делает вывод о резком повышении общей суммы налогового задания для Чувашской автономной области и о том, что правительству удавалось поддерживать баланс между экономической целесообразностью и идеологическими установками правящей коммунистической партии³.

Мы считаем, что выявление особенностей проведения очередной налоговой кампании в каждом регионе позволяет оценить качество налоговой работы теоретиков и практиков НКФ. И в какой-то степени выявить данные к оценке общей экономической, в определенной степени политической ситуации в стране на указанный период.

Работая над данной статьей, мы исходили из предположения, что в ходе кампании по сбору единого сельскохозяйственного налога 1924/1925 хозяйственного года крестьяне и местный аппарат испытывали серьезные затруднения. Причины, по нашему предположению крылись в общей тяжести обложения и в том числе, в неблагоприятных погодных условиях в стране и в Иваново-Вознесенской губернии.

При подготовке статьи были использованы материалы Государственного архива Ивановской области фонда Иваново-Вознесенского губернского исполнительного комитета Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Мы просмотрели дела, напрямую связанные с подготовкой и проведением налоговых кампаний в 1923–1925 гг. 1923 и 1925 гг. были выбраны с целью, оценить ситуацию до начала и результаты по окончании соответствующей налоговой кампании. Также были использованы материалы губернской газеты «Рабочий край», официальное издание губернского и городского Совета, губернского комитета РКП(б) и губернского профсовета.

По итогам 1923/1924 хозяйственного года, налоговому аппарату удалось в целом стабилизировать объем поступлений по прямым налогам

² Саблин В. А. Сельскохозяйственный налог в северной деревне с 1917 по 1930-й годы: монография. Вологодский государственный университет. — Вологда, — 2017. — С. 96.

³ Касимов Е. В. Проведение сельхозналоговой кампании 1924/25 года в Чувашской автономной области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13, — № 3, — 2011. — С. 128.

в государственный бюджет (17,8 % к итогу доходов, а сельскохозяйственный налог составлял — 10 %)⁴. Это во многом было связано не с успехом самой налоговой политики, сколько с использованием таких инструментов, как расширение круга плательщиков и увеличение ставок. К окончанию 1923 г. к тем или иным платежам были привлечены практически все категории населения, а экономисты неоднократно заявляли о том, что тяжесть обложения для значительной части крестьянского населения достигла предела. Так, на заседании президиума Иваново-Вознесенского губисполкома неоднократно рассматривались ходатайства уездных и волостных исполкомов о понижении или налога в целом, или разрядов урожайности, или размера облагаемой земли: «...ставки налога поглощают весь урожай...», «...часть налога была взыскана лишь благодаря применению в широком масштабе принудительных мер...»⁵. Среди самых серьезных недостатков существующей системы обложения называли: слабое информирование крестьян об условиях, сроках и порядке обложения; высокий, а по определению отдельных сотрудников волисполкомов «непосильный» разряд урожайности; слабую работу на уровне волостей приемных пунктов и касс⁶.

На государственном же уровне отмечался рост объемов сельскохозяйственного и промышленного производства, финансовая реформа была признана успешной, предполагалось, что все это дает основания для налоговой реформы. Следует заметить, что в НКФ ситуацию оценивали критично, о недостатках обложения говорили регулярно на самом высоком уровне. Зам. председателя наркомфина М. К. Владимиров на II Всесоюзном съезде Советов в числе недостатков называл: неспособность налогового аппарата быстро приспособить зависимость цен ржаной единицы к денежным ценам; неправильный подход к определению ставок, не считаясь с близостью рынка и степенью экономического могущества района. Для устранения этих недостатков Владимиров предлагал следующие изменения в декрете: твердые сроки сдачи налога и переход к обложению всех доходов, поступающих в хозяйство⁷. Крестьяне в отличие от властей, считали, что объектом обложения может быть только земля. Облагать ее предлагали в зависимости от ценности, исчисленной в деньгах, по стоимости одной десятины⁸. Близким, по сути, к предложениям крестьян был

⁴ РГАЗ. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 731. Л. 2; Пергамент И. Бюджет СССР на 1926/1927 год // Финансы и народное хозяйство. 1927, — № 6, — С. 4–6.

⁵ Государственный архив Ивановской области (Далее: ГАИО). Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 739. Л. 15, 16.

⁶ XIII губернский съезд советов // Рабочий край. — 1924. — 15 января.

⁷ II Всесоюзный съезд Советов. Доклад зам НКФ М. К. Владимирова // Известия. 1923, — 2 февраля.

⁸ Чесноков А. Единый сельскохозяйственный налог. Нужно учитывать только землю // Беднота. 1924, — 23 марта.

проект НКЗ, в основу которого легли тезисы Н. Д. Кондратьева, который предлагал в текущем году перейти к принципу районности в обложении, так как лошадь, корова, по его мнению, в разных районах экономически разные величины по рентабельности и хозяйственному эффекту. Система налога не должна быть подоходной, а должна основываться на реальных объектах (например, земля)⁹.

ЦИК и СНК посчитали предложение НКФ о приближении системы сельскохозяйственного налога к подоходным принципам наиболее отвечающей их интересам. В конце апреля 1924 г. было утверждено новое положение. Система прямого обложения приняла исключительно денежную форму. Это был шаг вперед в сравнении с 1921–1923 гг. Но множественность, как основная черта сохранилась. Объектом обложения был не отдельный источник (например, земля) а все хозяйство и скот, и пашня, и сенокос. Ввели положение об определении оклада налога в зависимости от района, урожая текущего года и состояния сельского хозяйства, на основании чего данный район относили к тому или иному разряду по обложению¹⁰. Это было благое начинание. Еще с 1924 г. обложение стали строить по социальному принципу. Плательщиков разделили на три группы по обложению (наименьшая, средняя, наивысшая)¹¹.

Следует отметить еще несколько моментов, связанных с введением нового положения на территории Иваново-Вознесенской губернии.

Первое, подготовительная к новой кампании работа началась в довольно сложных условиях. Не хватало исполнителей на местах (переписчиков для составления списков и агентов для опроса хозяев). Инструкции же рекомендовали сделать это быстро, точно, индивидуально, да еще и «руководствоваться контрольными материалами истекшей налоговой кампании, а учитывать рекомендовали все, вне зависимости от того подлежат объекты обложению или нет». Места просили увеличить штаты технических работников в среднем в два раза¹². Еще в губисполком с мест постоянно поступали жалобы на «недостаток кредитов на работу», что считали «главным и крупнейшим тормозом в проведении всех финансово-налоговых мероприятий»¹³.

Второе, 1923 г. в Иваново-Вознесенской губернии был неудачным, плохие погодные условия во время сева привели к тому, что «часть посева

⁹ Кондратьев Н. Д. О принципах построения единого сельскохозяйственного налога. Доклад на заседании коллегии НКЗ РСФСР. 18 февраля 1924 года // Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. — М.: 1993. — С. 364–372.

¹⁰ Положение о сельскохозяйственном налоге // Известия. 1924. — 6 мая.

¹¹ Постановление ЦИК и СНК о введении в действие положения о едином сельскохозяйственном налоге // Беднота. 1924. — 6 мая.

¹² ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 791. Л. 481.

¹³ Там же. Л. 487 об.

погибла во всех районах в среднем около 11 %, в отдельных районах до 24 %, что стало причиной плохого урожая¹⁴.

В таких непростых условиях началась подготовка к новой налоговой кампании. Практически сразу после получения нового Положения и инструкций губисполком направил во ВЦИК докладную записку о том, что налог дает сильное до 25% увеличение на хозяйство по сравнению с предыдущим годом. «Было отмечено, что общая сумма налога уже на пределе платежеспособности населения, не остается никакой возможности для надбавки в местные средства, установленные нормы для губернии перевода скота в пашню, создают ситуацию, когда даже беднейшие хозяйства платят по второй ставке, а средние по третьей»¹⁵. Таким образом, уже до начала кампании можно говорить о двух обстоятельствах очень сильно осложнивших ситуацию. Во-первых, накопленные проблемы по учету и организации, которые никак не удавалось разрешить, что чаще всего приводило к переобложению крестьянских хозяйств и недомочности, как постоянному спутнику налоговых кампаний. Во-вторых, завышенные требования к губернии в целом. На докладные записки губисполкома в Центр в большинстве случаев был получен отрицательный ответ.

Приступая к проведению кампании 1924 г., местный налоговый аппарат пытался использовать все возможности, задача была объявлена первоочередной. Велась активная переписка, районов с губисполкомом, тот в свою очередь активно писал в Центр. Губернские власти с успехом налоговой кампании связывали большие надежды на исправление ситуации «только поступление налога даст стабильность»¹⁶. Считали, что правильная организация работы позволит стабилизировать ситуацию с рыночными ценами, зарплатами и работой промышленности.

Но, кампания шла медленно с самого начала. У губернской администрации очень серьезные опасения вызывали результаты посевной кампании и виды на урожай в целом, которые были вызваны местными погодными условиями предыдущих лет. Однако соответствующие службы давали вполне благоприятный прогноз по губернии на текущий год. Считали, что урожай будет «вдвое превосходить прошлогодний»¹⁷. А в июле по губернии стали активно распространяться слухи о засухе, как следствие неурожая и голоде. На страницах газеты «Рабочий край» практически раз в неделю на протяжении июля публиковали, как официальные сообщения государственной комиссии, так и статьи в редакторской колонке и за-

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 791. Л. 251.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 761. Л. 107.

¹⁶ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1135. Л. 6.

¹⁷ Киселев П. Ф. Посевная площадь губернии и виды на урожай в текущем году // Рабочий край. — 1924. — 3 июня.

явления от официальных лиц губернии с опровержением слухов («Состояние нашего урожая», «Ложные слухи», «О чем говорят цифры», «Ближе к крестьянскому хозяйству» и другие)¹⁸. Содержание всех статей из номера в номер повторялось. В них пытались успокоить население, признавали засуху в отдельных районах, и рисовали хорошие перспективы на урожай в других, писали о государственном запасе, о помощи и налоговых льготах в пострадавших районах, всей ситуации дали определение «местного недорода». Однако эта ситуация оказала серьезное влияние на подготовку и ход налоговой кампании в Иваново-Вознесенской губернии. На фоне слухов, при повышении налога в целом, первый срок поступления платежа был сорван, практически по всей губернии. Начиная с августа, ощущался дефицит зерна, муки и в частной и в кооперативной торговле. Следует отметить еще одно обстоятельство, с лета 1924 г. в губернии достаточно активно стали поддерживать кооперативную торговлю и закрывать (притеснять) частную. Ситуация очень неоднозначная для крестьян. Для выплаты сельскохозяйственного налога урожай надо было продать, частным торговцам покупать хлеб не давали, у кооперативов не было средств (задержки с кредитами) на покупку, в том числе и потому что цены росли. Налог не сдавали, так как нечем, но активно, по возможности, все раскупали (не только крестьяне), что поступало в свободную торговлю. Ситуация очень напряженной оставалась весь налоговый период до апреля 1925 г. Цены то росли, то падали, причем по отдельным районам в губернии достаточно сильно и, как правило, к срокам окончания очередного окладного периода. Кризис с хлебом сохранялся всю осень. Только в начале декабря, стали появляться материалы с извещением, что хлеб стал поступать в губернию.

С января 1925 г. население, в первую очередь крестьянство Иваново-Вознесенской губернии, опять испытывало серьезные затруднения с хлебопродуктами. Налог не собрали, у крестьянства запаса не осталось, а поставки в губернию задерживались. В телеграмме из Москвы от 25 января 1925 года указывалось: «Наблюдать за экономией хлеба. Расходовать строго по планам. Недопустимо бронирование запасов»¹⁹.

В феврале губисполком указывал, что «запас ржаной муки иссяк окончательно, создается катастрофическое положение на хлебном рынке». В марте с мест уже открыто писали «о паническом настроении, очередях». В апреле, например, Середское ЕПО продукты отпускали только рабочим и пайщикам, крестьянам отказывали²⁰. Это ухудшение ситуации совпало с окончанием третьего срока выплаты сельскохозяйственного налога.

¹⁸ Рабочий край. — 1924. — июль.

¹⁹ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1236. Л. 13.

²⁰ Там же. Л. 18, 26, 26 об.

Но, считать, что в губернии был голод, по нашему мнению, нельзя. Однако эта ситуация очень серьезно повлияла на поступление налога. К 1 ноября по губернии поступление было не более 30%, по плану — 50 %. По отдельным районам — не более 20 %²¹.

И, второе, что серьезно повлияло на весь ход кампании, это реалии налоговой практики. Очень поздно пришли окладные листки, начало самой кампании задержалось до октября.

Официальные власти недоимки объясняли неправильным исчислением, причина которого в свою очередь была в несовершенстве системы обложения в целом.

Крестьянам пришлось выбрасывать на рынок не только то, что можно считать излишками, но и то, что было необходимо для потребления, именно налоги вынуждали так поступать. Для уплаты приходилось использовать даже часть хлебофуража.

Не помогла в сборе налога и погода. Очень рано начались дожди и распутица, которая растянулась практически на весь первый срок сбора. Местам было разрешено продлить срок оплаты до 15 января 1925 г. А с февраля оттепель. Состояние дорог очень плохое, и как следствие крестьяне не имели возможности сдать налог по бездорожью.

Очевидно, что надеяться на выполнение налоговых обязательств в таких условиях не приходилось. Губернские власти пытались решить вопрос и добиться изменений в планах выполнения сельскохозяйственного налога по условиям Иваново-Вознесенской губернии, но ответ от Центра был отрицательный.

Еще весна 1925 г. показала, что надежды на хороший урожай — мало. Зима неблагоприятно сказалась на озимых посевах и клевере «полная гибель культур»²². Соответственно прогнозы на следующую налоговую кампанию также были неблагоприятными.

Подведем некоторые итоги сельскохозяйственной налоговой кампании 1924 г. в Иваново-Вознесенской губернии. Организация сбора по новому положению привела к увеличению количества облагаемых объектов. По уездам процент учтенной пашни, сенокоса, лошадей, коров вырос от 1 до 3 %, по отдельным уездам увеличение выходило до 15%. Увеличился контингент налога и едоки²³. Часто этот рост был связан не с улучшением качества учета, а с расширением числа учитываемых объектов, так, например, стали учитывать и безземельные хозяйства имеющие скот, в компанию 1923 г. они под обложение не попадали. Выросли ставки налога, практически для всех групп плательщиков, отчасти это было вызвано ростом хозяйств и

²¹ Королев М. Равняйтесь по Середе. // Рабочий край. — 1924. — 13 ноября.

²² ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1135. Л. 111.

²³ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 761. Л. 168, 174.

увеличением производства продукции. Но в большинстве случаев рост был не обоснован и связан с несовершенной системой учета, а также кадровыми проблемами местного налогового аппарата. Власти стали требовательнее по планам выполнения налога и реже шли на их понижение даже при неблагоприятных погодных условиях. Жалобы на стихийные бедствия или не рассматривались вообще, или рассматривались в последнюю очередь.

Многочисленные обследования крестьянских хозяйств показывали значительную недоимочность по всем трем группам плательщиков. Среди причин недоимок: неурожай, сопровождающийся понижением цен на сельскохозяйственные продукты; безденежье крестьян, вызванное с одной стороны отсутствием побочных заработков, с другой совпадением сроков выплат; общая тяжесть налога в 1924/1925 хозяйственном году.

Старательные крестьяне в Иваново-Вознесенской губернии платили больше, чем бедняки в пять раз, и больше чем середняки в 2 раза. В целом отдавали довольно значительную часть своего дохода в казну государства, практически на пределе возможностей. В 1924/1925 г. план поступлений по сельхозналогу по стране был выполнен только на 96 %²⁴, а по Иваново-Вознесенской губернии чуть более 80%²⁵. Причем в отдельных уездах в силу сложившейся ситуации такой процент выполнения признавали удовлетворительным²⁶.

В целом, на наш взгляд, следует признать для Иваново-Вознесенской губернии кампанию 1924/1925 г. очень непростой. Накопленные организационные проблемы, дотационный характер бюджета, несовершенная система самого налога создали очень сложные условия со снабжением населения сельскохозяйственными продуктами. Местные власти боялись паники, но сделать мало что могли, так как полностью зависели от решений центра. Мы не можем утверждать, что похожая ситуация была по всей стране, даже не все уезды губернии жаловались на проблемы. Но, главная проблема обложения деревни, прежде всего, заключалась в структуре сельскохозяйственного налога. С момента появления продналога он был ориентирован на максимальный сбор средств. Все изменения, вносимые правительством в систему обложения, преследовали, прежде всего, эту цель. С 1924 г. в положение добавился социальный момент и для крестьянина налог стал бременем с грубым внутренним механизмом. Фискальная нацеленность платежа почти полностью исключала его стимулирующее влияние на сельское хозяйство. Исправить положение при помощи льгот или частичных поправок было невозможно. Нужен был пересмотр принципов построения налога.

²⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 731. Л. 3.

²⁵ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 761. Л. 159.

²⁶ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1135. Л. 184.

К ИСТОРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ В ГОДЫ НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАЭ)

В статье ставится задача ввести в научный оборот некоторые архивные документы из фондов Российского государственного архива экономики по аграрной истории России периода НЭПа по теме развития сельскохозяйственной кооперации в стране.

Ключевые слова: НЭП, сельское хозяйство, кооперация, аграрий, российская деревня, экономическая история, РГАЭ.

Kurapova E. R.

ON THE HISTORY OF AGRICULTURAL COOPERATION IN RUSSIA DURING THE NEP YEARS. (BASED ON THE MATERIALS OF THE RGAE)

The article aims to introduce into scientific circulation some archival documents from the funds of the Russian State Archive of Economics on the agrarian history of Russia during the NEP period on the topic of the development of agricultural cooperation in the country.

Key words: NEP, agriculture, cooperation, agrarian, Russian village, economic history, RGAE.

Период НЭПа в российской экономической истории — значимый экономический и социальный интервал, который вот уже в течение столетия привлекает исследовательское внимание отечественных и зарубежных историков и экономистов. В постсоветский период, с конца перестройки и в первом десятилетии 2000-х гг., в связи с массовым рассекречиванием архивных документов увидели свет сборники первоисточников того времени, посвященные отдельным аспектам развития экономики России периода НЭПа². Тема НЭПа традиционно присутствует и на страницах трудов данной конференции³.

¹ Курапова Елена Рудольфовна, кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, Россия, г. Москва, curapova@mail.ru.

² Протоколы президиума Госплана СССР. 1923 г. Сб. док. М., 1991; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. М., 1991; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1923 гг. М., 1997; Россия и США: экономические отношения. 1917–1933. Сб. док. М., 1997; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М., 2000; Советское военно-промышленное производство (1918–1926). Т. 2. Сб. док. М., 2005; Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Док. и мат.-лы. М., 2008.

³ Соколов А. С. Региональная власть в настроениях крестьян в условиях подъема новой экономической политики 1925 г.): по материалам Рязанской губернии // Государственная

В данной статье предполагается ввести в научный оборот ряд документов из фондов РГАЭ, дополняющих и развивающих тему истории сельскохозяйственной кооперации в России в годы проведения новой экономической политики. При этом упор делается на историю хозяйственной повседневности. Как афористично сформулировал Ю.А. Поляков, по аналогии со знаменитой фразой: «история — это прежде всего повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое»⁴. Документы охватывают период 1922–1926 гг., то есть, время легального рыночного пространства в период НЭПа.

16 августа 1921 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации, который предоставлял «трудящемуся населению сельских местностей» право «образовывать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения необходимыми ... орудиями, удобрениями ... а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства...»⁵. И уже в мае 1922 г. в инструкторском отделе Сельскосоюза готовилось заключение по вопросу приема в число членов Сельскосоюза Костромского районного союза с/х производительных кооперативов, коллективов и организаций. Костромской союз объединял 100 организаций, в числе которых было 35 сельскохозяйственных артелей, 14 совхозов, 13 сельскохозяйственных товариществ, 12 сельскохозяйственных коммун, 5 сельхозартелей по совместной обработке земли, 4 мелиоративных товарищества, 2 овоще-сушильных и огородных товарищества и др. Союз имел розничный магазин в Костроме, выступный взнос был определен в 50.000 руб., паевой — в 1.500.000 руб. с организации. Работа союза по состоянию на май 1922 г. заключалась «в снабжении населения Костромской губернии семенами, сельскохозяйственными орудиями и инвентарем, в заготовке льна по договору с Центросоюзом и Наркомпродом». В силу ряда причин, связанных в основном с нарушением «коопе-

власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. Сб. статей. — Коломна, 2018. — С. 138–142; Комиссарова И.А. Единый натуральный налог 1922 г.: от обсуждения к принятию положения // Там же, с. 146–150; Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Коллизии перехода к НЭПу в 1921–1922 г.: рецидивы военного коммунизма и противоречия новой политики в отношении российского крестьянства // Там же. — Москва, 2020. — С. 135–141; Кулачков В.В. Очерк современной историографии социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики // Там же. — С. 141–149.

⁴ Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. — С. 125.

⁵ Декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации // Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. / Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. Фонд «История Отечества». URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8541#mode/inspect/page/2/zoom/4>. Дата доступа: 19 мая 2021 г.

ративного устава», Костромскому союзу было отказано в приеме в члены Сельскосоюза⁶.

В марте 1923 г. сложилась непростая ситуация в Самарском губсоюзе с/х и кустарно-промысловой кооперации. Осложнение вызвала необходимость уплаты паевых взносов. Председатель правления писал в Сельскосоюз о том, что «стихийные бедствия последних лет, в частности, неурожай, постигший Самарскую губернию в течение двух лет подряд (1920–1921) вконец разорил крестьянское хозяйство ... крестьяне остались без самого необходимого в хозяйстве — без лошади и ... земледельческих орудий». Для уплаты взносов «крестьянин должен будет или распродать оставшийся хлеб и свой инвентарь или заложить его». В письме содержалась просьба об отсрочке уплаты «паевых и вступных взносов до 1 ноября 1923 г., когда крестьянство Самарской губернии сможет это сделать наиболее успешно и безболезненно»⁷.

Летом 1924 г. начал свою работу Маслоцентр. Сохранилась справка правления Маслоцентра о молочной кооперации в России за период 1916–1924 гг. и начале работы Маслоцентра. Низовая сеть молочной кооперации к началу 1925 г. характеризуется следующими цифрами. Кооперативов специальных молочных — 4004, кооперативов прочих, ведущих молочные операции — 1914, всего — 5918. В них состояло 772.100 членов, «коров у членов» — 498.411, сдатчиков молока — 1.070.079, коров у сдатчиков молока — 2.032.955; маслодельных и сыроваренных заводов — 6.503, сливных пунктов — 2351. Основной организационно-производственной ячейкой молочной кооперации является маслодельный или сыроваренный завод, средняя продукция завода «по районам» колеблется от 456 пуд. масла в год (Сибирь) до 96 пуд. (Западный район).

На апрель 1925 г. членство в Маслоцентре оформило 45 союзов, «работающих в области молочной кооперации», они объединяют 4513 кооперативов. При этом сбытовые операции в обороте занимают 91 %. «Особенно, — отмечается в документе, — нужно отметить экспортные операции, имеющие для молочной кооперации исключительное значение». За 1924 г. было экспортировано 456.000 пуд. масла. «В настоящее время Маслоцентром уже заключены договоры с английскими фирмами на поставку им масла в количестве около 700 тыс. пуд. Все заграничные договоры заключены с получением авансов по 1 фунту стерлингов на бочку (225.000 фунтов стерлингов)». В плане на 1925 г. — заготовка около 2 млн пуд. масла, из них в Сибири 1.041.000 пуд., Приуралье — 408.000, Европейской части страны — 478.000; сыра — 900.000; молока и кисломолочных продуктов — 700.000 пуд. Следует отметить и сюжет о снабжении:

⁶ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 1. Д. 8. Л. 172–174.

⁷ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 1. Д. 14. Л. 225.

за второе полугодие 1924 г. Маслоцентром отпущено союзам — сепараторов свыше 1500 штук, маслообработников и маслобоек — свыше 400 штук, а также посуды, лабораторных принадлежностей и прочего. Всего на сумму 565.000 руб. В документе отмечается, что «будучи одной из составных частей сельскохозяйственной кооперации, молочная кооперация занимает в составе последней одно из первейших мест», на ее долю приходится «более трети всего охватываемого сельхозкооперацией числа крестьянских хозяйств». Имеются при этом и сложности: недостаток «государственных стационарных холодильных установок и недостаточность рефрижераторного морского транспорта», «весьма скромные размеры подвижных собственных капиталов», «незначительный размер государственного долгосрочного кредитования», «жесточая конкуренция на местах заготовки с иностранным капиталом в лице смешанных обществ»⁸.

В сентябре 1924 г. был подготовлен обзор Наркомата внутренней торговли СССР по материалам специального обследования в июле – августе 1924 г. на тему «Кооперация в деревне». В основном речь идет о потребительской кооперации, но имеются и некоторые информационные штрихи по теме сельхозкооперации в Курской («Сельскохозяйственный союз и база Курского райсоюза занимаются одним ... делом — торговлей, и торгуют незавидно»), Тверской («...наблюдается скрытая борьба между потребительской и сельхозкооперацией на почве выполнения ими одинаковых функций при безденежности населения») и Саратовской губерниях. В качестве базового вывода отмечается «чисто торговая работа сельхозкооперации»⁹.

Успехи и проблемы сельскохозяйственной кооперации подверглись анализу в докладе председателя правления Сельскосоюза П. А. Садырина на 15 сессии совета Сельскосоюза. По информации докладчика, «рост сельхозкооперации шел вместе с ростом общего состояния народного хозяйства СССР ... Сжатие «ножниц» ... с сентября 1923 г. до октября 1924 г. ... выразилось в поднятии цен на продукты сельского хозяйства на 81 % и понижении цен на продукты промышленности в 25% при общем увеличении продукции промышленности в стране до 50% довоенной, также расширило обороты нашей сельхозкооперации». Был отмечен рост с/х кооперативной сети, на 1 сентября 1924 г. в СССР было «союзов — 390, кооперативов — 28.750, членов — 2.300.000». Средний состав кооператива на 01.01.1924 г. был 59 чел., на 01.07.1924 — 70 чел. Обороты сельхозкооперации по стране за 1923–1924 гг. — 578 млн руб. Продолжилась специализация сельхозкооперации: с 1 июля 1924 г. начал действовать Маслоцентр, с 1 ноября — Всесоюзный центр плодоовощной и виноградарско-

⁸ РГАЭ. Ф. 4110. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–9.

⁹ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 6. Д. 212. Л. 34–27.

винодельческой кооперации «Плодовинсоюз». Какие проблемные сюжеты существуют в деятельности сельскохозяйственной кооперации, по мнению главы Сельскосоюза? Необходимо «направить агрикультурную работу в системе сельхозкооперации». Также предстоит «развить большую активность крестьянства в деле участия в своих кооперативах, создать больше чувства ответственности за свои кооперативы». К сожалению, «до сих пор не разрешена проблема обслуживания сельхозкооперации кооперацией наименее состоятельного населения». Ситуация «усугубляется общим фоном бедности нашего крестьянства, недостаточностью капиталов у самого крестьянства, которое мы кооперируем», при этом «кредиты, которые сельскохозяйственная кооперация получает, кредиты дорогие и не согласованные со сроками наших хозяйственных оборотов. Несомненно, кооперация переживает тяжелый финансовый кризис, изжить который ... без поддержки ... наших финансовых органов государства нам будет в высшей степени трудно». Еще одна задача — вовлечение средств самого населения, «развитие материальной самостоятельности крестьянства»¹⁰.

Немаловажной темой на местах являлись процедурные вопросы. Так, 10 июня 1925 г. Тамбовское губземуправление обратилось с письмом в Наркомат земледелия РСФСР с предложением упрощения процедуры регистрации уставов кооперативных объединений, а именно: передать дело регистрации уставов из губернского земуправления в уездные земуправления. Это не нарушит «общей схемы развития сельхозкооперации... что же касается основной задачи проектируемого мероприятия — приближение дела регистрации к населению, то задача эта в полной мере разрешается, так как ... относительная близость УЗУ к населению ... постоянная живая связь населения с уездным городом, как административным центром и рынком, избавит от возможности бесполезных поездок»¹¹.

Информация о текущем положении дел на местах содержится и в информационных сводках ОГПУ. Так, 14 августа 1925 г. была составлена сводка № 22 материалов информотдела ОГПУ о положении дел в сельскохозяйственной кооперации. Она состоит из нескольких разделов: «Засоренность», «Растраты, другие злоупотребления и бесхозяйственность», «Убыточность и задолженность», «Ненормальности кредитования и кулацкий уклон», «Торгово-потребительский уклон сельхозкооперации», «Связь с частным капиталом», «Отношение населения к кооперации», «Артели», «Кооперативные объединения». В документе приводятся конкретные фамилии людей, проживающих в тех или иных уездах и волостях Ленинградской, Череповецкой, Архангельской, Ярославской, Гомельской,

¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1394. Л. 35–57.

¹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1834. Л. 74.

Псковской, Новгородской, Амурской губерний, вовлеченных в сельхозкооперацию. Очевидно, что информация охватывает негативные, с точки зрения власти, вопросы и сюжеты¹².

Ситуационные итоги «организационной работы в кооперативном строительстве» были подведены в октябре 1925 г. в секретном докладе заведующего информационным отделом ЦК РКП(б) Л. Б. Рошаля. По поводу с/х кооперации было отмечено, что «охват кооперацией крестьянских хозяйств все еще остается незначительным. Слабость постановки на местах массовой кооперативной пропаганды среди крестьянства, наличие местами неправильного подхода кооперативных органов к вступающим пайщикам, в частности требование немедленной уплаты полного пая, является важнейшим препятствием на пути расширения кооперирования крестьянства»¹³.

Январь 1926 г. оказался в финансовом положении весьма непростым для райсельсоюзов Сталинградской губернии, что вызвало необходимость обращения в правление Сельскосоюза с просьбой о помощи со стороны государства. В письме изложены причины тяжелой ситуации — «сильные осенние дожди ... понизили валовой сбор урожая местами до 50 % против предполагаемого, понизили кондицию и качество зерна», «неблагоприятная конъюнктура рынка ... лишила возможности райсоюзы и низовую сеть провести полностью заготовительные хлебные и сырьевые операции и кооперация не получила должных результатов», сильная «перекредитованность хозяйствующего населения» («возврат кредитов был приурочен к 1925, то есть, урожайному году. Население в первую очередь оплатило государству и Сельбанку, после чего оказалось не кредитоспособным и союзы своих долгов взыскать не могли») и др. Руководство Сталинградского союза «настоятельно просит пересмотреть распределение средств» «для санирования балансов между губерниями и союзами» в сторону увеличения для Сталинградской губернии, «доведя для Сталинградского и Усть-Медведцкого союза по 50.000 руб. каждому, а Хоперскому до 35.000 руб., что в итоге увеличение составит для всей губернии 65.000 руб. против определенного»¹⁴.

С просьбой о предоставлении ссуды в сумме 100.000 руб. в основной капитал Балашовского усельсоюза Саратовской губернии сроком на 8 лет обратилось правление указанного усельсоюза в правление Сельскосоюза в июне 1926 г. В письме также имеется описание проблем, с которыми столкнулась местная низовая сельхозкооперация в 1921–1925 гг. «Стихийно возникавшие низовые кооперативы страдали организационной

¹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1834. Л. 96–97.

¹³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1750. Л. 146, 147.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 1. Д. 103. Л. 216, 217.

слабостью, кредитоспособность и платежеспособность населения вообще была подорвана, совзначная система осложняла товарообороты и расчеты, неблагоприятная конъюнктура рынка по реализации хлеба также создавала свои невыгодные последствия» и т.д. К этому добавилась «хозяйственная слабость получивших ссуды и трактора», которая «исключала возможность погашения с их стороны ссуд и платежей вовремя, оплата которых в значительной степени пала на Усельсоюз»¹⁵.

Месяцем позже, в августе 1926 г. на имя ректора Шанхайского университета Юй Ю Жен Наркоматом земледелия РСФСР было направлено письмо с информацией о сельхозкооперации в СССР. В нем описывается организационное и финансовое состояние сельхозкооперации, ее хозяйственная работа. Согласно информации этого документа, на 1 сентября 1925 г. в систему с/х кооперации в СССР входило 5,4 млн крестьянских хозяйств, средний процент кооперированности составляет 22,5 %. При этом «наиболее интенсивно идет процесс кооперирования крестьянства в специальных отраслях сельского хозяйства (молочное дело, табаководство, свеклосеяние, картофелеводство, семеноводство)», сельхозкооперация в «подавляющей массе объединяет средние и низкие по зажиточности группы крестьянства. Хозяйства с 1–2 головами скота составляют, по данным 1925 г., 66,8 % (система Сельскосоюза), 84,2 % (Льноцентр) и 64 % (Союзкартофель)». Что касается финансового состояния сельскохозяйственной кооперации, то по данным на 1 января 1926 г. «собственные средства сельхозкооперации, по предварительным подсчетам, выражаются цифрой около 110 млн руб.», сюда входят паевые взносы (около 20 млн руб.), «...имущество, полученное от досоветской кооперации» («недвижимость ... предприятия ... капиталы, образовавшиеся за счет прибыли»). В то же время «большая часть хозяйственной работы сельхозкооперации производится на заемные средства». В разделе о хозяйственной работе сельхозкооперации рассматривается, в сопоставлении «низовая периферия/центр», результаты деятельности «товарных отраслей сельского хозяйства, охватываемых специальными системами» (лен, картофель, птицеводство и т.д.). Упоминается также агрикультурная деятельность сельхозкооперации — организация зерноочистительных, прокатных, случных пунктов, мелиоративных товариществ и др. Наряду с производственной функцией, отмечена и «снабженческая работа сельхозкооперации, особенно в области снабжения машинами, улучшенными семенами, средствами по борьбе с вредителями». Очередной задачей сельхозкооперации названо «укрепление, развитие и углубление» ее работы¹⁶.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 1. Д. 105. Л. 292–293.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3246. Л. 6–9.

Наконец, нельзя обойти вниманием доклад Хлебоцентра СССР от декабря 1926 г. «Структура системы хлебной сельхозкооперации», подготовленный для предоставления в Наркомат торговли СССР. Основной задачей Хлебоцентра, согласно документа, «...является собрать воедино разрозненную работу сельхозкооперации в деле хлебозаготовок и подчинить ее определенному плановому началу». Пока же работа Хлебоцентра «построена по принципу нисходящей комиссии, согласно которому Центром заключаются договора на поставку хлебопродуктов с нижестоящими звеньями, а этими последними — с еще более низшими ступенями». При этом указанные договора «предусматривают конвенционную цену, согласно которой, с выплатой твердой надбавки в возмещение торговых и накладных расходов и комиссионного вознаграждения, производятся все расчеты Центра с периферией». В текущую кампанию «по союзам и кооперативам, работающим по планам Хлебоцентра, занято приблизительно 1900 работников, причем согласно заключенных договоров эти организации предполагают заготовить около 58,6 млн пуд. хлеба». В области гарантирования вкладываемых в хлебозаготовки средств Хлебоцентр предполагает ряд мероприятий, в числе которых — «Уменьшение числа сыпных пунктов против прошлого года с одновременным увеличением их нагрузки ... сокращение глубинных пунктов за счет пристанционных в целях снижения расходов на гужевую доставку» и др.¹⁷

В заключение следует подчеркнуть, что архивный массив по аграрной истории НЭПа в фондах РГАЭ таит в себе еще много неизученных разносторонних фактов, и фонды таких учреждений и организаций как Наркомзем РСФСР, Наркомпрод РСФСР, Наркомторг СССР, Госплан СССР, Сельскосоюз, Хлебоцентр, Маслоцентр, Табаксырье, Винсиндикат, Сельскохозяйственный синдикат, Востваг, РАТАО и других, ждут своих исследователей.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 4108. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–5.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС 1924/1925 гг. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АГРАРНУЮ ПОЛИТИКУ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Рассматриваются причины и последствия экономического кризиса 1924/1925 гг., вызванного неурожаем и хлебозаготовками. Особое внимание обращается на настроения населения в связи с голодом в отдельных районах страны. Анализируются мероприятия правительства, направленные на борьбу с кризисом и предотвращением взрыва политического недовольства крестьян.

Ключевые слова: неурожай, голод, крестьянство, аграрная политика, общественные настроения, хлебозаготовительный кризис.

Sokolov A. S.

THE ECONOMIC CRISIS OF 1924/1925 AND ITS IMPACT ON THE AGRARIAN POLICY IN THE SOVIET COUNTRYSIDE

The causes and consequences of the economic crisis of 1924/1925 caused by crop failure and grain procurements are considered. Special attention is paid to the mood of the population in connection with the famine in certain areas of the country. The author analyzes the government's measures aimed at combating crisis and preventing the explosion of political discontent among the peasants.

Keywords: crop failure, famine, peasantry, agrarian policy, public sentiment, grain procurement crisis.

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес современных исследователей к проблемам социальной истории России. Можно согласиться с мнением, что по-прежнему остается актуальным исследование конкретных голодных лет в истории России, особенно на региональном уровне².

В 1924 г. в 24 губерниях СССР был плохой урожай. Засуха весной и летом поставили страну перед очередным продовольственным кризисом. Под угрозой голода оказались города и села черноземного и нечерно-

¹ Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина, Россия, г. Рязань, falcon140770@yandex.ru.

² Кондрашин В. В., Корнилов Г. Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 — С. 10.

земного регионов. В числе пострадавших территорий была республика Немцев Поволжья, Кабардино-Балкарская область, Сталинградская и Астраханская губернии и ряд уездов в губерниях и областях Самарской, Саратовской, Воронежской, Донской, Терской, Ставропольской. Численность пострадавшего населения в этих местностях равнялась 7 810 тыс. человек. Это было меньшее количество населения по сравнению с голодом 1921 г. Неурожай оказался особенно значительным в Поволжье и Предкавказье. Так, в двух уездах Саратовской губернии гибель посевов достигла 70–78 % посевной площади, в Астраханской — 84 % и в двух округах Донской области 70–80 %³. Население пострадавших районов, в памяти которого не изгладились ужасы голода 1921 г., поддалось в значительной своей части паническим настроениям.

Такое положение поставило перед правительством вопрос об оказании реальной и быстрой помощи пострадавшим районам. 2 июля 1924 г. в правительственном сообщении к населению отмечалось: «Правительство и страна в настоящем году имеют полную возможность не только предупредить возникновение каких-либо бедствий в районах, постигнутых засухой, но и сохранить полностью посевную площадь этих районов для урожая следующего года». В июне 1924 г. СНК была организована правительственная комиссия по борьбе с последствиями неурожая под председательством Рыкова. Секретарем комиссии был назначен С. Крылов. В состав комиссии вошли представители наркоматов, ЦСУ, Верховного суда СССР: Смирнов, Винокуров, Красин, Крылов, Лежава, Петровский, Попов, Свицерский, Фрумкин и Халатов. Перед комиссией были поставлены задачи установления районов, наиболее пострадавших от неурожая, принятие мер по оказанию им своевременной помощи, выработка плана работы с последствиями неурожая, принятие мер к изысканию необходимых средств и распоряжение суммами, ассигнуемыми правительством на борьбу с последствиями неурожая. С июля 1924 г. по март 1925 г. было проведено 26 заседаний комиссии⁴. С целью повышения оперативности исполнения принятых комиссией решений были образованы две мобильные подкомиссии, которые возглавили Фрумкин и Смирнов. Все важнейшие решения ими исполнялись в течении трех дней. На первом заседании комиссии был заслушан доклад Красина о восстановлении и развитии торговли хлебом. Было принято решение завезти хлеб в неурожайные губернии в целях торговли хлебом и понижения цен.

³ СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1924–25 бюджетный год). Под общ. ред. Н. П. Горбунова и А. В. Стоклицкого. — М., 1926. — С. 244.

⁴ Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2019. № 3. — С. 58.

В начале августа комиссия под председательством Рыкова заслушала доклад Моргунова о размере помощи, которую могут оказать общественные организации. Докладчик сообщил, что различными общественными организациями может быть выделено для помощи пострадавшим от неурожая 3.636 тыс. руб.⁵ Через неделю комиссия заслушала доклад Попова об агрономических мероприятиях по борьбе с засухой, разработанным наркоматом земледелия и утвержденного Госпланом. Было признано важным проведение комбинированных мероприятий (мелиорация, агрокультура) по борьбе с засухой⁶. Все последующие заседания Комиссии по борьбе с последствиями неурожая 1924 г. имели важное практическое значение, так как на них принимались решения по самым наболевшим вопросам помощи людям, пострадавшим от неурожая.

Правительственная комиссия самого начала своей работы стала на путь привлечения к оказанию помощи пострадавшим районам различных организаций советской общественности — кооперации, Российского общества Красного Креста, крестьянских комитетов взаимопомощи, а также широкой массы крестьянского населения. Линия правительственной политики была направлена на то, чтобы крестьянство в этой кампании являлось не только объектом правительственной помощи, но и активным участником в общей работе по изысканию и распределению средств и по проведению мероприятий, обеспечивающих сохранение сельского хозяйства на достигнутом уровне.

Недород 1924 г. привел к снижению валовых сборов хлеба, и это не замедлило сказаться на рыночной конъюнктуре. К концу года стали расти хлебные цены и в целом сельскохозяйственные цены. Под их влиянием с ноября 1924 г. начался рост общего индекса цен на 2–4 % в месяц⁷. Рост цен на хлеб не остановила хлебная «интервенция», предпринятая государством в неурожайных районах в целях их понижения, не компенсировал обильный сбор технических культур⁸. Неурожай вызвал ослабление покупательной способности крестьянства, падение торговых оборотов, рост цен на хлеб. Эта ситуация вызвала беспокойство у руководителей финансовой политики, которые опасались, что он может ослабить доверие к червонцу. Для борьбы с ним в январе пошли на сокращение денежной массы на 4 %, но идти дальше таким путем, сильно сжимать кредит, не решились, ибо это могло негативно сказаться на развитии промышленности и торговли.

⁵ Экономическая жизнь. 1924. 8 августа.

⁶ Экономическая жизнь. 1924. 14 августа.

⁷ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. — М., 1998. — С. 101.

⁸ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М., 2013. — С. 184.

В конце 1924 г. замечались неблагоприятные явления и на рынке промышленных изделий — наблюдалось уже на некоторых участках его «бестоварье»⁹. Улучшившиеся благодаря реформе хозяйственные связи между городом и деревней, рост промышленного производства и торговых оборотов, расширенные эмиссионные возможности, вызванные самой стабилизацией валюты в начале 1924 г. — все это позволило поддержать покупательную силу рубля на сравнительно устойчивом уровне.

Неблагоприятное состояние урожая в некоторых районах страны стало определяющим моментом для настроения крестьянства этих регионов. По данным информационных сводок ГПУ за лето — осень 1924 г. во всех охваченных неурожаем районах отмечалось паническое настроение населения.

Неурожай 1924 г. довел Тамбовскую губернию до голода. Валовый сбор хлебов в губернии в 1924 г. составил всего 30 млн пуд., тогда как на потребление населения и корм скоту до нового урожая при самых скромных подсчетах необходимо было 51 млн пуд.¹⁰ Крестьяне распродавали скот, инвентарь, домашние вещи, запасаясь хлебом. Везде быстро росли цены на хлеб. Например, по Саратовской губернии повышение цен за несколько дней достигло 110 %. Одновременно, ввиду усиленного предложения на рынках скота, цены на него резко упали. Цена коровы в Астраханской губернии опустилась до 20 руб. В отдельных районах начался голод и массовое питание суррогатами. Явление голода были отмечены в Нагорном Карабахе, Акмолинской губернии. В Камышинском уезде Саратовской губернии голодало до 50% населения¹¹. Из Республики Немцев Поволжья сообщали, что в связи с неурожаем настроение крестьян подавленное, наблюдался массовый сбыт скота и переселение в другие регионы. Аналогичная ситуация сложилась в Пензенской губернии. В связи с недородом отмечалась выселение из пределов губернии в Сибирь и на Кубань. Крестьяне говорили, что местные власти не заботятся о приобретении хлеба для них. В связи с неурожаем отмечалось усиление религиозных настроений¹². Правительством были проведены срочные мероприятия по сохранению скота, оказанию медицинской и продовольственной помощи пострадавшему населению. На продовольственную помощь было отпущено

⁹ Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. — М., 2008. — С. 411.

¹⁰ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). — М., 2010. — С. 98.

¹¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 2. 1924 г. — М., 2001. — С. 118, 145.

¹² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 2. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 231, 232.

правительством 12 млн руб.¹³ Проводились общественно-мелиоративные работы по борьбе с последствиями неурожая. Недород обошелся советскому правительству в 108 млн руб.¹⁴

Тревожные сигналы о положении советской деревни потребовали от руководства страны разработать принципиально новую политику по отношению к советской деревне. Восстановление крестьянского хозяйства мыслилось руководством страны на основе связи города и деревни. Подразумевалась руководящая роль рабочего класса по отношению к крестьянству. С осени 1924 г. предпринимаемые меры составили важную часть кампании «лицом к деревне» и существенно сказались на политической атмосфере в стране. Практические меры включали в себя проведение политики восстановления законности и правопорядка, «оживление» Советов, укрепление позиций деревенских партийных ячеек. В рамках общего курса «лицом к деревне» была скорректирована ценовая политика: от установления лимитов государство перешло к «экономическим» методам регулирования¹⁵. В октябре 1924 г. пленум ЦК подчеркнул, что задача оживления Советов в деревне является одной из основных и наиболее острых задач момента¹⁶. Широкая пропаганда мер по проведению нового курса и некоторые его итоги позволили руководству страны избежать взрыва политического недовольства крестьян. Тем не менее деревня восприняла лозунг «лицом к деревне», как «поправение» и слабость политической власти, поэтому этот курс продолжался до 1925 г. Восстановление сельской экономики к середине 1920-х гг. привело к тревоге власти по поводу усиления «кулацкой опасности»¹⁷. Однако в середине 1920-х гг. центральной фигурой российской деревни оставалась беднота¹⁸.

Неустойчивая рыночная конъюнктура, связанная как с недостатком хлеба, так и с недостатком промышленных товаров, несколько улучшилась в пользу крестьянства после сокращения налоговых платежей в 1925 г.¹⁹ В целях облегчения процесса накопления в деревне в апреле

¹³ СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1924–25 бюджетный год). Под общ. ред. Н. П. Горбунова и А. В. Стоклицкого. — М., 1926. — С. 250.

¹⁴ Телицын В. НЭП, 1924–1926 годы: «Лицом к деревне» или спиной к крестьянству // НЭП в контексте исторического развития России XX века. — М., 2001. — С. 283.

¹⁵ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг. — Новосибирск, 1992. — С. 128.

¹⁶ Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). — М., 2004. — С. 141.

¹⁷ Кудюкина М. И. Политика «лицом к деревне»: пропаганда и реальность // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. статей. Коломна, 2013. С. 358.

¹⁸ Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. — С. 131.

¹⁹ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М., 2013. С. 184.

1925 г. XIV Всесоюзная партийная конференция решила снизить общий размер налога почти вдвое. Особое внимание конференция обратила на необходимость совершенствования техники взимания налога. В целях поддержки крестьянских хозяйств в ноябре 1925 г. были снижены ставки по сельскохозяйственному кредиту: краткосрочный — на срок до 1 года под 6% годовых; долгосрочный — на срок до 5 лет, под 10% годовых²⁰. Было провозглашено увеличение срока аренды земли, облегчены условия найма рабочей силы, сняты ограничения для участия зажиточных крестьян в кооперативах²¹. Тем не менее, ситуация на местах оказалась более сложной. Сказывались последствия неурожая. Информационные сводки сообщали, что в пищу шли суррогаты, крестьяне в массовом масштабе продавали скот или меняли его на хлеб. Козловский уком РКП(б) 20 марта 1925 г. сообщал в Тамбовский губком: «В уезде голод. Собранного зерна не хватает до следующего урожая. Крестьяне разъезжаются в поисках работы»²². В феврале количество питавшихся суррогатами в АССР Немцев Поволжья доходило до 60%. На почве голодовки и питания суррогатами отмечался рост заболеваний и опуханий. Из Воронежской губернии информировали, что крестьяне теряют надежду на урожай озимых благодаря неустойчивости погоды²³. Впоследствии оценивая хозяйственную конъюнктуру журнал «Большевик» подчеркивал, что «резкие изменения прошедшей зимы внушали серьезную тревогу за судьбу урожая»²⁴.

В 1925 г. урожай хлебов был выше среднего и партийное руководство страны считало, что продовольственная проблема была решена. В июле 1925 г. Сталин в письме к Молотову писал: «Были у меня ростовские ребята. Выясняется, что валовый сбор урожая в этом году приближается к цифре 500 миллионов пудов, т.е. рекордной цифре 1914 г. (я говорю о Югостоке)»²⁵. Урожай 1925 г. повысил общую денежную доходность крестьянства и привел к усилению спроса на промтовары и оживлению торговли²⁶. Продовольственное обеспечение граждан в СССР было луч-

²⁰ Лихолет О. В. Кредитная политика середины 1920-х годов и развитие крестьянского хозяйства (на материалах Нижнего Поволжья) // Современная научная мысль. 2018. № 4. — С. 80.

²¹ Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). — СПб, 2021. — С. 119.

²² Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). — М., 2010. — С. 99.

²³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 3. 1925 г. — М., 2001. — С. 122, 143.

²⁴ Голендо М. Урожай 1925 г. и перспективы его реализации // Большевик. 1925. № 15. С. 42.

²⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. — М., 1995. — С. 30.

²⁶ Булюлина Е. В. Формирование и деятельность местных органов управления торговлей РСФСР в 1920-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). — С. 47.

ше, чем в 1924 г. Города не испытывали недостатка в основных продуктах сельского хозяйства. Поступление зерновых культур по государственным заготовкам в 1925 г. было почти на 50% больше, чем в 1924 г.²⁷ Выросли денежные доходы крестьянства. Если в 1924/25 г. от реализации хлеба они выручили 277 млн руб., то в следующем году — уже 460 млн²⁸.

Реализация хорошего урожая 1925 г. создала уникальную ситуацию на хлебном рынке, когда вместо ожидаемого понижения цен, цены на хлеб стали расти. Хлебозаготовительная кампания сопровождалась конкуренцией частных заготовителей см частным скупщиком, который использовал недостаток хлеба в потребляющих районах. Крестьяне, реализуя сырьевые культуры для уплаты сельхозналога, сдерживали предложение хлеба²⁹. Это срывало и план хлебозаготовок, и план хлебного экспорта. Начиная с середины июля экспортный план менялся каждый месяц³⁰. Сложилась ситуация, при которой не малоимущие слои продавали хлеб по низким ценам, а зажиточные — по высшим. Рост цен грозил превратить хлебный экспорт в нерентабельный процесс, тем более, что на мировом рынке началось падение цен³¹. Государство вынуждено было пойти на дополнительные расходы для закупки необходимого количества хлеба. Выделение дополнительных средств на закупку хлеба не могло не отразиться на напряженном государственном бюджете. Впоследствии, характеризуя хлебозаготовительную кампанию 1925 г. народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников отмечал, что «план хлебозаготовок оказался преувеличенным, что хлебозаготовители выскочили на рынок в слишком большом количестве, что они набрасывались на каждого мужика, который ехал с каким-нибудь кулем в телеге, что была принята неправильная система финансирования...которая дала хлебозаготовителям слишком много денег сразу, и они вышли на рынок с 10 млн рублей, когда на рынке хлеба не было»³². Говоря о последствиях такой политики и влиянии неурожая Г. Я. Сокольников подчеркивал, что «сокращение экспорта вследствие полного выпадения хлебного экспорта привело к необходимости

²⁷ Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на втором этапе новой экономической политики в 1925–1929 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2019. № 4(52). — С. 40.

²⁸ Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. — М., 1999. — С. 399.

²⁹ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М., 2013. — С. 185.

³⁰ Кузин В. Н. Продовольственная безопасность страны и хлебный экспорт в период нэпа: историко-правовой аспект // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Право. 2010. Выпуск 3 (83). — С. 380.

³¹ Телицын В. Л. «Лицом к деревне» и лицо деревни // Россия нэповская. — М., 2002. — С. 273.

³² Соколов А. С. Финансовая политика Советского государства. 1921–1929 гг. — М., 2005. — С. 197.

затратить некоторую часть золотого запаса для расширения ввоза... В целом ряде районов крестьянское хозяйство потерпело жестокий урон, и Советское государство должно было затратить около 100 миллионов рублей для борьбы с последствиями неурожая»³³.

В сентябре 1925 г. подвоз хлеба оставался слабым, главным образом из-за недостатка промышленных товаров, предложение которых являлось главным стимулом для крестьянства. В деревне все более ощущался товарный голод, выразившийся в отсутствии наиболее ходовых товаров. В этой ситуации было принято решение применить административные методы регулирования цен. Хлебозаготовительные органы получили директиву резко снизить цены. Административным снижением заготовительных цен государство пыталось уменьшить покупательный фонд крестьянства, чтобы ослабить товарный голод в деревне. Директивное снижение цен для плановых заготовителей в сентябре–октябре 1925 г. привело к сокращению плановых заготовок и к росту заготовок неплановых заготовителей. Однако впоследствии на внеплановые государственные и кооперативные организации были распространены те же регулирующие меры, что и на плановые. Они должны были вести заготовку по тем же ценам, не переплачивая крестьянам. Государственные заготовки провалились. Вместо запланированного экспорта хлеба пришлось его возить. Хлебозаготовительный кризис 1925 г. был следствием не только низких цен на зерно. Нежелание крестьян продавать хлеб государству было одним из проявлений их протеста, вызванного нарушением «революционной законности»³⁴.

Завершение восстановления сельского хозяйства (в 1925 г. посевные площади достигли 94% довоенных), повышение платежеспособности деревни и возросший в связи с этим спрос на промышленную продукцию требовал расширения промышленного производства³⁵. Строительство предприятий тяжелой индустрии и военной промышленности требовало дополнительных валютных ассигнований, получить которые было возможно за счет форсирования экспорта хлеба. Решение этой государственной задачи во второй половине 1920-х гг. было реализовано путем изъятия материальных средств за счет крестьян.

³³ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Том второй. — М., 2006. — С. 168.

³⁴ Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). — М., 2004. — С. 147.

³⁵ Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М., 2013. — С. 186.

**ЦАРИЦЫНСКО-СТАЛИНГРАДСКАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ПОЛИТИКА ВЫТЕСНЕНИЯ
ЗАЖИТОЧНЫХ КРЕСТЬЯН, 1924–1928 гг.**

Статья посвящена мероприятиям, какие на примере Царицынско-Сталинградской губернии проводились РКП(б)-ВКП(б) и правительством в российской деревне на протяжении пяти лет, предшествовавших переходу к массовой коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшейся ликвидацией так называемого «кулачества», как класса.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), коммуна, крестьянин, батрак, бедняк, середняк, кулак, голод.

Poliakov V. A.

**TSARITSYN-STALINGRAD VILLAGE ON THE EVE OF
COLLECTIVIZATION: A POLICY FOR EVICTION OF WEALTHY PEASANTS,
1924–1928**

The article is devoted to the measures that on the example of the Tsaritsyn-Stalingrad province were carried out by the RCP (b)-AUCP (b) and the government in the Russian village over the five years before the transition to mass collectivization of agriculture accompanied by the elimination of the so-called “kulaks” as a class.

Key words: RCP(b), AUCP(b), commune, farmhand, pauper, middle peasant, kulak, famine.

В ряду драматических событий истории России была коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшаяся ликвидацией трудлюбивого зажиточного населения, именовавшегося «кулачеством». В конце декабря 1929 г., посчитав это за «один из решающих поворотов во всей нашей политике», — генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Джугашвили по парткличке «Сталин», — мероприятия предшествующих лет посчитал «политикой **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества»². Исходя из этого, деятельность коммунистов в деревне в 1924–1928 гг. можно назвать периодом вытеснения зажиточных крестьян, часто с не менее

¹ Поляков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор, Волгоградская академия МВД России, Россия г. Волгоград, vavpoliakov@rambler.ru.

² См.: Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Соч. Т. 12. — С. 166.

жесткими проявлениями к тем, кто попал в эту категорию. Рассмотрению ряда фрагментов тех событий с опорой на материалы из Центра документации новейшей истории Волгоградской области посвящена данная статья, базирующаяся на методологии идиографического пути познания.

Россия, истощаемая большевиками с конца 1917 г., до середины 1920-х гг. оставалась в состоянии голода, жертвами которого стали не менее 6 млн чел. Их большинство пришлось на Поволжье — эпицентр трагедии, включавший в себя и Царицынскую (с апреля 1925 г.) Сталинградскую губернию. Здесь даже в казацком Хопёрском округе, где до советской власти проживали наиболее зажиточные сельчане, на 1 апреля 1925 г. число голодавших достигло 60 % от всего населения. Через месяц обстановка усугубилась до крайности не только на Хопре, но и по губернии в целом. Численность голодных людей даёт полное основание сравнить весну 1925 г. с ужасами 1922 г. На 5 мая 1925 г. только голодавших детей было 113 904 чел.³

И в это же трагическое время не претерпела изменений та коммунистическая идеология отношения к различным слоям деревни, что заложил В. И. Ульянов по парткличке «Н. Ленин». Его суждение, что «там, в деревне крестьяне-«кулаки», которые попытаются сорвать Советскую власть», и призывы «развивать борьбу между богатеями и трудящимися крестьянами», что «кулаков и мироедов необходимо урезать»⁴, и после смерти остались действенными. Именно по такому сценарию проходило заседание фракции РКП(б) Усть-Медведицкого окрисполкома от 23 июля 1924 г. в слободе Михайловка, где рассматривался протокол междуправительственного совещания от 2 июля того же года по поводу «Обсуждения предъявленного иска к оставшимся участникам коммуны имени «Ленина» со стороны исключённых из коммуны, как чуждого элемента» (здесь и далее подчёркнуто мной. — В. П.). И хотя этот иск по постановлению окружной земельной споркомиссии был признан правомерным и утверждён губернской комиссией, коммунистическая фракция рассудила по-ленински и приняла постановление: «Принимая во внимание, что исключённые лица из коммуны, входили туда из своих личных корыстных целей с целью личного обогащения, а так же и то, что выдача по иску имущества отразится на благосостоянии коммуны, которая окажется маломощной, признать постановление комиссии неправильным, для чего просить ГИК воздействовать на ГЗУ об отмене постановления Губземкомиссии и остав-

³ См.: Поляков В. А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919–1925 гг.: монография в двух томах. — Т. 2. Поволжская жатва скорби, лето 1921–1925 год. Волгоград, 2021. — С. 413–414, 457.

⁴ См.: Ленин В. И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию 23 января (5 февраля) 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. — С. 326, 327.

лении всего имущества за оставшимися членами коммуны»⁵. Именно так и сделают, потому что партийной структуре принадлежала вся полнота власти, а без имущества действительных тружеников, и это естественно, из коммуны что-либо созидательное получить не могло.

При этом разумными такие решения партийцев считать нельзя. Выступавший на пленуме Царицынского губкома РКП(б) 13 февраля 1925 г. ответственный секретарь Б. Шеболдаев, выделил у здесь же прозвучавших в прениях речах своих однопартийцев два взгляда на зажиточно-справных крестьян, то есть «кулаков». Первым стало суждение коммуниста «Кандыбина, сказавшего, что зажиточных надо жечь», а вторым было мнение «Горбунова, говорившего, что зажиточных надо жать»⁶. По сути, то и другое было равнозначно жестоко, а с хозяйственной точки зрения для губернии и страны губительно.

Такое же отношение к зажиточным сельчанам демонстрировали и кремлёвские деятели. Созвучие развязывало местному руководству руки для использования широкого арсенала мероприятий для реализации задумываемых планов. Одним из свидетельств предстаёт доклад от 17 августа 1924 г. инструктора ЦК РКП(б) М. Хатаевича, перед этим побывавшего в Царицынской губернии, заведующему Орграспредом ЦК партии Л. Кагановичу по парткличке «Гольденберг». Приводя данные о расслоении деревни и росте числа батраков, кремлёвский посланец сделал акцент на изменение численности семей зажиточных. Например, приводя в пример с. Среднюю Ахтубу, где на учёте было до 800 батраков, большинство из которых таковыми стали из-за голода, особо выделил и подчеркнул: «Столь же показательных данных о росте на другом фланге — кулацких хозяйств у меня нет, но их рост происходит».

Суждение своеобразно: данных у него о росте кулацких хозяйств нет, но их рост происходит? Далее, и опять с предположением, партинструктор сослался на Капустино-Ярскую волость Ленинского уезда, где «по сведениям местных товарищей, кажется преуменьшенным, имеются свыше 50 хозяйств, владеющих от 25 и более голов крупного рогатого скота». То есть, что-то «показалось», зато вывод последовал однозначный: «Кулак прячется, стремится затеряться в середняцкую гущу. Наши партийные ячейки в большинстве случаев, пытаясь идейно расслоить крестьянство, отделяют бедняка»⁷. Такое своё видение ситуации М. Хатаевич довёл и до местных партийцев. Недаром уже 27 сентября того же 1924 г. коммунист Путнин, в докладе «О работе в деревне» на заседании пленума Царицынского губкома РКП(б) проинформировал: «В Ленинском уезде

⁵ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 331.

⁶ См.: Там же. Д. 125. Л. 3 об.

⁷ Там же. Д. 110. Л. 27.

об организованности бедноты говорят так называемые пролетарские сотни. Беднота поднимает вопрос о переделах и особых площадях для лучшего использования инвентаря».

Таким образом, выходило, что «поход» батрацко-бедняцкой части деревни на более зажиточных односельчан получил одобрение свыше. И хотя на другой день, 28 сентября, на том же пленуме коммунист Поскребов высказал мнение, что «кулаков в округах не 28 %, а меньше, что цифры в докладе [Путнина] не точны. Нельзя считать кулаками зажиточных крестьян», — на отрицательном отношении большинства партийцев к трудолюбивым, а значит экономически более состоятельным жителям деревни, это не отразилось.

18 ноября 1924 г., теперь на X Царицынской губернской конференции РКП(б), тот же коммунист Путнин в «Отчете комиссии о работе в деревне» заявил, что «по отношению к целому ряду губерний мы являемся сплошными “кулаками”, если возьмём количество скота, то имеющих свыше 3-х голов 20–28%, тогда как по всему союзу — 4 % хозяйств. Мы имеем по количеству скота и земли около 20–25 % зажиточного населения». И, хотя далее он обмолвился: «Вопрос в том, что такое кулак — вопрос сложный», — нацеленности именно на этих жителей села не изменил. «Если мы в революцию раскулачивали крестьянство, — напомнил оратор своим однопартийцам, — то теперь видим, что наша деревня окулачивается. Мы видим, что крестьянство растет и что отрицательные явления, которые происходят, идут на почве улучшения. У него появляются потребности принимать активное участие в советском строительстве. У кулаков появляется стремление быть у власти». В подтверждение привёл довод: «Из Хопра пишут, что в последних выборах население не поднимало рук за кандидатов, которых предлагает ячейка (то есть коммунисты. — Прим. В. П.), а если беспартийные предлагают — то единогласно»⁸.

Отсюда следует, что ради сохранения власти над своим народом коммунисты были готовы на любые деяния, а значит и «жечь», и «жать», что предлагали на февральском 1925 г. пленуме Царицынского губкома РКП(б). Месяцем позже, 11 марта того же года, коммунист Фрешер на совещании партработников по проведению беспартийных крестьянских конференций внёс новое предложение, которое и утвердили в постановлении: «Помимо помощи крестьянству государством путем предоставления общественных мелиоративных работ, использовать на этих работах бесплатно труд зажиточных»⁹.

При этом на пленуме уже Сталинградского губкома РКП(б) 14 апреля 1925 г. председатель губисполкома коммунист Ф. Т. Недзвецкий относи-

⁸ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113. Л. 49, 50 об.; Д. 111. Л. 35–36.

⁹ Там же. Д. 133. Л. 10.

тельно помощи крестьянству высказался иначе. Заявив, что «мы искусственно задерживаем расслоение путем дачи ссуды бедноте. Беднота пассивна, идет просить кулака пахать и т. д., закабалая себя», — пришёл к выводу: «Помощь крестьянству в данное время ведет к падению активности бедняка». Из такого довода однозначно следует, что основной целью была не забота о крестьянах, даже беднейших, а разжигание и обострение так называемой классовой борьбы, всячески ущемляющей зажиточных тружеников. И ранее высказанное коммунистом Флешером предложение принудить этих людей работать бесплатно являлось методом из того же репрессивного арсенала.

В таком указании налицо были чисто воровские принципы партийцев. Если одним из критериев так называемой кулацкой «эксплуатации» являлось наличие наёмных работников, между прочим, согласно договорённости хорошо оплачиваемых, то коммунисты станут принуждать таких нанимателей самих работать без оплаты, то есть по-коммунистически поработать. Возможно, что именно такой метод разорения хозяйств действительных сельских тружеников имел ввиду и коммунист Сырцов, ещё один посланец из Кремля, выступавший с приветствием от ЦК РКП(б) и докладом на XI Сталинградской губернской партийной конференции 19 ноября 1925 г. Заявив, что «в деревне, в связи с развертыванием товарооборота, начинает расти, оформляться новая деревенская буржуазия — кулачество», — он, подчеркнув: «Пока эта сила незначительна, но все-таки мы должны зорко следить за ней», — дал указание: «Бороться с кулачеством нужно не только старыми методами. Бороться надо экономическим соревнованием, отвоеванием примыкающих к кулачеству зажиточных и середняцких крестьян». А завершил свой доклад даже с грёзным пафосом: «Вся наша политика в деревне должна быть настроена на том, чтобы сплотить бедняка с середняком и под руководством рабочего класса повести к социализму»¹⁰.

В иных случаях советские партгосдеятели грезили коммунизмом, предполагая при одном или другом «...изме» построить рай земной. Русские же люди ещё в конце XIX в., как засвидетельствовал В. И. Даль, под **«коммунизмом»** (именно так писалось это слово. — Прим. В. П.) понимали «политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество»¹¹. Именно изъятием чужого имущества в реальности, как видим, а не во снах коммунисты и занимались. А вот призывы, что на трибунах звучали из сытых ртов партноменклатуры высокого ранга, созвучие могли находить лишь у тех местных начальствующих — председателей сельсоветов, секретарей партийных ячеек и

¹⁰ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 21; Д. 123. Л. 10, 11.

¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989. — С. 149.

близкого им окружения, которым было доступно всё то, что в сельском хозяйстве производилось. При этом ублажаясь еще и самогоном. Большинство же голодавших сельчан, только во сне видевших хлеб насущный, наяву, что предстаёт из письма С. Грешнова из хут. Дубовского Хоперского округа Сталинградской губернии в редакцию «Крестьянской газеты», созерцали на «хутор самый отсталый... нет у нас ни школы, ни избы-читальни... зато самогоноварение и распитие его вовсю процветает... Предсовета тов. Карпов на замечание отвечает: «Жалуйтесь на меня, я никого не боюсь». А если он в пьяном виде (пьяный он бывает частенько), то и в шею попадет... жаловались в Дурновский станицполком, но ничего не помогло»¹².

Пьянство коммунистов было типичным для всей страны. Если процент привлеченных за распитие спиртосодержащих веществ, к общему числу наказанных за все проступки в 1923 г. составлял 26 %, то в 1924–1925 гг. 29,4 %¹³. Доходило до того, что даже и сбор налога срывался пьянствующими председателями сельсоветов. Крестьяне приходили в сельсовет для уплаты с/х налога, часто не заставляли предсельсовета и, не дождавшись его, уходили обратно¹⁴.

Но все антинародные решения, которые и в трезвом виде коммунистами принимались, отсутствие в них благоразумия можно именно глубоким похмельным состоянием объяснить, что от ответственности их не освобождает. Ведь буквально с осени 1917 г., начав разорять крестьянское хозяйство, большевики-ленинцы со второй половины 1920-х гг. вдруг заговорили о «тяжелом хлебозаготовительном кризисе», одновременно продолжая грабить сельчан.

15 октября 1925 г. Сталинградскому губкому РКП(б) было направлено обращение за подписями секретаря ЦК В. М. Скрябина по парткличке «Молотов» и заведующего Орграспредом ЦК Гея с требованием: «...добиться систематического и наиболее полного партийного контроля и активного влияния парторганизации на весь ход хлебозаготовительной кампании». Завершалось кремлёвское указание важным разъяснением: «Усилить руководство и наблюдение партийных организаций за работой [заготовительных и кредитных] органов вплоть до низового заготовительного аппарата, оказывая всемерное содействие их работе, — имелось ввиду по снижению закупочной цены, что надо принимать за наглый обман

¹² Письмо С. Грешнова в редакцию «Крестьянской газеты» [1925 год] // Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. — С. 469.

¹³ См.: Из отчета ЦКК РКП(б) XIV съезду партии (май 1924 — декабрь 1925) // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. — М., 1989. — С. 432.

¹⁴ См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929. — М., 2000. — С. 497.

крестьян, — с тем, чтобы снижение хлебных цен было бы произведено с наименее болезненными последствиями», — то есть отрицательной реакции производителей зерна на эти решения. Из-за такого опасения предлагалось: «Провести широкую разъяснительную работу... освещая убыточность экспорта, при существующих ценах с тем, чтобы проводившиеся в этом направлении мероприятия не были поняты низовыми хлебозаготовителями и не были переданы крестьянству как директивы правительства «снижать цены». Власти предрежающие не хотели представлять причастными к антинародным замыслам.

Несомненно, что такое требование местные партийцы выполняли с особым усердием. 13 мая 1926 г. заведующий Сталинградским Губвнуторгом Пирогов, докладывая о выполнении постановления губисполкома от 10 марта того же года по вопросу «О хлебозаготовках» сообщил: «Экспортный план по хлебу губернией выполнен с превышением почти на 100 %. Принять меры к усилению экспорта сейчас не предоставляется возможным»¹⁵. То есть, получив от сельских производителей зерна в два раза больше намеченного плана, сожалели о невозможности урвать ещё. Вместе с тем не отказывались от новых способов для достижения своих целей.

В обзоре ОГПУ о политическом состоянии СССР за декабрь 1926 г. сообщалось: «Политнастроение деревни в отчетном периоде определяется ходом кампаний — налоговой и хлебозаготовительной... Недовольство низкими ценами на хлеб в большинстве случаев проявляется со стороны более мощной части села, у которой, главным образом сосредоточены излишки хлеба. Кулаки и зажиточные продолжают выжидать повышение цен, не выбрасывая на рынок, имеющиеся у них излишки»¹⁶. Именно эта часть населения стала ущемляться самыми разными способами. Интенсивное «выкачивание хлеба»¹⁷, так на всех ступенях партийно-советской иерархии власти именовалось обирание деревни, в нарастающих масштабах продолжалось и следующие два года. При этом, получаемыми объемами изъятого зерна никогда не удовлетворялись в Кремле. В «Сводке ОГПУ о хлебозаготовительной кампании 1927/28 года и настроении крестьянства» наряду с недовыполнением плана по стране в целом, отмечалось, что в Сталинградской губернии «ход заготовительной кампании далеко не удовлетворителен. Всего заготовлено с начала кампании по 1 декабря 1927 г. всех культур 42 537 т, что составляет 39 % к общему плану».

¹⁵ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204. Л. 337, 327.

¹⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. — С. 473–474.

¹⁷ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. — М., 1999. — С. 250, 251.

Неудовлетворительный общий ход хлебозаготовки 8 января 1928 г. был рассмотрен на заседании ПБ ЦК ВКП(б), а 9 января на места по делам хлебозаготовок были направлены несколько членов ЦК партии¹⁸. 14 января последовала «Директива ЦК ВКП(б) местным партийным организациям об усилении мер по хлебозаготовкам» за подписью И. В. Джугашвили-«Сталина». В телеграмме сообщалось о его выезде в Сибирь и указывалось, что «дело упирается... в хлебозаготовки. Хлебозаготовки представляют, таким образом, крепость, которую должны мы взять во что бы то ни стало. И мы ее возьмем наверняка, если поведем работу по-большевистски, с большевистским нажимом»¹⁹.

Действенность «большевистского нажима» проанализировали на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросу об усилении хлебозаготовок²⁰, проходившего под председательством В. М. Скрябина-«Молотова» 24 апреля 1928 г. Указав на малое количество зерна, взятого у крестьян в текущем году, причиной этого он назвал «борьбу против перегибов в заготовительной кампании», то есть борьбу против беззакония. Но так как именно на беззаконии и жила советская власть, он тут же и реабилитировал такие деяния, заявив: «Однако эта борьба... не должна прекратить нажим по части хлебозаготовок», — закончил требованием к 1 июля «заготовить несколько больше 100 млн пуд. хлеба».

Молотовская жесткость прозвучала и в докладе А. И. Микояна. Изобличая представителей губерний, заявлявших об отсутствии у них хлеба, он сказал: «На самом деле хлеб имеется». Вслед за этим дал разъяснение принципиально важное: «Взять на себя снабжение страны хлебом до последнего села — дело абсолютно невозможное, да и не нужное. Мы должны снабжать хлебом рабочих...» После этого, взбодрив тех, кто, не гнушаясь беззакония, «провел в общем грандиозную работу. А чем больше работа, тем больше ошибок будет в процессе выполнения этой работы. Глупо думать, что раз перегибы были, значит, это ошибка... Нельзя так говорить», — предложил расширить методы изъятия у крестьян хлеба: «Необходимо поднять самообложение».

На фоне по-молотовски характеризуемой «полной пассивности наших организаций», несомненно, что из-за истощенности деревни, сталинградские коммунисты явили столь энергично-безжалостный нажим на крестьян, что стали примером для всей страны. Член Сталинградского губкома ВКП(б) Болдырев, отчитываясь на этом совещании о ходе хлебозаготовок, дал справку: «За первое полугодие текущего заготовительного

¹⁸ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. — М., 1999. — С. 145, 146.

¹⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. — С. 196.

²⁰ См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 200, 237–260.

года мы получили 2 млн 670 тыс. пуд. На IV квартал из плана в 7 640 тыс. пуд. у нас остается 2 406 тыс. пуд. У нас нет, решительно нет никаких опасностей, что мы это не выполним». И, повторив: «Выполним», — привёл довод: «У нас есть к этому и другие основания. Мы до сих пор привлекли в порядке ст. 107 УК²¹ лишь 124 хозяйства, получили по конфискации около 140 тыс. пуд. Если считать, что у нас в губернии, примерно, 240 тыс. хозяйств, то это не составляет и половины процента. Таким образом, в смысле применения ст. 107, у нас еще довольно большое поле...» Далее, заверив: «Мы ее у себя еще будем применять», — дал совет присутствовавшим на совещании коммунистам: «И вам, товарищи, придется применять ее в ряде других районов». Если руководители ряда республик и губерний не могли «ручаться за то, что партийные организации, особенно деревенские, изловили всех кулаков... они не научились еще распознавать деревню», то сталинградские партийцы, проявляя безжалостность к наиболее трудолюбивым крестьянам, этим методом вполне овладели.

В следующем, 1929 г., политика вытеснения зажиточных крестьян, став главным элементом социалистической реконструкции сельского хозяйства, перешла в фазу раскулачивания, то есть ликвидацию их как класса, что сопровождалось вторым советским голодом 1930-х гг., приведшим к новым многомиллионным жертвам. Большая их часть пришлось на Поволжье, включая Сталинград.

²¹ Ст. 107 Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г., гласившая: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления», — предусматривала: «Лишение свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества».

**СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ
В ДЕРЕВНЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-е гг.**

В статье анализируются основные направления, содержание, тенденции и противоречия образовательной политики советского государства в деревне. К концу 20-х гг. были достигнуты существенные успехи, обозначившие решающий скачок в ликвидации неграмотности деревни, который повлиял на рост общей культуры крестьянского населения.

Ключевые слова: аграрная наука, советское государство, крестьянское сознание, ликбез, просвещение в деревне, Нижне-Волжский край, культурный поход.

Dudnikova E. B., Nozhkina I. A., Shalaeva S. S.

**THE FORMATION OF PUBLIC EDUCATION AND ENLIGHTENMENT
IN THE COUNTRYSIDE AS A FACTOR OF THE SOCIO-CULTURAL POLICY
OF THE SOVIET STATE IN THE 1920s.**

The article analyzes the main directions, content, trends and contradictions of the educational policy of the Soviet state in the countryside. By the end of the 1920s, significant progress had been made, marking a decisive leap in the elimination of rural illiteracy, which affected the growth of the general culture of the peasant population.

Keywords: agrarian science, the Soviet state, peasant consciousness, educational program, education in the countryside, the Lower Volga Region, cultural campaign.

В год 100-летия НЭПа, на современном этапе развития исторической науки, учёные-аграрники переосмысливают процессы и явления в истории российского крестьянства. Внимание крупных учёных-аграрников

¹ Дудникова Елена Борисовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова, Россия, г. Саратов, dudnikova.e.b@gmail.com.; Ножкина Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова, Россия, г. Саратов, nirina2007@mail.ru; Шалаева Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н. И. Вавилова, Россия, г. Саратов, clar13@yandex.ru.

чаще концентрировалось на социально-экономических и политических процессах данного исторического периода. Цель нашей работы направлена на анализ социокультурной и культурно-образовательной политики советского государства в деревне 20-х гг. Эта сфера жизни даёт возможность рассмотреть крестьянина в той роли, которая формирует внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры деревни в определённый хронологический период. 1920-е гг. представляют особый интерес для историков, так как жизнь и уклад крестьян начинают меняться, советская власть проводит культурно-просветительскую работу в деревне. Медленно, постепенно меняется крестьянское сознание, формируются новые мировоззренческие ориентиры, но данные процессы проходили трудно.

Решение основных задач социокультурного развития деревни в начальный период НЭПа происходило в крайне сложных условиях послевоенного развития и голода. Государство было вынуждено сократить целенаправленное финансирование учреждений культуры и перевести их на слабый местный бюджет. Это привело к резкому свертыванию культурно-просветительской сети в деревне. Особенно сильно пострадала система ликбеза: на 1 января 1923 г. число ликбезников в сельских местностях СССР составило 5,4 % уровня 1921 г. Сеть изб-читален сократилась до 20,6 %, библиотек — до 48,4 %.

Аналогичная ситуация сложилась и в деле школьного образования. Охват детей в возрасте 8–11 лет, составлявший в 1920–1921 гг. 74,3 %, в 1921–1922 гг. снизился до 61,1 %, а в 1922–1923 гг. — до 46 % (данные по РСФСР)².

Первые попытки приостановить спад в социокультурной сфере относятся уже к 1921 г. В сентябре 1921 г. СНК принял постановление о порядке снабжения школ и иных просветительских учреждений³. Наряду с этим X Всероссийский съезд Советов в качестве временной меры «рассчитанной только на тяжелый переходный период» вынужден был разрешить введение платности за обучение. Вместе с тем съезд категорически высказывался «против допущения какой бы то ни было частной школы и за сохранение всей школьной системы целиком в руках советского государства»⁴. Только с 1923 г. начинается медленный, но системный подъем сети начальных школ до довоенного уровня⁵, принимаются меры

² История крестьянства СССР. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. — М., 1986. — С. 396–397.

³ СУ РСФСР, 1921. № 64. Ст. 482.

⁴ Съезды Советов в документах. — М., 1959. Т. 1. — С. 219–220.

⁵ Рявкин З. И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) — М., 1959. — С. 17.

по улучшению материального положения сельского учителя, повышению его заработной платы.

Одним из важнейших приоритетов государственной политики в области образования в 20-е гг. была работа по ликвидации неграмотности, как в городе, так и в деревне. При этом особое внимание уделялось формированию личности социалистического типа через систему внешкольного воспитания, которое наряду со средствами информации обладало возможностью влияния на широкую взрослую аудиторию. Более того, теория научного коммунизма была не просто предметом пропаганды, а практическим руководством и в сфере социально-экономической деятельности, и в широчайшей сфере культурного строительства. Ликвидация неграмотности рассматривалась не только как введение людей в поток культуры, но и как введение их в сферу политических отношений. Выступая в сентябре 1921 г. на II Всероссийском съезде политпросветов⁶, В. И. Ленин подчеркивал, что «ликвидация неграмотности является непременным условием культурного подъема народа, основой его политического просвещения».

Как известно, по декрету СНК «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» от 26 февраля 1919 года предусматривалось к 10-й годовщине Октябрьской революции обучить все население в возрасте 18 до 35 лет⁷, т. е. порядка 17 млн чел.

В июле 1920 г. декретом Совнаркома при Народном комиссариате просвещения была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Она осуществляла контроль за подготовкой кадров преподавателей, выпуском учебных пособий, организацией пунктов ликбеза, школы грамоты. Аналогичные комиссии были созданы и при губернских, уездных и волостных политпросветах. Так, при Саратовском губполитпросвете Комиссия по ликвидации безграмотности была создана на основании постановления ВЦИК от 14 сентября 1923 г.⁸

Для деятельности партийных и советских органов в этот период характерно стремление как можно быстрее покончить с неграмотностью. Отсюда заорганизованность, формализм, кампанейщина в работе и часто необъективные отчеты в плане преувеличения достигнутых результатов. Выступая на Всесоюзном совещании по обучению взрослых, Н. К. Крупская отмечала: «У нас в той спешке, какая была в связи с проведением культпоходов, снизилось само понятие грамотности и малограмотности. Часто бывает так: поза-

⁶ Ленин В. И. Т. 44. — С. 155–175.

⁷ Директивы ВКП (б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Вып. 2. — М., 1947. — С. 118.

⁸ Весь Саратов: альманах-справочник. — Саратов, 1925. — С. 340.

нимаются люди парочку недель, выучатся немного писать и читать, и считалось, что человек стал грамотным. Гнались лишь за количеством обученных»⁹.

Поэтому большинство показателей динамики увеличения грамотности населения в 20-е гг. следует считать относительными, позволяющими говорить не столько об абсолютных достижениях, сколько о доминирующих тенденциях.

Во второй половине 20-х гг. советское государство усиливало финансирование культурных нужд страны и особенно программу ликбеза.

Если за 1923–1926 гг. на социально-культурные нужды государство по бюджету расходовало менее 1 млрд руб. в год, то в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) эти расходы увеличились в среднем до 2,5 млрд руб. в год¹⁰. Значительная часть этих средств уходила на реализацию социальных проектов в деревне, в том числе на организацию школ, больниц, библиотек. Необходимо отметить, что в Нижне-Волжском крае для успешного объединения усилий государственных, профсоюзных и общественных организаций была найдена такая форма работы как культурные походы. Практически все взрослое население г. Саратова было включено в эту работу. Культармейцами стали учащиеся школ второй ступени, студенты вузов, техникумов, особенно, Саратовского университета и ветеринарного института. Н. К. Крупская всегда ставила в пример опыт Саратовского культурного похода, ставшего авангардом Нижне-Волжского края. ЦК партии в своем постановлении «О Саратовском культпоходе» (октябрь 1923 г.) высоко оценил проделанную работу культпохода и рекомендовала его опыт для использования во всех районах Советского Союза¹¹.

В ходе культурного похода произошел решающий скачок в ликвидации неграмотности деревни. Характерны в этой связи такие данные о численности обучавшихся в сельской сети ликбеза по РСФСР в годы первой пятилетки: 1928 г. — 1,2 млн чел., 1929 г. — 1,7 млн, 1930 г. — 5,6 млн, 1931 г. — 7,7 млн, 1932 г. — 11,7 млн чел. Таким образом, темпы ликвидации неграмотности и малограмотности в советской деревне за годы пятилетки выросли почти в 10 раз.

К концу 20-х гг. были достигнуты существенные успехи в деле ликбеза: почти 7 млн рабочих и крестьян научились читать и писать. Однако массовая неграмотность — тяжелое наследие прошлого — далеко еще не была преодолена. Около половины сельского населения (48,3 %) оставались неграмотными. Массовую неграмотность среди сельского населения

⁹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10-ти томах. — М., 1960. — С. 19.

¹⁰ Культурная революция СССР (1917–1965 гг.). — М., 1967. — С. 34.

¹¹ Правда. 1929. № 193. Ст. от 23 сентября.

удалось в основном преодолеть к концу первой советской пятилетки¹².

Уровень грамотности непосредственно воздействовал и на рост общей культуры крестьян. Значительные сдвиги происходили в сознании крестьянства, меняя его духовный облик. «Беседуя с крестьянами, прислушиваясь к их разговорам и речам на собраниях, — писал осенью 1926 г. после поездки по Нижне-Волжскому краю корреспондент газеты «Дейли Геральд», — я тер глаза от изумления, удивлялся их уму, ясности цели и способности хорошо говорить... Речи хорошие и деловые были для меня настоящим откровением... нечленораздельно говорящий крестьянин... уступил место людям, умеющим заставить себя понимать»¹³. Такие результаты были достигнуты благодаря тому, что ликвидация неграмотности стала не только важнейшим делом государства и органов народного образования, но было признано необходимым самим крестьянством.

Существенную роль в социокультурном развитии крестьянства играли книги и периодическая печать. В 1928 г. на селе Саратовского региона имелось 15 районных книжных магазинов, 392 киоска, 1412 сельских жителей на общественных началах распространяли литературу в отдаленных населенных пунктах¹⁴. Интересны данные о читательских предпочтениях крестьянства на основе анализа структуры литературы, которую специально выпускали для крестьян и соответственно для распространения в деревне. К 1924 г. из всей изданной литературы 37,5 % были книги по сельскому хозяйству, 30 % шло по разряду социально-политической литературы, 17 % — художественной, 15,2 % — научно-популярной¹⁵.

Кроме сугубо партийно-государственной периодики («Правда», «Известия» и т.д.) была создана широкая система изданий, ориентированных непосредственно на интересы крестьянского читателя. Тираж «Крестьянской газеты» к концу 20-х гг. доходил до 2 млн экземпляров, т.е. не менее одной газеты на 10 крестьянских дворов. В связи с нехваткой учебных пособий для ликбеза газета выпускала специально для начинающих читать малую газету «В помощь учебе».

Успехи в развитии крестьянской периодики опирались на растущую грамотность, следовательно, тягу крестьян к информации. Так, в 1927 г. крестьянами Саратовской губернии выписывалось 43808 газет, главным

¹² История крестьянства СССР. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства конец 1927–1929 гг. — М., 1986. — С.268–269.

¹³ Осипова О. С. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по социально-психологической подготовке трудового крестьянства к сплошной коллективизации (1923–1929 гг.) — Саратов. 1986. Дисс... канд. ист. наук. — С. 72.

¹⁴ ЦДНISO. Ф. 55. Оп. 1. Д. 112. Л. 13–15.

¹⁵ Шомракова И. А. Крестьянский читатель 20-х годов (1920–1930) // История русского читателя: Сб. науч. трудов. — Л., 1976. — С. 116.

образом «Крестьянская газета», «Беднота», «Советская деревня»¹⁶. К концу первой пятилетки в Нижне-Волжском крае издавалось 75 краевых и районных газет на русском языке (общий тираж 575500 экз.), 21 газета на национальных языках (тиражом 84300 экз.), 127 газет политотделов МТС (тиражом 58860 экз.) и 62 газеты совхозов (тиражом 31250 экз.)¹⁷. Таким образом, можно сказать, что крестьянство было фактически обеспечено периодическими изданиями, центральными, региональными и местными в полном объеме.

Решение задач ликвидации неграмотности, общекультурного развития и идеологического воспитания населения во многом решалось через систему народного образования. Здесь важным критерием и одновременно существенной предпосылкой социокультурного подъема являлось школьное образование. Для 20-х гг. этот фактор вообще имел принципиальное значение, поскольку создавалась школа совершенно отличная от досоветского времени, как по целям и принципам, так и по содержанию обучения. На протяжении всего периода двадцатых годов государственные и партийные органы держали в поле зрения проблемы образования.

В октябре 1924 г. постановление ВЦИК «О мероприятиях по народному просвещению» обязывало Наркомпрос особое внимание уделить школьному образованию на селе¹⁸. 25 июля 1930 г. ЦК ВКП (б) в соответствии с директивами XVI съезда партии приняла специальное постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором призывал необходимым ввести с 1930/1931 г. всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–10 лет¹⁹. На эти цели были отпущены соответствующие государственные финансовые и материальные ресурсы. С 1928 по 1932 гг. число общеобразовательных школ на селе возросло с 118,6 до 167,6 тыс., а число учащихся в них — на 8,6 млн чел.²⁰ Так советское государство обеспечило прочный фундамент для того, чтобы СССР в обозримой перспективе стал страной всеобщей грамотности.

Одновременно дальнейшее развитие получила система среднетехнического и высшего образования, в том числе и в Нижне-Волжском крае. При этом четко выдерживался социальный критерий обучающихся. Как правило, приоритет отдавался рабочим и детям рабочих, а затем крестьянам и крестьянским детям и лишь затем служащим и прочим.

¹⁶ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 2271. Л. 281.

¹⁷ Данные краевого отдела печати по состоянию на 15 марта 1933 г. //Статистический справочник Нижней Волги. 1929–1933. Сталинград. Издание журнала «Нижнее Поволжье», 1934. — С. 435.

¹⁸ СУ РСФСР. 1924. № 83. Ст. 831.

¹⁹ КПСС в резолюциях... Т. 5. — С. 180–184.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4228. Л. 84.

В целях общекультурного развития сельчан в деревне получила развитие клубная и кружковая работа. Конечно же, на первом месте в их работе власть ставила изучение политико-идеологических вопросов, таких как изучение важных партийных и правительственных документов. Кроме этого, в большинстве клубов и изб-читален работали агротехнические, военные, драматические, хоровые кружки. Все они постепенно завоевывали популярность у сельской молодежи.

На протяжении многих лет газета и книга, а также устная агитация и пропаганда были единственными источниками знаний на селе. С середины 20-х гг. постепенно в повседневный быт деревни входит кино. Мобильное и массовое, оно превратилось в важное средство политического и эстетического воспитания. В клубах сел и деревень начинаются просмотры кинохроники и немых кинолент. Своих стационарных установок сельские районы не имели и обслуживались через кинотеатры передвижными установками. В то время Ленинградский государственный оптический завод приступил к массовому производству киноаппаратуры для деревни. Так, территория образованного в 1928 г. Нижне-Волжского края составляла 330.100 кв. км с населением свыше 5 млн чел. Их обслуживало лишь 119 киноустановок, в том числе 82 в сельской местности. С этого времени начался заметный рост деревенских кинопередвижек²¹, но добиться полного охвата села киноработой, прежде всего, по финансовым причинам, удастся только к концу 30-х гг. В это же время начинается постепенная радиофикация деревни. К концу 1928 г. количество приемных установок в деревне составило всего лишь 30 тыс. штук²². По этой причине радиоустановка, как правило, располагалась либо в помещении сельского совета или в сельском клубе.

Таким образом, работа по общекультурному просвещению крестьянства в 20-е гг., с одной стороны, способствовала повышению общей культуры и образованности, а с другой стороны теснейшим образом увязывалась с политическим просвещением в духе идей социализма и коммунизма, что явилось главным противоречием советской политики в культурно-образовательной сфере.

²¹ Баршая О. Кино в деревне. — М.-Л., 1929. — С. 8–9.

²² О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сб. документов и материалов. — М., 1972. — С. 512.

**О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.**

В статье рассматриваются исходные условия, которые обусловили кризисное положение сельского хозяйства на юге страны, и доказывается, что, помимо последствий Гражданской войны, падение сельхозпроизводства спровоцировала политика продразверстки.

Ключевые слова: аграрное производство, Гражданская война, население, органы власти, продналог, продразвёрстка, хлебоборбы.

Pankova-Kozochkina T. V.

**ABOUT CAUSES OF AGRICULTURE CRISIS
DON, KUBAN AND STAVROPOLYA IN THE BEGINNING OF THE 1920 s**

The article examines the initial conditions that caused the crisis in agriculture in the south of the country, and proves that, in addition to the consequences of the Civil War, the fall in agricultural production was provoked by the food appropriation policy.

Key words: agrarian production, Civil war, population, authorities, tax in kind, surplus appropriation, grain growers.

К началу 1920-х гг. сельское хозяйство Дона, Кубани и Ставрополя пребывало в катастрофическом положении. Прежде всего, результатом Гражданской войны, отличавшейся на Юге России особым ожесточением, стала массовая гибель населения в результате не только военных действий, но и масштабных репрессий (достаточно вспомнить «расказачивание», осуществлявшееся большевиками в 1919 г. террористическими методами), а также эпидемических заболеваний. В частности, представители волостных исполкомов Донской области констатировали в мае 1920 г., что численность местного населения резко снизилась: в станице Каменской вместо прежних 25 тыс. жителей наличествовало только 12 тыс., в станице Великокняжеской — всего 4 тыс. из 15 тыс., из проживавших в Сальском округе 35 тыс. калмыков осталось не более 5 тыс. «Особенно заметно», как подчеркивали представители местных органов власти, «отсутствие

¹ Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; Россия, г. Новочеркасск Ростовской области, p_k_t_v@mail.ru.

мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет. Некоторые станицы в полном смысле представляют собой «бабье царство»².

В целом, если в 1914 г. на Дону и Северном Кавказе (без Дагестана) насчитывалось свыше 9,6 млн чел. и, в том числе, до 8,55 млн сельских жителей, то в 1920 г. — соответственно, свыше 6,9 млн и более 5,6 млн чел. Как отмечал П.Г. Чернопицкий, в результате Гражданской войны «реальные потери населения» на Юге России составили 17,4 %, тогда как по стране они исчислялись более скромной цифрой — 9,5 %³. Высокие потери населения, особенно мужского, означали сокращение численности рабочих рук и негативно влияли на сельское хозяйство.

Война сократила и поголовье рабочего и продуктивного скота, ведь лошади, волы, коровы, овцы, свиньи либо реквизировались на нужды армии (пополнение убыли конского состава в кавалерийских частях, подводная повинность, при исполнении которой тягловый скот нередко погибал по разным причинам, и т.д.⁴), либо забивались на мясо для продовольственного обеспечения военнослужащих. В частности, Царицынский губернский комитет РКП(б) констатировал, что «громадный процент» лошадей «был потерян в период гражданской войны»⁵. Участники I Донской областной партконференции 2–5 июня 1920 г. говорили о том, что «целые хутора имеют иногда только 15 лошадей, одну–две пары волов и т.п.»⁶ Только на Кубани поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось к 1921 г. по сравнению с 1913 г. на две трети⁷.

Боевые действия, разгул бандитизма и самоуправство властей⁸ нанесли удар и по парку сельскохозяйственных машин и орудий. Если в 1914 г. на Дону и Северном Кавказе насчитывалось 3681338 единиц сельхозин-

² Наш край. Из истории Советского Дона. Документы. Октябрь 1917–1965 гг. / Отв. ред. А. Г. Беспалова. — Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1968. — С. 102.

³ Чернопицкий П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. — Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1987. — С. 5.

⁴ Так, осенью — зимой 1919 г. власти Хопёрского округа отмечали, что «бессистемная подводная повинность, доходящая до того, что после двух месяцев скитания владельцы бросают своих волов и лошадей и возвращаются домой с одним кнутом... вызывает у населения ропот» (Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 9).

⁵ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 187.

⁶ ЦДНИВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁷ Очерки истории Краснодарской организации КПСС. — Краснодар: Кн. изд-во, 1966. — С. 269.

⁸ Например, сельские советы иной раз практиковали административное изъятие имущества граждан для удовлетворения общественных нужд, забирая, в том числе, и более производительные орудия труда, а, соответственно, подрывая индивидуальное крестьянское хозяйство. Весной 1921 г. гражданин Гузий жаловался в Кубано-Черноморский областной отдел управления на то, что Казанский станичный совет реквизирует у него локомобиль, то есть передвижной паровой двигатель для молотилки (Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 175. Л. 42 об).

вентаря (плугов, борон, жаток и т. п.), то в 1923 г. в пределах той же территории осталось лишь 1123570 единиц (30,5 %) ⁹. Причем, по удельному весу маломощных и безынвентарных крестьянско-казацких хозяйств Юго-Восточный край лидировал среди всех остальных регионов Советской России ¹⁰, что являлось еще одним печальным результатом той ожесточенности, с которой здесь полыхала ранее Гражданская война. Население было вынуждено самостоятельно изготавливать орудия труда, что выражалось в замене эффективных и производительных заводских плугов, сеялок и других приспособлений довольно примитивными сохами и боровами и вело к архаизации земледелия. Так, участники состоявшейся в декабре 1921 г. V Донской областной партконференции говорили, что «высоко квалифицированный инвентарь — плуги заменяются сохами, т.е. мы отступаем назад [в развитии сельского хозяйства]» ¹¹.

Подчеркнем, в советской историографии именно масштабная, ожесточенная и разрушительная Гражданская война выводилась на первый план при установлении причин тяжелейшего кризиса сельского хозяйства. Здесь советские ученые действовали в полном соответствии с традицией, установленной официальными лицами непосредственно во время описываемых событий. Достаточно процитировать проект резолюции состоявшегося 23–28 декабря 1921 г. IX Всероссийского съезда Советов, согласно которой причинами бедственного положения аграрного сектора и промышленности стали «тяжелые раны, нанесенные народному хозяйству и благополучию населения Советской Республики трехлетними белогвардейскими нападениями и внешней блокадой» ¹². Можно привести в пример и слова некоторых представителей властных структур Юга России, которые со знанием дела отмечали, что хозяйство местного казачье-крестьянского населения не единожды «зглатывалось набегавшей волной Гражданской войны» ¹³.

Бесспорно, разрушительные последствия Гражданской войны для народного хозяйства Советской России и, в том числе, Дона, Кубани и Ставрополя, никоим образом невозможно преуменьшить и недооценивать. Вместе с тем, представители постсоветской генерации исследователей, не скованные уже узами коммунистической идеологии, обоснованно указывают, что кризис аграрного производства в Советской России стал следствием не только ожесточенных боев, но и военно-коммунистических

⁹ Чернопицкий П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. — С. 58.

¹⁰ Там же. — С. 128

¹¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 61.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 31. Л. 2.

¹³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 26.

мероприятий большевиков, в особенности, их фискальной политики. Следует отметить и голод 1921–1922 гг., который, с одной стороны, являлся итогом гражданского конфликта и политики «военного коммунизма», а с другой, — значительно ухудшил и без того отнюдь не радужное состояние аграрного сектора экономики.

Состояние аграрного производства предельно дестабилизировалось не только войной, но и продразверсткой, которая, по справедливым замечаниям исследователей, являлась «особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства»¹⁴. Да и страшный голод 1921–1922 гг. «был вызван не только и не столько неурожаем, сколько последствиями продразверстки»¹⁵. Но со стороны большевиков продразверстка являлась не только идеологически мотивированной стремлением в кратчайшие сроки заменить товарно-рыночные отношения прямым продуктообменом, но и вынужденной мерой. В условиях подорванной промышленности и нарушенных экономических взаимосвязей между городом и деревней, государству ничего не оставалось, как прибегнуть к сопряженному с насилием изъятию продовольствия у непосредственных производителей (напомним, что «первооткрывателями» разверстки были не большевики, а царское правительство). Кроме того, если верить отдельным представителям компартии, при использовании продразверстки играли роль и социально-политические расчеты¹⁶, но экономика все равно выходила на первый план.

Потребность советского государства в хлебе со временем возрастала, в связи с ростом численности армии и госаппарата. Потому росли и объемы изъятых у крестьян зерна. Если в 1917–1918 гг. в Советской России заготовили 30 млн пуд. хлеба, то в 1918–1919 гг. уже 110 млн пуд., а в 1919–1920 гг. — 260 млн пуд.¹⁷ Производящие аграрные регионы, находившиеся под властью большевиков и выполнявшие продразверстку, постепенно истощались, в связи с чем эстафета переходила к губерниям, оказавшимся под контролем Красной Армии. В 1919–1920 гг. в числе таковых оказались Дон, Кубань и Ставрополье, отныне обязанные выполнением планов разверстки поддержать страну. По этому поводу в резолюции, состоявшейся

¹⁴ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 319.

¹⁵ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. — С. 39.

¹⁶ Согласно звучавшим на партийных форумах заявлениям, «государство должно взять на себя и заготовку хлеба, иначе получилось бы так, что производящие районы настолько бы окрепли в денежном отношении, настолько бы были независимы от остальной части государства, что постарались бы оттянуть от нас политическую власть» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 100. Л. 24 об).

¹⁷ Милосердов В. В., Милосердов К. В. Аграрная политика России — XX век. — М., 2002. — С. 110.

в феврале 1921 г. III Донской областной конференции РКП(б), констатирующей «чрезвычайно тяжелое продовольственное положение Республики, исчерпавшей все запасы Центральной России», указывалось, что «единственными источниками питания армии рабочих и голодающего крестьянства являются Дон, Северный Кавказ и Сибирь»¹⁸.

Причем, продразверстка взималась на Юге России и после официального провозглашения ее замены продналогом. Здесь речь идет не об известных ленинских заявлениях о том, что переход к продналогу будет далеко не моментальным¹⁹ и не о предложении в мае 1921 г. заместителя наркома продовольствия РСФСР Н.П. Брюханова и члена коллегии Наркомпрода А.П. Смирнова к ЦК РКП(б) вводить продналог с 1921–1922 гг., а на Северном Кавказе, Сибири, Украине и Туркестане продолжать продразверстку²⁰. Мы имеем в виду тот факт, что из-за невыполнения южно-российскими регионами планов продразверстки (так, в Кубано-Черноморской области к 20 марту 1921 г. удалось собрать лишь примерно половину запланированного объема продовольствия²¹) ее решено было продлить и после объявления о введении продналога. СНК РСФСР постановил продолжить до нового урожая 1921 г. «сбор разверстки в тех местностях, где план не выполнен», а, чтобы не дезориентировать крестьян фактическим пренебрежением нашедшимися решениями X съезда, «эта мера получила стыдливое название “единовременного продовольственного наряда”»²² (правда, обмануть хлеборобов сменой названий не удалось, о чем свидетельствуют публикации в тогдашней прессе²³). Для Дона размер

¹⁸ Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сб. документов / Науч. ред. П. В. Барчугов. — Ростов на-Дону: Кн. изд-во, 1962. — С. 59.

¹⁹ В своей речи на X съезде компартии о замене продразверстки натуральным налогом, ознаменовавшей переход к нэпу, В. И. Ленин прямо заявил о том, что такая замена будет производиться постепенно: «Мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? Не раньше урожая, т.е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае» (Ленин В.И. Доклад [X съезду РКП(б)] о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. — М., 1974. — С. 65–66.

²⁰ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. — С. 29.

²¹ Щетнёв В. Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти на Кубани // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. статей. — Ростов н/Д., 1980. — С. 54.

²² Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. — С. 43.

²³ Так, в помещенных в газете «Красный Дон» статьях, направленных на подкрепление тезиса о том, что «единовременный продовольственный наряд» не тождественен продразверстке, цитировались высказывания крестьян: «Советская власть нас обманула..., говорили, что разверстка отменяется..., а теперь снова старое..., снова разверстка» (Д. Наряд или разверстка // Красный Дон. 1921. 25 июня).

«единовременного продовольственного наряда» определили в 643 тыс. пуд.²⁴, а для Кубани — в 5 млн пуд.²⁵

Собственно, и продналог (точнее, кампания по его сбору) на первых порах мало, чем отличался от столь ненавистой земледельцам продразверстки. Во-первых, в разоренных предыдущими поборами южно-российских селах и станицах банально не было необходимого для уплаты налога количества сельхозпродуктов, что делало налог не легче продразверстки и заставляло многих хлеборобов саботировать выполнение предъявленных им заданий, а представителей власти — использовать административный ресурс и применение силы. Во-вторых, масса представителей партийно-советских органов весьма скептически относилась и к нэпу, и к продналогу, и к заявленным либеральным методам его осуществления. В частности, члены Донского областного комитета РКП(б) и в 1921 г., и в 1922 г. сетовали, что немало советских чиновников и партийных функционеров «недостаточно усвоили»²⁶ новый политический курс и «мало разбираются»²⁷ в нем. В итоге, распространенные в военно-коммунистическую эпоху «чрезвычайные методы работы и после перехода к НЭПу воспринимались руководством [Донской] области как норма жизни»²⁸ и заслуживающими одобрения²⁹. Так же было и на Кубани, и на Ставрополье.

Поэтому, при ознакомлении с разнообразными документами о сборе продналога на Дону, Кубани и Ставрополье не покидает ощущение, что здесь речь по-прежнему идет о выбивании продразверстки, а составители этих документов просто ошиблись с датами. Надо, правда, отметить, что облеченные властью лица практиковали награждение и поощрение добросовестных сдатчиков налога, как это было в октябре 1921 г., когда Тимашёвский исполком постановил наградить 20 граждан станицы Приморско-Ахтарской и хутора Некрасовского за своевременное выполнение продналога (в числе наград были «3 букаря и 2 сажилки», а один из хлеборобов удостоился занесения на «красную доску» с опубликованием

²⁴ Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. — Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1971. — С. 42.

²⁵ История Кубани. XX век. Очерки / Гл. ред. В. Е. Щетнёв. Краснодар: Перспективы образования, 1998. — С. 38.

²⁶ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

²⁷ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 25а.

²⁸ Донская история в вопросах и ответах. Т. I / Под ред. Е. И. Дулимова и С. А. Кислицына. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 1997. — С. 236–237.

²⁹ Характерна реплика одного из высокопоставленных партработников Донской области в ноябре 1921 г., без тени сожаления заявившего, что при сборе продналога «методами убеждения мы не достигали положительных результатов», а вот когда перешли «к методам репрессивным и мерам принуждения», это сразу ускорило темпы и повысило объемы сбора налога (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 2).

этого события в печати³⁰). Однако, подобная практика была распространена гораздо менее широко, чем привычные представителям советской власти административно-командные методы, сопряженные с угрозами и прямым насилием и широко применявшиеся при сборе разверстки. Что это были за методы, дает представление статья члена казачьего отдела ВЦИК А. Детистова, где он писал о продовольственных агентах, которые могли доступно объяснить донским хлеборобам необходимость продразверстки и выполняли ее относительно быстро и без резкого недовольства населения; «но, к сожалению, таких агентов было меньшинство. Большинство же вело себя слишком безцеремонно, подходя к казаку с окриком или даже угрозой»³¹.

Показательно, что для сбора продналога, как ранее в процессе продразверстки, формировались различные чрезвычайные органы, мало чем отличавшиеся от продотрядов, — оперативные тройки, отряды содействия продработе и т. п. Не менее показательны были их риторика и действия. Например, оперативная продтройка станицы Старочеркасской осенью 1921 г., издав распоряжение о сборе продналога, завершила его обычной во времена продразверсточных кампаний формулой: «Настоящее распоряжение считать боевым и подлежащим безоговорочному исполнению»³². Едва ли не полностью идентичны временам сбора продразверстки были заявления и мероприятия «ответственного руководителя отряда содействия продработе № 3» Ростовского округа, действовавшего на подведомственной территории той же осенью 1921 г. В своих приказах он доводил до сведения населения, что виновные в невыполнении натурального налога лица будут арестованы и преданы суду Ревтрибунала, а населенные пункты, саботирующие продналоговую кампанию, ожидает «экономическая блокада», т.е. запрет на вывоз продуктов и торговли ими, закрытие мельниц и т.п. Представители же низовых органов власти, в соответствии с распоряжениями «ответственного руководителя», должны были «работать в течение двух недель день и ночь, как автоматические машины»³³.

Неудивительно, что участники проходившей 10–12 декабря 1921 г. в Ростове-на-Дону V Донской областной партийной конференции, оценивая методы и результаты все еще не закончившейся кампании по сбору продналога, откровенно говорили, что, несмотря на все благие постановления и заявления, данная кампания «безусловно, носит все признаки и черты продразверстки», «приобрела характер продразверстки со всеми

³⁰ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 397. Л. 102.

³¹ Детистов А. Как донцы приняли Врангеля // Голос трудового казачества. 1920. 15 октября.

³² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

³³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 277.

вытекающими последствиями», так что «фактически деревня не отличает нашего продналога от продразверстки». Более того, на партконференции звучали печальные признания в том, что в ряде случаев сборщики налога перещеголяли даже практику продразверстки, так что теперь «репрессии превышают разверстку» и «эксцессов было больше, чем нужно: вместо арестов целыми пачками, можно, было бы ограничиться десятками и единицами». Один из присутствовавших, живописуя «перегибы» в процессе сбора продналога, заметил, что «в прошлом году мы не забирали последних пеленок и горшков» у должников, а теперь скатились и до этого³⁴. Понятно, что после подобных явлений крестьяне и казаки Юга России не видели различий между кампаниями по сбору продразверстки и продналога.

Таким образом, наряду с объективными тяжелыми экономическими последствиями Гражданской войны, сельское хозяйство Дона, Кубани и Ставрополя сталкивается с субъективно ориентированной аграрной политикой большевиков, для которых сохранение ментально привычной местным работникам продразверстки оказалось более приемлемым вариантом, нежели экономическая целесообразность продналога.

³⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 29, 33, 35, 53, 72а.

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ПРОДРАЗВЕРСТОЧНОЙ
И ПРОДНАЛОГОВОЙ КАМПАНИЙ В РЕГИОНАХ
(НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматриваются особенности организации и методы сбора продразверстки и продналога в кубанской станице и черноморской деревне в период 1920–1923 гг.

Ключевые слова: продразверстка, продналог, новая экономическая политика, Кубано-Черноморская область.

O.V. Bershadskaya

**ON THE ISSUE OF ORGANIZING AND CONDUCTING PRO-DRILLING
AND PRO-TAX CAMPAIGNS ON THE GROUND (ON THE MATERIAL
OF THE KUBAN-BLEK SEA REGION)**

The article examines the peculiarities of the organization and methods of collecting production and tax in the Kuban village and the Black Sea village in the period 1920–1923.

Keywords: prodrasverstka, extension, new economic policy, Kuban-Black Sea region.

Первые годы советской власти ознаменовались экономическим кризисом, вызванным, в том числе, нарушением товарно-денежного обращения между городом и деревней. В условиях отсутствия таких экономических регуляторов как деньги, рынок, прибыль была введена продразверстка на продукцию сельского хозяйства, замененная впоследствии продналогом. В отечественной и зарубежной историографии нашли отражение причины введения данных видов налогообложения, а также их методы и результаты. Но остаются малоизученные аспекты, в частности организация взимания продразверстки и продналога на местах².

В настоящей работе мы рассмотрим особенности осуществления продразверсточной и продналоговой кампаний в Кубано-Черноморской

¹ Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и право» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Краснодарский филиал, Россия, г. Краснодар, berscholl@mail.ru.

² Комиссарова И. А. Первая кампания по сбору продналога: организация и проведение. На материалах Иваново-Вознесенской губернии // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XX века: сборник статей / отв. ред. и сост. В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков. — Москва: Институт российской истории РАН, 2020. — С. 127–134.

области. Эта административно-территориальная единица была образована в декабре 1920 г. путем объединения Кубанской области и Черноморской губернии. Регионы, вошедшие в состав области, различались по социальному составу населения и отраслевой структуре сельского хозяйства, что предопределило разные подходы к взиманию продразверстки и продналога в кубанской станице и черноморской деревне.

Решение о введении продразверстки в Кубанской области было принято в июле 1920 г., за несколько месяцев до административно-территориальных преобразований. Из урожая прошлого года следовало сдать государству 15 млн пуд. хлеба, что являлось вполне посильной задачей. Продразверстка на урожай 1920 г. составила уже 65 млн пуд. (1/7 часть от всей продразверстки в стране). Для выполнения плана было создано особое совещание из семи уполномоченных — военных комиссаров Красной Армии. Численность продотрядов в области составила 65, в них состояло около 1400 чел. Однако намеченный план удалось выполнить лишь наполовину³.

Продразверсточная кампания встретила сопротивление со стороны значительной части казачества. Это неприятие было вызвано не только экономическими причинами, но и обусловлено факторами социально-психологического характера. С установлением советской власти казаки лишились своего особого статуса, который подразумевал особое положение в вопросах землевладения и налогообложения. Антисоветские настроения казачества были вызваны необходимостью делиться землей с иногородними и платить налоги наравне с другими категориями населения⁴. Продразверсточная кампания, осуществлявшаяся, как правило, принудительными мерами, только усугубила ситуацию. Реакцией казачества стал всплеск бело-зеленого движения, которое приобрело массовый характер. Участились военные столкновения, поэтому на Кубань стали стягиваться регулярные войска. Продотряды, действующие в кубанских станицах, были усилены за счет 12 тыс. продармейцев из постоянной армии. Активно работали суды и трибуналы⁵.

Иначе развивались события в черноморской деревне. Здесь при составлении плановых заданий была учтена специфика сельскохозяйственного производства. Так, в Сочинском районе можно было выполнить раз-

³ Щетнев В. Е. «Военный коммунизм» по-кубански // История Кубани XX век: очерки / А. М. Авраменко, А. В. Баранов, Ю. А. Болдырев и др. / под общ. ред. проф. В. Е. Щетнева. — Краснодар: Перспективы образования, 1998. — С. 33–34.

⁴ Балышкин Е. Г. Налогообложение в кубанской станице и его роль в формировании взаимоотношений советской власти и казачества в первые годы нэпа // Казачество в истории России: тезисы докладов международной научно-практической конференции. — Краснодар, 1993. — С. 111

⁵ Щетнев В. Е. Указ. соч... С. 34.

верстку не хлебом, как соседняя Кубань, а фруктами (предпочтительно в сушеном виде) и овощами. В течение 1920 г. требовалось сдать 115 тыс. пуд. сушеных фруктов из расчета по 4 пуда на едока⁶. Крестьянам южной части района, наиболее пострадавшим от военных действий, разрешили выполнить разверстку картофелем, углем, вениками, вином и другими продуктами местного производства⁷. В черноморской деревне не наблюдалось случаев массового сопротивления, подобных зафиксированным в кубанской станице, что можно объяснить лояльностью со стороны местных властей. Несмотря на то, что задания по продразверстке выполнялись плохо, самой распространенной административной мерой была угроза лишения прав на получение продуктов⁸.

В марте 1921 г. состоялся десятый съезд РКП(б), который принял решение о замене продразверстки продналогом. Этот акт знаменовал начало новой экономической политики⁹. С 21 апреля по 14 июня было опубликовано 10 декретов, установивших 12 налогов на различные виды сельскохозяйственной продукции. Размер налога должен был определяться для каждого хозяйства в отдельности, исходя из количества пашни и числа едоков, с учетом урожая местных видов сельскохозяйственных культур¹⁰.

Продналогом облагалась вся площадь крестьянских и казачьих хозяйств, а не только ее обработанная часть. Эта мера была призвана стимулировать восстановление сельскохозяйственного производства, однако в условиях послевоенной разрухи было затруднительно освоить все земельные угодья. Урожаи получались низкие, поэтому для большинства хозяйств продналог стал не облегчением, а тяжким бременем. Размеры продналога были весьма значительными по сравнению с продразверсткой, которая взималась с фактического урожая. Поэтому в сентябре 1921 г., когда пришла пора сбора продналога, в ЦК РКП(б) посыпались жалобы с мест, ведь зачастую «продналог в два и больше раза выше продразверстки»¹¹.

По своей сути продналог, введенный в 1921 г., был совокупностью многочисленных налогов в натуральном виде. Население Кубано-Черноморской области, как и других регионов страны, должно было выплачивать налоги на картофель, яйца, молочную продукцию, табак, масличные семена, шерсть, сено, продукты огородничества и бахчеводства. Кроме этого, взимались многочисленные местные налоги, устанавливаемые отдельскими,

⁶ Сочинский городской архив (СГА). Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

⁷ СГА. Ф.Р-34. Оп.1. Д. 7. Л. 24–25.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II (1925–1953). Издание седьмое. — М., 1953. — С. 256.

¹⁰ Балышкин Е. Г. Указ. соч. ... — С. 111.

¹¹ Панкова-Козочкина Т. В. Нэповский продналог: реальность вместо мифа // Власть: научный журнал. — М., 2017. Т. 25. № 9. — С. 127

волостными и станичными органами исполнительной власти. Зачастую хлеборобы не знали, сколько, за что и когда они должны платить. Это негативно влияло на развитие хозяйства и настроения крестьян и казаков¹².

Составной частью продналога был хлебный налог, который для Кубано-Черноморской области составил 7,4 млн пудов, что было в несколько раз меньше величины продразверстки. Но, кроме этого задания, следовало сдать 5,5 млн пуд. хлеба по единому продналогу (разновидности продразверстки), введенному в Северо-Кавказском крае. 1921 г. был неурожайным, что значительно затруднило выполнение плана продналога по хлебу¹³. Основную часть задания пришлось выполнять кубанской станице. Здесь производство зерновых было основной отраслью, тогда как черноморская деревня вследствие особенностей географической среды специализировалась на садоводстве, виноградарстве, табаководстве. Полевые культуры в условиях Черноморья давали очень низкие урожаи, поэтому значительная часть потребляемого хлеба был привозной.

План продналога, в отличие от заданий по продразверстке, не учитывал специфику сельскохозяйственного производства черноморской деревни. Так, например, в течение 1921 г. населению Сочинской волости требовалось сдать 5668 пуд. 66 фунтов хлеба, 6202 пуд. 75 фунтов мяса, 259 пуд. 14 фунтов овощей, хотя в этот период основными видами продукции разоренных войной крестьянских хозяйств были дикорастущие фрукты и каштаны¹⁴. В связи с этим 15 июля 1921 г. Кубано-Черноморский облисполком составил «таблицу замены», из которой следовало, что 1 пуд пшеницы можно заменить 1 пудом сушеных яблок или 2,5 пуд. дички, или 2 пудами каштанов, или 1,5 пуд. орехов¹⁵. Одновременно местные продорганы разрешили принимать кукурузу в количестве 25 % от причитающегося налога «под судебную ответственность должников»¹⁶.

Следует отметить, что руководство области пыталось найти компромисс с крестьянством и казачеством, о чем свидетельствует, в частности, вышеупомянутый документ. Примером могут служить и события лета 1921 г., когда в ряде районов страны в качестве репрессивной меры широко применялась замена хлеба мясом. Кубано-Черноморский исполком в ответ на массовые жалобы сельского населения постановил «производить замену хлеба скотом как репрессивную меру ...только в исключительных случаях»¹⁷.

¹² Балышкин Е. Г. Указ. соч. ... — С. 111.

¹³ Щетнев В. Е. Указ. соч. ... — С. 42.

¹⁴ СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 17, 25.

¹⁶ Там же. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4085. Оп. 2. Д. 144 б. Л. 33–34.

Не только местные органы власти, но и руководство страны вскоре пришло к пониманию, что не репрессии, а экономические стимулы к восстановлению хозяйства обеспечат выполнение заданий по продналогу.

С 1922 г. в налоговой политике начинают проявляться некоторые уступки крестьянству. 14 марта 1922 г. Совнаркомом СССР было принято постановление «О порядке зачисления в недоимки несданного натурналога и об облегчении налогового бремени недоимочных хозяйств». На основании этого документа Кубано-Черноморский исполком издал постановление, согласно которому по всей территории области прекращался сбор хлеба и других продуктов, причитающихся для уплаты налогов за 1921 г. Хозяйства-должники зачислялись в недоимщики, а долги вместе с пеней следовало вернуть не позже 21 октября 1922 г. При этом учитывалось количество земли на хозяйство, наличие или отсутствие семян, инвентаря, рабочих рук. В зависимости от этих показателей хозяйства могли быть частично освобождены от несданного налога. Полностью освобождались от уплаты недоимки беднейшие хозяйства, а также пострадавшие от стихии или военных действий. Теперь объектами налогообложения были только скот и земля, остальные объекты, облагаемые ранее налогами, перестали учитываться¹⁸. Одновременно продовольственные комитеты Кубано-Черноморской области получили право самостоятельно определять разряды урожайности и понижать эти ставки на местах при условии, чтобы «общее количество продналога оставалось прежним»¹⁹.

10 апреля 1922 г. постановлением Президиума ВЦИК множество отдельных налогов было заменено единым натуральным налогом. Была установлена единая весовая мера — пуд ржи, к которому приравнивались другие продукты сельскохозяйственного производства. Налогоплательщики получали некоторую свободу в уплате налогов, так как им разрешалось вносить причитающуюся сумму «ржаных единиц» другими продуктами сельского производства.

Принятые меры положительно сказались на общем настроении крестьянства и казачества. К 1922 г. на Кубани затухает бело-зеленое движение. Несмотря на то, что отдельные отряды повстанцев сохраняли активность на протяжении еще ряда лет, массовой поддержкой населения они уже не пользовались.

Двенадцатый съезд РКП (б), состоявшийся в апреле 1923 г., принял решение о введении единого сельхозналога, который заменил единый натуральный налог, трудовой гужевой налог, подворно-денежный налог, единовременный налог на восстановление сельского хозяйства и ряд

¹⁸ СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп.1. Д. 209. Л. 1.

местных налогов²⁰. Согласно постановлению ЦИК СССР от 26 июля 1923 г. о льготах по сельхозналогу, были ликвидированы все недоимки, числящиеся за населением по натуральным налогам 1921 г., по временному налогу 1922 г. на молочные продукты и яйца, а также по семенным ссудам, выданным до 1921 г. и ссуде, выданной весной 1921 г.²¹ В соответствии с этим постановлением в Кубано-Черноморской области льготы распространялись почти на десятки тысяч крестьянских хозяйств, что, по данным местного комитета РКП (б) «отразилось безусловно в пользу Советской власти»²².

Таким образом, в 1920–1923 гг. в Кубано-Черноморской области, как и в целом по стране, взимание продразверстки и продналога осуществлялось и методами репрессивного характера, и путем поиска компромиссов. Спецификой региона была необходимость дифференцированного подхода при определении плановых заданий для кубанской станицы и черноморской деревни. Реакция населения области на сбор налогов колебалась от открытого неприятия со стороны кубанского казачества до лояльного отношения крестьян Черноморья.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1925–1953). Ч. II. — С. 430.

²¹ Сборник распоряжений по единому сельхозналогу на 1923–1924. — Ростов н/Д., 1923. Вып. 3. — С. 26.

²² ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 285. Л. 2.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПРОЕКТЕ Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

В статье представлены основные теоретические положения проекта известного теоретика и экономиста 1920-х гг. Е. А. Преображенского. Крестьянский вопрос являлся ключевой проблемой в его программе о путях развития переходного общества в Советской России. Многие идеи репрессированного автора проекта позднее оказались востребованы в практике советской административной системы.

Ключевые слова: Советская Россия, Е. А. Преображенский, экономический проект, переходное общество, крестьянство, социалистическое накопление, государство.

Vasiliev Yu. A.

THE PEASANT QUESTION IN THE PROJECT OF E. A. PREOBRAZHENSKY

The article presents the main theoretical provisions of the project of the famous theoretician and economist of the 1920s. E.A. Preobrazhensky. The peasant question was a key problem in his program on the ways of developing a transitional society in Soviet Russia. Many of the ideas of the repressed author of the project later turned out to be in demand in the practice of the Soviet administrative system.

Keywords: Soviet Russia, E.A. Preobrazhensky, economic project, transitional society, peasantry, socialist accumulation, state.

Переход от политики военного коммунизма к нэпу послужил импульсом для развития общественной мысли в Советской России: на первую половину 1920-х гг. приходится расцвет научных школ, формировавшихся вокруг теоретиков различных направлений, в число которых входили Н. И. Бухарин, Н. Д. Кондратьев, А. А. Богданов, В. А. Базаров, В. Г. Громан, Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин, А. В. Чаянов. В этом ряду заметное место занимает Е. А. Преображенский (1886–1937).

Экономический проект Е. А. Преображенского включает комплекс идей о путях развития переходного общества, содержащихся в докладах в Коммунистической академии, в научных статьях, в выступлениях и дискуссиях. Рецепция новаторских идей, как свидетельствует история науки,

¹ Васильев Юрий Альбертович, доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заместитель главного редактора общероссийского научно-политического журнала «Власть», Россия, г. Москва vasyural@mail.ru.

имеет созидательную функцию². Однако в контексте политической борьбы в период советской истории 1920-х гг. подобное развитие интеллектуальной мысли оказалось невозможным. Являясь ярким представителем «левой» оппозиции, Е. А. Преображенский неоднократно подвергался персональной критике со стороны И. В. Сталина, который определял его в качестве «главного экономиста оппозиции». Сталин обвинял Преображенского в оценке крестьянства в качестве «колонии» промышленности, как объект, подлежащий всемерной эксплуатации со стороны пролетарского государства³.

Однако следует отметить, что Преображенский разрабатывал экономическую теорию переходного общества на основе теоретического анализа основных закономерностей хозяйства, а вовсе не анализа экономической политики государства. Он был одним из немногих, кто понимал необходимость серьезного научного анализа советской системы хозяйства, теоретических обобщений направления ее динамики, основных законов развития этой системы. Многие в начале 1920-х гг. считали, что слишком незначителен опыт советского хозяйствования, поэтому он не может служить достаточным основанием для выявления устойчивых причинно-следственных связей и закономерностей.

Преображенский изучал советскую систему как переходную систему хозяйствования. Основой его теоретических построений являлась антитеза «капитализм — социализм». Социализм ассоциировался лишь с государственной формой, все другие подлежали устранению (идея Преображенского о несовместимости социализма с любой формой частной собственности получила впоследствии широкое распространение). Но реальность социализма в то время в большей степени относилась к области веры. Поэтому под терминами «социалистическая» (система), «социалистическое» (накопление, хозяйство, производство и т. д.), которые использовались Преображенским, вполне можно подразумевать как ассоциативные значения «советская», «советское» и т. п. В данном контексте понятие «социалистический» имело содержательное значение в большей степени как противопоставление (антитеза) понятию «капиталистический», нежели как содержательная основа будущей общественной конструкции (социалистической), которую еще только предстояло разрабатывать и теоретически, и практически.

Переходная эпоха определялась Преображенским в качестве периода первоначального, или предварительного, социалистического накопления.

² См.: Васильев Ю. А., Васильева М. Ю. Влияние идей Христиана Вольфа на мировоззрение М. В. Ломоносова. // Власть. 2014. № 3. — С. 121–125.

³ См.: Сталин И. В. Партия и оппозиция. Речь на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 г. // Соч. Т. 10. — М.: Госполитиздат, 1949. — С. 255–256.

Его методология основывалась на установке, что для теоретического анализа необходимо рассмотреть отдельно закономерности, а потом объяснить, как получается равнодействующая на практике. В этой связи он считал, что рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, абстрагируясь от частного хозяйства⁴.

В рассмотрении советской системы хозяйства затруднение возникало при анализе роли мелкого производства, служившего одновременно базой как для капиталистического, так и для социалистического накопления. Для Преображенского имел огромное значение вопрос — будет ли мелкое производство трансформироваться преимущественно в капиталистическом направлении, выделяя наемных рабочих, с одной стороны, кулацкое хозяйство — с другой, или оно станет превращаться в периферию государственного хозяйства⁵. В модели социализма, созданной Преображенским, по существу не нашлось места индивидуальному крестьянскому хозяйству. Все «досоциалистические формы» должны были, по схеме Преображенского, внести вклад в индустриализацию страны, а затем, когда государственный уклад станет по своей экономической мощи недостижимым, уйти с исторической сцены. Тогда уже социализм сумеет обеспечить свое поступательное развитие собственными государственными накоплениями — на все это отводилось несколько десятилетий.

Для осмысления динамики советского хозяйства Преображенский предпринял сравнение начальных ее шагов с началом капиталистического способа производства. Метод аналогии с теоретической позиции правомерен: он упрощает восприятие социальных явлений и процессов хозяйственной жизни. Однако Преображенский был подвергнут резкой критике за «чудовищную аналогию» (термин Бухарина) с другой стороны: сопоставление «эпохи грабежа и кровавого насилия», с которой начинался капитализм, с эпохой становления гуманного социалистического общества, объявлявшего такие методы неприемлемыми, не укладывалось в сознании правоверных партийцев. Методы «великого перелома», сплошной коллективизации позднее превзошли многие аналоги прошлых эпох.

Комплекс государственного советского производства появился в результате прорыва старой системы по всем направлениям — в результате социальной революции. Этот факт имел для Преображенского определяющее значение в понимании не только генезиса нового общества, но и всего последующего его строительства. Первоначальное социалистическое накопление, по Преображенскому, есть период создания

⁴ Преображенский Е. А. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ тов. Бухарину) // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11. — С. 223.

⁵ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 54.

материальных предпосылок для социалистического производства. Социалистическое накопление как накопление на технико-экономической базе нового хозяйства могло начаться лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления. Период такого накопления, по Преображенскому, мог развернуться только после завоевания власти и акта социализации важнейших отраслей хозяйства. Отличие первоначального социалистического накопления от социалистического накопления имело для Преображенского принципиальное значение. Социалистическим накоплением он называл присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди субъектов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства⁶.

Под первоначальным социалистическим накоплением подразумевалось накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Обложение несоциалистических форм, считал Преображенский, не только имеет место в период первоначального социалистического накопления, — оно должно играть решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз, так как источники необходимых средств сосредоточены прежде всего в «досоциалистических формах». В период социалистического накопления, утверждал Преображенский, государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни⁷. Он настаивал на том, что в период первоначального накопления необходимо максимально использовать источники досоциалистических форм хозяйства — именно их необходимо вовлечь в оборот индустриализации (причем быстрой индустриализации). Пробежать быстрее этот период, поскорей достичь момента, когда социалистическая система развернет свои преимущества в сравнении с капитализмом, — это был вопрос, в оценке Преображенского, жизни и смерти для советского государства, иначе пришлось бы долго ожидать восстановления промышленности даже в дореволюционных размерах, если опираться только на прибавочный продукт самой промышленности.

В этой связи перестройка всей технической базы, по Преображенскому, должна ложиться не только на плечи нескольких миллионов рабочих, но проходить при участии двух десятков миллионов крестьянских хозяйств⁸. В этой связи Преображенский подвергался яростной критике, особенно

⁶ См.: Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. — С. 59–60.

⁷ Там же. С. 65; Преображенский Е. А. Экономические заметки // Большевик. 1926. № 6. — С. 63.

⁸ Он же. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ тов. Бухарину). — С. 224.

со стороны представителей «бухаринской школы», за использование терминов «эксплуатация», «колонии», «неэквивалентность обмена», несовместимых, по мнению многих «праведных марксистов», с новым строем социализма. Социалистический сектор и «досоциалистические формы» рассматривались Преображенским в состоянии борьбы, в ходе которой происходит «пожирание» последних. Употребление другого термина — «эксплуатация», за который критиковался Преображенский, объяснялось отражением неэквивалентности обмена, основанного на активном балансе при обмене продукции на стороне государственного хозяйства, то есть «эксплуатацией» социалистической системой хозяйства досоциалистических форм («перекачка» средств через механизм неэквивалентного обмена). В аргументации критиков смешивалась политическая (классовая) и экономическая интерпретация.

В ответ на критику Преображенский заявлял: дело не в терминах — придумайте другие. Главное не путать отношения между классами и отношения между системами хозяйства. Он отмечал: крестьянское хозяйство — не колония государственной промышленности, а участник расширенного социалистического воспроизводства; рабочий не эксплуататор крестьянства, а участник в накоплении на развитие воспроизводства всего общества в целом⁹. Несомненно, Преображенский неоднократно и неудачно употреблял некоторые термины, порой неправомерно отождествлял понятия «первоначальное социалистическое накопление» и «социалистическое накопление» — это можно объяснить тем, что он так и не избавился от влияния прежних собственных военно-коммунистических идей, которые ранее активно пропагандировал (в «Азбуке коммунизма», например). Военно-коммунистическая идея насилия как прогресса заложена в самой природе модели первоначального социалистического накопления.

Преображенский отвергал обвинения в свой адрес по поводу того, что он призывал выкачивать с деревни как можно больше, выдвигая лозунг «бери больше с крестьянина». Его позиция выражалась в следующих формулировках: проблема «бери или дай» принудительно поставлена сложившимися на практике пропорциями развития, а именно тем обстоятельством, что система, существующая в капиталистическом окружении, может бороться за существование лишь путем быстрого развития социалистических форм производства. В таких условиях для расширенного воспроизводства с каждым годом потребуется все возрастающее количество прибавочного продукта в виде материальных средств производства. Эти ценности могли быть получены из источников только внутри страны,

⁹ Преображенский Е. А. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ тов. Бухарину). — С. 226–227; Он же. — Маркс и Ленин: Доклад в Комкадемии 24 января 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн.11. — С. 11.

то есть из прибавочного продукта рабочего и из прибавочного продукта крестьянского хозяйства. Социалистическое накопление, утверждал Преображенский, не может угрожать разрывом с крестьянством: успешное накопление не приведет к разрыву с крестьянством, так как от перепроизводства выигрывает как раз покупатель, а не производитель. Разрыв с крестьянством на практике возникает вследствие товарного голода, а товарный голод является следствием недостаточного накопления.

Преображенский видел будущую Россию мощным индустриальным государством. Его взгляд выходил далеко за пределы простого воспроизводства довоенной структуры и уровня народного хозяйства, связанного с его восстановлением — такой подход не мог превратить страну в передовую индустриальную державу. В контексте долгосрочных целей неизбежно возникал вопрос о ресурсах для осуществления этого проекта. Накоплений советского государственного сектора было безнадежно мало в сопоставлении с масштабами преобразований. Преображенский разработал концепцию первоначального социалистического накопления, которая стала стержнем всей его теоретической системы.

Проект первоначального социалистического накопления Преображенского представлялся его автору центральной движущей силой всего советского государственного хозяйства на этапе переходного периода. Преображенский считал возможным возвести его в ранг экономического закона социализма, причем не просто рядового закона в числе других, а основного закона экономики переходного периода, выражающего основные признаки советского хозяйства, оказывающего определяющее воздействие на все процессы экономической жизни до тех пор, пока государственное хозяйство не получит экономическое превосходство над капиталистическим укладом. Ему придавалось универсальное значение.

Формулировался закон следующим образом: чем более экономически отсталой, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, — тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, то есть тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии

после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране до-капиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, то есть уменьшить эксплуатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, то есть опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия¹⁰.

Столь объемная формулировка закона не представляется удачной не только своим размером, но и авторским желанием включить в свое определение по возможности все нюансы связей, отражаемых в законе. Можно дискутировать по поводу того, возможно ли вообще определять понятие «первоначальное социалистическое накопление» как регулятивный экономический закон, на основе которого функционирует хозяйственный механизм — в большей степени оно выражает метод (способ, результат) концентрации хозяйственных процессов. Само накопление предполагает существование закона, на основе которого оно осуществляется (капиталистическое накопление осуществлялось, в частности, на основе закона стоимости). Накопление может отражать также суть, сердцевину экономической и хозяйственной политики (например, политики социалистического накопления, как предлагал Преображенский).

Закон первоначального социалистического накопления как закон поддержания развития системы в представлении его создателя должен был действовать до преодоления экономической и технической отсталости страны. Размеры накопления в государственной промышленности подчинялись принципам пропорциональности: распределению производительных сил между государственным и частным секторами, размерам связи с мировым хозяйством¹¹. Нарушение необходимого минимального накопления наносило удар не только по государственному хозяйству, но и задерживало развитие крестьянского хозяйства.

Основываясь на наличии объективных противоречий, Преображенский обосновал идею возникновения кризисов в переходном советском обществе. Внутренние диспропорции в хозяйстве породили, в частности, кризис 1923 г. В диспропорциональности Преображенский видел истоки кризиса. Пропорциональность могла сложиться лишь в том случае, если потребности городского населения в продукции сельского хозяйства и промышленности в крестьянском сырье соответствуют стоимости товарной продукции сельского хозяйства. При этом отмечалось, что

¹⁰ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. — С. 104.

¹¹ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 22. — С. 37, 39.

деревня находилась в менее благоприятных условиях, чем город (имело место перепроизводство продукции сельского хозяйства, крестьянство увеличило уровень потребления продукции промышленности). Город был не в состоянии закупить всю продукцию сельского хозяйства. Крестьянство, не имея возможности ее реализовать, не могло купить всю продукцию города¹².

Преображенский не мог не осознавать, что государственная промышленность оказалась бы в тяжелом положении, если крестьянское хозяйство оставалось бы хозяйством натуральным. Доказательством тому служил опыт эпохи военного коммунизма. Выход предлагался в следующей схеме: развивая товарный обмен между городом и деревней, крестьянское хозяйство поставить в зависимость от государственного хозяйства. Производственные отношения в земледелии представлялись Преображенскому весьма сложными. Категорически отказываясь формулировать теоретические положения о конкретных путях и формах кооперативного движения, Преображенский уделил внимание вопросу о роли кооперации в советской экономике. Рассуждения по данному вопросу подчинены логике всей его теоретической системы. Основной вопрос в данной области для него заключался в том, какую роль играет кооперация в борьбе планового начала с законом стоимости¹³. В советской системе кооперацию требовалось приспособить к потребностям системы советского народного хозяйства.

Советская административная система, сложившаяся на рубеже 1920–30-х годов, применила методы «первоначального социалистического накопления» в значительно более ужесточенном виде, чем это мыслилось Преображенским. Методология Преображенского по поводу накопления за счет несоциалистического сектора, быстрых темпов развития оказались востребованы в практике функционирования административной системы. «Перекачка» и «пожирание» оказались использованы в практике сталинской коллективизации. Существует даже мнение, что концепция первоначального накопления оказалась бикфордовым шнуром сталинского «великого перелома». Идея борьбы в теории «двух регуляторов» Преображенского до окончательной победы планового начала, соответственно, поражения и устранения закона стоимости, послужила экономическим фундаментом для обоснования сталинской теории обострения

¹² Преображенский Е. А. Экономические кризисы при нэпе: Доклад 1 ноября 1923 г. // Вестник Коммунистической академии. 1923. Кн. 6. — С. 311–314.

¹³ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве: Доклад в Комакадемии 21 января 1926 г. // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 14. — С. 51, 60; он же. Заключительное слово по итогам дискуссии в Комакадемии по докладу «Закон ценности в советском хозяйстве» (21, 26 и 29 января 1926 г.) // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15. — С. 233, 235.

классовой борьбы, которая находила выражение на практике как в довоенные годы, так и в период позднего сталинизма¹⁴.

Сталин многое перенял у Преображенского: бескомпромиссность в оценках и установках, жесткость в постановке задач, даже казуистичность в обосновании с присущими Преображенскому оговорками, терминологию (термин «дань», за который Сталина позднее упрекал Бухарин, впервые появился именно у Преображенского). При этом имя репрессированного Преображенского было предано анафеме. Но на фоне сталинского «большого скачка» программа Преображенского выглядит несравнимо медленной. Проект Преображенского отличался от сталинского пути большей обоснованностью темпов индустриального развития (хотя по иронии судьбы именно Преображенский получил ярлык «сверхиндустриализатора»), большей умеренностью в аграрных преобразованиях.

¹⁴ См.: Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // Исторический архив. 2016. № 3. — С. 3–31.

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-е гг.

Изучение преступности как проявления социальной деградации в определенный исторический период является актуальной проблемой, позволяющей рассмотреть причины и последствия влияния делинквентности на правовую культуру населения юга России в 1920-е гг., ставшие переходными в установлении новых политических и правовых реалий советской государственно-правовой системы.

Ключевые слова: *преступность, делинквентность, крестьянство, советская власть, 1920-е гг.*

Bagdasaryan S. D.

THE PROBLEM OF CRIME IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1920-s

The study of crime as a manifestation of social degradation in a certain historical period is an urgent problem that allows us to consider the causes and consequences of delinquency on the legal culture of the population of southern Russia in the 1920s, which became transitional in the establishment of new political and legal realities of the Soviet state-legal system.

Keywords: *crime, delinquency, peasantry, Soviet power, 1920-s.*

Время революционных преобразований 1917–1922-х гг. отразилось в российском социуме деградацией институтов власти и соответственно правовой культуры общества, что особенно проявлялось в росте преступности, ее разных формах. Гражданская война, как наиболее острая социальная картина конфликтов, созревавших в российском обществе предшествующие годы², стала периодом развития различных форм бандизма.

Юг России с такими областями как Дон, Кубань, Ставрополье и Терек стал местом острейшей борьбы в годы гражданского лихолетья и приход Советской власти обеспечить сразу население эффективными методами борьбы с преступностью не смог из-за сохранения повстанческого движе-

¹ Багдасарян Сусанна Джамилловна, доктор исторических наук, ОЧУ ВО «Международный юридический институт», Россия, г. Москва, bsd73@mail.ru.

² Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы: тенденции и состояние // исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2009. — № 2(3). — С. 55–60.

ния в сельской местности³. Советские источники повстанческое движение четко определяли по классовому признаку политическим бандитизмом⁴, а уголовные правонарушения — преступностью⁵. При том, что советский подход к разделению очевиден в политических целях выступлений, но в методах совершения преступных действий носил тот же уголовный характер, в основном кражи лошадей, отбирание продовольствия, фуража, фактические открытый грабеж мирного населения, вплоть до убийства. Первоначально повстанцы направляли свои действия на представителей новой власти, но не чурались и отбором имущества у простых крестьян, казаков, о чем пишут исследователи⁶. Новая экономическая политика не ослабила проблему роста преступности в сельской среде юга России, так как организация советской милиции, ее обеспечение, создание социально-экономических условий к снижению делинквентности не проявлялось, а наоборот наметился рост совершения правонарушений из-за недовольства населения голодом, взысканием недоимок по продразверстке в 1921 г., о чём констатировали в руководстве Донской области⁷. Ростовский окружной РКП(б) в начале весны 1922 г. указал, что «голод способствует тяжёлому бандитизму, с которым едва справляется милиция»⁸. То же отмечено в Первом Донском⁹, и отмечены факты вливания в организованные группы представителей советской власти¹⁰, которые разочаровывались в большевистских идеях. В исследованиях историка С. В. Фидельского¹¹ раскрывается целая группа причинно-следственных связей разгула преступности от отсутствия властных институтов и механизмов борьбы с преступностью до усталости населения

³ Скорик А. П., Федина И. М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.): монография. — Новочеркасск: Лик, 2016. — С. 384–389.

⁴ Максимов П. В. Политизация бандитизма в советских политико-правовых актах периода гражданской войны (1917–1922 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. — Т. 15. — № 3 (32). — С. 162–169.

⁵ Антонов-Романовский Г. В., Чирков Д. К. Методология изучения сельской преступности в первые годы советской власти // Юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 42–49.

⁶ Харитонов И. А. Станица Некрасовская после Гражданской войны глазами казака-колхозника // Фёдор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа. История и современность. Сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2009. — С. 429.

⁷ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 55.

⁸ Отчёт Ростовского окружного комитета РКП(б) за март месяц 1922 г. о настроении крестьянских масс в связи с голодом. Март 1922 г. // Шадрина А. В., Табунщикова Л. В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов / Отв. ред. А. В. Венков. — Ростов н/Д, 2013. — С. 145.

⁹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 64 об.

¹⁰ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 40 б); ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 24. Л. 112.

¹¹ Фидельский С. В. Уголовная преступность как проблема революционной повседневности 1917–1920 гг. (на материалах Юга России) // Наука и школа. — 2011. — С. 141–143.

от невзгод преобразований, неурожаев, беспомощности перед новой социальной реальностью. Отсюда падение правовой культуры с характерной чертой социальной дезориентации крестьянства, что отмечено многими авторами¹².

Яркую картину проявлений бандитизма в начале 1920-х гг. на Юге России дают материалы периодической печати, доносящей до нас уголовные дела. В ростовской газете «Молот»¹³ за сентябрь 1924 г. есть примечательные описания следственных материалов о шайке «Червонные валеты» (название связано с визитной карточкой с нарисованными тремя червонными тузами, обнаруженной при аресте у А. Анохина, члена банды), терроризирующей Староминскую волость, было задержано полсотни участников грабежей (хищений имущества крестьян), разбоев (скот, птица) и убийств (более 70 доказанных фактов).

Такие банды направляли свои действия и против представителей новой власти и простых крестьян, казаков, не давая возможности перейти после страшного голода 1921–1922 гг. к восстановлению своих хозяйств, нанося урон только оформляющимся институтам советской власти, не обладающей еще ресурсом противостояния массовому проявлению асоциальности в различных формах девиаций (алкоголизм, самогоноварение, проституция) и преступного поведения индивидов (дезертиры, криминальные элементы, повстанцы), потерявших общественные ориентиры в новом мире. В свою очередь это вело к разочарованию от советской власти и неспособности охране общественного порядка, что и подтверждается документами партийных и советских органов Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, в которых бандитизм рассматривается препятствием восстановления сельского хозяйства¹⁴ из-за многочисленных грабежей, убийств, подрывавших материальные и человеческие ресурсы деревни.

Объективная оценка событий позволила осознать необходимость срочных мер в борьбе с преступностью со стороны государственных органов, тем более в дореволюционный период власть не сталкивалась с таким явлением, как «бандитизм»¹⁵. Первоочередным стал пункт оцен-

¹² Масюков Н. А. Эволюция правовой культуры крестьянства в условиях гражданской войны 1917–1922 гг. (на материалах Кубано-Черноморья) // Вестник Майкопского технологического государственного университета. 2011. № 2. — С. 1–5., Хронова И. А. Кризис институтов власти и собственности и трансформация традиционной правовой культуры сельского населения Кубани (1917–1922 гг.) // Наука и школа. 2010. № 2. — С. 130–144, Горюнов В. Н. Кризис правовой культуры в условиях гражданской войны на материалах Юга России 1917–1920 гг.) // Общество и право. 2012. — № 5 (42). — С. 62–65. и др.

¹³ Михайлов П. Бандитская шайка «червонных валетов» // Молот. 1924. — 23 сентября.

¹⁴ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 13, 14.

¹⁵ Максимов П. В. Бандитизм как предмет научно-правовых исследований в советской России в 1920-е годы // Вестник Российского университета кооперации. — 2016. № 4 (26). — С. 116–120.

ки классовой природы преступности, выявления социальной сущности политической и уголовной природы бандитизма, как следствия оценки действий инсургентов с их лозунгами против советской власти. Против повстанческих отрядов и групп действовали значительные карательные силы. В эту борьбу были брошены силы милиции, Красной армии, организованные части особого назначения и сотрудники Государственного политического управления при Наркомате внутренних дел РСФСР, проводились мероприятия по физической ликвидации банд, шаек, укрытий инсургентов. К примеру, в период зимы — весны 1922 г. на Юге России взялись за уничтожение сезонных мест (отдаленных хуторов, жилищ скотоводов) укрытий¹⁶. Такая тактика отражена и в художественной литературе В. П. Ставского, который в произведении «Станица» за 1928 г. повествует, как все жители поднялись на борьбу с местной преступностью¹⁷.

Серьезный перелом в борьбе с сельской преступностью стал отмечаться с первыми успехами экономических преобразований 1922 г. с окончательным отказом от продналога, получением неплохого урожая, что отражено в исследовании А. В. Баранова¹⁸.

Тем не менее в течение 1922 г. официальные сообщения о существовании бандитских группировок обычно подразумевали бытовые уголовные преступления, а не смуту и заговоры. Следовательно, когда осенью 1924 г. руководство партийно-советской номенклатуры Юго-Восточной части страны объявили непримиримую войну «с бандитизмом, как наследием прежней темноты и дикости, подрывающим благополучие крестьянского хозяйства»¹⁹, подразумевалась, в первую очередь, сама преступная среда, а позже, у чекистов стали доходить руки и до определенных тлеющих углей ещё еще недобитого контрреволюционного сопротивления.

Необходимо отметить, что советские правоохранительные органы объявили войну преступникам и уголовникам, попутно имея цель уничтожения еще не донца побежденного среди населения брожения в 1922–1923 гг., тем не менее, несмотря на все попытки государственных внутренних органов степень расширения бандитской и преступной деятельности в эти годы была достаточно высокой и трудноразрешимой. «Политический бандитизм по области почти вымер, чего, однако, нельзя сказать про бандитизм уголовный»²⁰, — находим доказательство этому в документах Областного комитета Дона РКП(б) от 1922 г.

¹⁶ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 6. Л. 44, 63, 65.

¹⁷ Станица: Кубанские очерки / В. П. Ставский. 4-е изд. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы, 1931. — С. 151.

¹⁸ Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: монография. — Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. — С. 252.

¹⁹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 178. Л. 15.

²⁰ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 3.

Трудность, связанная с искоренением уголовников становилось очевидной — сказывалась нехватка усилий государственного аппарата и слабое финансовое обеспечение данного процесса, не хватало человеческих и экономических ресурсов для выполнения обеих задач: искоренения уголовного элемента и ликвидации затаившегося политического сопротивления, что, разумеется повлияло на проявление вышеуказанных явлений в период нэпа. Подпольная деятельность противников советской власти имела корни еще со времен Гражданской войны и представляла собой большую проблему, которая могла привести к возгоранию в Советской России нежелательного для власти очага недовольства своим гражданским положением населения страны.

Политика осуществления нэпа, которая проводилась советскими чиновниками, позволила предотвратить мятежные устремления политически недовольных граждан, возмущенных несправедливостью проведения мероприятий периода военного коммунизма, и свело на нет сам дух сопротивления действующему политическому строю через переключение интересов несогласных на получение финансовой прибыли.

В другом положении оказались преступники уголовного и бандитского толка. В первую очередь для расцвета роста преступности, как и для контрреволюционных настроений являются времена смут или государственных переворотов, а Советская власть прочно укреплялась, гражданская и экономическая жизнь в стране стала упорядочиваться, что, несомненно, настроило большинство людей на достижение своих личных целей законным, а не преступным образом. С другой стороны, когда представители внутренних органов новой власти уничтожали целые социальные группы в стране — подобные действия дали толчок возникновению как политически недовольных групп бандитов, так и преступных объединений уголовного характера. Тем не менее, чистая уголовная среда являлась сложной проблемой для советской государственности, демонстрируя невыносимые жизненные условия большинства людей и падение уровня сознания общества в целом, итогом стало изменение понимания критериев ценностей в обществе, многие представители различных слоев населения выбрали для себя преступный путь жизни. Следующей причиной снижения моральных ценностей в обществе послужило употребление алкоголя, что, естественно, дало толчок не только хулиганству, но и привел граждан к совершению более тяжких правонарушений, таких как разбой и даже убийство людей. Например, в время 1927–1928 гг. в советской стране официальная статистика зафиксировала более 300 тыс. эпизодов преступлений, совершенных лицами в алкогольном опьянении. И, наконец, необходимо отметить такой факт, что в результате социально-политических и во время внутренних военных противостояний многие члены советского общества

пополнили ряды маргинальных слоев общества, стали изгоями и потеряли в значительной степени свой общественный статус, они перестали считать для себя прерогативой мирное, созидательное занятие хозяйством, как источник для продолжения собственного существования.

Как справедливо отметил нарком А. И. Микоян, распад и полное разобщение бандитов политического толка привели к тому, что смутьяны политические стали на стезю чисто уголовную. Борцы с советским режимом в итоге превратились в самых обычных, далеких от политики рецидивистов, душегубов и участников разбоя, которые предпринимали попытки замаскировать свои преступные умыслы к грабежу и насилию. Получается, что ликвидация мятежно-настроенных элементов привела соответствующим образом к увеличению проявлений чистой уголовщины и одновременно к увеличению уголовной ответственности.

Советское государство доктринально основывалось на идее отмирания права по мере развития социалистических устоев общества, а преступность рассматривалась в первые годы как проявление классовой борьбы, следовательно пролетариат и трудящееся крестьянство должно было не проявлять форм делинкветного поведения с провозглашением революцией идиомы построения нового социума. Но практика показала, что идеальное представление противоречит количеству совершения преступлений, что в рабочей, что в крестьянской среде. В 1921–1923 гг. была проведена первая советская кодификация права на принципах социалистической законности и правопорядка. В рамках правотворческой деятельности пристальное внимание было к работе над Уголовным кодексом РСФСР, который был принят ВЦИК в мае 1922 г. и введен в действие с 1 июня 1922 г. В отличие от предшествующего уголовного законодательства 1919 г., не имеющих особенной части кодекс имел классическую структуру с выделением введения и общей и особенной части. При этом уголовные нормы сохраняли ярко выраженный классовый характер в самом понятии преступления, раскрытом в ст.6 «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»²¹.

В УК был также введен принцип аналогии. «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего кодекса». Введение принципа аналогии давало судам возможность широкого толкования закона.

²¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. М., 1922. — С.4.

Целями наказания были предупреждение новых правонарушений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления. Судебные органы назначали наказания на основе «социалистического правосознания». «Руководящих начал по уголовному праву» и УК РСФСР. Применялся принцип целесообразности наказания. При определении меры наказания судьи должны были учитывать степень и характер социальной опасности преступления и личности преступника.

Вводились следующие виды наказаний, изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно, лишение свободы со строгой изоляцией и без таковой, принудительные виды работы без содержания под стражей, условное осуждение, конфискация имущества (полная или частичная), штраф, поражение прав, увольнение от должности, общественное порицание, возложение обязанности загладить вред, высшая мера наказания — расстрел. Впервые введена отдельная ст. 176 о хулиганстве, непосредственно хулиган рассмотрен как классово безликий субъект правонарушения.

Раскрывалось понятие меры социальной защиты, которое включало в себя как наказание, так и другие формы воздействия. К таким формам воздействия относились меры медико-педагогического характера, удаление из определенной местности (высылка), воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом.

Такой краткий историко-правовой обзор уголовного законодательства позволяет видеть, что законодатель транслировал идею борьбы с преступностью изначально, как проявление классовых противоречий в новом советском обществе. Общество нуждалось в повышении уровня правовой культуры и разъяснения классового начала в построении социальной системы, так как алкоголизм, хулиганство, самогоноварение, рост сексуальных преступлений формировали отрицательное отношение к правоохранительной системе, не способной побороть преступность.

Таким образом, можно выделить определенные вехи:

- 1917–1920 гг. — рост преступности в регионах России на фоне гражданской войны, конфискаций и ревизий. Уход уголовного элемента в революцию, благодаря политике военного коммунизма;

- 1921–1928 гг. — преступность расширяется за счет экономических правонарушений на предприятиях городов и сельской местности, спекуляция дефицитными товарами, злоупотребления работников на местах, продажа незаконного алкоголя, отравления, хулиганство. В основе этого негативное отношение городской и сельской бедноты к проведению политики НЭПа. Общество было недовольно зачастую бездействием советской милиции, нехваткой профессиональных кадров.

1926 г. является переходным после чубаровского дела (изнасилование Л. Беловой), ставшего показательным в отношении сексуальных преступлений, после него сексуальная революция первых советских лет стала сворачиваться. В 1926 г. выходят и Семейный кодекс РСФСР, и новая редакция Уголовного кодекса, ужесточающего в очередной раз наказания за многие правонарушения, хулиганство стало нарицательным явлением для советского общества и борьбы с совершением правонарушений, связанных с распитием алкоголя, пущенного в открытую продажу с середины 1920-х гг.

**К ВОПРОСУ О ВЫСЕЛЕНИИ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ
И КРУПНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В 1925–1926 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

В статье рассматривается деятельность органов власти Саратовской и Сталинградской губерний на начальном этапе проведения кампании по выселению бывших помещиков и крупных землевладельцев.

Ключевые слова: выселение, аграрная политика, крестьяне, помещики, земельные собственники, кампания.

Belova A. V.

**ON THE QUESTION OF THE EVICTION OF FORMER LANDOWNERS
AND LARGE LANDOWNERS IN 1925–1926:
ON THE MATERIALS OF THE SARATOV AND STALINGRAD PROVINCES**

The article examines the activities of the authorities of the Saratov and Stalingrad provinces at the initial stage of the campaign to evict former landowners and large landowners.

Keywords: eviction, agrarian politics, peasants, former landowners, large landowners, campaign.

Социалистические преобразования в России, начавшиеся после 1917 г., привели к масштабным изменениям в аграрном секторе экономики. Одним из следствий такой политики стала ликвидация крупного частного землевладения. Все бывшие имения, согласно «Декрету о земле», передавались под управление государства или коллективных объединений. При этом некоторые бывшие собственники получили разрешение и продолжили проживать в прежних домовладениях². Судьба данной категории граждан почти не рассматривалась в советской историографии³, но в последнее десятилетие ситуация изменилась, и исследователи стали обращаться к этой теме⁴.

¹ Белова Алёна Владимировна, соискатель кафедры истории России Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград, BelovaBAV17@mail.ru.

² См.: Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября (8 ноября) // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. – С. 17.

³ См.: Трифонов, И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. – 406 с.; История крестьянства СССР. История советского крестьянства в 5-ти т. Т.1. – М., 1986. – 455 с.

⁴ См.: Лозбнев, И. Н. Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах центральной России в 1925–1927 годах // Российская история. 2009. № 1. – С. 81–85; Поляков,

В начале 1920-х гг. бывшие крупные собственники по своему положению не отличались от местного крестьянства и не представляли реальной политической силы. Несмотря на это, партийное руководство считало их врагами и потенциальной угрозой для государства. Результатом такой идеологии стало постановление ВЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших до октябрьской революции хозяйствах». В тексте документа выделялось две категории граждан, подлежащих выселению. К первой относились представители дворянского сословия и члены их семей, а ко второй все остальные бывшие крупные землевладельцы и их семейства в случае «кабального характера» отношений с крестьянством. При рассмотрении дел в пользу бывшего собственника учитывались: покупка земельного участка через банк или в рассрочку, частичное применение наемного труда, служба в рядах РККА или наличие особых заслуг перед советской властью⁵. Тем самым рамки действия постановления оказались расширены, а местные органы получили большие полномочия.

Процесс выселения по стране начался с рассылки постановления, в котором содержалось и указание о создании специальных комиссий. В Саратове очень быстро отреагировали на распоряжение центра. Уже 31 марта 1925 г. была создана межведомственная комиссия, в состав которой вошли губернский прокурор В. М. Бурмистров, ставший ее председателем, начальник ГООГПУ Р. И. Аустрин и заведующий губернским земельным управлением П. Т. Герасимов⁶. Первое заседание состоялось 4 апреля 1925 г. Его результатом стало распоряжение о создании уездных комиссий, в обязанности которых входили составление, проверка анкет, выдача заключений и передача сведений в центр. Губернская комиссия также определила сроки: рассылка анкет до 15 апреля, оформление и заключения — до 1 мая, передача материалов в губернское земельное управление — до 15 мая⁷.

В Сталинградской губернии постановление ВЦИК и СНК от 20 марта 1925 г. проигнорировали. В уездах и округах составляли списки и проводили описи в рамках распоряжений от осени 1924 г. Например, 5 мая

А. В. Из истории насильственного переселения в 1925–1927 годах бывших помещиков в Сибирь (на материалах Сталинградской губернии) // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола, 2009. — С. 341–346; Иванов, А. А. Выселение помещиков в Марийской автономной области в 1920-е годы // А. А. Иванов, А. А. Соловьев. Вестник Марийского государственного университета. 2017. Т. 3. № 1 (9). — С. 5–10.

⁵ См.: О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших до октябрьской революции хозяйствах. Постановление ВЦИК и СНК СССР 20 марта 1925 г. // Сб. документов по земельному законодательству СССР РСФСР. — М., 1954. — С. 112–114.

⁶ См.: Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 5.

⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 2–2об.

в Хопёрском округе комиссия по выявлению имущества осмотрела домовладения дворян Столповской, С. И. и А. И. Мордвинцевых, крестьян Е. И. Носакова и Д. С. Галушкина. Всю их собственность решили конфисковать⁸.

Уездные руководители Саратовской губернии тоже не спешили выполнять распоряжения центра. Первые сведения были переданы только в начале июня. Самое большое количество выявленных домовладений оказалось в Аткарском уезде — 99, из них 9 управлялись женщинами. Первоначально были получены данные из 6 волостей на 76 глав семейств. Спустя месяц прислали еще 23 анкеты из оставшихся 3 волостей. В общем списке оказалось 7 дворян, 11 мещан, 3 казака и 78 крестьян. Как следует из этих данных, 77 % выявленных граждан относилось к крестьянскому сословию. В результате заседаний постановили выселить 14 семейств. Из дворян этой мере наказания подлежало четверо: Е. П. Бродке с пометкой «взаимоотношения с крестьянами в прошлом плохое», братья Н. В. и Н. В. Крымские с указанием о применении наемного труда и О. А. Янг, что пользовалась земельным наделом из прежнего участка. На месте было оставлено три дворянина: В. Н. Пятницкий, который продал свое владение в 1906 г., М. А. Сантовская и И. А. Янг, которым ранее по землеустройству выделили участок не на территории бывшего имения.

Среди оставшихся 10 глав семейств оказалось два мещанина: М. И. Сушкин с пометкой «эксплуатирует бедняков» и Н. Я. Матюнин, которому достался надел «в пределах бывшего своего владения». Такая же причина для выселения была указана у 8 глав крестьянских семейств: П. М. Путова, братьев А. М. и П. М. Галкиных, которые вели совместное хозяйство, и у пяти семей Лупоносовых. Только у крестьянки О. М. Капковой, имевшей 280 дес., дополнительно было указано, что «земля сдается в аренду, правильно хозяйство не ведется». В процентном соотношении выселяемые дворяне, мещане и крестьяне соотносились как 29 % к 14 % к 57 %. Список граждан, подлежащих выселению, мог быть расширен. Комиссия сделала запрос о размерах бывших участков и имущественном положении трех граждан: А. А. Грековой, В. И. Городкове и Т. Ф. Собко. В отношении крестьянина И. Г. Калинина, имевшего до революции 141 дес., был сделан запрос в Аткарский исполком о месте проживания, хозяйстве и праве голоса.

Примечательно, что в прошлом самые большие участки земли оказались у крестьянина П. И. Лупоносова — 2 152 дес. и у большого семейства крестьян А. М. и П. М. Галкиных — 893 дес. (при этом их отец владел ранее 1 156 дес.), и лишь на третьем месте было имение дворянки Е. П. Бродке — 800 дес. Наименьший участок в 14, 5 дес. принадлежал крестьянину Л. Т. Шохину, а включенные в список двое крестьян, К. И. Бернихин и

⁸ См.: Государственный архив Волгоградской области (далее — ГАВО). Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 115. Л. 49.

Ф. Ф. Геер, вообще не имели земли. У остальных граждан размер участка варьировался от 50 до 400 дес.⁹

Меньше всего бывших собственников выявили в Новоузенском уезде. Из 9 семейств было 8 крестьянских и 1 мещанская. Среди глав семей оказалась одна женщина-крестьянка — Е. Е. Афанасьева, которая ранее имела 1 000 дес., но поскольку проживала во владении, «особой ценности не представлявшим», то ее решили оставить. Выселить планировалось двух крестьян: Е. К. Кутняк, владевшего ранее 300 дес. земли и использовавшего наемный труд, и Ф. В. Ланцевского, имевшего 600 дес. и паровую мельницу в совместном использовании. Самый большой участок в 1 400 дес. ранее принадлежал крестьянам братьям И. Н. и Я. Н. Пушкиным. Причем, по решению комиссии, им и братьям А. Ф., И. Ф. и П. Ф. Тупиковым разрешили выдать землю в пределах другой волости на общих основаниях¹⁰.

В Сталинградской губернии в середине июня 1925 г. были собраны и сведены данные только по Усть-Медведицкому округу. Там было выявлено 6 хозяйств, которые возглавлялись 2 дворянами и 4 мещанами. В отличие от Саратовской губернии, в данных анкетах приводились и сведения о том, каким количеством земли владели граждане на момент проведения кампании. Исходя из них, самый большой участок ранее имел мещанин А. В. Белоусов, а его надел с 1 600 дес. сократился до 60 дес., то есть, почти в 27 раз. Остальные пять домовладений уменьшились в 11–25 раз. Особых различий между участками бывших собственников не наблюдалось. Так, по 400 дес. земли насчитывалось у дворянина А. В. Грошева, мещан В. С. Белоусова и М. М. Данилова. Самый маленький участок в 250 дес. ранее принадлежал дворянину П. П. Репно-Вершинскому¹¹. Подобные факты свидетельствовали о том, что в начале XX в. дворянство стало утрачивать свои позиции¹².

У губернских и местных органов власти вопросов по проведению кампании становилось всё больше, поэтому 22 июня 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР разослал декрет «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений». В нем разъяснялись особенности создания и полномочия комиссий. На их организацию отводилась неделя. В декрете давались указания об имуществе, подлежащем конфискации, составлении планов по его использованию и порядке рассмотрении жалоб. На добровольное выселение отводилось время до 1 января 1926 г., после подключались органы ОГПУ и милиции¹³. На основании

⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 10–13. 54–56об.

¹⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 54–56об.

¹¹ См.: ГАВО. Ф. Р-1722. 1 с. Д. 26. Л. 28;

¹² См.: Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. — М., 2009. — С. 163.

¹³ См.: О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отно-

полученного декрета Саратовская губернская комиссия 4 июля 1925 г. произвела изменения в своем составе. Председателем вместо Бурмистрова был назначен заведующий губернским коммунальным отделом П. Г. Смольяnnиков¹⁴.

Во всех уездах Саратовской губернии к концу июля 1925 г. основной сбор сведений завершился. Всего было заведено 455 дел, из которых предполагалось выселить 101 домовладельца вместе с семьями¹⁵. В начале сентября этот список увеличился до 106: 79 из этих домовладений управлялись мужчинами, а 27 — женщинами. Больше всего выселяемых оказалось в Балашовском уезде — 33 семьи, за ним следовал Сердобский — 19 и Аткарский — 18. Наименьшее число граждан, взятых на учет комиссией, проживало в Новоузенском — 2 и в Камышинском — 1. В Вольском уезде бывших собственников не было обнаружено¹⁶. По стране было выявлено 7 818 бывших помещиков и крупных землевладельцев, из которых планировали выселить 3 600 чел.¹⁷ Доля Саратовской губернии составила 5,8 % от общего числа, а по количеству граждан, подлежащих выселению, — 2,9 %.

В сентябрьскую статистику по стране не поступили данные из Сталинградской губернии, в которой, проигнорировав и декрет от 22 июня, отложили создание специальной комиссии до 15 сентября. В ее состав под председательством председателя губернского исполкома Ф. Т. Недзвецкого вошли заведующий земельным управлением Саблин, заведующий ГПУ Мартынов и с правом совещательного голоса губернский прокурор. Сразу же было издано распоряжение о создании комиссий по уездам и округам с аналогичным составом. На губернскую комиссию возложили обязанность по выработке инструкций и рассылке всего необходимого анкетного материала. Всю работу планировали закончить до 15 октября 1925 г.¹⁸

В то время как в Сталинградской губернии только приступили к сбору сведений, в Саратовской губернской комиссии 28 сентября председатель Смольяnnиков огласил объявление «О выселении бывших помещиков». Всем гражданам, чьи фамилии были опубликованы в «Саратовских Известиях», предписывалось покинуть свои домовладения в месячный срок. Кампанию планировали завершить до 20 октября 1925 г.¹⁹ Однако ее темп

шении. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июня 1925 года // Сб. документов по земельному законодательству СССР РСФСР. — М., 1954. — С. 236–238.

¹⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 21.

¹⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563, Л. 67–69.

¹⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 25–29, 33.

¹⁷ См.: Лозбенев, И. Н. Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах центральной России в 1925–1927 годах // Российская история. 2009. № 1. — С. 83.

¹⁸ См.: Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 43–44.

¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 25–29, 33.

резко замедлился из-за возросшего числа ходатайств граждан, выявленных ошибок и поступления новых сведений. Например, 20 октября 1925 г. Саратовская губернская комиссия повторно изучила 14 дел. После рассмотрения документов, неучтенных ранее, решили отменить выселение А. А. Кроткова и В. И. Кубасова. Заявления С. А. Алексеевского, А. А. Шапкина, А. П. Струкова, П. Т. Смирнова, В. К. и А. П. Митюковых отклонили. Для пересмотра были приостановлены дела по выселению граждан Лупоносовых, Белоглазовых и Б. А. Сусанова. На перепроверку отправили дело В. Л. Даровского, так как поступили сведения о службе его сыновей в рядах РККА²⁰.

В октябре 1925 г. Сталинградская губернская комиссия, желая ускорить процесс сбора информации, разослала конкретные запросы на основе имевшихся сведений. Например, от Черноярского волисполкома потребовали данные на Калашникова, Качалина, Кулакова и К. Якунина. Ответы приходили с большой задержкой, некоторые распоряжения игнорировались²¹. Этот метод не ускорил ход кампании. Только 22 ноября 1925 г. появился первый общий список, включавший 46 домовладений, из которых 2 управлялись женщинами. Для его составления использовались как материалы, поданные местными комиссиями, так и сведения из архивных документов. Больше всего бывших крупных собственников числилось в Хопёрском округе — 19. В Николаевском уезде их оказалось 14, а в Усть-Медведицком округе — 11. В Сталинградском уезде был указан К. Якунин, владевший 760 дес. земли. Один собственник находился и в Ленинском уезде: вдова М. Г. Паничкина, семья которой ранее владела до 4 000 дес. Во Втором Донском округе никого не обнаружили²².

В Хопёрском округе из 19 семейств к дворянским относилось 4. В список попал бывший князь А. М. Волконский, владения которого ранее были в Тамбовской губернии. На момент проведения кампании он служил преподавателем животноводства в сельскохозяйственном техникуме. А. А. Мокроусова свой надел в 13 дес. сдавала в аренду, а отношение к ней населения было безразличным. И. С. Мордвинцев ранее служил в чине офицера, отступал с белыми войсками, а отношение к нему было недоброжелательное. Его сын, С. И. Мордвинцев, работал учителем в школе. Оставшиеся 15 семей были крестьянскими. В анкетах П. К. Боева, И. С. Белоусова и Л. И. Белоусова стояла пометка о скрытности мотивов и нежелании обсуждать политические темы. Из семейства Черновых М. И. и П. П. Чернов отступали с белыми войсками. Остальные 7 происходили из большого семейства Гавриных. Двое из них, А. М. Гаврин и А. Д. Гаврин, были под судом как баптисты. Самым большим участком владел ранее крестьянин

²⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1563. Л. 67–69, 82–86.

²¹ См.: ГАВО. Р-48. Оп. 1. Д. 19. Л. 20–22.

²² См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 119. Л. 74–78.

Е. И. Носаков — 600 дес., в то время как у дворян Мокроусова, Мордвинцева и крестьян Белоусова и Галушкина указано по 400 дес.²³

Исходя из планов СНК по завершению кампании в декабре 1925 г., народному комиссариату земледелия было необходимо передать полный отчет о выселенных гражданах и их имуществе. Саратовская и Сталинградская губернии не выполнили это распоряжение. В середине декабря Сталинградская губернская комиссия отправила отчет по Хопёрскому и Усть-Медведицкому округам, где были оформленные анкеты на 18 семей. Среди них было 2 дворянина, 13 крестьян и 3 разночинца. В Сибирь планировалось выселить 11 семейств, включая одно дворянское. Всё их имущество оценивалось в 9 335 руб. Согласно представленным сведениям, все хозяйства были типично крестьянскими²⁴.

В начале 1926 г. нарком земледелия продлил кампанию до 1 апреля 1926 г., признав провал первоначального решения²⁵. В это время в Саратовской губернии произвели выселение 11 семейств в Балашовском уезде. Их имущество оказалось бесхозным. Домашний скот, оставшийся без ухода, начал гибнуть. 3 марта 1926 г. Балашовский исполком, не получив инструкции от губернских властей, решил, что кормление части скота «бесцельно», поэтому его решили забить. Оставшихся животных передали в местные организации²⁶. Делопроизводство февраля — марта 1926 г. в Саратовской губернии превратилось в бесконечную волокиту, а сбор и перепроверка сведений еще продолжались²⁷. В Сталинградской губернской комиссии 19 марта 1926 г. пересмотрели общий список, сократив его до 33 бывших помещиков и землевладельцев. Из них планировалось выселить 18 семейств. При этом сбор сведений и рассылка запросов всё еще продолжались²⁸.

Таким образом, в Саратовской и Сталинградской губерниях кампания по выселению бывших помещиков и крупных землевладельцев затронула более 500 семейств, среди которых в общих списках и списках граждан, подлежащих выселению, больше половины составляло крестьянское население. Местные и губернские органы власти не были заинтересованы в выполнении распоряжений правительства, тогда как бывшие собственники активно выступили в свою защиту, тем самым максимально нагрузив бюрократический аппарат. В результате этого в обеих губерниях план советского руководства по быстрому завершению кампании провалился.

²³ См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 119. Л. 74–77.

²⁴ См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 116. Л. 56, 56об.

²⁵ См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 116. Л. 45, 60.

²⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 168. Л. 34, 36.

²⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 2085. Л. 22.

²⁸ См.: ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2с. Д. 117. Л. 54–58.

СЕЛЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ²

В статье рассматриваются традиции проведения сельских праздников для молодежи в виде бесед (вечёрок). Впервые публикуется фрагмент из воспоминаний жителя Тарногского района Вологодской области В.Т. Ульяновского о сельской вечеринке в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: крестьянство, традиции, доколхозная деревня, праздник, беседа (вечёрка), воспоминания

Zhukova V.S.

RURAL HOLIDAYS IN THE PRE-KOLKHOZ VILLAGE IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The article discusses the traditions of holding rural holidays for young people in the form of conversations (evenings). A fragment from the memoirs of a resident of the Tarnogsky district of the Vologda region, (by V. T. Ulyanovsky), about a rural party in the 1920s – 1930s is published for the first time.

Keywords: peasantry, traditions, pre-kolkhoz village, holiday, conversation (evening), memories

Крестьянские праздничные традиции имеют многовековую историю. Они довольно устойчивы и даже после прихода большевиков к власти менялись медленно³. В сельской местности начало молодежных бесед (вечёрок) определялось окончанием полевых работ. Иногда приурочивались к крупным местным праздникам религиозного содержания или собирали в любой будничный день⁴. Беседы чаще проходили в молодежной среде и имели вполне определенную цель, а именно знакомство девушек и юношей для последующего брака.

¹ Жукова Вероника Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Россия, г. Вологда; zhukova_veronika@list.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а)

³ Жукова В. С. Трансформационные явления в праздничной культуре крестьян Европейского Севера России 1911 – первой половины 1930-х гг. (по материалам крестьянских дневников) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 2. — С. 14–21.

⁴ Слепцова И. С. Беседы // Духовная культура северного Белозерья. — М., 1997. — С. 36.

Различают праздничные и будничные беседы⁵. На будничных беседах развлечения были связаны с работой (пряли, вязали, шили). Кроме работы на них рассказывали сказки и бывальщины, пели протяжные песни. Инициаторами забав выступали парни, которым хотелось отвлечь девушек от работы и обратить их внимание на себя.

Праздничные посиделки отличались от будничных: они были более многолюдными, и на праздничных посиделках почти никогда не работали, а пели, плясали и играли в разные игры, часто устраивали угощение.

В зависимости от места проведения можно выделить организуемые по очереди в домах девушек («из избы в избу»); посиделки в бане; посиделки в специально снятом, «откупленном», доме. Посиделки поочередно устраивали у себя все девушки, а изредка и парни. Очередь шла от одного конца деревни до другого. Упоминаний о беседах первых двух типов в воспоминаниях не встретилось.

Посиделки в нанятом помещении чаще всего устраивались у старых бабушек, старых дев и вдов или у бедной семьи. Девушки заранее находили дом и договаривались об условиях его оплаты.

Поскольку на некоторое время «откупленный дом» становился для девушек вторым домом, то они старались держать его в чистоте и сделать уютным: «каждую субботу мыли полы», «избу наряжали ветками, полотенцами, всякими рисунками». Отопление и освещение избы, где проходили посиделки, так же как плату за наем помещения, принимали на себя все участники посиделок: заготавливали лучины, приносили поленья, приносили угощенье.

С содержательной стороны праздники были наполнены частушками на разные темы, исполняемыми юношам и девушками, а также играми (кольцо, обертыши, горюн, почта, соседи, фанты⁶) и плясками.

В 2011 г. в текущем архиве кафедры отечественной истории Педагогического института Вологодского государственного университета была обнаружена рукопись «Краткое биографическое описание своей жизни Ульяновского Василия Тимофеевича рождения 21 декабря 1913 г. члена КПСС 1/1 1940 года» (Тарногский район Вологодской области)⁷. К рукописи было приложено описание под названием «Сельская вечеринка 1920–1930 годов». На первой странице сделана пометка: «записана по памяти в 1975 г.». Данное приложение содержит 12 сшитых листов рукописного текста, который включает тексты описательного характера и

⁵ Слепцова И. С. Беседы // Духовная культура северного Белозерья. — М., 1997. — С. 42

⁶ Морозов И. А., Слепцова И. С. Игры и развлечения на беседах // Духовная культура северного Белозерья. — М., 1997. — С. 149–152.

⁷ Жукова В. С. Доколхозная деревня Тарногского района вологодской губернии (по воспоминаниям В.Т. Ульяновского) // Проблемы российской и региональной истории XIX–XX веков. — Вологда, 2016. — С. 38–41.

довольно большое количество частушек. В приведенном фрагменте документа описательные тексты даны без изъятий, частушки приводятся фрагментарно.

При подготовке к публикации текста соблюдены правила издания исторических документов с соблюдением современной пунктуации, сохранена орфография автора за исключением слитного написания предлогов. В квадратных скобках даны примечания автором статьи.

Сельская вечеринка 1920–30 годов: краткое описание подготовки и самого проведения и организации сельской вечеринки

Организацией подготовки вечеринки в деревне, как правило, занимались взрослые девицы, они из своей среды подбирали более боевых девиц, которые подбирали более свободные и большие по размерам деревенские избы и договаривались с хозяевами данной избы на проведение вечеринки. Избы менялись почти каждый вечер, особенно большая изба подбиралась с Воскресенья, так как ребята (вечеровальники) с Воскресенья приходили на вечеринки из других деревень — Волости.

После того, как найдена изба и имеется договоренность с хозяевами, идет так называемое оповещение, через подростков девушек и юношей, взрослых девиц и молодых данной деревни, о месте проведения вечеринки.

Сбор на вечерину в деревне проходил как обычно в 5–6 часов вечера, и вечерина длилась до полночи, т.е. до 24 часов ночи, до первых петухов, первые петухи пели как обычно около 24 часов ночи.

В простое зимнее время на вечерину ходили с прялками. А без прялок собирались на вечерину после праздника Рождества с 7 января, то есть в Святки так называемые, как говорили раньше — от Рождества до Крещения нет запрещения. Крещение 19 января. Период с 7 по 19 января вечерины проходили без прялок.

Особенно в какой деревне был праздник Рождество то после праздника, т.е. на третий день праздника из других деревень и даже волостей в эту деревню приезжали гости — девицы.

И в период святок изба для проведения вечерины подбиралась большая и свободная, так как вечерина проходила в играх, танцев в этот период не было.

Игры начиналась с заплетения плетня — девицы пели завернися тру[ба], заплетися плетень и т.д. Игра была — плясали парочку, плясали восьмерку, игра была ручеек и другие.

Ребята на вечерину приходили несколько позднее девиц, т.к. они, когда все соберутся, прежде чем идти на вечерину они с гармошкой и песнями (частушками) пройдут по деревне. Частушки ребята пели про девчат на пример такие:

*По деревеньке иду, собачка лает на беду,
Она лает, шельма знает, что к милашечке иду.
По деревеньке иду, ворочу налево-то.
Я к милашечке иду, кому какое дело-то,
Дроля сереньки глазки у обоих у нас с тобой.
Ты в деревне, я — в другой, свиданья редкие с тобой.
Из-за вас зелены елочки деревни ни видать,
Из-[за] тебя красива девушка пришлось пострадать.
По тебе дороженька ходить устали ноженьки.
У дороженьки спрошу, не понапрасну ли хожу.*

Вся компания ребят пели одну частушку и пели под гармошку, идя по деревне из края в край, и получалось хорошо послушать со стороны.

Придя на вечерину в ожидании ребят дивчата как обычно бегали на улице слушать не идут ли ребя[та], не слышать ли гармошки, не ходят ли по деревне, не поют ли песен (частушек).

Перед приходом ребят на вечеринку у дивчонок естественно получалось огромное оживление, много было разговора, пенье частушек про ребят на пример:

*Подружка выйдет на крылечко, постоит у лесенок,
Не идут ли наши дроли не поют ли песенок...
Я любила по угору воду ведрами носить,
Тяжела твоя измена, тяжело переносить...*

При заходе ребят (вечеровальников) на вечерину девушки сразу запева-ли приветливые, вежливые частушки:

*Проходите, да садитесь молодцы удалые,
Волочек перебежали ноженьки усталые.*

А если долго ждали ребят, то по приходу ребят, девушки встречали та-кими песнями (частушками).

*Где вы, где вы, побывали, где вы находились,
В нашем поле у берез наверно заблудились.*

И многие другие, подобные этой, пели частушки, как бы ругая вечере-вальников, почему, мол, долго не приходили на вечерину.

А ребята, стоя на кругу под гармошку, не громко пели частушки, как бы оправдываясь перед дивченками.

*Не сердись моя милая с опоздан[ицем] пришли,
Все вечерки обежали лучше вашей не нашли.
Разрешите сесть в средке милые дивченышки,
Обежали все вечерки приустали ноженьки.*

Когда ребята (вечеровальники) сели в середине или за прялки к своим любимым девушкам. Девуцы, оставшиеся без вечеровальников, незамедли-тельно начинали петь частушки такие:

*Задушевная подружка сходим на крылечко,
Моего не привели, что то болит сердечко...*

Если вечерина с Воскресенья, то проводились так называемые игры, пляски на вечерине. И они также вызывались частушками, не занятые девицы вечеровальниками пели такие частушки:

*Все пришли в середки сели наших нет, так нету ой,
Пойдем по пляшем-ко подруженька на парочку с тобой.*

Ложат прялки и организовывают игру: пляшут парочку или заводят игру ручеек, или игру восьмерку и другие игры. В момент пляски пели шуточные частушки под гармошку.

*Поплясала бы подруженька, боюсь я топнуть,
У миленка дом худой переводы лопнут.
Задушевная пляши, играет дроля от души,
От души не от души задушевная пляши.*

А ребята в свою очередь пели частушки про дивчат, и главный интерес проведения молодых лет — девушек и ребят того периода проходил в пении лирических частушек сложенных и ребятами и дивчатами из жизни молодежи.

По окончанию игр, плясок девушки и ребята садились по местам, за прялки или в середки когда без прялок. И если время подходило к концу вечера, то свободные девицы, т. е. не занятые вечеровальниками, начинали петь частушки, призывающие идти домой, например такие:

*Пойдем, подруженька домой, я по насиделася,
Моего миленка нет, на ваших нагладелася.
На беседушку пришел, а нет любимой девушки,
За плотико мне товарищ путевые денежки.*

Вечерина всегда заканчивалась пеньем частушек призывающих идти домой и преподнесением благодарности хозяевам за предоставленное помещение.

Из воспоминаний В. Т. Ульяновского мы видим общий сценарий молодежной беседы. Автор воспоминаний не делает пояснений, когда проводилась верчёрка, какие именно игры были присущи для конкретных бесед, какие пляски.

Обратимся к воспоминаниям собранным в ходе историко-этнографических экспедиций по Онежскому озеру Архангельской области в 1987–2001 гг. и опубликованным в книге «Не век жить — век вспоминать»⁸.

А. С. Калинина (1916 г.р.), жительница села Ворзогоры Онежского района Архангельской области, в своих воспоминаниях отмечает, что

⁸ Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций). Онега — Архангельск — Москва. 2011. — 384 с.

для проведения вечёрки снимали избу. За ее аренду платили деньги, которые отдавали частями, еще приносили полено. На вечёрки зимой ходили каждый день до Великого Поста. Собирались в 7 час. вечера, а к 12 — расходились. В праздники днем была беседа, а вечером — вечёрка. «Ходили с делом вязанием, с кружевами. Потом ребята приходили, пляски начинались — краковяк, тустеп, падеспань, кадрили. Из ребят мало кто танцевал, больше играли на гитаре, балалайке, гармошке»⁹.

М. И. Кимарева (1914 г.р.), жительница села Ворзогоры, в воспоминаниях говорит, что вечёрка начиналась в 6 и заканчивалась в 10 вечера¹⁰. «Сначала приходили девушки и по скамьям сидели, потом ребята приходили. Ходили столбами, утушку на пару водили». К перечисленным выше танцам она добавила яблочко и краковяк.

М. М. Залесских (1908 г.р.) жительница д. Жеребцова гора отмечает, что когда появилась изба-читальня, то приходили туда с рукодельем¹¹. «А до этого на вечеринки приходили без рукоделья, только танцевали. В Пасху на гумно все соберутся, всё выметут и народу, ужас, сколько танцует. В Пасху в избе-читальне концерт вечером был. Танцевали в старое время кадрили, ланце, краковяк, вальс, падеспань, тустеп». К большому сожалению упомянутые воспоминания не дают нам возможность установить точную датировку.

Подводя итог, мы можем констатировать, что беседы (вечёрки) имели свои традиции. В ходе их молодые люди знакомились, общались. Юноши смотрели на девушек не только как они выглядят, как могут вести беседу, петь или танцевать, еще они смотрели какая она работница. Девушки тоже наблюдали за юношами, как они ведут себя, как разговаривают. После такого рода встреч завязывали дружеские отношения, а затем засылали сватов.

⁹ Не век жить — век вспоминать... — С. 133.

¹⁰ Не век жить — век вспоминать... — С. 137.

¹¹ Не век жить — век вспоминать... — С. 241.

**«СТАРАЯ КОЛХОЗНАЯ ГВАРДИЯ» В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1930-х гг.:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОЛЬ В АГРАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

В публикации освещается социальное явление, возникшее и существовавшее в колхозной деревне 1930-х гг. — инспекторы по качеству или «качественники» («старая колхозная гвардия»), рекрутировавшиеся, как правило, из числа пожилых крестьян. Выявлены причины возникновения данного социального феномена и роль партийно-советских структур в организации движения «качественников», указаны направления деятельности инспекторов по качеству, их значение для коллективных хозяйств.

Ключевые слова: коллективизация, колхоз, колхозные инспекторы по качеству, политотделы МТС, «старая колхозная гвардия», старики-«качественники».

Bondarev V. A.

**THE «OLD COLLECTIVE FARM GUARD» IN THE SOVIET VILLAGE
OF THE 1930S: ORIGIN AND ROLE IN AGRICULTURAL PRODUCTION**

The publication highlights a social phenomenon that arose and existed in the collective farm village of the 1930s — quality inspectors or «quality workers» («old collective farm guard»), who were recruited, as a rule, from among the elderly peasants. The reasons for the emergence of this social phenomenon and the role of the party-Soviet structures in the organization of the movement of «quality workers» are identified, the directions of the activities of quality inspectors, their importance for collective farms are indicated.

Keywords: collectivization, collective farm, collective farm quality inspectors, MTS political departments, the «old collective farm guard», old people-«quality workers».

На состоявшемся в январе 1933 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) И. В. Сталин заявил об успешном завершении сплошной коллективизации, указывая, что «в продолжение каких-нибудь трех лет» удалось создать более 200 тыс. колхозов, объединить в них свыше 60 % крестьянских хозяйств и более 70 % всех крестьянской земли, расширить

¹ Бондарев Виталий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (ДГТУ), Россия, г. Ростов-на-Дону; vitalijj-bondarev27@rambler.ru.

посевные площади на 21 млн га и вместо 500–600 млн пуд. товарного зерна, которое давала доколхозная деревня, получить 1 200–1 400 млн пуд.² Сталин не преувеличил успехи форсированной коллективизации, но, вместе с тем, умолчал о её негативных итогах, которые были не менее существенны, чем позитивные сдвиги в аграрной сфере. К 1933 г. советское сельское хозяйство находилось в состоянии кризиса, и важнейшим фактором кризисных явлений стала практика коллективизации и характеристики принудительно созданной колхозной системы. Колхозы, в значительной мере построенные на подчинении крестьян государству, на отчуждении колхозников от средств производства и произведенной продукции, страдали от бесхозяйственности и низкой трудовой активности и дисциплины рядовых аграриев. Если количественные сдвиги в сельском хозяйстве были налицо (расширение посевных площадей), то в качественном отношении наблюдался регресс: земля обрабатывалась плохо, поля зарастали сорняками, сроки проведения важнейших сельхозкампаний (сева, жатвы) сильно затягивались. Все эти негативные явления стократно усиливались налогово-заготовительной политикой сталинского режима, нацеленной на изъятие у колхозов максимального количества сельхозпродукции, что лишало их «возможности экономически укрепиться»³. Поэтому, в результате коллективизации существенно упало производство продуктов сельского хозяйства: урожайность зерновых снизилась в 1932 г. на 30 % по сравнению с 1928 г., поголовье скота уменьшилось в 2,3 раза⁴.

Кризисные явления в сельском хозяйстве вынудили правительство СССР изыскивать меры для оптимизации колхозной системы. Одной из первых и важнейших мер стало создание в январе 1933 г. чрезвычайных органов, призванных справиться с кризисом — политических отделов машинно-тракторных станций. Будучи сформированы в кратчайшие сроки, политотделы МТС сконцентрировали усилия не только на выявлении и устранении разнообразных «социально чуждых», «вредительских» и враждебных колхозам элементов, не только на повседневном и конкретном руководстве производственными процессами в аграрной сфере, но и на выполнении столь важной задачи, как укрепление и расширение социальной базы колхозного строя. При этом, сотрудники политотделов проводили работу по организации проколхозного актива «не вообще с колхозной массой, а дифференцировали и конкретизировали ее. Вся работа проводилась

² Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. — М., 1952. — С. 190–191.

³ Зима В. Ф. Человек и власть в СССР в 1920 — 1930-е годы: политика репрессий. — М., 2010. — С. 96.

⁴ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. — М., 2009. — С. 241.

с отдельными группами колхозников и активом, бригадами и трактористами, с сеяльщиками и конюхами, с женщинами и молодежью, с стариками и пионерами»⁵. Тем самым, организующая работа политотделов МТС носила адресный характер, что существенно повышало её эффективность.

Одной из групп сельского населения, на которую рассчитывали сотрудники политотделов в борьбе за укрепление колхозной системы, стали пожилые крестьяне. Подобные расчеты не были беспочвенными: ведь, сельские жители преклонных лет обладали огромным, накопленным на протяжении всей своей жизни, хозяйственным опытом, который был востребован и в колхозах. Нелишне отметить, что в начале 1930-х гг. по объективным причинам уровень механизации в коллективных хозяйствах был еще сравнительно низок и многие важные производственные операции выполнялись вручную и с применением архаичных орудий труда, — серпов, цепов и т. п. Так, в 1932 г. в СССР серпами и косами было убрано 35,4 % зерновых культур, обмолочено конными молотилками и даже «цепами и прочими примитивными способами» 60 % зерновых⁶. В начале 1930-х гг. сельской молодежи по-прежнему приходилось овладевать аграрно-производственными навыками доколхозной эпохи, а учителями здесь могли выступить только старики, чья молодость и зрелость пришлось на эту эпоху. Кроме того, старики, прекрасно знавшие тонкости труда на земле и особенности природно-климатических условий своих районов, могли с успехом контролировать качество и сроки выполнения сельхозработ.

Работники политотделов МТС стремились максимально использовать опыт и знания пожилых крестьян в налаживании функционирования колхозов. Прежде всего, старики-колхозники рассматривались как инспекторы, на которых возлагалась обязанность контролировать качество работ в колхозах. В частности, в сентябре 1933 г. заведующий Северо-Кавказским краевым земельным управлением (крайзу) и начальник политсектора МТС А. М. Штейнгарт высказался за создание «в колхозах из стариков «бригад старой колхозной гвардии» в качестве общественных инспекторов по качеству осеннего сева и подъема зяби»; 9 сентября того же года это предложение было закреплено в постановлении Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)⁷.

Местные органы власти оперативно отреагировали на постановление Северо-Кавказского крайкома и тогда же, в сентябре 1933 г., приступили к его реализации. Так, в поселке Персиановка (Новочеркасский район

⁵ Левизов А. Г. Политические отделы машинно-тракторных станций в борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Дона: Дис. ... канд. ист. наук. — Ростов н/Д., 1950. — С. 217.

⁶ Победы социалистического сельского хозяйства. — М., 1939. — С. 24.

⁷ Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 — 1937 гг.) / Под. ред. П. В. Семернина и Е. Н. Осколкова. — Краснодар, 1972. — С. 543.

Северо-Кавказского края) слет «старой колхозной гвардии» состоялся уже 20 сентября 1933 г. Собравшиеся на слет крестьяне одобряли постановление, говоря, что их знания будут полезны колхозам. Показательно выступление 75-летнего С. И. Ефанова: «Я, вот стар и провожу день без дела — ночью не спится, колхозный урожай тревожит. Это очень правильно, что партия обращается к нашему стариковскому опыту. Агрономия — это дело научное. А, мы старики — это практики. Вот, это и надо крепко соединить и отдать колхозному делу»⁸.

По сообщениям политотделов МТС, возраст большинства колхозных инспекторов по качеству колебался в диапазоне 50–75 лет. На практике было установлено, что целесообразно ввести такую должность в каждой колхозной бригаде; это превращало стариков-«качественников» в одну из самых многочисленных административно-профессиональных групп в колхозах. Предусматривалась также должность межколхозных инспекторов по качеству⁹. Для того, чтобы повысить статус инспекторов, им выдавались удостоверения, нарукавные повязки с надписью «инспектор по качеству», а также нагрудный значок — металлический кружок, обрамленный с одной стороны серпом и переkreщенный молотом, имевший такую же надпись, что и на нарукавной повязке¹⁰. «Качественники» должны были руководствоваться памяткой из 10 пунктов: «Разоблачай махинации кулака, вора и лодыря», «изучи назубок агрономические правила уборки, посева и поднятия зяби», «проверяй качество работы, не допускай нарушения агроправил», «сделал указание — проверь, как оно выполнено», «не работай в одиночку, — привлекай других себе в помощь» и т. д.¹¹ В случае возникновения конфликтных ситуаций «качественникам» гарантировалась поддержка политотделов МТС.

«Старики-инспекторы» очень скоро зарекомендовали себя как полезные и необходимые работники колхозов. Они осуществляли контроль за процессом и качеством сельхозработ гораздо более эффективно, чем разного рода уполномоченные, проверяющие, даже агрономы и инспекторы по качеству, назначенные районным руководством (которые часто вообще не появлялись в колхозах, а штрафы, наложенные ими за нарушения агротехники, нередко не взыскивались). Оценивая первые итоги деятельности стариков-«качественников», начальник политотдела Некрасовской МТС Северо-Кавказского края Давыдов в начале октября 1933 г. докладывал, что они ведут «большую работу», «их помощь безценна. Они работают очень

⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп.1. Д. 12. Л. 41.

⁹ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 68, 82, 93, 116.

¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп.1. Д. 191. Л. 34.

¹¹ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 87 об.

активно. К их голосу прислушиваются, и если раньше на них в колхозе смотрели как на назойливых мух, когда они приходили со своими советами, то сейчас наоборот, им авторитет такой создан, что к ним обращаются за советами»¹². Отряды «старой гвардии» Сальской МТС Северо-Кавказского края составили в период весеннего сева 1933 г. около 30 актов нарушений агротехники, которые обсуждались на заседаниях правлений колхозов и принимались к исполнению. Начальник политотдела Сальской МТС писал по этому поводу: «Старики инспектора контролируют на полях каждую мелочь. Остановится трактор, инспектор тут как тут и интересуется, почему стал трактор? Они заставляли пахать глубже, а когда обнаружили огрехи, то, чтобы не тащить обратно тракторную бригаду, впрягали лошадей и сами распахивали огрехи, исправляли плохую работу трактористов»¹³.

Помимо наблюдения за качеством сельхозработ, старики-колхозники служили надежной опорой политотделам и колхозной администрации при планировке и выполнении этих работ. Один из работников политотделов Подмосковья повествовал, сколь ценным был опыт пожилых крестьян перед весенним севом 1933 г., когда в колхозах нарезали посевные площади под разные культуры. Для этого следовало знать качество почвы, а такими знаниями обладали либо агрономы, — но их-то и не хватало, — либо старики. В колхозе села Травино наиболее опытной в сельском хозяйстве оказалась местная старуха Лизавета; и вот работник политотдела, председатель колхоза Суриков, секретарь колхозной партячейки Слобцов вместе размечают поле под посев и «определяют: здесь будет овес, а там лен, а вот на горочке — как раз под картофель... Лизавета не согласна, чтобы у дороги сеяли горох: все оборвут прохожие. Они на горох падки. И овес на этой полосе нельзя сеять. Третий год все овес, какой же уродит-то? До вечера возимся в поле. Устали, зато дело сделали и без агронома: готово поле, хоть завтра паши и сей»¹⁴.

Опыт стариков понадобился колхозам Северо-Кавказского края весной 1933 г., когда впервые в крае в широких масштабах стал проводиться сверххранний сев яровых колосовых культур, опробованный в 1932 г. в ряде регионов СССР. Специфика сверххранного сева состояла в том, что это был ручной сев, поскольку проводился он ранней весной, на покрытых размокшей грязью полях, где не представлялось возможным применять тракторы и даже сеялки на конной тяге. Качество сева зависело только от квалификации, опыта сеяльщика («севца»). Естественно, «севцами» в колхозах становились старые крестьяне, накопившие большой опыт

¹² ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп.1. Д. 12. Л. 80 об.

¹³ Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х ч. Ч. 2. 1921 — 1971 гг. — Ростов н/Д, 1973. — С. 241.

¹⁴ Россровский Мих. Записки политотдельца. — М., 1934. — С. 42.

ручного посева зерновых в досоветский и доколхозный периоды. Не случайно колхозному руководству в это время рекомендовалось: «Установку нужно брать на привлечение к... [ручному севу разбросом] наиболее опытных, честных и проверенных севцов из старых колхозников»¹⁵.

В 1934 г. специалисты вновь подчеркивали важность опыта стариков-колхозников для колхозного производства. Рекомендовалось «для определения зрелости той или иной культуры и установления наиболее подходящего срока начала ее косовицы... использовать опыт стариков колхозников. Из них же необходимо организовать бригадные дозоры за созревание хлебов»¹⁶.

Особое значение инспекторы по качеству и, в целом, представители «старой колхозной гвардии» приобретали в тех, — весьма нередких, — ситуациях, когда во главе колхозов оказывались вчерашние горожане, присланные на эту работу распоряжением партийных комитетов. В таком случае, старики, иной раз, становились опорой колхозного руководства. На проходившем в Новороссийске в конце февраля 1934 г. межрайонном совещании секретарей колхозных партячеек Азово-Черноморского края представитель колхоза «Рольник» («Пахарь») Новороссийского района Головченко справедливо указывал, что, если секретарь ячейки «недавно с производства и мало в курсе сельского хозяйства», его «первым учителем и первым помощником... явилась старая гвардия колхозников по полеводничеству, огородничеству, инспектуре по коню»¹⁷.

Чрезвычайно важную роль играли старики-«качественники», да и просто пожилые колхозники, в деле профессиональной подготовки молодежи. Во время сверххранного сева 1933 г. рекомендовалось: «В числе севцов должна быть и молодежь, но ее нужно ставить на севе вперемешку со старыми севцами, чтобы молодежь равнялась по ним, перенимала их опыт, сноровку»¹⁸. Во многих колхозах старики при поддержке руководства выполняли такие рекомендации. Так, в колхозе им. Иванова Тихорецкого района Северо-Кавказского края были созданы смешанные бригады сельщиков из молодежи и стариков, причем задолго до сева были «проведены курсы, на которых два старых севца учили остальных на опилках и песке сеять вразброс»¹⁹. Старые крестьяне осуществляли производственное обучение молодежи так же, как это делалось в доколхозной деревне, а именно — непосредственно в процессе производства.

¹⁵ Михайлов Л. Овладеем искусством сева вразброс // Социалистическое земледелие. 1933. 24 марта.

¹⁶ Воротницкий Е. О борьбе с потерями урожая // На аграрном фронте. 1934. № 7. — С. 85.

¹⁷ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 101. Л. 24.

¹⁸ Михайлов Л. Овладеем искусством сева вразброс // Социалистическое земледелие. 1933. 24 марта.

¹⁹ Михайлов Л. Ударники первого сева // Социалистическое земледелие. 1933. 27 марта.

Следует подчеркнуть, что, в ряде случаев, инспекторы по качеству сталкивались с осуждением и агрессией рядовых колхозников. Как отмечалось в советской литературе, «активная деятельность инспекторов по качеству вызвала озлобление у врагов колхозного строя», которые «прибегали к террору и вредительству»²⁰. В 1933 г. были зафиксированы факты покушений на «качественников» и даже их убийств в Северо-Кавказском крае. В колхозе «Мысль большевика» Поливанской МТС был убит инспектор по качеству Чурилов, в колхозе «Новая жизнь» Матвеево-Курганского района убили инспектора М. В. Загоруева, в колхозе «Победа труда» Самарского сельсовета был сожжен дом инспектора С. Т. Мехоть²¹. В мае 1934 г. в третьей бригаде колхоза «Власть Советов» села Кагальник Азовского района Азово-Черноморского края прицепщик Спасов избил инспектора по качеству Заярного за то, что последний распорядился перепахать скверную вспашку²².

Очевидно, агрессивное отношение колхозников к инспекторам по качеству объяснялось тем, что первые, зачастую не получая за свой труд достойного вознаграждения и потому не желая активно и добросовестно работать, видели во-вторых, не борцов за укрепление колхозов, а представителей власти, своего рода надсмотрщиков. Вдобавок инспекторы по качеству для массы колхозников являлись односельчанами, и потому их воспринимали без боязни, в отличие от присылаемых в деревню извне разнообразных уполномоченных. В некоторой мере, столкновения между рядовыми колхозниками и инспекторами по качеству свидетельствовали о конфликте поколений и о разложении традиционной системы ценностей, присущих деревне. Если ранее мнение стариков уважали, то в период безоглядного разрушения «старого мира», когда прежние ценности решительно отвергались, а представители старших поколений часто объявлялись ретроgrадами, их слова зачастую не имели значения.

Партийно-советское руководство решительно защищало «качественников» от агрессии со стороны колхозников, не затягивало с привлечением виновных к ответственности и сурово карало их, дабы продемонстрировать жителям деревни недопустимость противодействия «старой колхозной гвардии». Показательно, что, когда прицепщик Спасов был арестован за избивание «качественника» Заярного, следствие по его делу «форсировалось» для скорейшей передачи в суд²³. «Кулацкий агент» Сычев, избивший инспектора по качеству Чурилова из колхоза «Мысль

²⁰ Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х ч. Ч. 2. 1921 — 1971 гг. — Ростов н/Д, 1973. — С. 241.

²¹ Там же. — С. 241.

²² ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп.1. Д. 111. Л. 205.

²³ Там же. Л. 205.

большевика» Поливянской МТС, был приговорен к 8 годам заключения²⁴. С другой стороны, у представителей власти были свои мотивы для недовольства некоторыми колхозными инспекторами по качеству. Имели место случаи отстранения «качественников» от работы за бездеятельность, исключения их из колхозов за «вредительский сев» и принадлежность к «кулачеству»²⁵.

Все же, в подавляющем большинстве случаев, представители партийно-советских властных структур высоко оценивали деятельность и роль стариков-«качественников», равно как и вообще стариков-колхозников, как борцов за укрепление колхозной системы и воспитателей молодежи. Инспекторы по качеству вносили свою лепту в процесс организационно-хозяйственного укрепления колхозов. «Качественники» отличались «особой требовательностью» и потому «к ним прислушивались. Их побаивались. Что, что, а пошуметь — «за хозяйство! — они умели»²⁶.

«Старая колхозная гвардия», «качественники» и старики-колхозники играли немаловажную роль в колхозах вплоть до конца 1930-х гг. Так, в феврале 1938 г. агрономы краевого земельного отдела Краснодарского края, обсуждая вопросы подготовки к весеннему севу, говорили: «[Надо] послушать, что скажут старики»²⁷. Да и после Великой Отечественной войны в колхозах Юга России господствовало мнение, что «нужно советоваться с стариками[,] опыт старших поможет в работе»²⁸.

В целом, источники позволяют утверждать, что колхозные инспекторы по качеству, как и многие старики-колхозники, достаточно успешно действовали в целях организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Они выполняли целый ряд функций агрономов, консультируя рядовых аграриев, корректируя и направляя их деятельность своими советами и осуществляя непосредственный контроль за качеством сельскохозяйственных работ. Они же, накопившие за свою жизнь бесценный опыт хозяйствования на земле, выступали учителями молодых колхозников и личным примером подавали им примеры добросовестного труда. Деятельность «качественников», как и сам факт возникновения данной административно-профессиональной категории, активность стариков-колхозников свидетельствовали, что колхозы, при всех их недостатках, опирались на относительно обширную социальную базу в деревне и потому имели возможности для укрепления и развития.

²⁴ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп.1. Д. 111. Л. 151.

²⁵ Красилов. Инспектор по качеству Дехтярев не следит за качеством // За большевистские колхозы. Газета политотдела Усть-Лабинской МТС. 1934. 27 июля.

²⁶ Степаненко В. И. Хлеб. — М., 1989. — С. 259.

²⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1774-а. Оп. 1. Д. 545. Л. 9.

²⁸ ЦДНИ РО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

СОВЕТСКИЙ МИФ О ПОСЛЕДСТВИЯХ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА В ИНТЕРЕСАХ УСКОРЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена несостоятельности тезиса о положительных экономических последствиях массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса для реализации планов ускоренной индустриализации, предложено по своим последствиям данные два взаимодополняющие процесса — коллективизации и ликвидации кулачества как класса, инициированные руководством ВКП(б), рассматривать в качестве превентивной кампании по запугиванию сельского населения из-за экономической необходимости возврата в 1930-е гг. к методам продразверстки, но в новом формате — формирования колхозной системы.

Ключевые слова: Политбюро ЦК ВКП(б), архивный документ, И. В. Сталин, источник, ликвидация кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации СССР, причины голода в СССР, массовая насильственная коллективизация.

Anfertiev A. I.

THE SOVIET MYTH OF THE CONSEQUENCES OF MASS COLLECTIVIZATION AND THE ELIMINATION OF KULAKS AS A CLASS IN THE INTERESTS OF ACCELERATED INDUSTRIALIZATION

The article is devoted to the inconsistency of the thesis about the positive economic consequences of mass collectivization and the elimination of the kulaks as a class for the implementation of plans for accelerated industrialization, it is proposed in terms of their consequences, these two complementary processes — collectivization and liquidation of the kulaks as a class, initiated by the leadership of the CPSU (b), should be considered as a preventive campaign against intimidation of the rural population due to the economic need to return to the 1930s. to the methods of surplus appropriation, but in a new format — the formation of a collective farm system.

Keywords: Politburo of the Central Committee of the CPSU (b), archival document, I.V. Stalin, source, liquidation of kulak farms in areas of complete collectivization of the USSR, causes of famine in the USSR, massive forced collectivization.

¹ Анфертьев Иван Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, Россия, г. Москва, vestarchive@gmail.com.

Советская историческая наука утверждала о том, что СССР, окруженный империалистическими державами, остро нуждался в средствах для восстановления промышленности и обеспечения Красной армии современным на тот момент вооружением. В развитие данного тезиса, во многом справедливого с учетом внешнеполитической и экономической блокады 1920–1930-х гг., утверждалось, что средства можно было получить только внутри страны за счет объединения «мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства»², и только за счет массового раскулачивания и объединения основной массы крестьян в колхозы. Одним из важных источников накопления средств на индустриализацию являлось советское крестьянство, «освободившееся в результате уничтожения помещичьей собственности на землю от уплаты помещикам за аренду и покупку земли, могло теперь своим трудом и материальными средствами помочь индустриализации»³. Но разве крестьяне не помогали реконструкции промышленности в годы новой экономической политики, когда руководители советской власти в центре и в регионах ежегодно спускали указания о повышении налогового бремени на единоличников, разрешение или запрещение наемного сезонного труда, допустимом в одной семье количества домашнего скота (коровы, лошади) и птицы.

До перехода к новой экономической политике помимо изъятия продовольственных запасов у крестьян (продразверстки) перед комбедами стояла задача искусственного социального расслоения крестьян, разделения их на богатых и бедных и разжигания на этой почве взаимной ненависти. Данный процесс в современной исторической науке получил название советизации. Формально комбеды существовали с лета и до конца 1918 г., после чего были преобразованы в сельские советы. В действительности практика социального расслоения и создания назначаемых коммунистами членов комитетов бедноты, под разными названиями, существовала в первой половине 1920-х гг. Название, как видим, несколько изменилось, беднота в 1917–1918 гг., в соответствии с марксистской терминологией, являлась закономерным явлением, когда помещики беспощадно эксплуатировали крестьянское население. Но как объяснить тот факт, что бедняки и на 13-м году советской власти, вопреки декларируемым успехам в строительстве социализма, не только не исчезли, но их количество увеличилось, о чем заявили в сельской местности батрацко-бедняцкие слои, которым предписывалось создавать из своей среды батрацко-бедняцкие комитеты.

² История Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Госполитиздат, 1962. — С. 450–451.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Издательство политической литературы, 1970. — С. 367.

В 1920-е гг., в условиях новой экономической политики, государство было вынуждено выделять на пропагандистскую кампанию бюджетные средства партийным агитационно-пропагандистскими отделам всех уровней, от волостного до губернских, областных, краевых и республиканских на издание листовок с призывами подписываться на внутренние сельскохозяйственные займы под будущий урожай, оплату гонораров авторам и сотрудникам редакций партийных газет и журналов⁴, изготовление лозунгов, плакатов, печатание грамот, благодарственных писем отличившимся крестьянам, организацию митингов и собраний.

Сотрудники партийных орготделов, получая директивы ЦК, писали отчеты с указанием процентов выполнения намеченных партией планов засева сельхозугодий. В деревни и на поля выезжали группы командированных партийных работников, разного рода активистов от профсоюзных, комсомольских, кооперативных организаций. Механизм безусловного исполнения партийных приказов, таким образом, был хорошо отработан к 1930 г., а сформированному к тому периоду социальному слою партийных чиновников достаточно было получить указание, которое будет обязательно исполнено. Но нет, такое положение И. В. Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) уже не устраивало, в принятых в январе–феврале 1930 г. директивах, в частности, документе ЦК ВКП(б) о плане репрессивной политики в отношении советского крестьянства «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», предписывалось в районах сплошной коллективизации ликвидацию кулачества как класса провести немедленно, до начала посевной кампании, т. е. в апреле–мае 1930 г., в остальных районах СССР — по мере «действительного массового развертывания коллективизации»⁵.

⁴ К примеру, 5 января 1924 г., накануне весеннего сева и после дискуссий в Оргбюро ЦК (проект дорогой, затратный), Политбюро ЦК принимает решение об издании еженедельной «Крестьянской газеты» с условием, что подотдел печати ЦК и редакция газеты добьются к весне 1924 г. подписного тиража в 200 тыс. экз., а к весне будущего 1925 г. — 1 млн экз. Заведующему отделом печати ЦК Я. А. Яковлеву было дано задание направить соответствующий циркуляр губернским комитетам партии; составить смету для издания газеты; предусмотреть льготные условия подписки для красноармейцев; парторганизациям и профсоюзам развить среди рабочих, связанных с деревней, агитацию за выпуску «Крестьянской газеты» для родных и знакомых в деревне; организовывать систематическую кампанию в «Рабочей газете» и в «Правде» о создании в сельской местности кружков чтения «Крестьянской газеты». Протокол заседания Политбюро от 5 января 1924 г. № 60. п. 9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 408. Л. 3.

⁵ Разделению территории СССР на первую и вторую категории при организации ликвидации кулачества как класса предшествовало принятие 20 февраля 1930 г. постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1930 г. Приложение № 3 к п. 44 протокола Политбюро ЦК ВКП(б) № 118. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 94–101.

Имущество крестьян, не только зажиточных, но под эту «гребенку» попадали и бедняки⁶, в первые месяцы 1930 г. действительно отбирали, но одежду, обувь, хозяйственные постройки, продукты питания и инвентарь (лопаты, грабли, бороны, топоры, косы и пр.) не превратить моментно в денежную массу. Поэтому эту трудно ликвидную собственность передавали в колхозы, распределяли между теми, кто в них вступил. Отбирали у раскулаченных деньги, сберегательные книжки, облигации государственного займа, но они были далеко не у всех крестьян, особенно у тех, кто проживал далеко от городов, а если и были, то в незначительном объеме. К тому же имели место факты, когда эти денежные средства и облигации не записывались в описи изъятия имущества, попросту прикарманивались членами комиссии по раскулачиванию.

Проведение операции по ликвидации кулачества как класса проходило на территории СССР в сжатые сроки и в два этапа: на первом этапе в январе–марте 1930 г. репрессии предполагалось провести в промышленном и сельскохозяйственном отношении в более развитых регионах: Центрально-Черноземной области, Средней и Нижней Волге, Казахстане, Украине, Белоруссии, Северном Кавказе, Дагестане, Урале, Сибири; второй этап должен был охватить все прочие регионы советской России. Другими словами, не исключалось, что меры, предназначенные для осуществления на территориях первой категории, могли быть распространены и на вторую, в зависимости от обстановки и «понятливости» местных партийных вожakov.

Совнаркому СССР предписывалось в трехдневный срок рассмотреть смету необходимых расходов, связанных с проведением ликвидации «кулачества». От ОГПУ требовалось представить в Совнарком СССР сметы на расходы по выселению «кулаков» в отдаленные районы и сметы на организацию новых дополнительных лагерей в районах Сибири и Северного края⁷. Все законодательные изменения, вытекающие из постановления ЦК ВКП(б), Совет народных комиссаров должен был издать в 5-дневный срок с тем, чтобы они были введены в действие крайисполкомами и правительствами национальных республик в районах сплошной коллективизации немедленно, а в остальных регионах — в зависимости от темпа развития этих районов сплошной коллективизации⁸.

⁶ О фактах изъятия собственности у бедных крестьян см. подробнее: Суслов А. Б. Изъятие крестьянской собственности в процессе социалистического преобразования деревни в начале 1930-х гг. (На примере Пермского края). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 1 (27). В 2 ч. Ч. 2. — С. 172–177.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 68.

⁸ Кроме того, в срочном порядке, в 3-х дневный срок, был издан не подлежащий опубликованию декрет о повсеместном, а не только в районах сплошной коллективизации,

Наркомату путей сообщения совместно с ОГПУ отводилось всего пять дней на разработку плана железнодорожных перевозок репрессированных крестьянских семей. От руководителей Наркомата труда, ВЦСПС, ВСНХ и Наркомата путей сообщения потребовали принять немедленные меры по «очистке»⁹ промышленных предприятий в городах от отдельных «кулацких» элементов, не допуская вместе с тем «какой-либо общей кампании чистки на предприятиях», принимая жесткие меры к дальнейшему недопущению таких элементов на производство.

Членам семей, высылаемых и заключенных в концлагеря кулаков, при их желании и с согласия местных райисполкомов, разрешалось остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе). Проведение комплекса репрессивных мероприятий руководство ОГПУ обязали согласовывать с краевыми комитетами ВКП(б). В отношении молодежи из «кулацких» семей третьей категории, выселенных за пределы своих районов, необходимо было добиваться противопоставления их, где это возможно, молодежи «кулаков» первых двух категорий. При этом следовало использовать такие методы, как разрешение им оформлять подписку на газеты и литературу, создание библиотек, организацию общих столовых, проведение культурно-бытовых мероприятий. В некоторых случаях разрешалось привлекать отдельные группы выселенной молодежи к выполнению в добровольном порядке заданий местных советов для обслуживания бедноты, создание особого вида производственных артелей и сельскохозяйственных объединений, связанных со строительными и мелиоративными работами, лесопосадками, корчевкой леса, но под строжайшим контролем местных органов советской власти.

Колхозы, получающие землю и конфискуемое имущество, в свою очередь, должны были обеспечить полный засев передаваемой земли и сдачу государству всей товарной продукции. Конфискуемые жилые «кулацкие» постройки должны были передаваться на общественные нужды сельсоветов и колхозов, а также для общежитий батраков, вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья. Сбережки и облигации госзаймов у «кулаков» всех трех категорий должны были отбираться с занесением их сумм в опись и с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы Народного комиссариата финансов СССР.

В текущем бюджетном 1929/1930 г. в связи с массовой коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса штаты ОГПУ увеличивались

о запрещении свободного переселения «кулаков» из мест своего жительства без разрешения райисполкомов под угрозой немедленной конфискации всего имущества; о запрещении распродажи «кулаками» своего имущества и инвентаря под угрозой конфискации и других репрессий. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 69.

⁹ Имеются в виду массовые увольнения сотрудников и рабочих, связанных родственными или иным отношениями с теми, кого предстояло «раскулачивать».

на 800 уполномоченных с выделением для этого средств для обслуживания тех административных районов, где таких аппаратов уполномоченных ОГПУ не было. Руководству ОГПУ рекомендовалось мобилизовать в регионы 800 уполномоченных, прежде всего, за счет старых чекистов из запаса. Кроме того, увеличивался состав войск ОГПУ на 1 100 штыков и сабель на текущий бюджетный год. Реввоенсовет Республики (РВСР) обязан был передать ОГПУ соответствующее количество личного состава из числа красноармейцев.

В связи с массовой коллективизацией и ликвидацией кулачества Оргбюро ЦК направило в регионы директивы о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов, необходимости активизации борьбы с религиозным и сектантским движением, в целях устранения «тормозов» в советском аппарате, «мешающих проведению в жизнь принятых подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов». Вместе с тем в этой директиве указывалось на желательность особо осторожного проведения мероприятий в отсталых в культурном и экономическом отношении национальных районах.

Реакция сельского населения на жесткие репрессивные меры была однозначной, в СССР участились вооруженные выступления против советской власти¹⁰. Таким образом, в основе описанного замысла о переформатировании и частичном физическом уничтожении наиболее трудолубивой и преуспевающей части крестьянского населения советской России, массовом ограблении другой значительной части сельских тружеников, превращении всего остального не попавшего под репрессии крестьянства в разряд наемных работников-колхозников, просматривается неутолимое желание И. В. Сталина удержать неконтролируемую народом власть, укрепить ее в абсолютном формате, быть принятым на равных в клуб мировых лидеров. Отгремел 1929-й год — юбилейный для 50-летнего вождя, когда по образцу «Правды», центрального партийного органа, газетные страницы по всей советской России захлебывались от лествичного воспеания мудрости вождя, миллионы клялись ему в верности, злобно призывая беспощадно уничтожать внешних и внутренних врагов, гнусных предателей и шпионов. В атмосфере искусно разжигаемой всенародной любви появились возможности на деле проявить личные властные амбиции и пришла пора ослабить и пошатнуть позиции основных многолетних лич-

¹⁰ В январе–марте 1930 г. на территории СССР, не считая антиколхозных восстаний на Украине (более 2 000), было зарегистрировано 1 678; около полумиллиона семей наиболее успешных сельских производителей-крестьян были высланы в районы крайнего Севера, Сибири, Средней Азии. Численные потери от карательной политики И. В. Сталина подсчитать не удастся, но по приблизительным данным они составили от 13,8 до 16,9 млн чел. См. подробнее: Эпштейн Д. Б. Сталинская коллективизация — была ли альтернатива? // Альтернативы. — 2017. — № 4. — С. 91–106.

ных соперников И. В. Сталина — сторонников В. И. Ленина — Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина, Г. Я. Сокольникова, а также в превентивном порядке удалить и других вероятных соперников — укрепившихся во власти молодых представителей партийно-государственной номенклатуры. Представилась реальная возможность обновить партийную бюрократию, подросли и заявили о себе новые кадры — послушные, беспощадные, циничные, преданные лично вождю.

В планы И. В. Сталина, в соответствии с марксистско-ленинской доктриной, входило также намерение в ускоренном темпе изменить социально-экономический статус крестьянина, из относительно свободного землепашца — производителя сельскохозяйственной продукции, каким этот самый многочисленный социальный слой сформировался в сельской местности в период новой экономической политики, обладавший правом после уплаты налогов распоряжаться выращенным урожаем по своему усмотрению, превратить в наемных работников, т. е. пролетариев. Прямым следствием так называемых революционных преобразований в сельском хозяйстве явился масштабный голод первой половины 1930-х гг., жертвы которого до настоящего времени не поддаются подсчету.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ²**

В статье рассматриваются вопросы истории начального этапа коллективизации в Северо-Кавказском крае, анализируются государственные мероприятия в области сельского хозяйства, проблемы реорганизации колхозов и совхозов, формирование системы распределения доходов в колхозах, а также определяются некоторые особенности партийно-государственной аграрной политики.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, сельское хозяйство, аграрная политика, коллективизация

Naoukhatskiy V. V.

**ON SOME FEATURES OF AGRARIAN POLICY AT THE FIRST STAGE
OF COLLECTIVIZATION IN THE NORTH CAUCASIAN REGION**

The article deals with the history of the initial stage of collectivization in the North Caucasus Region, analyzes state measures in the field of agriculture, the problems of reorganization of collective farms and state farms, the formation of a system of income distribution in collective farms, and also defines some features of the party-state agrarian policy.

Keywords: North Caucasus Region; agriculture; agricultural policy; collectivization

Состояние и развитие сельскохозяйственного производства во второй половине 1920-х гг., а также начало коллективизации в Северо-Кавказском крае на рубеже 1920–1930-х гг. всегда привлекали внимание историков³. Северо-Кавказский край, важнейший район зернового производства

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия, г. Ростов-на-Дону, naoukhatskiy@rambler.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)»

³ Молчанов М. В. Победа колхозного строя на Дону и Кубани. Шахты, 1960; Чернопицкий П. Г. На великом переломе. Ростов-н/Д., 1965; Ленинским курсом. Торжество ленинского кооперативного плана на Кубани. Краснодар, 1970; Ленинский путь донской станицы. Ростов н/Д., 1970; Овчинникова М. И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ро-

в СССР, в соответствии с решениями руководящих партийных органов страны был определен в число регионов, которым были намечены весьма сжатые сроки проведения коллективизации. Именно в эти годы был совершен скачек от мелкого крестьянского хозяйства к крупному коллективному колхозно-совхозному производству и были заложены принципиально важные основы советской колхозной системы и аграрной политики.

Опираясь на архивные источники, рассмотрим некоторые вопросы истории начального этапа коллективизации сельского хозяйства в Северо-Кавказском крае и проанализируем основные государственные мероприятия в области сельского хозяйства в 20-е гг., проблему реорганизации колхозов и организации труда во вновь созданных хозяйствах, формирование системы распределения доходов в колхозах. Рассмотрение данных вопросов даст возможность определить некоторые особенности аграрной политики.

Обратим, прежде всего, внимание на систему государственных мероприятий в сельском хозяйстве края в годы, непосредственно предшествующие началу массовой коллективизации. Анализ государственных мероприятий в области сельского хозяйства позволяет определить характер партийно-государственной аграрной политики, отметить некоторые ее характерные черты и особенности.

В справке о развитии сельского хозяйства края (вторая половина 1928 г.), подготовленной для крайкома ВКП (б), отмечалось, что система государственных мероприятий по подъему сельского хозяйства была направлена на ускорение восстановления сельского хозяйства, внедрение в него реконструктивных начал и подъем на путях обобществления и коллективизации, являлась мощным орудием классовой борьбы в деревне, способствовала хозяйственному и политическому росту маломощных слоев деревни, укрепляла позиции в борьбе с кулаком и вела к его экономическому и политическому ограничению⁴.

Названные целевые установки, носившие открыто классовый характер, определили характер государственной аграрной политики,

стов-н/Д., 1972; Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973; История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986; Чернопицкий П. Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987; Осколков Е. Н. Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991; Мальцева Н. А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000; Бондарев В. А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д., 2006; Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; и др.

⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 84.

направления расходования ресурсов, выделяемых для развития сельского хозяйства.

В числе мероприятий в области сельского хозяйства в регионе отметим следующие. Во-первых, мероприятия по землеустройству, имевшие целью дробление общины, уничтожение дальнеземелья, черезполосицы и многополососицы, наделение земель безземельных и оформление их землепользования. К 1 октября 1927 г. межселенное землеустройство было проведено на площади 45,6 % к трудопользованию, внутриселенное на площади 13,3 % и хозяйственное устройство — 34,4 %. При этом имела место практика внеочередного землеустройства колхозной группы, что привело к многочисленным переделам завершеного землеустройства⁵.

Во-вторых, мелиоративные работы в крае, в том числе осуществление таких крупных проектов, как сооружение Мало-Кабардинского канала, Терских имени тов. Смирнова каналов, Дигорского канала в Северной Осетии, Алханчуртского канала; осушение Адыгейских плавней⁶.

В-третьих, активная политика цен, ориентированная на использование административных рычагов и подчас вносившая элемент дестабилизации в развитие сельского хозяйства. Так, политика цен в отношении подсолнечника во второй половине 1920-х гг. привела к серьезным перебоям в работе маслобойной промышленности края, а резкое снижение цен на ячмень в 1926/1927 г. привело к сокращению площади посева, резкому снижению товарности, что повлекло за собой почти полное исчезновение ячменя с рынка. Подчеркнем в этой связи, что именно ячмень был некогда основной экспортной культурой в регионе⁷. Очевидно, в подобной ценовой политике отражался не только волюнтаризм аграрного курса, но и установка на ослабление кулацких хозяйств.

В-четвертых, налоговая политика, которая оказывала в отдельных случаях отрицательное влияние на рост сельского хозяйства в связи с перегибами при проведении налогообложения трудовых середняцких слоев. Вместе с тем, отмечается в справке, налог в основном оправдал свою роль орудия классового перераспределения доходов сельского населения, способствуя ограничению роста кулака⁸.

В-пятых, работа по оказанию агропомощи, агропропаганде и опытному делу. В-шестых, активная помощь бедноте со стороны государства в целях развития кооперации и коллективизации деревни. О классовом характере политики в области кооперации свидетельствует, в частности,

⁵ ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 86.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 89.

⁸ Там же. Л. 90.

распределение кредитов в весеннюю посевную кампанию 1928 г. в пользу беднейших групп деревни. Из проданных кредитными товариществами весной 1928 г. сельхозмашин 37 % пришлось на долю колхозов. Из единоличных хозяйств сельхозмашины в главной своей массе пошли середняку и бедняку⁹.

В-седьмых, активизация курса на создание коллективных хозяйств. Темпы колхозного строительства с каждым годом возрастали (табл.1). При этом колхозное движение рассматривалось как важнейшая форма классовой борьбы. Именно поэтому фокус аграрной политики все более смещался к курсу на создание коллективных хозяйств.

Таблица 1

Развитие колхозно-кооперативного движения
в Северо-Кавказском крае¹⁰

	Колхозы, коммуны, с.х. артели и т-ва по СОЗ		Простейшие производ. объединения, машин. тов-ва, мелиор. и др.		Всего		Соотношение колхозов и простейших объединений в %	
	Колич.	%%	Колич.	%%	Колич.	%%	Колич.	%%
до 1918 г.	1	0,02	–	–	1	0,01		
1918 г.	1	0,02	–	–	1	0,01		
1919 г.	5	0,08	–	–	5	0,06		
1920 г.	65	1,1	–	–	65	0,8		
1921 г.	45	0,7	–	–	45	0,6		
1922 г.	74	1,2	3	0,13	77	0,9		
1923 г.	24	0,4	6	0,26	30	0,4		
1924 г.	290	4,8	97	4,3	387	4,5	73	27
1925 г.	588	9,5	216	9,5	804	9,4	73	27
1926 г.	743	11,9	530	23,4	1273	15,1	65	35
1927 г.	780	12,6	306	13,4	1086	12,8	71	29
1928 г.	3599	58,8	1102	49,0	4701	55,4	79	21
Всего по 1.10.1928 г.	6215	100	2260	100	8475	100	73	27

⁹ ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л.97, 98.

¹⁰ ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 787. Л. 104.

Таким образом, партийно-государственная аграрная политика характеризовалась активным участием государства в развитии сельского хозяйства через реализацию таких мероприятий, как финансирование сельского хозяйства, проведение землеустроительных работ и мелиоративное строительство, регулирование цен и налогов, оказание агропомощи сельскому населению, поддержка кооперации и поощрение коллективизации, кредитование, снабжение села сельхозмашинами и т.д. Причем, реализация названных мероприятий строилась на последовательно классовых принципах, была направлена на поддержку бедноты, середнячества и ограничение кулачества, ориентировалась на создание в короткие сроки крупных коллективных хозяйств нерыночного типа. Такой социально-экономический и политический вектор аграрной политики определялся идейно-теоретическими постулатами правящей партии, ее программными установками.

На рубеже 1920–1930-х гг. происходил бурный рост численности колхозов в крае (табл. 2). При этом процесс создания колхозов сопровождался масштабной их реорганизацией, т.е. укрупнением или разукрупнением, а также реорганизацией производственных бригад.

Таблица 2¹¹

Характеристика колхозной сети Северо-Кавказского края
в период с 1928 г. по 1932 г.

Показатели	1928 г. весна	1929 г. весна	1930 г. весна	1931 г. весна	1932 г. весна
Общее количество колхозов	5848	6545	3703	5240	4961
в том числе коммун	199	274	436	438	399
с.х. артелей	512	906	3038	4241	4158
товариществ по СОЗ	5137	5365	229	561	404
Число хозяйств, объединенных в колхозах (тыс.)	71,0	105,4	818,9	986,5	1018,2
Число душ населения, состоящего в колхозах (тыс.)	336,1	478,2	3664,4	4405,4	3924,4
% коллективных хозяйств	5,2	7,4	59,5	73,9	74,3
В среднем на 1 колхоз приходится хозяйств: на 1 колхоз всех уставных форм	12	16	221	188	205

¹¹ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 131.

В среднем на 1 колхоз приходится душ населения: на 1 колхоз всех уставных форм	57	73	985	841	824

Как отмечается в Отчете краевого земельного управления о состоянии сельского хозяйства в 1932 г., колхозная сеть края подвергалась значительным организационным изменениям: в 1928 г. при 71 тыс. коллективизированных хозяйств числилось в крае 5848 колхозов, при среднем составе около 12 хозяйств на колхоз. Подавляющая масса коллективов состояла из более низких форм колхозов, товариществ по совместной обработке земли. Примерно такой же характер имела сеть колхозов и в 1929 г. За время с осени 1929 г. по весну 1930 г. старая колхозная сеть была коренным образом реорганизована. Из общего числа колхозов на 1 сентября 1929 г. 16,8 % были ликвидированы, 80,4 % укрупнено и только 2,8 % колхозов остались без всяких организационных изменений (по преимуществу коммуны). В результате произведенной реорганизации сети колхозов численность колхозов была сокращена, примерно, до половины и весной 1930 г. насчитывалось только 3703 колхоза, из них 3038 сельхозартелей¹².

Столь сильное сокращение сети колхозов привело к чрезмерному укрупнению коллективных хозяйств и к весне 1930 г. в среднем на 1 колхоз приходилось 221 хозяйство и около 1 тыс. душ населения, а в отдельных колхозах края, главным образом в районах бывшего Кубанского округа, сплошь да рядом встречались колхозы, насчитывающие от 1500 до 2000 крестьянских хозяйств. К 1931 г. во многих районах края было проведено разукрупнение колхозов, число колхозов увеличилось до 5240 единиц, чему во многом способствовало и вовлечение в колхозы новых крестьянских хозяйств. Средний размер колхозов в 1931 г. снизился до 188 хозяйств¹³.

Несмотря на произведенное в некоторых районах разукрупнение колхозов, необходимо отметить чрезвычайную пестроту, характеризовавшую сеть колхозов края в 1931 г. Северная и Юго-Западная часть края имела в своем составе чрезмерно крупные колхозы, насчитывающие свыше тысячи дворов, в то время как восточная, отчасти центральная полоса края, а также национальные области, имели большое количество мелких колхозов¹⁴.

Существовавшая пестрота колхозной сети выдвигала вопрос о реорганизации сети колхозов, укрупнении мелких и разукрупнении чрезвычай-

¹² ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 131.

¹³ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 132.

¹⁴ Там же.

но разбухших колхозов и организации средних по размерам предприятий, отвечающих современной технической вооруженности колхозов и задаче рациональной организации производства и труда в колхозах¹⁵.

В январе-феврале 1932 г. по решению краевых директивных органов было проведено разукрупнение колхозов, объединяющих свыше 500–600 дворов, до размера 250–500 дворов по решению самих колхозников. Разукрупнение было проведено по преимуществу в Кубанских и Северных зерновых районах. Разукрупнение провели 42 района. Разукрупнено около 350 колхозов, взамен разукрупненных организовано около 1100 колхозов. Одновременно с разукрупнением колхозов на Черноморском побережье, в восточной животноводческой полосе края, а также в национальных областях проходило укрупнение мелких карликовых колхозов. В результате реорганизации колхозной сети взамен 4689 колхозов, существовавших до разукрупнения, к 1 апреля 1932 г. в крае насчитывалось 4924 колхоза¹⁶.

Реорганизация колхозов путем их укрупнения / разукрупнения проводилась одновременно с реорганизацией бригад в колхозах в соответствии с решением ЦК ВКП (б) от 4 февраля 1932 г. об организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В результате реорганизации число производственных бригад возросло с 15 300 до 1 января 1932 г. — до 22 300 полеводческих и 8 900 прочих после реорганизации¹⁷.

Реорганизация бригад путем создания постоянных производственных коллективов, выполняющих заранее определенное производственное задание, с постоянным составом колхозников и закрепленными за бригадой средствами производства и тяглом создавала предпосылки для эффективной организации труда. Однако на практике имелись многочисленные недостатки, связанные, прежде всего, с административным давлением со стороны управленческих структур.

Как отмечается в отчете, передвижка колхозников из одной бригады в другую не позволяет бригадиру и бригаде в целом сосредоточить внимание на работе в своей бригаде, делая вместе с тем бригадира простым исполнителем распоряжений правления, а не организатором производства в бригаде. В части колхозов бригада по существу превратилась в поставщика рабочих рук для выполнения различных требований правления.

Так, в коммуне «Путь Ильича» Краснодарского района бригадир бригады № 3 получил на протяжении 20 дней 45 различных распоряжений от правления на выделение из бригады колхозников и тягла для различных работ. Начиная с весны, особенно во время уборочных работ, в отдельных

¹⁵ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 133.

¹⁶ Там же. Л. 134–135.

¹⁷ Там же. Л. 142.

колхозах Кубани, особенно в Краснодарском, Каневском, Тихорецком районах дергание колхозников достигло огромных размеров, поставив бригады в условия невозможности выполнения порученных им работ.

Кроме того, имела место текучесть бригадирского состава, являющаяся следствием непонимания правлением колхоза и самим бригадиром роли бригадира в организации производства бригады, постоянным стремлением со стороны правления осуществить непосредственное оперативное руководство колхозниками бригады. Как видим, административный диктат проявлялся на всех уровнях колхозной организации.

Остановимся далее на проблеме распределения доходов в колхозах. В Отчете краевого земельного управления о состоянии сельского хозяйства края в 1932 г. отмечаются следующие недостатки в распределении доходов в колхозах. Во-первых, неправильная разбивка работ на группы и неправильное установление норм сдельных расценок, вследствие чего колхозники-производственники, работающие в полеводческих бригадах, как правило, выработали меньше трудодней, чем колхозники, работающие на подсобных работах в животноводстве, подсобных предприятиях, в конторе, дворовых работах и т. д. Так, в колхозе «Червоный шлях» Павловского района по состоянию на 1 октября 1932 г. в среднем одному колхознику, работающему в полеводстве, начислено 90 трудодней, а сторожам и другому обслуживающему персоналу по 121 трудодню¹⁸.

Во-вторых, в колхозах раздуты штаты административно-хозяйственного персонала. Так, в колхозе «Клич Ильича» Цимлянского района административный персонал составляет 21 %, в колхозе «Червоный шлях» Павловского района 10,5 % от числа трудоспособных. В результате в колхозе «Червоный шлях» административному персоналу начислено 24 % трудодней, в колхозе «Украина» Крымского района — 13 % трудодней от общего количества начисленных.

В-третьих, высоки затраты денежных средств на административно-управленческие расходы. Так, по Верхне-Донскому району денежные расходы на административно-управленческий аппарат составили 7,2 %, в Белоглинском районе — 4,6 %, в Александровском — 4,4 % от денежного дохода колхозов.

В-четвертых, при выдаче натуральных авансов и отпуска общественно-го питания ряд колхозов проводил кулацкую уравниловку, выдавая натуру без учета количества выработанных колхозниками трудодней. Административно-обслуживающий персонал, как правило, получил значительно больше натуральной продукции, чем колхозники-производственники.

В-пятых, многие колхозы вкладывают значительные средства в капитальное строительство, без которого они могли бы обойтись. В-шестых,

¹⁸ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 153.

ряд мелких районных и сельских организаций (Пролетарский, Краснодарский, Павловский и др. районы) требуют от колхозов снабжения служащих сельсоветов, сельских потребительских обществ хлебом, продуктами питания по твердым государственным ценам. В-седьмых, чрезвычайно слабо проводится дифференцированная оценка трудодня в отдельных бригадах в зависимости от успешности их работы.

Все это, по мнению авторов Отчета, значительно снижает фонд распределения и оценку трудодня, понижает материальную заинтересованность колхозников, трудовую дисциплину и служит делу кулацкой вредительской работы по организации саботажа осеннего сева и выполнения плана хлебозаготовок¹⁹.

Отмеченные проблемы, получившие широкое распространение во всех регионах страны, можно рассматривать как трудности роста, как результат отсутствия опыта организации труда в крупных коллективных хозяйствах и недостатка квалифицированных кадров. С другой стороны, нельзя не отметить, что указанные проблемы в сфере организации труда, распределения доходов в колхозах и использования материальных ресурсов, привилегированное положение администрации колхозов и другие будут сохраняться в той или иной форме на протяжении всех десятилетий существования колхозной системы. Создать действительно эффективный механизм организации труда и материального стимулирования, обеспечения и защиты интересов всех социальных групп колхозного крестьянства, несмотря на многолетние усилия и определенные достижения, не удастся.

Таким образом, в процессе формирования колхозной системы сложилась такая модель аграрной политики, в которой акцент был перенесен с регулирующей роли рынка к доминирующей роли административных (в том числе административно-принудительных), плановых механизмов.

Формирование такого хозяйственно-политического механизма, основанного на неэквивалентном обмене между сельским хозяйством и другими отраслями экономики, обеспечивало перераспределение ресурсов из сельского хозяйства на решение проблем индустриализации, создания оборонно-промышленного комплекса, достижение победы в войне, восстановление экономики страны и т.д.

Собственно говоря, создание партийно-административной модели руководства сельским хозяйством и было направлено, прежде всего, на подчинение аграрного сектора экономики (и, следовательно, крестьянства), решению иных приоритетных в конкретный период времени задач. Только с завершением восстановительных процессов в экономике и сельском хозяйстве к середине 1950-х гг. начался непоследовательный, но неуклон-

¹⁹ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 4. Д. 128. Л. 154–155.

ный разворот государства в сторону более существенного учета интересов сельского хозяйства, села, крестьянства.

Указанная модель сформировалась в своих принципиально важных чертах именно в процессе создания колхозной системы, т.е. в конце 1920-х – 1930-е гг. Все последующие периоды развития созданная система совершенствовалась при сохранении ее принципиальных устоев.

Таким образом, в первые годы создания и развития колхозов выявились некоторые особенности партийно-государственной аграрной политики, которые в более или менее выраженной форме будут существовать на протяжении всей истории колхозной системы. В их числе: монополия правящей партии на разработку и реализацию аграрной политики, определяющая роль партийных структур в формировании и функционировании колхозной системы; доминирование административно-командных методов в управлении колхозной системой; приверженность к различного рода организационным перестройкам, реорганизациям внутри отдельных хозяйств и в колхозно-совхозной системе в целом; абсолютизация крупной кооперативной собственности и форм организации производства, отрицание права крестьян на выбор форм хозяйствования; неэффективный механизм материального стимулирования колхозников в условиях минимизации товарно-денежных отношений; элементы субъективизма в практической политике; подчинение экономики колхозов интересам государства.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ДЕМОГРАФИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.²

В статье анализируются основные группы источников по демографическому развитию крестьянской семьи на Европейском Севере России, такие как материалы по статистике народонаселения, бюджетные описания, материалы периодической печати, документы личного происхождения.

Ключевые слова: крестьянство, семья, демографические переписи, движение населения, бюджетная статистика, источники личного происхождения.

Sablin V. A.

MAIN SOURCES ON DEMOGRAPHY OF THE PEASANT COURT IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE FIRST THIRD OF XX CENTURY

The article analyzes the main groups of sources on the demographic development of the peasant family in the European North of Russia, such as materials on population statistics, budget descriptions, periodical materials, documents of personal origin.

Keywords: peasantry, family, demographic censuses, population movement, budget statistics, sources of personal origin.

В современной аграрной науке выработаны достаточно результативные подходы к изучению источников по истории крестьянского двора³. Как правило, исследователи солидаризируются в том, что крестьянское хозяйство в России 1900–1920-х гг., являясь одновременно частью народнохозяйственного механизма и самоценным семейным организмом, характеризовалось не только отраслевой спецификой и уровнем агрокультуры, отражающими отношение человека к природе, но и стороной

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Россия, г. Вологда, sablin@inbox.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920-1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

³ Ильиных В. А. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг.: историография проблемы // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. стат. — Оренбург, 2007. — С. 111–117.

социальной. Последняя предполагала наличие социальных функций у крестьянской семьи и определенное место крестьянской экономики в общественном разделении труда и общей экономике, а также исторически обусловленную ими форму включенности крестьянства, являющегося его носителем, в целостный социальный организм⁴. Между тем проблема систематизации источников по проблеме демографических изменений в крестьянской семье в предколхозную эпоху, остается по-прежнему актуальной.

Социальные и демографические аспекты развития крестьянской семьи на Европейском Севере России в достаточной мере обеспечены историческими источниками. Значительная их часть опубликована, но основная проблема состоит в том, что гораздо больший пласт документов рассредоточен в фондах федеральных и региональных архивов всех административных субъектов современного Европейского Севера России и мало доступен исследователям. Целью данной работы является попытка систематизации имеющихся источников и анализ их информативной компоненты. Взяв за основу критерий общности происхождения, источники сходной направленности, равной степени репрезентативности и единой методики использования, можно подразделить на несколько групп. Взяв за основу критерий общности происхождения, источники можно подразделить на несколько групп.

По общему признанию ни одна из переписей не была разработана и опубликована в таком объеме, как перепись 1926 г.⁵ Всесоюзная перепись населения стала предметом источниковедческого анализа, Первую группу составляют массовые источники по статистике народонаселения, которые включают в себя материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., 10 % выборочной сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств 1919 г., демографической, профессиональной и сельскохозяйственной переписи августа 1920 г., Всесоюзной переписи населения декабря 1926 г. Указанные материалы опубликованы в соответствующих трудах Центрального статистического управления (ЦСУ СССР) либо отдельными изданиями, либо местными статистическими начиная с 1950-х гг. В 2000 г. ее матери-

⁴ Фаузер В. В. Демографические исследования Российского Севера: история и современность // Историческая демография. Москва–Сыктывкар, 2007. — С. 202–210; Мазур Л. Н. Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 21, № 3 (190). — С. 168–187; Ажигулова А. И. Демографические процессы на Южном Урале во второй половине 1920-х — 1930-е гг. Автореферат диссертации на соискание степени канд. истор. наук. — Оренбург, 2019. 22 с.

⁵ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. — М., 1979. — С. 26–29.

алы были положены в основу многотомного исследования по народонаселению России в XX в.⁶

В данном контексте следует выделить статистико-демографические материалы по естественному движению сельского населения Европейского Севера за 1896/97–1926/27 гг., которые опубликованы в 1931 г. Северной краевой плановой комиссией (Севкрайпланом)⁷. До последнего времени они не были введены в научный оборот. Главным их достоинством является сопоставимость демографических показателей за 30-летний период истории с 1897 г. по 1927 г. В итоговые сводки вошли данные о народонаселении по 18 уездам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний в границах 1896–1897 г. и аналогичным им территориям Архангельской, Вологодской, Мурманской и Северо-Двинской губерний, Карельской АССР, АО Коми и Ленинградской области в границах 1926–1927 гг.

В целом же необходимо иметь в виду, что все демографические материалы имеют административную привязку, поэтому для преодоления противоречий в сведениях от исследователя потребуются проведение кропотливых подсчетов, проверки и сравнения фактов, постоянного учета сопоставимости территорий в хронологическом соответствии.

Вторая группа источников — это бюджетные обследования крестьянских дворов 1910–1920-х гг. Данный вид источников содержит наиболее подробную информацию о крестьянском хозяйстве и семье. Они дают возможность изучить содержание социальной, демографической и производственной сторон их жизни. Детальность и систематичность позволяют расценивать бюджетные обследования как один из основных источников о деревне 1900–1920-х гг.

Материалы бюджетных обследований широко представлены в общероссийских публикациях 1920-х гг. За 1920/21 г. подверглись разработке и были опубликованы сводные данные по 26 крестьянским бюджетам Северо-Двинской губернии⁸, за 1922/23 г. — по 159 бюджетам Вологодской и Северо-Двинской губерний⁹. За этот же год попали в дополнительную разработку и были напечатаны группировочные сведения по 142 бюджетам Северного района, за 1923/24 г. — по 118 бюджетам, за 1924/25 г. — 165 бюджетов по Крайнему Северному району и 320 бюд-

⁶ Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957; Население России в XX веке. Исторические очерки В 3-х т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000.

⁷ Долговечность и смертность населения Севера Европейской части РСФСР в 1926–27 г. по сравнению с 1896–97 годом. Вологда, 1931.

⁸ Статистический ежегодник. 1921 г. Вып. 1. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 3. — М., 1922. — С. 324–333.

⁹ Статистический ежегодник. 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. — М., 1924. — С. 326–337.

жетов — по Северному, за 1925/26 г. — 99 бюджетов по Архангельской губернии, 239 — по Вологодской, 79 — по Северо-Двинской, 86 — по Карельской АССР, за 1926/27 г. — 112 бюджетов по Северному району¹⁰.

Статистическими органами регионального уровня также проводилась публикация бюджетных описаний. Правда, она представлена в более обобщенном виде. За 1922/23 г. обработаны сведения по 23 бюджетам Архангельской губернии¹¹, за 1923/24 г. — по 90 бюджетам Архангельской губернии, 281 бюджету Вологодской губернии¹², 81 бюджету Карельской АССР¹³, 75 бюджетам Северо-Двинской губернии¹⁴, за 1924/25 г. — по 81 хозяйству Шенкурского уезда Архангельской губернии и 80 дворам Северо-Двинской губернии¹⁵.

Главным группировочным признаком крестьянских дворов в отмеченных публикациях являлся размер посева (с 1925 г. — стоимость основных средств). В АО Коми в 1922/23 г. бюджетные описания охватили 25 хозяйств, в 1923/24 г. — 64 хозяйства, в 1924/25 г. — 84 хозяйства, в 1925/26 г. — 106 хозяйств¹⁶. К сожалению, материалы бюджетов крестьянских хозяйств Коми не попали в печать. Сводные и разработочные данные по этим обследованиям находятся в ГАРФ и Национальном архиве Республики Коми¹⁷.

Значительный пласт первичной бюджетной информации содержится в фондах центральных архивов¹⁸. Материалы бюджетных обследований хранятся также в фондах статистических органов местных архивов. В Государственном архиве Архангельской области имеются сводные таблицы

¹⁰ Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. Т. XXXI. Вып. 1. М., 1926; Крестьянские бюджеты 1924–1925 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1929; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 5. М., 1924.

¹¹ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. — Архангельск, 1925. — С. 488–489.

¹² Там же. С. 488–495; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. — Вологда, 1926. — С. 72–107.

¹³ Гильберт И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год. (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. — Петрозаводск, 1926. — С. 100–114.

¹⁴ Дневник и справочник добровольного корреспондента С.-Двинской губернии на 1925 год. — Великий Устюг, 1924. — С. 136–139.

¹⁵ Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. — Великий Устюг, 1926. — С. 46–51; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. — Архангельск, 1926. — С. 186–188.

¹⁶ Национальный архив Республики Коми (далее — НАРК). Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 464. Л. 261.

¹⁷ Государственный архив Российской федерации (далее — ГАРФ). Ф. 3260. Оп. 6. Д. 104. Л. 41; НАРК. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 464. Л. 51, 55–56, 67–68; Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 1015. Л. 1–3 об; Д. 1218. Л. 2–3.

¹⁸ См.: Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов // Вопросы истории, 1974. № 6. — С. 37–48; Он же. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. — М., 1981. — С. 61–113.

сокращенных крестьянских бюджетов Архангельской губернии и статистические выборки из индивидуальных обрабаточных лент за 1926/27 г.¹⁹, личные бланки и сводные таблицы сокращенных крестьянских бюджетов за 1928/29 г., относящихся к губерниям, вошедшим в Северный край²⁰. В Национальном архиве Республики Карелия находятся первичные и итоговые бланки крестьянских бюджетов 1924/25 г., 1925/26 г., 1927/28 г. и 1928/29 г., а также первичные разработки бюджетных обследований 1926/27 и 1927/28 гг.²¹, в ГУРК «НАРК» — первичные материалы бюджетного обследования 1922/23 г., а также сведения о товарообороте и рыночных отношениях крестьянских хозяйств по данным бюджетов за 1923/24–1927/28 гг. и первичные материалы бюджетных записей крестьянских хозяйств за 1927–1929 гг.²²

Необходимо подчеркнуть, что бюджетные описания широко использовались в экономико-статистических работах 1920-х гг.²³, по своему содержанию охватывавших всю территорию страны и носивших, как правило, прикладной характер. Аналогичные по типу исследования были широко представлены на региональном уровне. Начало было положено Н. Гиммером, опубликовавшим в 1911 г. обобщающие очерки развития крестьянского хозяйства, написанные на основе монографических бюджетных исследований вологодского земско-статистического бюро²⁴. Бюджетные материалы крестьянских дворов за 1920-е гг. нашли отражение в работах А. Г. Дербенева, И. П. Скворцова, В. Шилова и др.²⁵

¹⁹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 188, 200.

²⁰ ГААО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 224–235.

²¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 659. Оп. 3. Д. 9/93, 9/94, 9/97, 9/98, 10/103–10/107, 15/118, 16/124, 16/126; Оп. 4. Д. 7/47, 7/48, 9/54.

²² НАРК Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 1215, 1216, 1225, 1244, 1261, 1294, 1343, 1388, 1416; Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 1245, 1288.

²³ Большаков А. М. Деревня 1917–1927. М. 1927; Литошенко Л. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75. — С. 30–74; Он же. Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления. — М., 1925. — С. 50–129; Ужанский С. Г. Дифференциация деревни. — М., 1928 и др.

²⁴ Гиммер Н. Крестьянский бюджет на Севере // Известия Архангельского общества изучения русского севера. 1911. № 12. — С. 1015–1022; № 14. — С. 82–95; № 16. — С. 313–320; № 18. — С. 494–499; № 19. — С. 565–577.

²⁵ Дербенев А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения его бюджета. — Великий Устюг, 1925; Он же. Рыночный оборот крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии в 1924–25 году // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро. 1926. № 1. — С. 1–11; Скворцов И. П. «Средние нормы выработки» в крестьянском хозяйстве Северо-Двинской губернии // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро. 1926. № 2. — С. 2–11; Он же. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии. // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. — Великий Устюг, 1925. Вып. 1. — С. 53–62; Он же. Бюджет рабочего времени северодвинского крестьянина // Северное хозяйство, 1926. № 1. — С. 14–15; Шилов В.

В исторических исследованиях бюджетная статистика вплоть до конца 1970-х гг. использовалась крайне скупо, в основном как источник дополнительной информации по тем же вопросам, которые нашли отражение и в более массовых источниках²⁶. Применительно к Европейскому Северу следует выделить работы Г. И. Просвириной, основанные на основе земской бюджетной статистики начала XX в.²⁷, и М. П. Широковой, посвященные анализу крестьянских бюджетов второй половины 1920-х гг.²⁸

Первые работы, посвященные непосредственно крестьянским бюджетам, появились в отечественном источниковедении в середине 1950-х гг.²⁹ Благодаря последовавшей в 1970-х гг. серии публикаций Ю. П. Бокарева, в которой была рассмотрена история бюджетных описаний, детальному источниковедческому анализу подверглись сами крестьянские бюджеты, обозначены методы обработки бюджетной статистики и их использования в исторических работах³⁰. Предложенная им методика использования бюджетной статистики не утратила своей актуальности. Определенный опыт можно извлечь из разработанной И. Т. Алиевым, И. Р. Рафи-заде компьютерной экспертной системы «Peasantry» использования и анализа бюджетных описаний крестьянских дворов с учетом созданной базы данных по аграрной истории.

К вопросу о доходности северного крестьянского хозяйства // Вестник народного хозяйства Вологодской губернии. 1921. № 6–7. — С. 10–13 и др.

²⁶ См. например, Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924 гг. — М., 1971 и др.

²⁷ Просвирина Г. И. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств — источник для изучения их социально-экономического развития в начале XX века // Археография и источниковедение: Северный археографический сборник. Сыктывкар. 1977. Вып. IV. — С. 130–135; Она же. Бюджет рабочего времени в крестьянском хозяйстве севера в начале XX века // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. — Вологда. 1978. Вып. VI. — С. 123–127; Она же. Крестьянские бюджеты начала XX в. (обследование по Вологодской губернии) // Хозяйство северного крестьянства в начале XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. — Сыктывкар, 1987. — С. 108–113.

²⁸ Широкова М. П. К вопросу о бюджете крестьянских хозяйств и социальном расслоении северной деревни в конце 20-х годов // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период): Межвузовский сборник научных трудов. — Вологда, 1992. — С. 24–35.

²⁹ Черноморский М. Н. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как источник по истории социально-экономических отношений в годы нэпа // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1954. — С. 29–94.

³⁰ Бокарев Ю. П. Крестьянское хозяйство и развитие промышленности Советской России в середине 20-х годов XX в. // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. — М., 1977. — С. 8–25; Он же. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981; Массовые источники по социально-экономической истории Советского общества. М., 1979; и др.

Признавая справедливость критики форм и методов советской статистики, следует отметить, что бюджетная статистика менее, чем промышленная, подвергалась искажениям, так как оперировала в основном количественными показателями, а методика обработки бюджетов предполагала учет доходно-расходной части двора в сопоставимых ценах.

Третья группа источников — это материалы периодической печати, отражающие злободневные для того времени проблемы. Кроме того, на страницах периодических изданий публиковались официальные документы партийно-государственных структур. Следует отметить широчайший пласт периодики общественно-политической социальной и экономической направленности³¹. Среди них журнал Архангельского губернского комитета ВКП (б) «Большевистская мысль», «Вестник Северо-Двинского губернского комитета РКП (б)», «Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро», «Статистический вестник Вологодской губернии», журнал краевой плановой комиссии «Северное хозяйство», издание плановой комиссии и сельского хозяйства Карельской АССР «Экономика и статистика Карелии», печатный орган ЦСУ РСФСР «Вестник статистики», издание ВСНХ «Народное хозяйство».

Многочисленная информация находится в ведущих краеведческих изданиях 1900–1920-х гг., среди которых «Записки Северо-Двинского общества изучения местного края», «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», издания Вологодского общества изучения Северного края, такие как «Северный край», «Север», «Спутник краеведа» и др.

Научная значимость этих источников заключается в том, что они позволяют судить о политической и хозяйственной конъюнктуре тех лет. Характер многих материалов, содержащихся в печати, отличается идеологической прямолинейностью, полемичен, зачастую неточен, что требует тщательного сопоставления их с другими сведениями аналогичного содержания. В то же время, касаясь социально-политических аспектов изучаемой темы, периодическая печать представляет собой зачастую единственный источник информации.

Четвертую группу источников составляют материалы личного происхождения. Прежде всего, это публикации крестьянских документов: письма во власть, мемуары³² и, в особенности, редкие, почти уникальные

³¹ В свое время автор опубликовал подробный указатель, выявленных им газет и журналов, издававшихся на Европейском Севере России в 1917– начале 1920-х гг. Указатель включает в себя 142 наименования газет и 55 названий журналов, — см.: Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском севере России. 1917–1921. (Социально-экономические итоги). — Вологда, 2002. — С. 307–316.

³² Голоса крестьян: Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; Письма трудящихся Севера к Ленину // Вологодский край. Вып. II. — Вологда, 1960. — С. 244–276.

документы, такие как крестьянские дневники³³, позволяющие судить о крестьянских взглядах на характер политических, экономических и социально-демографических изменений в северной деревне. В то же время, дневники содержат разнообразные сведения по локальной истории, равно как и отражают черты крестьянского характера, особенности его личной жизни, семейные отношения. Крестьянские дневники существенно расширяют представления о социокультурном облике крестьянства Европейского Севера России, во многом дополняя уже опубликованные документы.

Весьма существенную информацию о производстве и экономических параметрах крестьянского семейного производства содержат разнообразные материалы по статистике сельскохозяйственной экономики, и данные динамических (гнездовых) переписей крестьянских хозяйств 1920–1929 гг. Последний вид статистических работ, проводимых в 1920-х гг., является наиболее массовым источником среди выборочных обследований деревни. Переписи преследовали цель выяснить характер производственных отношений крестьянских дворов внутри и вне деревни, а также их органических изменений, тем самым охватывали весь комплекс межкрестьянских и межхозяйственных связей. В силу специфики данного вида источников и опосредованного отражения демографических аспектов крестьянского хозяйства они намеренно исключены автором статьи из источниковедческого анализа.

В совокупности проанализированный выше круг материалов дает возможность реконструировать процессы развития крестьянской семьи в регионе, обозначить ведущие факторы ее динамики, воссоздать реальную картину исторических условий жизнедеятельности крестьянского двора в первой трети XX столетия.

³³ «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева (1902–1953). М., 1997; Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева 1906–1922 гг. М., 1995; Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева 1906–1922 годы // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. II. — Вологда, 1997. — С. 245–517; На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. — М., 1997 и др.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЯН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследуется состояние семенного хозяйства в сельхозпредприятиях на Урале в годы Великой Отечественной войны. Выявлены пути решения проблемы семян в условиях военного времени, установлено, что, не смотря на принимаемые меры семян в колхозах и совхозах остро недоставало, что приводило к уменьшению норм высева, сокращению посевных площадей и снижению валовых сборов сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, хлебозаготовки, семеноводство, колхозы, совхозы, семенные ссуды.

Motrevich V. P.

SOLVING THE PROBLEM OF SEEDS IN AGRICULTURE IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the state of seed farming in agricultural enterprises in the Urals during the Great Patriotic War. The ways of solving the problem of seeds in wartime conditions are revealed, it is established that, despite the measures taken, seeds in collective farms and state farms were acutely lacking, which led to a decrease in seeding rates, a reduction in acreage and a decrease in gross crop yields.

Keywords: The Great Patriotic War, the Urals, grain procurement, seed production, collective farms, state farms, seed loans.

С началом Великой Отечественной войны серьезной проблемой для сельхозпредприятий стала нехватка семян. Проблема обеспеченности семенами существовала и до войны, поскольку засыпка колхозами семенных фондов до выполнения планов хлебосдачи разрешалась только с семенных участков. С общих посевов хозяйства могли засыпать семена только после выполнения обязательств перед государством. Однако и после выполнения планов хлебосдачи сделать это получалось далеко не всегда. В результате, сдав государству зерно и не полностью засыпав семенные фонды, на следующий год колхозы были вынуждены обращаться к государству за семенной ссудой которая выдавались им под 10% годо-

¹ Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург, vladimir.motrevich@mail.ru.

вых. В июне 1941 г. буквально за несколько дней до начала войны для посева на силос колхозам страны было выделено 2285 т семян подсолнуха, в том числе Башкирии 200 т, Удмуртии — 30 т, Молотовской и Свердловской областям соответственно 80 и 60 т. Колхозам Челябинской области была выделена семенная ссуда в размере 1200 т овса, 300 т проса и 100 т подсолнуха².

После начала войны в результате снижения урожайности и ужесточении требований по выполнению заготовок колхозы стали не полностью засыпать семенные фонды. Семян часто не хватало и по причине их хищения и расходования на продовольственные нужды. В результате обеспеченность семенами сельхозпредприятий в Челябинской области составляла: в 1940 г. — 82 % от потребности, в 1942 г. — 71 %, а в 1943 г. — 49 %³. К тому же часть этих семян была некондиционной. В 1942 г. в Соновском районе Челябинской области план засыпки семян выполнили на 78 %, однако около половины семян (40%) к севу были не пригодны⁴. Недоставало посадочного материала и в советских хозяйствах, что не позволяло полностью засеивать совхозные поля. В 1943 г. Башкирский свиноводтрест был обеспечен семенами зерновых культур только на 60 %⁵. В постановление СНК РСФСР № 272 от 22 марта 1943 г. «О ходе подготовки к весеннему севу совхозов Наркомсовхозов РСФСР» отмечалось, что в Удмуртии в Понинском районе недосев составлял 29%, в Пудемском районе — 31 %, в Бемужском районе — 37%⁶. Таким образом, в колхозах и совхозах семян для посева хронически не хватало и с началом войны эта проблема еще более обострилась.

Основную часть недостающих семян колхозам и совхозам предоставляло государство. В середине мая 1942 г. СНК СССР принял решение о предоставлении краткосрочной семенной ссуды зерновых культур колхозам Воронежской, Куйбышевской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Челябинской областям и Мордовской АССР. Для проведения ярового сева Челябинская область получила 12 тыс. т семян, в том числе 8 тыс. т семян яровой пшеницы, 3 тыс. т овса и одну тысячу т ячменя⁷. Однако и

² Постановление СНК СССР от 18 июня 1941 г. № 1631 «О семенах колхозам для посева яровых культур в 1941 г.» // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 31–33.

³ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945: сб. док. и мат. — Челябинск: Юж. — Урал. кн. изд-во, 1981. — С. 270.

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р. 1379. Оп. 3. Д. 1426. Л. 8.

⁵ ГАРФ. Ф. Р. 259. Оп. 1. Д. 45. Л. 349.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р. 17. Оп. 44. Д. 1527. Л. 12.

⁷ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 201. Л. 80, 81.

этих семян не хватило. Поэтому спустя две недели колхозы Челябинской области получили от государства очередную ссуду в размере 4250 т с начислением, как обычно, 10 ц на каждые 100 ц выданной ссуды⁸. Не лучше обстояло с семенным фондом и в соседних уральских областях. Постановлением СНК СССР от 9 июня 1942 г. № 899 «О семенах для колхозов Свердловской области» для сверхпланового сева колхозам предоставлялась семенная ссуда яровых культур в размере одной тыс. т с условием ее возврата из урожая 1942 г.⁹ В Молотовской области в 1942 г. колхозы получили в виде ссуд 17,2 тыс. т семян. Кроме того, 7,5 тыс. т было ими получено в порядке межколхозного обмена¹⁰.

Не хватало и семян других культур, в частности овощных. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1942 г. № 1562 «О мероприятиях по развитию семеноводства овощных культур и обеспечению семенами посевов овощных культур в 1943 г.» намечался ряд мер в решении этой проблемы¹¹. В нем на местные советские и партийные органы возлагалась задача разместить задания по семеноводческим посевам в существующей сети семеноводческих колхозов, не допуская при этом распыления семеноводческих посевов. Ряду совнаркомов и облисполкомов, в частности СНК Башкирской АССР, облисполкомам Молотовской и Чкаловской областей предлагалось особое внимание обратить на семеноводство лука. Кроме того, предлагалось весь урожай с семенных участков зерновых культур использовать исключительно для засыпки в семенные и страховые фонды колхозов. Сдавать государству в счет выполнения плана хлебозаготовок или расходовать на другие нужды по усмотрению колхозов разрешалось только имеющиеся излишки. Однако в погоне за выполнением планов хлебозаготовок данное постановление Правительства на местах часто нарушалось. Так в Ирбитском районе Свердловской области с ведома секретаря райкома ВКП (б) Давыдова зерно с семенных участков ряда колхозов было сдано в счет выполнения плана хлебозаготовок. В том числе колхоз «Красный борец» сдал в обязательные поставки 225 ц овса, «12 лет Октября» — 58 ц пшеницы, «Им. Кирова» — около 150 ц пшеницы и т.д. Под нажимом районных руководителей зерно с семенных участков сдали в счет выполнения обязательных поставок колхозы в Белоярском, Камышловском, Красноуфимском, Манчажском, Тугулымском и других районах Свердловской области¹². Однако на следующий год семян

⁸ Постановление СНК СССР от 31 мая 1942 г. № 820 «О семенах для колхозов Калининской, Челябинской и Новосибирской областей и Алтайского края» // Там же. Д. 201. Л. 320.

⁹ Там же. Д. 202. Л. 78, 79.

¹⁰ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р. 1090. Оп. 1. Д. 2537. Л. 41.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 273–285.

¹² Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 560, 561.

для посева в этих районах не хватило, и колхозы обратились за помощью к государству.

В феврале 1943 г. в условиях провала в стране выполнения планов хлебозаготовок в постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1942 г. № 1562 были внесены изменения. Как неправильный был отменен ранее действующий порядок обезличенного учета семенных и семенных страховых фондов. Постановление обязывало Наркомзем СССР организовать раздельный учет засыпанного в семенные и семенные страховые фонды колхозов зерна, допуская образования семенного страхового фонда только в колхозах, полностью выполнивших обязательства по сдаче хлеба государству¹³. В результате обеспеченность сельхозпредприятий семенами заметно ухудшилась.

В 1943 г. для проведения озимого сева колхозам и совхозам страны в порядке краткосрочной ссуды с начислением 10 центнеров на каждые 100 центнеров ржи было отпущено 76,3 тыс. т озимой ржи. Из них Башкирской АССР — 3,7 тыс. т, Удмуртской АССР — 3,1 тыс. т, Курганской области — 600 т, Молотовской области — 6,2 тыс. т и Свердловской области — 3,9 тыс. т¹⁴. Колхозам предоставляли семенные ссуды не только с условием возврата с начислением 10 ц на каждые 100 ц отпущенных семян, но и в обмен на мясо по установленному эквиваленту. Отпуск семенной ссуды СНК СССР и ЦК ВКП (б) распорядились производить из глубинных пунктов. Отпускать взятые в ссуду семена с пристанционных и пристанских пунктов «Заготзерно» разрешалось только в случае отсутствия семенного зерна на глубинных зерноскладах. Это создавало сельхозпредприятиям дополнительные проблемы, поскольку семенную ссуду надо было доставить в хозяйства при отсутствии дорожной сети и транспорта.

При этом выдаваемое по ссуде семенное зерно не всегда было качественным. Так распоряжением СНК СССР от 31 октября 1943 г. с колхозов Дуванского, Кигинского и Мечетлинского районов БАССР были списаны начисленные за этот год зернопоставки. Причина заключалась в том, что колхозы не получили урожай с засеянных весной 1943 г. семенами озимой пшеницы 4,2 тыс. га. Данные семена им была выданы в качестве семенной ссуды по ошибке вместо яровой пшеницы с Сулейновского пункта «Заготзерно». Возврат этой неправильно выданной семенной ссуды СНК СССР не отменил, а просто отсрочил погашение ее колхозами до урожая 1944 г.¹⁵

¹³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) 3 февраля 1943 г. № 123 «Об учете колхозных семенных и семенных страховых фондов» // ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 299–300.

¹⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июля 1943 г. № 838 «Об отпуске колхозам и совхозам зерна для озимого сева 1943 года» // ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 217 Л. 60–67.

¹⁵ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 23. 1943 год / сост. Р. А. Валишин. — Уфа: Секретариат Государственного Собрания — Курултая республики Баш-

Когда запасы семенного материала в колхозах оказывались исчерпанными, а государство дать больше не могло, на помощь часто приходили колхозники. Активно собирала недостающие семена сельская молодежь. В апреле 1942 г. комсомольцы из артелей «Заря» и «Звезда» (Лопатинский район Челябинской области), обратились к сельской молодежи с призывом развернуть соревнование за сбор семян у колхозников. Чтобы лучше организовать сбор, инициаторы предложили каждому комсомольцу дать колхозу взаймы центнер зерна¹⁶. Сбор семян из личных запасов проходил и в последующие годы. Так в начале 1943 г. колхозники Курганской области сдали из личных запасов 1144 ц зерновых, 3340 ц картофеля, 41 ц семян технических культур¹⁷. Необходимо отметить, что при сборе семян у колхозников принцип добровольности местными властями часто нарушался, и сбор принимал принудительный характер.

Крайне тяжело обстояло с семенами и в повсеместно создаваемых подсобных хозяйствах промышленных предприятий, организаций и учреждений. На помощь им также приходило государство. На протяжении апреля-июня 1942 г. СНК СССР принял шесть постановлений об отпуске подсобных хозяйствах семян картофеля. Но если в постановлении от 15 апреля 1942 г. № 514 Совнарком разрешил республиканским, краевым и областным властям выделять в порядке продажи семена картофеля для подсобных хозяйств за счет картофеля, предназначенного для торговли и общественного питания, а также в счет организации его закупки у колхозов и колхозников, то в дальнейшем стали предоставлять семенные ссуды¹⁸. Так уже 18 апреля 1942 г. совхозам и подсобным хозяйствам предприятий Наркомчермета для весеннего сева в порядке продажи по действующим ценам было отпущено 810 т зерна¹⁹. В мае 1942 г. 7 краям и областям РСФСР для подсобных хозяйств и колхозов было отпущено 2950 т картофеля, в том числе для Челябинской области — 200 т²⁰. В июне была предоставлена очередная семенная ссуда. На этот раз колхозам и подсобным хозяйствам промышленных предприятий для весеннего сева было отпущено 10,8 тыс. т картофеля, в том числе Башкирской АССР — 3 тыс. т²¹. Отпуск колхозам производился в порядке семенной ссуды с воз-

кортостан, 2018. — С. 174, 176 // URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost> (дата обращения 29.03.2021).

¹⁶ Челябинский рабочий: орган Челябинского областного и городского комитетов ВКП (б), областного и городского Советов депутатов трудящихся. 1942. 28 апр.

¹⁷ Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИ-КО). Ф. Р.1200. Оп. 1. Д. 176. Л. 14.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 200. Л. 3–5.

¹⁹ Там же. Л. 35, 36.

²⁰ Там же. Д. 201. Л. 184–186.

²¹ Постановление СНК СССР от 16 июня 1942 г. № 966 «Об отпуске картофеля колхозам и

вратом из урожая 1942 г. с начислением 10 ц на каждые 100 ц выданной ссуды. Подсобным же хозяйствам промышленных предприятий семена отпускались по действующим отпускным ценам, т.е. на более выгодных условиях.

В конце войны в сельском хозяйстве больше внимания стали уделять семеноводству, этому вопросу было посвящено несколько постановлений Правительства. В начале 1944 г. колхозам Удмуртии были выделены дополнительные семенные участки на площади 84 тыс. га²². В августе было принято решение об увеличении семенных участков по озимым культурам, в том числе в колхозах Башкирской АССР до 105 тыс. га и в Челябинской области до 28 тыс.²³ 24 февраля 1945 г. было принято постановление СНК СССР «Об улучшении семеноводства зерновых культур». В нем отмечалось, что созданная в 1937 г. создана система семеноводческих хозяйств (семеноводческие станции, райсемхозы, семенные участки колхозов и совхозов, госсортфонд, госстрахфонд, сортоиспытательная сеть) себя оправдала. Однако в условиях войны сортовое семеноводство было нарушено. В целях восстановления и расширения сортовых посевов Правительство обязать Наркомзем СССР и Наркомсовхозов СССР в течение 1945–1946 гг. восстановить сортовые посевы на довоенном уровне, для чего организовать 921 семеноводческое хозяйство. В 1945 г. в Башкирии предлагалось организовать 10 новых райсемхозов, в Молотовской области — 4, в Свердловской области — 5, в Челябинской области — 3, в Чкаловской области — 10 и т.д. Среди них — «Варгашинский» совхоз в Курганской области, «Буранный» и «Увельский» совхозы в Челябинской области, совхозы «Переволоцкий», «Им. Сталина» и «Красная житница» в Чкаловской области, совхоз «Смычка» в Башкирии²⁴.

К заготовке семян овощебахчевых культур и кормовых корнеплодов была привлечена и система потребкооперации. Для отоваривания сдатчиков семян Наркомторгу Башкирской АССР было поручено выделить для «Башсоюз» промтоваров на сумму 262,2 тыс. руб., и для системы «Сортсеменовощ» на сумму 115,7 тыс. руб. Этим организациям было разрешено отоваривание сдатчиков семян в порядке встречной продажи товаров по эквивалентам — на один рубль купленных семян продать один из видов промтоваров: хлопчатки — 13 руб., ниток — 15 руб., веревок —

подсобным хозяйствам промышленности для весеннего сева 1942 года» // Там же. Д. 202. Л. 224–229.

²² ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 231. Л. 299.

²³ Постановление СНК СССР от 11 августа 1944 г. № 1067 «Об увеличении в 1944 году семенных участков по озимым культурам в колхозах Башкирской АССР, Челябинской, Читинской, Ульяновской, Куйбышевской, Иркутской, Пензенской областей и Красноярского края» // ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 232. Л. 166.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 244. Л. 24–58.

30 руб., трикотажных изделий — 30 руб., мешков — 10 руб., соли — 5 руб., посуды — 5 руб., водки — 60 руб.²⁵

Большую помощь сельскому хозяйству в решении проблемы семян оказали в те годы ученые. В частности, академик Т. Д. Лысенко предложил производить посадку картофеля верхушками клубней. Для этого им была разработана подробная инструкция по обеспечению сохранности и осуществлению посадки верхушек. Посадка картофеля верхушками позволила использовать основную массу клубня посадочного картофеля для питания, поскольку для посадки использовалась лишь небольшая его часть (10–15 га). В 1943 г. за внедрение в сельское хозяйство способа посадки картофеля верхушками продовольственных клубней Т. Д. Лысенко был удостоен Сталинской премии первой степени. Чтобы стимулировать сбор верхушек клубней картофеля, Наркомат земледелия СССР рекомендовал артелям выдавать за сданные верхушки сено, солому и дрова²⁶. Верхушки клубней картофеля применяли многие хозяйства. Особенно активно вели их сбор школьники на Среднем Урале. В Свердловской области инициаторами выступили учащиеся Ирбитского района. Использование этого семенного материала серьезно помогло колхозам. В 1943 г. в Свердловской области им было засеяно 7,2 %, в 1944 г. — 11,1 % площадей, занятых под картофель²⁷.

Важным направлением работы агрономов являлись заготовка и сохранение семенного фонда. Еще в 1942 г. в Чкаловской области активизировалась деятельность селекционных станций, одной из крупнейших стала Чебеньковская госселекстанция. В конце войны на Урале стали открывать и другие семеноводческие станции. Так в марте 1945 г. в Челябинской области для улучшения семенного хозяйства было принято решение об организации на базе колхозов трех семеноводческих хозяйств²⁸. Во многих колхозах колхозов в полях стали выделять постоянные семенные участки и создавались семеноводческие звенья. В марте 1944 г. в штаты райземотделов была введена должность агронома-семеновода на которого возлагался государственный контроль за состоянием семенных участков в колхозах²⁹.

²⁵ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Т. 24. 1944 год / сост. Р. А. Валишин. — Уфа: Секретариат Государственного Собрания — Курултая республики Башкортостан, 2019. — С.199 // URL: <http://gsrb.ru/ru/materials/izdatelskaya-deyatelnost> (дата обращения 29.03.2021).

²⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р. 7486. Оп. 1. Д. 3084. Л. 18; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. Р. 61. Р. Оп. 2. Д. 1543. Л. 3.

²⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р. 1813. Оп. 1. Д. 1303. Л. 20–30.

²⁸ ОГАЧО. Ф. Р. 274. Оп. 3. Д. 1719. Л. 18.

²⁹ Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству за 1942–1944 годы. — Москва: Сельхозгиз, 1944. — С. 196.

Для восстановления площадей скороспелых сортов яровой пшеницы было принято решение завести в колхозы Курганской области тысячу т семян пшеницы для посева на семенных участках и отпустить их колхозам в порядке обмена³⁰. Были увеличены и размеры государственных ссуд семенами колхозам, семенное зерно перестали изымать в счет выполнения обязательных поставок. В 1945 г. в Молотовской области колхозы были обеспечены семенами зернобобовых на 99,3% (при норме посева на гектар: пшеница яровая — 1,8 ц; овес и ячмень — 1,7 ц; горох — 1,1 ц). Качество этих семян было лучше, чем в предшествующие годы. При проверке лишь 2,3% из них оказались некондиционными³¹. В результате принимаемых мер обеспеченность сельского хозяйства семенами несколько улучшилась.

Однако несмотря на принимаемые меры и в конце войны семян для посева колхозам постоянно не хватало, и они были вынуждены брать ссуду у государства. В мае 1944 г. во время весеннего сева колхозам Свердловской области была отпущена дополнительная семенная ссуда в размере 2 тыс. т, колхозам Удмуртии — 3 тыс. т и колхозам Башкирии — 2,8 тыс. т³². Ссудная практика продолжилась и на весеннем севе 1945 г. 27 марта 1945 г. Правительство СССР принимает решения сразу по трем уральским областям. Курганская область получила ссуду яровых зерновых культур в размере 25 тыс. т, Молотовская область — 15 тыс. т, а Башкирия даже 38 тыс. т семян зерновых культур, из них 19 тыс. т пшеницы³³. 9 апреля 1945 г. СНК СССР принял постановление отпустить для весеннего сева 6,5 тыс. т семян зерновых культур, из них 1,3 тыс. т семян пшеницы колхозам Удмуртской АССР. В тот же день Правительством было принято решение о семенной ссуде колхозам Эстонской ССР, Дагестанской АССР, Ставропольскому и Хабаровскому краям, Ивановской, Иркутской, Рязанской, Томской и Тульской областям³⁴.

Только за один день 23 апреля 1945 г. СНК СССР принял 5 постановлений об отпуске семенной зерновой ссуды для весеннего сева колхозам Башкирской АССР, Молотовской, Свердловской, Челябинской и Чкаловской областей³⁵. 27 мая 1945 г. СНК СССР снова возвращается к проблеме семян и принимает решение об отпуске семян соответственно Башкирии (3 тыс. т), Удмуртии (2 тыс. т), Челябинской (3 тыс. т) и Чкаловской

³⁰ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 243. Л. 142.

³¹ ГАПК. Ф. Р. 1090. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

³² ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 44, 47, 83.

³³ Там же. Д. 247. Л. 143, 149, 152.

³⁴ Постановление СНК СССР от 9 апреля 1945 г. № 729 «Об отпуске колхозам Удмуртской АССР семенной ссуды для весеннего сева 1945 г.» // Там же. Д. 248. Л. 241.

³⁵ Там же. Л. 298, 305, 308, 314, 318.

(4 тыс. т) областей³⁶. Частым явлением тех лет была нехватка у сельхозпредприятий семян и других сельскохозяйственных культур. Так в апреле 1945 г. из Госрезерва колхозам Казахстана, Туркмении и 16 областям РСФСР было отпущено 22,3 тыс. т картофеля с условием возврата из урожая 1945 г. На Урале 2 тыс. т картофеля на посев выдели Башкирии, Молотовской и Челябинской областям³⁷. Колхозам Свердловской области выделили 500 т семян трав и вики, а колхозам Курганской области — 113 т семян льна-кудряша³⁸.

Таким образом, в годы войны из-за укоренившейся практики Наркомзага СССР и его местных уполномоченных изымать у сельхозпредприятий все зерно, в том числе и семенное, нехватка семенного материала была повсеместным явлением. Это обрекало сельхозпредприятия на нехватку семян при проведении посевных работ. В результате получалось, что колхозы в обязательном порядке за свой счет вывозили на базы «Заготзерно» необходимое им для посева зерно, а накануне посевных работ брали это же зерно у государства в ссуду под установленный процент и за свой счет везли его обратно. Нехватки семян сельхозпредприятия решали разными путями: брали семенные ссуды у государства и в соседних хозяйствах, организовывали добровольно-принудительный сбор семян из личных запасов крестьян, заменяли семена одной культуры на другую, организовывали взаимопомощь семенами. Однако, несмотря на принимаемые меры, семян в колхозах и совхозах по-прежнему не доставало. В целом проблему семян не только зерновых, но и других культур, прежде всего картофеля, льна-долгунца, различных трав не удалось решить вплоть до окончания войны. Поэтому хозяйства часто были вынуждены уменьшать нормы высева и сокращать посевные площади, что негативно отражалось на размерах валовых сборов.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 248. Л. 226, 256, 258, 260.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 249. Л. 309, 310.

³⁸ Постановление СНК СССР от 20 апреля 1945 г. № 805 «Об отпуске колхозам семян различных культур для весеннего сева 1945 г.»; Постановление СНК СССР № 806 от 20 апреля 1945 г. «Об отпуске колхозам семян трав и вики для весеннего сева 1945 г.» // Там же. Д. 250. Л. 170–172.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКИХ КАДРОВ В КУЛЯБСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Решение проблемы обеспечения колхозов Кулябской области Таджикской ССР кадрами в годы Великой Отечественной войны, являлось важнейшей задачей местных властей. Так как многие трудоспособные мужчины ушли на фронт, а сельские жители были мобилизованы для работы в промышленности. В связи с чем, особое значение приобретали: подготовка и руководство кадрами колхозов, контроль за их работой, а также правильная организация труда в хозяйствах.

Ключевые слова: *Таджикская ССР, Кулябская область, колхоз, сельские кадры, сельское хозяйство, трактористы, женщины.*

Исуфов Ш. В.

SOLVING THE PROBLEM OF RURAL PERSONNEL IN THE KULYAB REGION OF THE TAJIK SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Solving the problem of providing collective farms of the Kulyab region of the Tajik SSR with personnel during the Great Patriotic War was the most important task of local authorities. Since many able-bodied men went to the front, and the villagers were mobilized to work in industry. In this connection, special importance was acquired: training and management of collective farm personnel, control over their work, as well as proper organization of labor in farms.

Keywords: *Tajik SSR, Kulyab region, collective farm, rural personnel, agriculture, tractor drivers, women.*

Кулябская область была одной из первых четырех областей Таджикской ССР, образованной из Кулябского округа Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1939 г. В состав области были включены г. Куляб и целый ряд районов: Бальджуванский, Дангаринский, Дашти-Джумский, Кангуртский, Кзыл-Мазарский, Колхозабадский, Кулябский, Муминабадский, Фархарский, Сари-Хосорский, Ховалингский и Шуроабадский. Накануне Великой Отечественной войны большая часть населения Кулябской области проживала в сельской местности.

¹ Исуфов Шердил Ватанович, докторант кафедры истории таджикского народа, Кулябский государственный университет имени А. Рудаки, Республика Таджикистан, Хатлонская область, г. Куляб, sherdil.isufov@mail.ru.

По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., общая численность населения Кулябской области составляла 210 575 чел., из которых 8 439 чел. проживало в городе и 202 136 чел. — в сельской местности².

С первых дней Великой Отечественной войны аграрный сектор Кулябской области столкнулся с множеством проблем, прежде всего, с кадрами для колхозов. Так как на фронт ушли трудоспособные мужчины, происходила мобилизация колхозников для работы в промышленности. В течение 1941–1942 гг. значительная часть директоров МТС, совхозов, председателей сельских поселений и колхозов, большая часть механизаторов, а также агрономов, зоотехников и других специалистов сельского хозяйства, была отправлены на фронт. Из-за призыва на фронт, резко сократилась численность механизаторских кадров. В результате, сельскохозяйственные работы велись преимущественно силами женщин, пенсионеров и подростков. Оставшиеся в колхозах мужчины, как правило, трудились в управлениях или в машинно-тракторной станциях (МТС).

По состоянию на 1 июля 1940 г. в Кулябской области насчитывалось 685 колхозов³. За годы войны их численность сократилась. До 1942 г. отмечалось сокращение количества колхозов за счет объединения мелких в более крупные. Начиная с 1942 г., по причине территориальной разобщенности, экономической слабости крупных хозяйств, с учетом национальных особенностей, проводилось их разукрупнение. В итоге, по состоянию на 20 января 1945 г., в Кулябской области насчитывалось 569 колхозов⁴.

Изменилась и социально-профессиональная структура колхозного крестьянства региона. Большинство трудоспособного населения составляли женщины. Административно-управленческий состав колхозов, сельская интеллигенция и колхозники, обслуживающие бытовые нужды, наравне со всеми остальными участвовали в колхозном производстве, на полевых работах. Практически все социальные группы сравнивались по характеру труда, а уровень профессиональной подготовки сельских тружеников резко снизился. В связи с чем, для повышения их квалификации, в области была создана широкая сеть краткосрочных семинаров и курсов по подготовке звеньевых, сборщиков, косцов, учетчиков, табельщиков и т. д. Всего в 1942 г. повышение квалификации прошли 1929 чел. из числа работников массовых профессий.

Для решения дефицита механизаторов в колхозах, путем индивидуального обучения было подготовлено 180 трактористов, включая 40 женщин. Кроме того, было подготовлено 11 комбайнеров (6 женщин),

² Численность населения СССР на 17 января 1939 г. — Москва 1941. — С. 9, 239

³ Государственный архив Хатлонской области Кулябской регионе. Ф 7. ОП.1. Д. 13. Л. 8.

⁴ Государственный архив новейшей истории Республики Таджикистана Ф. 3. ОП. 126. Д. 276. Л. 16.

6 помощников комбайнеров, 6 шоферов, 14 слесарей и кузнецов, 5 токарей. Особенно активно проводилась подготовка механизаторов в Ленинабадском и Шахринауском районах Кулябской области. Неплохо было поставлена работа по подготовке кадров в Колхозабадском, Кулябском и Кизил-Мазарском районах.

В июле 1941 г. в административном центре Ховалингского района Кулябской области были организованы курсы подготовки трактористов, где прошли обучение 42 женщины⁵. В результате организации специальных технических (тракторных) курсов для женщин и девушек, были сформированы тракторные бригады. Их возглавили опытные трактористы. К лету 1942 г. в Ховалингском районе действовало шесть тракторных бригад⁶. В области обучение прошли 106 колхозных счетоводов, в том числе 52 женщины, 4 инвалида Великой Отечественной войны⁷.

Повышали уровень профессиональной подготовки и квалифицированные кадры. Тем не менее, в первые годы войны подготовка и переподготовка кадров не обеспечивала подробность сельского хозяйства области в массовых и квалифицированных кадрах.

Большое внимание в годы войны уделялось привлечению на работу в колхозы неработающих женщин. По данным переписи населения 1939 г., 592,3 тыс. женщин Таджикской республики трудились только в своих домашних хозяйствах⁸. Хотя в предвоенные годы во многих колхозах Кулябской области, особенно в пригородах, женщины играли важную роль в сельском хозяйстве. Во время войны немало женщин — работниц промышленных предприятий и служащих, перешли трудиться в сельское хозяйство. Накануне Великой Отечественной войны в народном хозяйстве республики насчитывалось 149 тыс. рабочих. Если в 1941 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих в народном хозяйстве Таджикистана составляла 55 %, то в 1944 г. уже 57,4%. На хлопкоочистительном заводе в г. Кулябе — 69 %, а на хлопкоочистительном заводе в г. Фархоре 66 % рабочих составляли женщины. Женщины — работники промышленных предприятий, заменили в сельскохозяйственном производстве ушедших на фронт мужчин. В короткие сроки они смогли освоить профессии тракториста, комбайна и другие специальности. Особенно много было сделано для обучения женщин сельскохозяйственному труду в хозяйствах Сарихосорского района Кулябской области. Так, только в 1943 г. более

⁵ Амир Сайиди Мунки. Яхсу: научно-популярные очерки. — Душанбе, 2014. — С. 266

⁶ Назаров Б. Фаълола кор мекунем. Болшевики Ховалинг. 29 майи соли 1941.

⁷ Государственный архив новейшей истории Республики Таджикистана. Ф. 3. ОП. 126. Д.185. Л. 119.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д.306. Л. 17; Д. 323. Л. 15; Д.331. Л. 16; Д. 334. Л. 18; Д. 336. Л. 12.

90 женщин района окончили краткосрочные курсы и получили работу по специальностям.

Во время войны женщины занимали руководящие должности наравне с мужчинами. Одной из них была Гавхар Шарипова — бригадир, руководитель колхоза, председатель Кулябского облисполкома, депутат Верховного Совета Таджикской ССР, обладатель двух орденов Ленина, Красного Знамени и других государственных наград. Среди других героинь трудового фронта, следует назвать: Оишу Сарварову, Зебо Гадоеву, Тойди Бобиеву, Хуморби Зарифову и сотни других женщин-передовиков Кулябской области, которые трудились днем и ночью, чтобы обеспечить фронт продуктами и одеждой, чтобы приблизить день Победы⁹.

В итоге, несмотря на то, что в условиях военного времени учебные заведения и курсы проводили обучение сельскохозяйственным профессиям по ускоренным программам, при слабой материально-технической базе, нехватке высококвалифицированных педагогов, что порой приводило к снижению его качества, в Кулябской области, как в целом и в Таджикистане, была решена проблема обеспечения колхозов кадрами.

⁹ Раъмонов Љ., Иброҳимов И., Даминзода С. Абадзиндањо (нусхаи электронӣ). Кўлоб, 2015. — С. 210–211.

**ТОТАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ 1946 г.:
НОВЫЕ ПРИМЕРЫ, ЦИФРЫ И ФАКТЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Статья посвящена глобальной ревизии колхозов, проведенной в первом послевоенном году. Все выводы и положения проиллюстрированы архивными материалами Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ключевые слова: Свердловская область, контроль, ревизия 1946 г., нарушения, расхищение земель, оборончество.

Matyachenkov V. N.

**TOTAL AUDIT OF COLLECTIVE LIFE 1946:
NEW EXAMPLES, FIGURES AND FACTS
(ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVES OF THE SVERDLOVSK REGION)**

Resume: the article is devoted to the global audit of collective farms, carried out in the first post-war year. All conclusions and provisions are illustrated by archival materials of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOSR).

Key words: Sverdlovsk region, control, revision of 1946, violations, plunder of land, advocacy.

Как известно, в основе функционирования командно-административной системы управления экономикой лежат два определяющих и характерных для нее момента: плановое ведение хозяйства и тотальный контроль. Однако практика социально-экономической жизни и научный анализ достигнутых результатов неизбежно констатируют предельно низкую эффективность как плановой экономики, так и системы государственного контроля. Перефразируя известное изречение о Советском Союзе как о «родине слонов», можно утверждать, что эта страна, во всяком случае, несомненно, была родиной такого явления, как всепроникающий контроль.

При этом мы даже не берем в расчет контроль специальных органов, отвечающих за безопасность государства, возможности и масштабы кото-

¹ *Мамяченков Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург, matyachenkov@mail.ru.*

рого в условиях тоталитарного и авторитарного режимов почти беспредельны. Даже обычный экономический контроль в СССР отличался гигантскими масштабами и включал в себя несколько уровней: например, можно было выделить контроль общегосударственный, ведомственный, внутрихозяйственный, аудиторский и даже общественный. (В связи с последним, следует вспомнить такой известный орган, как Комитет народного контроля СССР, существовавший с 1965 по 1991 гг.)

Можно также вспомнить и Министерство государственного контроля, функционировавшее с 1940 по 1957 гг. Именно по инициативе возглавлявшего его министра Л. З. Мехлиса² и состоялось известное историкам-аграрникам Постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»³. Основанием же для него явилась грандиозная ревизия «сохранности общественной собственности», проведенная в мае-июле того же года. Наша статья посвящена как раз итогам данной ревизии и реализации указанного постановления на примере Свердловской области. Тема эта до сих пор сравнительно мало освещена, особенно на региональном материале Урала. Из опубликованных на сегодня работы бы отметили, прежде всего, труд В. П. Попова⁴, а также небольшое сочинение автора настоящей статьи⁵.

На наш взгляд, вышеупомянутое постановление явилось классическим примером неэффективности всеохватного государственного контроля, когда власти пытаются контролировать любые, даже минимально значимые процессы социально-экономической жизни. Об этом убедительно говорят, материалы, обнаруженные нами в архивах Свердловской области. На примере упомянутого постановления можно проследить, как «спускались на тормозах» и многие другие подобные ему документы высших

² Мехлис Лев Захарович (1889–1953), советский государственный и военно-политический деятель, генерал-полковник. Член ЦК ВКП (б) в 1937–1953 и его Оргбюро в 1938–1952 гг. Доктор экономических наук. Ближайший сподвижник И. В. Сталина, один из организаторов массовых репрессий в РККА. — С 1946 по 1950 гг. — министр Государственного контроля СССР. Награжден четырьмя орденами Ленина и другими наградами. Урна с прахом помещена в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986) / Под общ. ред. Егорова А. Г. и Боголюбова К. М. / В 15-ти т. — М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 9-е доп. и испр. 1983–1990. Т. 8. — С. 56–61.

⁴ Попов В. П. Крестьянство и государство (1945–1953) / В. П. Попов // Исследования новейшей русской истории. Париж: Ymca-Press, 1992. 298 с.

⁵ Мамяченков В. Н. Кампания по борьбе с нарушениями Устава сельхозартелей и уровень материальной обеспеченности крестьянства Свердловской области в первые послевоенные годы / В. Н. Мамяченков // Историк и его эпоха: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Данилова (24–25 апреля 2007, Тюмень). — Тюмень: Типография Печатник, 2007. — С. 302–305.

органов власти. И это при том, что факты, приведенные в них, нередко были просто вопиющими, а выводы и принимаемые меры вроде бы должны были способствовать искоренению и недопущению впредь подобных обнаруженных безобразий.

Суть постановления от 19 сентября 1946 г. можно свести к тому, что в повседневной деятельности колхозов имели место целый ряд порочных и нетерпимых явлений, что было выявлено ревизией. Мы попытались их проиллюстрировать на материалах Свердловской области, которой «повезло» попасть в число 10 регионов, где проводилась вышеупомянутая ревизия. В качестве таких материалов нами использовались архивные документы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), бывшего областного партийного архива.

Надо сказать, что руководство Свердловской области отреагировало на Постановление сверхоперативно: уже 25 сентября 1946 г. состоялось постановление облисполкома и обкома ВКП(б), в котором прямо говорилось, что «Нарушения Устава сельхозартели в колхозах выражаются, прежде всего, в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны советских, советско-партийных, земельных и других работников, нарушениях демократических основ управления»⁶. Действительно, ревизия, проведенная в соответствии с постановлением Правительства в 26 районах Свердловской области показала, что такие факты являются повсеместными (что подтверждается и общесоюзными итогами этой глобальной проверки: на примерно 198 тыс. колхозов страны было выявлено 2255000 случаев «захвата и разбазаривания», то есть в среднем 11–12 случаев на одно коллективное хозяйство).

Начнем с *«расхищения общественных земель»*. Необходимо сразу пояснить: действительно, председатели колхозов нередко распродавали и раздавали скот и сдавали земли в непонятную «аренду» по той простой причине, что ни содержать в нормальных условиях скот, ни качественно обрабатывать землю они своими силами просто не могли. При этом, конечно, не исключался и криминально-коррупционный момент, связанный со злоупотреблением служебным положением и мотивами личного обогащения руководителей различного уровня. Таким образом, например, только в одном лишь Сухоложском районе Свердловской области колхозы роздали различным городским организациям и учреждениям почти 2,5 тыс. пахотных и почти 18 тыс. га сенокосных угодий. Помимо этого, было установлено, что 672 частных лица — как самих колхозников, так и сельских рабочих и служащих — «в интересах личной наживы» незаконно увеличили свои приусадебные участки, захватив при этом 76 га

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 36.

общественных земель. Доводя эти цифры до сведения руководства области, заместитель заведующего отделом животноводства обкома ВКП (б) Алпатов сообщил также, что, например, в колхозе «Бауэр» (организованном не иначе как немцами-переселенцами) уполномоченный министерства заготовок некто Каргаполов, явно используя служебное положение, захватил 1,5 га пашни и засеял ее зерновыми культурами⁷.

В другом районе — Синячихинском — у 885 из 3079 хозяйств колхозников были установлены излишки приусадебных участков общей площадью около 68 га. Помимо этого, еще около 13 га излишков было выявлено у неколхозников. В этом же районе в 1945–1946 гг. было незаконно продано «разным лицам» и руководящим работникам районам 16 голов крупного рогатого скота⁸.

И подобные примеры можно множить и множить:

- в Тугулымском районе было возвращено колхозам 3 тыс. га земель, в том числе пашни — почти 600 га, а, кроме того, возвращено приусадебных земель 156 га, отобранных у 1250 хозяйств колхозников⁹;

- в Ачитском районе 18 хозяйств колхозников незаконно захватили под усадьбы почти 2 га колхозных земель, а 117 хозяйств неколхозников — около 18 га¹⁰;

- в Верхотурском районе в 55 колхозах у 2367 хозяйств выявлено 8 га излишков земли¹¹;

- в Слободотуринском районе выявлено земельных излишков более 10, а незаконно захваченных земель — 71 га. Кроме того, незаконно передано под подсобное хозяйство и индивидуальные огороды 240 га земель¹²;

- в Невьянском районе в колхозе им. Кирова несколько колхозников захватили 0,5 га общественных земель, а председатель Быньговского сельсовета колхоза им. Сталина роздал без согласия колхозников рабочим и служащим 40 га колхозной приусадебной земли¹³;

- в Нижне-Сергинском районе в колхозе «Свободный труд» из 400 проверенных дворов обнаружены захваты приусадебной земли сверх установленных норм у 375 дворов с общей площадью около 41 га¹⁴.

Возникает естественный вопрос: зачем колхозники «захватывали» общественные земли в дополнение к своим приусадебным участкам? Чтобы

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 46, 48.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 265.

¹¹ Там же. Л. 271.

¹² Там же. Л. 240.

¹³ Там же. Л. 227.

¹⁴ Там же. Л. 228.

ответить на него, надо понимать, что основным источником доходов и продуктов питания колхозников был именно приусадебный участок плюс некоторое количество скота и птицы на подворье. Причем количество всего этого «богатства» строго лимитировалось. Так, средний размер приусадебного участка колхозника Свердловской области в 1946 г. составлял 0,188 га. В то же время в Башкирии эта цифра составляла уже 0,246, а в Оренбургской области — даже 0,250 га¹⁵. В довольно суровых климатических условиях Среднего Урала многим колхозникам «лимитированного» приусадебного участка просто не хватало для обеспечения семьи.

Говоря о «*растаскивании колхозного имущества*» юридическими и частными лицами (общественная собственность всегда рассматривалась коммунистическими властями как гораздо более значимая, чем частная), следует отметить, что нередко в упомянутом «растаскивании» были отмечены руководящие работники районного масштаба. И называлось это явление несколько иначе — «поборничество». Другими словами, вышестоящие бюрократы, так или иначе, вымогали у председателей колхозов и сельских Советов то немногое, чем располагала нищая уральская деревня и о чем в документах областных властей говорилось как о «злоупотреблениях со стороны советских, советско-партийных, земельных и других работников».

В архивных материалах Свердловского обкома ВКП(б) в одном из документов, подписанным начальником областного земельного отдела Бызовым, прямо говорится, что «Продукты по пониженным ценам и даже бесплатно брали в колхозах многие руководящие работники районов, призванные по долгу службы беречь колхозную общественную собственность и бороться с нарушениями Устава (сельхозартели. — В.М.)»¹⁶. Примерно то же говорилось и в постановлении областных властей: «Злоупотребляя своим служебным положением некоторые работники земельных и советско-партийных органов стали на путь произвола, незаконно распоряжались имуществом, натуральными и денежными фондами колхозов, принуждали правления и председателей колхозов выдавать бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам»¹⁷.

В подтверждение приведем только два примера. Так, заведующий Ленским районным отделом животноводства Сутормин в 1945–1946 гг. взял по низким ценам в колхозах 756 кг хлеба, 81 кг мяса, 10 кг масла и остался еще должен 500 руб. От прямых районных начальников

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1838. Л. 20, 22–23.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 232.

¹⁷ Там же. Л. 38.

по части поборничества не отставали руководящие работники предприятий и организаций, шефствующих над колхозами. Например, инженер Нижне-Тагильского металлургического завода им. Куйбышева по фамилии Делло взял бесплатно в одном только колхозе «Звезда» Слободотуринского района 61 кг масла, 800 л молока, 9400 кг картофеля и 600 кг овощей (говоря современным языком, коррупционные мотивы здесь видны невооруженным глазом)¹⁸.

Правду сказать, руководители колхозов и сельсоветов нередко так охотно шли навстречу пожеланиям вышестоящих начальников еще и потому, что и сами были нечисты на руку. Так, председатель Серковского сельсовета Краснополянского района Лебедев систематически обогащался за колхозный счет, бесплатно приобретая и сено, и муку, и поросят. Он обнаглел до того, что в 1946 г., получив бесплатно в колхозе «Красная нива» и «Память Кирова» семена овса и пшеницы, засеял ими для личного пользования 3 га общественных земель¹⁹.

Наконец, рассуждая о *нарушениях демократических основ управления*, нельзя не сказать, что такие понятия, как «демократия» и «колхозы» в советский период были абсолютно извращены и совершенно несовместимы хотя бы потому, что руководство колхозами неизменно насаждалось «сверху». Но даже и те крохотные ростки демократии, которые еще сохранялись в управлении сельхозартелями, зачастую безжалостно вытапывались. Вот как говорится об этом в одном из документов обкома партии: «В ряде колхозов колхозники оказались устранены от общественных дел артели. В колхозе им. Чапаева Туринского района за 10 истекших месяцев 1946 г. было проведено всего лишь 4 общих собрания колхозников, на которых был поставлен только один вопрос о производственной деятельности артели <...> Правление колхоза на протяжении всего 1946 г. ни разу не отчитывалось перед колхозниками о своей работе. Такие ненормальные явления не единичны»²⁰.

От себя добавим, что такие явления были скорее массовыми и имели под собой объективную основу. Действительно, что вообще могли обсуждать колхозники? Только незначительные вопросы повседневной жизни и производственной деятельности, никак, в сущности, не влияющие на главное — качество жизни колхозников. Все же принципиальные установок колхозам «спускались» свыше, вплоть до того, что, когда и на каких площадях сеять и убирать.

Нельзя также не сказать и об оборотной стороне такой колхозной «демократии». Не будучи заинтересованными в эффективной деятельности

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 233.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ ЦДООСО. Там же. Л. 235–236.

вверенных им коллективов, руководители колхозов нередко раздували их штатное расписание сверх всякой меры. В упомянутом постановлении Свердловского облсовета и обкома ВКП(б) от 25 сентября 1946 г. об этом говорилось так: «Во многих колхозах за счет трудодней содержатся лица, не работающие в колхозах и не имеющие никакого отношения к колхозному производству: дежурные, сторожа и посыльные сельсовета, начальники пожарных дружин и другие внештатные работники»²¹.

Действительно, например, в колхозе им. Чапаева Галактионовского сельсовета Туринского района административно-управленческий и обслуживающий персонал составил 50 чел., на содержание которого за 9 месяцев 1946 г. было затрачено 11286 трудодней (17,2 % от общего фонда). В данном колхозе насчитывалось 20 одних только сторожей, и даже почтальон содержался за счет колхозников. Еще интереснее обстояли дела в колхозе «Верный путь» Режевского района, где в результате введения в штатное расписание надуманных должностей (заместитель председателя колхоза по общим вопросам, освобожденные помощники бригадиров и пр.) численность «управленцев» составила 60 чел. или 25 % всех колхозников²².

Каковы же были итоги ревизии и реализации постановления от 19 сентября 1946 г. в Свердловской области? Они нашли свое отражение в следующих результатах.

Колхозам региона были возвращены их общественные земли, незаконно переданные в пользование промышленным предприятиям, организациям, учреждениям и воинским частям — общей площадью 74807 га, в том числе пахотных — 53579 и сенокосных — 14167 га. Кроме того, им были возвращены общественные земли, незаконно отведенные местными Советами и земельными органами, а также самочинно захваченные отдельными юридическими и физическими лицами — общей площадью 11804 га, из них пахотных — 1296 и сенокосных — 9076 га. По итогам ревизии было привлечено к ответственности только за расходование колхозных земель и по неполным данным 117 должностных лиц, из них осуждено 15. Вот конкретные примеры:

- в Талицком районе снят с работы и исключен из партии секретарь райкома (фактически — глава района, фамилию которого нам не удалось установить);

- в Буткинском, Режевском и Талицком районах сняты с работы и исключены из партии заведующие райзо (районными земельными отделами). При этом в Режевском райзо заведующий осужден на три, а инструктор-бухгалтер — два года тюремного заключения;

²¹ ЦДООСО. Там же. Л. 37.

²² Там же. Л. 223.

– в Синячихинском районе сняты с работы и исключены из партии заведующий райзо Устюгов, один из председателей сельсоветов Рачев и ветеринарный врач Кригер;

– в Слободотуринском районе снят с должности, исключен из партии и отдан под суд председатель колхоза «13 лет Октября» Пологов;

– в Сухоложском районе снят с работы и исключен из кандидатов в члены партии Чусовитин, председатель колхоза им. Буденного;

– в Серовском районе снят с работы и исключен из партии Клименко, председатель колхоза «Имени 8 Марта» (разбазарил 70 га земли и растратил 20 тыс. руб., из которых 3 тыс. банально пропил);

– в Шалинском районе строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен уполномоченному министерства заготовок Балмасову, директору Шамарской МТС Отпущенникову и народному судье Костикову (за «поборничество»);

В пользу колхозов у виновных изъято 38 га посевов и 4812 т зерна²³. Уличенные в поборничестве должностные лица были обязаны возместить колхозам денежный и материальный ущерб.

Но в целом своих целей проведенная всесоюзная ревизия поставленных целей так и не достигла, так как последующие подобные мероприятия каждый раз фиксировали все те же и те же уже перечисленные нами нарушения. Гора родила мышь...

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 235. Л. 34, 56, 226–227.

КОЛХОЗНО-СОВХОЗНАЯ СИСТЕМА СИБИРИ В 1946–1953 гг.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ²

Анализируется развитие колхозно-совхозной системы Сибири в период с 1946 г. по 1953 г. включительно. Сделан вывод о том, что в период послевоенного сталинизма, как и в предшествующие десятилетия, она обеспечивала мобилизацию ресурсов деревни на нужды страны и являлась механизмом разрушения традиционного сельского уклада жизни.

Ключевые слова: колхозно-совхозная система, аграрный строй, аграрная политика, сталинизм, сельское хозяйство, Сибирь.

Andreenkov S. N.

SIBERIAN KOLKHOZ-SOVKHOZ SYSTEM IN 1946–1953: TRENDS AND DEVELOPMENT PROBLEMS

The article analyzes the kolkhoz-sovkhoz system development in Siberia in 1946–1953. The author concludes that both in the post-war Stalinism period, and the previous decades, the system ensured the agricultural resource mobilization for the country needs, and was a mechanism to destruct the traditional rural way of life.

Keywords: kolkhoz-sovkhoz system, agrarian system, agricultural policy, Stalinism, agriculture, Siberia.

Анализ развития аграрного строя СССР является приоритетным направлением отечественной историографии. В этом плане история развития колхозов и совхозов — одна из важнейших научных проблем.

Актуальность ее исследования во многом определяется спецификой современных аграрных процессов: прогресс в сельском хозяйстве немыслим без деятельности сравнительно больших сельскохозяйственных организаций. К исследованию истории колхозно-совхозной системы побуждает необходимость сформировать объективную картину ее формирования, функционирования и развития.

До конца 1980-х гг. советские ученые с подачи верховной власти говорили в основном о преимуществах, достижениях и незыблемости

¹ Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск, Andreenkov_sn@mail.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 21-09-43020. Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

колхозно-совхозной системы. Явные проблемы сельского хозяйства подавались как временные трудности. Направленность и жесткость критики недостатков в работе аграрной системы в целом зависели от текущей политической конъюнктуры. В годы «перестройки» предоставленное ученым право критиковать несовершенства социалистического строя обернулось заявлениями о нецелесообразности создания, нежизнеспособности и одиозной сущности колхозов и совхозов, а также о необходимости перехода к многоукладности в сельском хозяйстве. В постсоветскую эпоху большое количество научно-исторических работ было посвящено крестьянской проблематике. Колхозно-совхозная система представлялась в них в основном как механизм угнетения крестьян. С конца 1990-х гг. нигилистические оценки советского аграрного строя все активнее стали разбавляться более взвешенными представлениями о том, что колхозы и совхозы являлись еще и своеобразным инструментом аграрной модернизации³.

Цель настоящего исследования — выявить тенденции и проблемы развития колхозно-совхозной системы, которая представляла собой организационно-хозяйственную основу советского аграрного строя 1930–1980-х гг. Ее базовые структуры — колхозы (коллективные хозяйства) и совхозы (советские хозяйства). Первые являлись производственно-кооперативными объединениями крестьян (де-юре), вторые — государственными организациями. Элементами колхозно-совхозной системы были также машинно-тракторные станции (МТС), созданные в годы коллективизации как временные структуры, но просуществовавшие до 1960 г., подсобные хозяйства промышленных предприятий и учреждений (подхозы), личные подсобные (приусадебные) хозяйства населения (ЛПХ). Существование последних противоречило доктрине, но стало системным явлением советского аграрного строя. Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1946 г. по 1953 г. включительно, территориальные — границами Сибири.

Создание крупных общественных индустриальных сельскохозяйственных предприятий являлось целью начатой большевиками социалистической модернизации деревни, которая предусматривала развитие производительных сил сельского хозяйства на основе достижений научно-технического прогресса и без частной собственности на средства производства. Появлению подобных хозяйств должен был предшество-

³ Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 гг. в научной и публицистической литературе советской эпохи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 8. С. 136–146. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-8-136-146; Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. — С. 5–11. DOI: 10.17223/19988613/58/1.

вать переходный период, в рамках которого организовывались совхозы и колхозы. Первые считались наиболее близкой к идеалам социализма производственной формой, «локомотивами» аграрной экономики. Совхозы имели крупные размеры, квалифицированные кадры, денежную оплату труда, современную технику. Вторые воспринимались как переходная форма, «недозрелые» совхозы. Коллективные хозяйства были меньше по размеру, в них сохранялись элементы традиционного крестьянского уклада: существенную роль здесь играли общинные семейно-родственные связи, ручной труд, индивидуальные подворья.

В 1930-е гг. социалистическая модернизация деревни проводилась форсированными темпами. Колхозы создавались в массовом порядке на старопахотных землях, совхозы — в основном на пустовавших целинных и залежных. Эксперимент в деревне, однако, не привел к прогнозируемым результатам в силу противодействия ему крестьянства, не готового хозяйствовать в предложенном властью формате. Вновь созданные сельхозпредприятия оказались малоэффективными. Уровень дисциплины труда и культуры производства в них был крайне низким.

Совхозы обходились государству слишком дорого. Средства, расходовавшиеся на оплату труда рабочих и служащих и развитие технической базы госхозов, не окупались. И. В. Сталин фактически признал экономический неуспех массового совхозного строительства. Во второй половине 1930-х гг. часть низкорентабельных госхозов была ликвидирована, часть — разукрупнена. Совхозы стали переходить к интенсивным средствам хозяйствования.

Ставка делалась на строительство колхозов в формате сельхозартели. Обмен между коллективными хозяйствами и государством был неэквивалентный. Колхозы сдавали продукцию в рамках обязательных госпоставок, которые оплачивались по низким заготовительным ценам. Излишки могли быть закуплены государством по более высоким закупочным расценкам, но этот механизм редко когда использовался: сверхплановые объемы продукции, как правило, незаконно использовались региональной властью для выполнения принятых ей повышенных заготовительных обязательств. Значительная часть зерна отдавалась МТС в рамках натуроплаты за механизированные работы, качество которых было невысоким. Колхозники трудились на общественных полях и фермах в принудительном порядке при минимальной оплате труда и низком уровне его механизации. Основным источником доходов колхозников стали личные подсобные хозяйства. ЛПХ имели и рабочие совхозов.

В период сталинизма колхозы были основной производительной силой сельского хозяйства. В 1938 г. в Сибири колхозными считались 85 %

всех посевных площадей, в том числе 89 % посевов зерновых и 93 % посевов технических культур. Однако доля посадок картофеля (29 %) и овощей (27 %) здесь была заметно меньше. 62% земель, засеваемых этими культурами, находилось в личных хозяйствах населения, занимавших всего 3 % сельхозугодий. На этих мизерных площадях сосредотачивалась и значительная часть поголовья крупного рогатого скота (42 %), коров (56 %), свиней (44 %), овец и коз (31 %). На долю колхозов приходилось соответственно 48, 36, 40, 60% численности этих животных. Совхозы производили десятую часть зерна, картофеля и овощей, содержали 10 % всего скота⁴.

Колхозная система позволила государству мобилизовать крестьян на труд и завладеть его плодами для решения общенародных задач — проведения индустриализации и обеспечения фронта и тыла продовольствием в период Великой Отечественной войны. Мобилизация крестьян на труд в общественном хозяйстве стала основным рычагом послевоенного восстановления страны. Верховная власть, рассчитывая на «социалистическую сознательность» селян и добиваясь от них максимального напряжения духовных и физических сил, не оказывала колхозам должной экономической помощи. В 1929–1952 гг. сократились заготовительные цены на крупный (–12 %) и мелкий (–10 %) рогатый скот, но возросли расценки на пшеницу (+25 %), картофель (+25 %), подсолнечник (в 2,4 раза), льноволокно (в 8,4 раза), молоко (в 3,8 раза), яйца (в 5,5 раза). Тем не менее, производственные затраты не покрывались. В 1952 г. уровень заготовительных цен на зерно обеспечивал восполнение 7 % затрат, на картофель — 12, на говядину — 2, на свинину — 3, на молоко — 11, на яйцо — 15, на льноволокно — 35, на шерсть — 33 %⁵.

Ослабленная в годы войны материально-техническая база сельхозартелей возрождалась медленно, качество работы МТС оставалось низким. В одних отраслях колхозного производства машинная техника использовалась довольно широко, в других — преобладал ручной труд. В 1950 г. в Новосибирской области такие работы, как вспашка паров, зяби, посев и уборка зерновых культур, были механизированы почти полностью. Зато уборка льна-долгунца — только на 2,5 %, картофеля — на 12,2 %⁶. Слабо использовались машины в кормопроизводстве. Повышению уровня механизации животноводства должна была способствовать реализация

⁴ Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование / С. Н. Андреенков; Институт истории Сиб. отд-ния РАН. — Новосибирск: Сибпринт, 2016. — С. 18.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605. Л. 6, 8, 11, 13, 21; Д. 1561. Л. 29, 32.

⁶ Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска: стат. сб. — Новосибирск, 1957. — С. 119.

трехлетнего (1949–1951 гг.) плана развития этой отрасли, предусматривавшего создание специализированных машинно-животноводческих и лугомелиоративных станций. Темпы и масштабы строительства данных предприятий оказались недостаточными. В 1950 г. в колхозах Новосибирской области сенокошение было механизировано на 39%, силосование — на 2 %⁷.

В послевоенные годы колхозам приходилось реализовывать планы государства по развитию сельского хозяйства: внедрять правильные травопольные севообороты, полезащитные лесонасаждения, строить маломерные колхозные электростанции, увеличивать поголовье общественного скота. Сельхозартелям Сибири помимо этого следовало заниматься распашкой целинных и залежных земель. Задания по проведению указанных мероприятий стабильно не выполнялись. Собственных сил и средств у сельхозартелей не хватало, а МТС должным образом не помогали.

Хозяйственные возможности колхозов верховная власть пыталась повысить посредством репрессий и административных реорганизаций: путем очистки хозяйств от «туеядцев», возвращения на баланс сельхозартелей имущества, присвоенного в предшествующие годы различными учреждениями и отдельными лицами, укрупнения хозяйств и их производственных структур. В Сибири только за 1950 г. в связи с насильственным объединением количество колхозов сократилось в 2 раза, примерно во столько же вырос средний размер хозяйств. Какой-либо очевидной пользы для сельхозартелей и их работников эта политика не приносила⁸.

В то же время во властных кругах рассматривались предложения поднять сельское хозяйство посредством расширения возможностей колхозов в планировании производства, ограничения диктата и повышения эффективности работы МТС, передачи их техники хозяйствам, введения малых производственных подразделений, повышения заготовительных цен, снижения налогов. Но эти инициативы в полной мере не реализовывались.

Колхозное хозяйство, сильно пострадавшее в годы войны, восстанавливалось крайне медленно. В 1950 г. в сельхозартелях Сибири размеры посевных площадей, в том числе зерновых культур, а также поголовье коров были ниже уровня 1940 г. Восстановить эти показатели удалось только в 1953 г. Культура земледелия в колхозах оставалась невысокой. В большинстве сельхозартелей, как и в 1930–1940-е гг., преобладало

⁷ Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска: стат. сб. — Новосибирск, 1957. — С. 119.

⁸ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма: [кол. моногр.] / отв. ред. В. Т. Анисков, Н. Я. Гушин. — Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1985. — С. 271.

паровое зерновое трехполье, в юго-западных районах Сибири — с элементами залежной системы. Удобрения применялись в мизерных объемах.

Совхозы развивались более динамично. В годы Великой Отечественной войны они, как и колхозы, обеспечивали фронт продовольствием и несли ощутимые потери. Посевы зерновых культур у них уменьшились на четверть. Восстановление совхозного хозяйства имело свою специфику. Его материально-техническая база наращивалась сравнительно быстрыми темпами. В годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) возобновились поставки техники, продолжилась электрификация хозяйств. К 1950 г. в совхозах Сибири появились десятки новых ремонтно-технических мастерских, зернохранилищ, сотни крытых токов и помещений для скота. Масштабы строительства объектов соцкультбыта оставались минимальными.

От ведомств, которым подчинялись совхозы, соблюдения узкой специализации хозяйств Центр не требовал и предлагал развивать наряду с ведущей отраслью дополнительные направления. В Сибири наиболее выгодным оставалось производство зерна. Добиваться высоких результатов в животноводстве было сложнее, в частности, из-за слабой кормовой базы. Разведением скота и птицы занимались в основном подсобные хозяйства промышленных предприятий. Они также выращивали картофель и овощи. В 1950 г. посевные площади и поголовье скота в совхозах Сибири превысили довоенные показатели.

В госхозах уделялось внимание развитию семеноводства. В 1953 г. в совхозах 86% зерновых посевов были сортовыми. Внедрялись высокоурожайные сорта пшеницы. На рубеже 1940–1950-х гг. совхозы Сибири участвовали в эксперименте по выращиванию ветвистой пшеницы, выведенной академиком ВАСХНИЛа Т. Д. Лысенко, и добились неплохих результатов⁹.

Правительство стремилось увеличить масштабы внесения в почву удобрений. Минеральные удобрения производились в крайне небольших объемах и были чрезвычайно дорогими, поэтому совхозам рекомендовалось более широко использовать местные удобрения. Для подъема урожайности полей многие госхозы использовали такие способы обработки почвы и посевов, как подъем паров, вспашка зяби, пахота плугами с предплужниками, предпосевная культивация, прокатывание пашни после посевов, снегозадержание и пр. Распространялась травопольная система земледелия.

В начале 1950-х гг. в связи с внедрением травополья в совхозах сократились посевы зерновых культур, а посадки трав выросли. Объемы производства зерна снизились. Зато улучшилась ситуация в животноводстве. Благодаря расширению площади посева кормовых

⁹ РГАЗ. Ф. 7803. Оп. 5. Д. 37. Л. 311; Д. 57. Л. 426.

культур хозяйства смогли нарастить поголовье скота и поставки мяса государству.

Но рентабельность совхозов падала. Их работники получали гарантированную зарплату за малоэффективный труд. Прогулы, хищения, кражи, растраты, излишний административно-управленческий персонал оставались неотъемлемой частью совхозной жизни. В 1949 г. среди предприятий управления совхозов Сибири убыточными были 60% хозяйств, в 1950 г. — 82, в 1951 г. — 95 %¹⁰. Убытки госхозов государство ежегодно покрывало путем отчислений средств из госбюджета. В 1949 г. рассматривалось предложение повысить сдаточные цены при отмене этой субсидии. Рекомендацию отклонили. По свидетельству Н. С. Хрущева, И. В. Сталин, когда узнал об убыточности государственных сельхозпредприятий, «предложил распустить совхозы, а землю передать колхозам. <...> Все мы заволновались тогда, — вспоминал Хрущев, — говорили, что нельзя этого делать, что дело не в совхозах как форме хозяйства, а в ценах на их продукцию. <...> С большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы»¹¹. Постановление о повышении цен на совхозную продукцию принято не было.

Значительная роль в восстановлении сельского хозяйства отводилась ЛПХ сельских жителей. После войны снизилось их налогообложение. Колхозникам оказывалась помощь в обзаведении скотом. Однако в 1948 г. власти пришли к выводу, что одной из основных причин низких темпов развития колхозного производства является отвлечение трудовых ресурсов в ЛПХ, в связи с чем политика государства по отношению к ним уже сточилась.

Усиление налогового пресса, принудительные «закупки» скота у колхозников привели к сокращению производственного потенциала индивидуальных хозяйств. Роль социалистического сектора сельского хозяйства, в первую очередь его совхозного сегмента, в производстве сельхозпродукции возросла. В Сибири начале 1950-х гг. удельный вес посевных площадей колхозов в общих посевах по отношению к довоенным показателям сократился, совхозов — вырос в основном за счет подсобных предприятий. Заметно увеличилась доля колхозов и совхозов в производстве продукции животноводства.

К 1953 г. основные мощности сельского хозяйства Сибири были восстановлены. Но уровень развития производительных сил деревни оставался низким. Качественные показатели сельхозпроизводства снижались. Серьезный вред ему наносили засухи. Тяжелые для страны последствия

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 5. Д. 37. Л. 311; Д. 57. Л. 426.

¹¹ Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. — М.: Госполитиздат, 1964. Т. 8: Май 1963 года — март 1964 года. — С. 467.

имели неурожаи в Сибири 1951 г. и 1952 г. В недородном 1953 г. страна оказалась на пороге продовольственного кризиса. Ситуацию на «хлебном фронте» осложняли низкие темпы заготовок зерна. Заявления главы правительства Г. М. Маленкова о необходимости соблюдать в сельском хозяйстве принцип материальной заинтересованности (август 1953 г.) колхозники восприняли как разрешение оставить в распоряжении хозяйства больше зерна.

Ликвидировать «хлебную стачку» репрессивными мерами было уже нельзя. «Коллективное руководство» делало ставку на подъем колхозов с помощью экономических рычагов увеличения производительности труда. По решению сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г., принявшего первую развернутую постсталинскую программу развития сельского хозяйства, правительство Г. М. Маленкова примерно в 8 раз увеличило закупочные цены на хлеба и запретило незаконную практику изъятия излишков продукции для выполнения повышенных планов. При этом заготовительные расценки на зерно не возросли. В августе 1953 г. — 1956 г. в несколько раз была поднята заготовительная цена на картофель и овощи, заготовительная и закупочная цена на продукцию животноводства. В 1958 г. уже по инициативе Н. С. Хрущева отменили натуроплату МТС и обязательные поставки и вместо двойных цен ввели единые расценки.

Таким образом, в период сталинизма колхозно-совхозная система обеспечивала мобилизацию ресурсов деревни на общегосударственные нужды. Производительные силы хозяйств, в первую очередь колхозов, при этом были развиты слабо. Их наращивание началось в постсталинский период. Колхозно-совхозная система оставалась механизмом разрушения традиционного сельского уклада жизни. Одним из проявлений этого процесса являлось «приучение» крестьян к труду в общественном секторе сельского хозяйства как к первоочередному хозяйственному занятию. В годы правления И. В. Сталина эта цель достигалась путем жесткого внеэкономического принуждения, а после его смерти — в основном экономическими способами.

**КОЛХОЗЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.:
ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ**

В настоящей работе, основываясь на анализе годовых отчетов колхозов Курской области за 1947 и 1951 гг., дается характеристика основным источникам доходов сельхозартелей Курской области в период восстановления, а также приведены примеры специфических для региона сельскохозяйственных производств.

Ключевые слова: Курская область, колхозы, доходы, сельское хозяйство, восстановление.

Argunov O. N.

**COLLECTIVE FARMS OF THE KURSK REGION
IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – EARLY 1950 s:
SOURCES OF INCOME**

In this work, based on the analysis of the annual reports of the collective farms of the Kursk region for 1947 and 1951, a characteristic is given of the main sources of income of the agricultural cartels of the Kursk region during the recovery period, as well as examples of agricultural production specific to the region are given.

Key words: Kursk region, collective farms, income, agriculture, restoration.

Колхозное хозяйство Курской области в первые послевоенные годы находилось в достаточно тяжелых, кризисных условиях. Это было связано, прежде всего, с последствиями оккупации и активных боевых действий, которые происходили практически непрерывно на территории региона с октября 1941 по сентябрь 1943 г. В совокупности с хроническим недофинансированием отрасли и засухой 1946 г. это привело к голоду, который свирепствовал в области зимой и весной 1947 г.

Но постепенно, пусть и с большим трудом, колхозное хозяйство возрождалось. Это происходило в основном за счет не финансовой помощи государства, а собственных доходов, полученных от продажи сельскохозяйственной продукции. Анализ данных об основных источниках доходов сельскохозяйственных артелей курского региона во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. и посвящена настоящая работа.

¹ Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, Россия, г. Курск, argunovoleg-poet@mail.ru.

В качестве источниковой базы статьи выступают годовые отчеты колхозов Курской области за 1947 и 1951 гг. Эти даты выбраны не случайно: 1947 г. можно назвать первым успешным сельскохозяйственным годом в послевоенный период, когда в основном был преодолен постоккупационный кризис, о чем мы уже писали в одной из наших предыдущих работ²; 1951 г. в сельскохозяйственном отношении был неудачным: локальные природные катаклизмы (суховеи, градобития, затяжные дожди) не позволили собрать хороший урожай в большинстве колхозов. На сравнении доходов этих двух лет и построена настоящая работа.

Для удобства восприятия информации все сведения были сведены нами в две таблицы, представленные ниже.

Таблицы № 1

Доходы колхозов Курской области от растениеводства
и животноводства за 1947 г. (в руб.)³

№ п/п	Район	Доходы				
		От растениеводства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсолнечника	От животноводства
1.	Белгородский	3 508 440	1 356 314	–	–	1 065 803
2.	Беленихинский	1 417 396	640 172	–	–	701 132
3.	Беловский	5 971 721	3 637 175	–	–	1 169 631
4.	Бесединский	1 850 366	744 413	–	–	1 019 229
5.	Боброводворский	1 572 474	–	–	255 531	765 675
6.	Большеполянский	644 380	–	–	–	908 788
7.	Большесолдатский	2 898 317	2 009 353	–	–	356 161
8.	Большетроицкий	8 152 304	796 147	–	–	1 408 004
9.	Борисовский	3 493 915	1 579 732	–	–	1 367 061

² Аргунов О. Н. Процесс выхода сельского хозяйства Курской области из постоккупационного кризиса (февраль 1943–1947 гг.) // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. Оренбург, 20–21 апреля 2017 г.: сб. стат.: в 2 т. / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург, 2017. Т. 1. С. 34–38.

³ Составлена по: Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 238а. Л. 5 об., 13 об., 21 об., 29 об., 37 об., 45 об., 53 об., 61 об., 69 об., 77 об., 85 об., 93 об. 101 об., 109 об., 117 об., 125 об., 133 об., 141 об., 149 об., 157 об., 173 об., 181 об., 189 об., 197 об., 205 об., 213 об., 221 об., 229 об., 237 об., 253 об., 261 об., 269 об., 277 об., 285 об., 283 об., 301 об., 309 об., 236 об.; Д. 336. Л. 5 об. 13 об., 29 об., 37 об., 53 об., 61 об., 77 об., 86 об., 94 об., 102 об., 126 об., 159 об., 175 об., 183 об., 255 об., 300 об., 332 об., 348 об., 372 об., 396 об., 412 об., 420 об., 451 об.

№ п/п	Район	Доходы				
		От расте- ниевод- ства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсол- нечника	От животно- водства
10.	Валуйский	6 888 305	2 335 726	–	–	1 952 361
11.	Великомихайловский	2 134 034	–	–	304 677	881 323
12.	Верхнелюбавский	610 451	–	61 707	–	436 706
13.	Воловский	898 922	–	–	–	1 098 692
14.	Волоконовский	6 395 155	2 326 551	–	–	1 738 423
15.	Глушковский	9 144 582	5 055 137	–	–	1 258 689
16.	Горшеченский	1 552 367	370 447	–	–	768 121
17.	Грайворонский	4 044 932	2 144 786	–	–	1 014 171
18.	Дмитриевский	5 302 519	1 494 866	–	–	1 059 775
19.	Золотухинский	1 606 231	–	504 134	–	652 057
20.	Иванинский	2 175 517	1 395 715	–	–	443 698
21.	Ивнянский	3 460 426	2 849 676	–	–	1 055 383
22.	Касторенский	2 363 700	1 538 000	–	–	661 700
23.	Кореневский	2 987 194	1 550 760	–	–	866 762
24.	Корочанский	6 185 889	–	–	328 881	1 404 491
25.	Коньшовский	3 258 357	1 616 228	–	–	678 218
26.	Краснояржский	4 175 700	2 231 000	–	–	1 028 500
27.	Кривцовский	2 176 028	1 152 894	–	–	589 427
28.	Крупецкой	2 773 987	988 638	–	–	481 874
29.	Ленинский	1 899 906	297 101	–	–	1 215 682
30.	Льговский	5 205 905	1 942 400	–	–	1 209 284
31.	Мантуровский	1 108 769	–	–	135 263	757 690
32.	Медвенский	2 111 470	532 713	–	–	1 067 726
33.	Микояновский	3 940 333	2 144 170	–	–	991 469
34.	Михайловский	1 141 958	–	59 095	–	445 246
35.	Новооскольский	6 202 250	1 061 684	–	–	1 600 592
36.	Обоянский	5 114 056	3 466 220	–	–	1 339 536
37.	Октябрьский	1 008 176	587 176	–	–	687 272
38.	Поныровский	6 541 928	–	4 493 258	–	561 451

№ п/п	Район	Доходы				
		От расте- ниевод- ства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсол- нечника	От животно- водства
39.	Пристенский	1 647 535	728 426	–	–	668 656
40.	Прохоровский	2 402 528	1 225 756	–	–	1 013 859
41.	Ракитянский	6 686 198	4 864 113	–	–	1 159 560
42.	Рыльский	4 009 200	705 500	–	–	938 400
43.	Сажновский	1 886 405	700 681	–	–	860 566
44.	Свободинский	949 597	9 582	–	–	590 143
45.	Скороднянский	3 367 442	–	–	394 000	1 272 370
46.	Советский	2 002 286	837 801	–	–	1 878 531
47.	Солнцевский	2 725 310	1 219 450	–	–	1 431 440
48.	Старооскольский	5 702 538	–	–	274 365	1 901 020
49.	Стрелецкий	3 345 454	–	–	–	1 167 182
50.	Суджанский	7 103 312	2 689 177	–	–	1 062 283
51.	Тербунский	953 804	–	–	–	862 659
52.	Тимский	1 309 649	–	–	48 539	1 005 825
53.	Томаровский	4 816 992	2 916 704	–	–	1 065 251
54.	Уразовский	5 272 162	1 419 090	–	–	1 906 107
55.	Фатежский	1 779 490	–	224 408	–	1 181 258
56.	Хомутовский	4 883 700	–	1 617 500	–	818 500
57.	Черемисиновский	1 379 245	751 755	–	–	1 267 803
58.	Чернянский	н/с	н/с	н/с	н/с	н/с
59.	Шебекинский	8 172 042	4 562 034	–	–	1 277 220
60.	Щигровский	2 402 069	1 088 748	–	–	2 249 549
61.	Ясеновский	1 299 606	–	–	82 239	610 702
62.	Ястребовский	791 295	–	–	81 330	774 731
	Всего	206 806 219	71 564 011	6 960 102	1 904 825	63 671 418

Таблица № 2

**Доходы колхозов Курской области от растениеводства
и животноводства за 1951 г. (в руб.)⁴**

№ п/п	Район	Доходы				
		От расте- ниевод- ства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсол- нечника	От животно- водства
1.	Белгородский	4 776 900	3 629 200	–	–	1 092 800
2.	Беленихинский	2 693 100	2 216 600	–	–	660 800
3.	Беловский	6 683 900	5 775 400	–	–	1 207 700
4.	Бесединский	3 003 600	2 014 000	–	–	845 400
5.	Боброводворский	3 370 300	–	–	608 800	860 000
6.	Большеполянский	655 400	–	215 400	–	901 600
7.	Большесолдатский	4 997 100	3 922 900	–	–	976 900
8.	Большетроицкий	7 515 000	1 374 300	–	785 600	1 837 200
9.	Борисовский	6 665 700	4 183 700	–	–	1 353 400
10.	Валуйский	7 860 100	3 554 700	–	–	1 774 100
11.	Великомихайловский	3 497 300	–	–	–	1 394 700
12.	Верхнелюбавский	1 929 300	–	1 463 800	–	680 200
13.	Воловский	1 243 000	421 200	68 300	87 400	1 180 500
14.	Волоконовский	8 390 300	4 006 700	–	–	2 779 600
15.	Глушковский	13 247 767	9 292 445	–	–	2 980 680
16.	Горшеченский	1 988 300	1 288 000	–	–	467 200
17.	Грайворонский	5 177 000	4 041 500	–	–	1 139 600
18.	Дмитриевский	9 058 600	2 543 000	4 255 800	–	1 009 400
19.	Золотухинский	1 624 342	–	918 053	–	845 767

⁴ Составлена по: ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1129. Л. 8 об. – 9, 24 об. – 25, 40 об. – 41, 56 об. – 57, 72 об. – 73, 88 об. – 89, 104 об. – 105, 119 об. – 120, 135 об. – 136, 151 об. – 152, 167 об. – 168, 183 об. – 184, 199 об. – 200, 215 об. – 216, 231 об. – 232, 246 об. – 247, 262 об. – 263, 277 об. – 278, 293 об. – 294, 309 об. – 310, 325 об. – 326; Д. 1130. Л. 8 об. – 9, 24 об. – 25, 40 об. – 41, 56 об. – 57, 72 об. – 73, 88 об. – 89, 104 об. – 105, 120 об. – 121, 136 об. – 137, 152 об. – 153, 168 об. – 169, 184 об. – 185, 200 об. – 201, 215 об. – 216, 231 об. – 232, 247 об. – 248, 213 об. – 214, 279 об. – 280, 295 об. – 296, 310 об. – 311, 326 об. – 327; Д. 1131. Л. 8 об. – 9, 24 об. – 25, 40 об. – 41, 56 об. – 57, 72 об. – 73, 89 об. – 90, 104 об. – 105, 120 об. – 121, 136 об. – 137, 152 об. – 153, 168 об. – 169, 184 об. – 185, 200 об. – 201, 216 об. – 217, 232 об. – 233, 248 об. – 249, 264 об. – 265, 280 об. – 281, 298 об. – 299, 314 об. – 315.

№ п/п	Район	Доходы				
		От расте- ниевод- ства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсол- нечника	От животно- водства
20.	Иванинский	2 887 500	2 126 300	–	–	749 400
21.	Ивнянский	7 032 100	6 191 100	–	–	1 019 100
22.	Касторенский	4 670 262	4 103 602	–	–	987 061
23.	Кореневский	5 927 700	4 383 400	–	–	1 315 100
24.	Корочанский	8 027 700	–	–	1 512 500	2 256 300
25.	Коньшовский	7 383 800	1 607 000	3 518 700	–	1 054 700
26.	Краснояржский	6 332 900	5 125 200	–	–	1 369 500
27.	Кривцовский	2 626 600	1 891 600	–	–	992 200
28.	Крупецкой	4 035 500	1 800 400	–	–	681 200
29.	Ленинский	1 684 900	621 400	–	–	983 900
30.	Льговский	6 352 800	3 655 100	–	–	1 279 600
31.	Мантуровский	2 193 700	–	–	567 300	1 465 800
32.	Медвенский	6 457 000	4 463 400	–	–	1 174 800
33.	Микояновский	6 753 800	5 056 300	–	–	997 700
34.	Михайловский	2 236 200	–	1 673 400	–	497 300
35.	Новооскольский	8 658 300	2 254 700	–	–	3 243 900
36.	Обоянский	7 364 700	5 106 300	–	–	1 378 900
37.	Октябрьский	2 859 300	2 465 100	–	–	863 100
38.	Поныровский	5 706 000	–	4 129 600	–	448 100
39.	Пристенский	3 535 000	2 991 792	–	–	611 000
40.	Прохоровский	5 223 900	4 289 400	–	–	1 259 100
41.	Ракитянский	14 517 400	12 093 800	–	–	1 612 600
42.	Рыльский	5 156 900	1 489 800	178 900	–	1 328 100
43.	Сажновский	2 631 500	1 630 000	–	–	675 200
44.	Свободинский	1 212 822	–	609 446	–	662 300
45.	Скороднянский	5 539 800	–	–	1 877 900	1 898 400
46.	Советский	4 383 800	3 327 000	–	–	1 743 700
47.	Солнцевский	5 683 900	4 432 694	–	–	1 444 600
48.	Старооскольский	5 189 100	–	–	309 900	1 946 000

№ п/п	Район	Доходы				
		От расте- ниевод- ства	в т. ч. от сахарной свеклы	в т. ч. от конопли	в т. ч. от подсол- нечника	От животно- водства
49.	Стрелецкий	1 831 900	–	–	–	1 242 300
50.	Суджанский	9 163 300	6 388 000	–	–	1 804 800
51.	Тербунский	1 271 100	975 300	–	–	723 400
52.	Тимский	1 836 800	578 900	–	–	955 100
53.	Томаровский	5 946 842	4 660 752	–	–	1 442 676
54.	Уразовский	8 211 500	3 709 700	–	–	2 532 800
55.	Фатежский	5 863 600	–	4 342 700	–	1 216 700
56.	Хомутовский	10 246 900	–	7 564 800	–	1 178 000
57.	Черемисиновский	3 243 900	2 321 500	–	–	1 379 100
58.	Чернянский	5 435 600	2 340 200	–	–	1 516 300
59.	Шебекинский	11 767 600	7 899 600	–	–	2 192 200
60.	Щигровский	2 853 400	1 952 400	–	–	2 095 400
61.	Ясеновский	1 275 200	137 700	–	–	847 400
62.	Ястребовский	815 000	–	–	235 300	512 200
	Всего	316 394 535	160 343 085	28 938 899	5 984 700	79 567 082

Как мы можем видеть из таблиц № 1 и 2, доходы от двух основных отраслей сельского хозяйства — растениеводства и животноводства — за период с 1947 по 1951 г. выросли в 1,47 раза: с 270 477 637 руб. — до 395 961 617 руб. При этом рост произошел за счет опережающего развития растениеводства, объемы производимой продукции которого в денежном эквиваленте выросли в 1,53 раза. И, хотя основной доход колхозы региона получали от продажи зерновых, за обозначенный выше период удельный вес производства технических культур заметно вырос: например, в денежном эквиваленте свеклы стали производить больше в 2,24 раза.

При этом стоит пояснить, что данные по доходам от продажи сахарной свеклы, конопли и подсолнечника в таблицах № 1 и 2 указаны не полные, так как брались из графы «основная техническая культура колхоза», а это не означает, что в одном колхозе не могли выращивать все три вышеуказанные сельскохозяйственные культуры. Следовательно, данные по ним являются приблизительными.

Например, в Горшеченском районе в 1947 г. под подсолнечником было занято 1 693,0 га, а под сахарной свеклой — 642,0 га. Но при этом в годовом отчете указано, что основной технической культурой района являлась сахарная свекла. Причина проста: урожайность подсолнечника в среднем по району в 1947 г. составила 3,73 ц с га, а сахарной свеклы — 111,1 ц с га⁵. В Валуйском районе в 1947 г. выращивали три основные технические культуры: сахарной свеклой было занято 1 702,0 га, подсолнечником — 2 417,0 га, кориандром — 1 000,0 га, но основной оставалась сахарная свекла, приносившая самый большой доход⁶. Похожая ситуация была и в Волоконовском районе, где общая площадь, занятая техническими культурами, составляла 10 930,0 га, из которых под подсолнечником было 5 847,0 га, 3 000,0 га под сахарной свеклой и 2 027,0 га под кориандром⁷.

Однако в Курской области было несколько районов, где доминирующими техническими культурами являлись кориандр и кок-сагыз (каучуконос). Первый преимущественно выращивали в юго-восточных районах региона: наибольшие его площади располагались в Великомихайловском районе, где от продажи которого колхозы в 1951 г. получили 836 200 руб., хотя площадь посевов была в полтора раза меньше, чем подсолнечника (1 973,0 га против 4 587,0 га)⁸. Приблизительно такие же объемы данной культуры находились в Уразовском районе, где от ее продажи было получено 873 600 руб.⁹ Кок-сагыз же преимущественно выращивали в северных и северо-восточных районах региона. Так, данная культура была основной в Воловском районе¹⁰.

Единственным районом, где практически отсутствовали посевы технических культур на протяжении всего исследуемого промежутка времени, оставался Стрелецкий, основным источником доходов колхозов которого являлось выращивание огородных и бахчевых культур¹¹, что объясняется близостью к главной точке сбыта — городу Курску, население которого в этот период росло достаточно быстрыми темпами.

Как мы можем видеть из данных, приведенных в таблицах, основой аграрного производства области было растениеводство, но в некоторых районах доходы от животноводства превышали доходы от продажи продуктов полеводства. В 1947 г. такими районами были Беленихинский¹² и

⁵ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 238а. Л. 74 об.

⁶ Там же. Д. 336. Л. 74 об.

⁷ Там же. Л. 99 об.

⁸ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1129. Л. 178 об., 183 об.

⁹ Там же. Д. 1131. Л. 184 об.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 336. Л. 91 об.

¹¹ Там же. Д. 238а. Л. 250 об.

¹² Там же. Д. 336. Л. 29 об.

Воловский¹³, но к 1951 г. и в них доходы от растениеводства стали основными. При этом изменилась структура доходов в Большепольском районе, где доходы от животноводства стали преобладать.

В разрезе отдельных хозяйств эта картина была еще более пестрой. Так, в Беловском районе находились два колхоза, где доходы от животноводства в 1947 г. были больше, чем от растениеводства: это сельхозартель «7-е Ноября» и «Верный путь»¹⁴. В Рыльском районе значительную прибыль от продажи продукции животноводства имел колхоз «Колос», где основным продуктом, приносящим доход, являлся творог¹⁵.

Анализируя годовые отчеты колхозов за 1947 и 1951 гг., нами была замечена тенденция на специализацию отдельных колхозов области, выраженная в производстве определенной культуры, не типичной для региона. Основы этого процесса стали закладываться именно в начале исследуемого нами периода, а уже к середине 1950-х гг. получили поддержку со стороны партийно-государственного руководства районов и области.

Так, некоторые колхозы южных районов области стали восстанавливать или же закладывать сады. К примеру, сельхозартель «2-я пятилетка» Корочанского района уже к 1947 г. возродила фруктовый сад, а также были посажены первые 0,7 га виноградников (к 1951 г. их площадь увеличили более чем в 20 раз), а сельхозартель стала специализироваться на производстве сухофруктов и продуктов пчеловодства¹⁶. Колхоз «Зеленый гай» того же района специализировался на выращивании комовых корнеплодов и яблок, которые принесли в 1947 г. доход в 253 897 руб.¹⁷

Некоторые сельхозартели активно занимались выращиванием тутового шелкопряда для получения его коконов. Например, колхоз «Красный маяк» Суджанского района в 1947 г. начал осваивать это производство¹⁸, но уже к 1951 г. выращивание коконов тутового шелкопряда практически сошло на нет в этой сельхозартели¹⁹. В Обоянском, Медвенском, Борисовском районах к началу 1950-х гг. данное производство достигло своего рассвета. В колхозе имени Энгельса Обоянского района за 1951 г. было выращено 276,0 кг коконов тутового шелкопряда, а в колхозе имени Жданова — 525,0 кг, имени Дзержинского — 672,0 кг²⁰.

¹³ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 336. Л. 94 об.

¹⁴ Там же. Д. 241. Л. 446 об., 471 об.

¹⁵ Там же. Д. 293. Л. 83 об., 85 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 266. Л. 2, 3 об., 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 178, 181 об.

¹⁸ Там же. Д. 306. Л. 56 об., 58 об.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1164. Л. 11.

²⁰ Там же. Д. 1151. Л. 133 об., 149 об., 165 об.

Ряд сельхозартелей занимались переработкой и продажей продуктов животноводства. Исходя из изученных документов, самый большой доход колхозам приносило производство молочных сливок. Одним из первых его освоил еще в 1947 г. колхоз «Путь Ленина» Глушковского района²¹. К 1951 г. уже несколько десятков хозяйств занимались данным производством, преимущественно в Глушковском и Медвенском районах. Так, в 1951 г. колхоз «Красный Октябрь» Глушковского района произвел 5 038,0 кг сливок²², колхоз имени Ворошилова – 11 881,0 кг²³, а сельхозартель «Память Ильича» Медвенского района – 4 300,0 кг²⁴.

Серьезные доходы получали колхозы от производства меда. Крупнейшим производителем этого продукта в регионе в исследуемый период был колхоз «13-й год Октября» Суджанского района, на пасеке которого в 1947 г. удалось собрать 866,0 кг меда, это больше, чем в любом другом колхозе курского региона²⁵. К 1951 г. он сохранил лидерство (но уже назывался имени Сталина), заготовив 3 077,0 кг и заработав на этом 27 860,0 руб.²⁶ Общий доход колхозов области от продажи меда в 1951 г. превысил 2 млн руб.

Но несмотря на то, что доходы колхозов в целом выросли за исследованный период в 1,47 раза, распределены между сельхозартелями они были крайне неравномерно. На протяжении всей второй половины 1940-х гг. колхозы Курской области являлись в большинстве своем небольшими хозяйствами, состоящими из 50–100 дворов с населением в 200–400 чел. К таким хозяйствам можно отнести сельхозартель «Красный путиловец» Корочанского района, в которой было 56 дворов и 213 чел. населения. При этом за 1947 г. доходы этого колхоза составили лишь 13 572 руб.²⁷ В то же время колхоз «Свободный труд» Глушковского района смог получить прибыль в 1 003 414 руб.²⁸, то есть больше, чем некоторые отдельные районы области. Изучение материалов колхозной отчетности указывает на то, что значительная часть подобных мелких колхозов имела такие низкие доходы, что не могла обеспечить нормального развития своего хозяйства.

Данный тезис подтверждает анализ доходности колхозов одного из самых богатых районов области — Глушковского. В 1947 г. здесь

²¹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 253. Л. 75 об.

²² ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1136. Л. 38 об.

²³ Там же. Л. 359 об.

²⁴ Там же. Д. 1151. Л. 245 об.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 306. Л. 171 об.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1164. Л. 126 об., 129.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 266. Л. 145, 149 об.

²⁸ Там же. Д. 253. Л. 348 об.

насчитывалась 71 сельхозартель, с общим доходом свыше 10,5 млн руб., из которых 5,2 млн руб. приходилось на восемь из них: «Красное знамя», «Путь Ленина», «Заря», «Красный Октябрь», «Красный путиловец», «Свободный труд», имени Сталина и «Ленинский завет»²⁹. И к 1951 г. картина не изменилась: 20 колхозов района (в 1950 г. произошло массовое их укрупнение) получили доход свыше 16,0 млн руб., при этом на доходы семи из них приходилось более 9,7 млн руб.³⁰

Таким образом, из анализа вышеуказанных сведений мы можем сделать вывод, что доходы колхозов на протяжении всего исследуемого периода, несмотря на достаточно жесткую налоговую политику и низкие закупочные цены сельскохозяйственной продукции, росли. Структура доходов в региональном разрезе оставалась неизменной (наблюдалось заметное преобладание доходов, полученных от растениеводства), но на районном уровне и в отношении отдельных колхозов картина была довольно пестрой, с преобладанием в отдельных местностях доходов от нетипичных для курского региона производств.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 266. Л. 37 об., 77 об., 157 об., 189 об., 260 об., 348 об., 404 об., 420 об.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 1136. Л. 8 об.-9., 24 об.-25, 40 об.-41, 56 об.-57, 200 об.-201, 361 об.-362, 426 об.-427.

УЧРЕЖДЕНИЯ СНАБЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

На материалах Государственного архива Калининградской области рассматриваются обстоятельства организации снабжения формирующихся сельского населения, колхозов и совхозов Калининградской области после ее образования в 1946 г. и до окончания организованного заселения в середине 1950-х гг.

Ключевые слова: Сельское хозяйство — колхозы — совхозы — послевоенный период — Калининградская область — инфраструктура управления — снабжение.

Polkh P. P.

AGRICULTURAL SUPPLY INSTITUTIONS IN THE FIRST YEARS OF THE FORMATION OF THE KALININGRAD REGION

Based on the materials of the State Archive of the Kaliningrad Region, the circumstances of the organization of supply to the emerging rural population, collective farms and state farms of the Kaliningrad region after its formation in 1946 and before the end of organized settlement in the mid-1950s are considered.

Keywords: Agriculture-collective farms-state farms-post-war period-Kaliningrad region-management infrastructure-supply.

Взаимодействие российского крестьянства и государственной власти в различные исторические эпохи чаще всего сводилось к налоговым практикам и разного рода повинностям. Советская эпоха не стала исключением в этих отношениях, однако созданные государственные и кооперативные объединения (совхозы и колхозы) получали от государства определенные вложения в свою инфраструктуру — так называемое «материально-техническое снабжение». Оценка адекватности этого снабжения потребует еще специальных исследований. Однако интересным для изучения следует признать и саму организацию этого снабжения, с учетом того, что этот процесс эволюционировал на протяжении XX столетия и также имел региональные особенности.

Ситуация, сложившаяся со снабжением аграрного сектора в Калининградской области, может рассматриваться как особая в силу ряда при-

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им И. Канта, Россия, г. Калининград, p.polkh@mail.ru.

чин. Территория, которая рассматривалась как трофей, доставшийся в результате Победы, формировала свое сельское население за счет организованных наборов в центральных областях РСФСР и Белорусской ССР. Процесс формирования колхозов и совхозов не предполагал какого-либо обобществления хозяйств земли, скота и инвентаря у прибывавших крестьян не было, и обеспечение всем необходимым стала задачей советских органов.

Сам по себе процесс переселения нельзя назвать уникальным явлением: переселенческие отделы существовали во всех российских краях и областях, и они организовывали переезд не только в самую западную область, не говоря уже о том, что значительная часть переселенцев в советскую эпоху была вынуждена менять место жительства (кулацкая ссылка, спецпоселенцы из западных районов страны перед Великой Отечественной войной, и ряд народов в конце ее, наконец, эвакуация). В каждом конкретном случае люди, вынужденные обживать на новом месте (не только обустраивать там сельское хозяйство), нуждались в помощи со стороны региональных и местных властей.

Исходя из вышесказанного, применительно к ситуации в Калининградской области в период ее становления, уместны следующие вопросы: во-первых, ставилась ли задача помощи всем необходимым (дома и их ремонт, ссуды на обустройство хозяйством, семена, коровы и другой скот?); во-вторых, предполагалось ли (а если да, то в силу каких обстоятельств), что снабжение будет происходить в каком-то особом режиме в сравнении с не менее нуждающимися крестьянами других регионов (в том числе, переживших оккупацию?); и в-третьих, предусматривались ли какие-то особые механизмы этого снабжения в силу специфики региона?

Организованное заселение сельских районов Калининградской области началось в августе 1946 г. с прибытием первого эшелона на станцию Гумбиннен (город Гусев) из Брянской области. Отправка эшелонов из российских регионов осуществлялась с разной степенью интенсивности до 1952 г. Одним из условий, привлекавших людей для переселения, были предоставляемые в 1946 г. постановлением Совета министров СССР льготы в виде продовольственной помощи и освобождении от сельскохозяйственных налогов на три года². Очевидно, что в первые послевоенные годы в область активно завозилось продовольствие, поскольку необходимо было обеспечивать многочисленные воинские части и формирующийся персонал восстанавливаемых промышленных предприятий. Но в отношении сельского населения так задачи не ставились — в самое

² Совет министров СССР. Постановление № 1522 от 09.07.1946 О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4605.htm Дата обращения 15.08.2021.

ближайшее время оно должно было перейти на самообеспечение продуктами питания. Более того, на совещании председателей сельсоветов в 1951 г. было заявлено о задаче превращения Калининградской области из потребляющей в производящую³. Отметим, что в дальнейшем задачу, что называется, «заболтали»: вспоминали лишь тогда, когда слишком активно просили о дополнительной помощи.

Однако даже в этом случае речь должна была идти о размещении и обустройстве хозяйством. Война катком прошла по территории Восточной Пруссии, ее центр — Кенигсберг, ставший Калининградом, в значительной части был превращен в руины. При этом, как в удаленных от центра восточных районах области, так и в зоне, примыкающей к побережью, были поселки и города, жилищный фонд которых неплохо сохранился. Конечно, сохранялось немецкое население (процесс его депортации был завершен в 1948 г.⁴), но не это обстоятельство составляло главную проблему при размещении. Традиции хуторского расселения явно противоречили установкам на создание колхозно-совхозной системы, которая предусматривала концентрацию населения в поселках, претендовавших на то, чтобы стать центральными усадьбами колхозов. Здесь принципиальным оказывался не только фактор отрешенности жителей хуторов от общественного производства, но и элементарная необходимость добираться до работы на расстояние в 5–7, а то и более 10 километров⁵. Согласно справке, поданной на имя первого секретаря обкома В. В. Щербакова, в сельские районы области прибыло за 1946–1951 гг. 41133 семьи (с учетом выбывших), из них в сельскохозяйственные колхозы — 26975 семей⁶. И уже рисовалась задача сселить с хуторов 4869 семей и из мелких поселков еще 2056. К тому же, ситуация сильно различалась по районам: в Калининградском сельском районе сселению подлежало 17 семей, а в Краснознаменском (северо-восток области, граница с Литвой) — 1069. По данным той же справки для сселения годились 177 домов во всей области⁷. К слову, задача сселения хуторов была полностью разрешена лишь к 1972 г.

Еще раз отметим, что сселение не было первоочередной задачей — в область продолжали прибывать сельские жители из центра РСФСР.

³ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-297. Исполком Областного совета народных депутатов. Оп. 8. Д. 86. Л. 2.

⁴ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. — Калининград: Терра Балтика. 2009 — С. 172.

⁵ ГАКО. Ф. Р-854. Отдел сельского хозяйства Гусевского райисполкома. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–110.

⁶ ГАКО. Ф. Р-514. Главное планово-экономическое управление Калининградского облисполкома. Оп. 1. Д. 42. Л. 203.

⁷ ГАКО. Ф. Р-514. Главное планово-экономическое управление Калининградского облисполкома. Оп. 1. Д. 42. Л. 203.

Выделенные для размещения переселенцев дома также нуждались в ремонте различной степени. Даже если вселение происходило в относительно пригодные помещения, то обязательно ставилась задача подготовки (в том числе и строительства) домов для прибывавших в дальнейшем переселенцев. Опять же, юридический статус вселяемых предполагал возможность приобретения домов в собственность, что требовало обращения за ссудами в Сельхозбанк. Туда же было необходимо обращаться и за деньгами для приобретения скота, прежде всего — коровы. За первые пять лет переселения (с июля 1946 по 20 мая 1951 гг.) было выдано 78,055 млн руб. кредитов на переселенческое строительство⁸, что составляет более трети всех денег, выделенных на прием и обустройство вновь прибывших жителей. Отметим, что и возвращение этих кредитов превращалось в существенную проблему: на 1 января 1951 г. колхозы были должны Сельхозбанку 58,8 млн руб., а колхозники 67,2 млн⁹, притом, что государство брало часть погашаемой ссуды на себя. Правда, ситуацию усугубляло и то, что ряд переселенцев, выбывало за пределы области, оставляя непогашенные долги.

Денежные вопросы всегда значимы, однако проведение ремонта всегда требует возможности получить стройматериалы. Для Восточной Пруссии не было характерным деревянное домостроительство, практически все жилые постройки были кирпичными. Ряд кирпичных заводов (в Краснознаменске, Зеленоградске и Гурьевске¹⁰) удалось относительно быстро восстановить, но главным источником этого стройматериала стали разрушенные, не подлежащие восстановлению здания. Хотя возможности по использованию этого источника были в различных местностях неодинаковыми. Если кирпич и кровельную черепицу, а также дверные или оконные блоки еще можно было как-то перераспределить, то строительный песок, которым не богата область, цемент, известь, оконное стекло (лишь 50% выделенных к размещению домов имели остекление¹¹), гвозди — все это превращалось в существенную проблему, усугублявшуюся тем, что строить необходимо было не только жилье, но и зернохранилища, коровники, свинарники, птичники. Однако и здесь звучали заявления на уровне руководства обкома: изыскивайте местные средства, на государственные резервы не рассчитывайте.

Разумеется, начало сельскохозяйственного освоения территории новыми поселянами требовало наличия техники обработки земли, посевно-

⁸ ГАКО. Ф. Р-514. Главное планово-экономическое управление Калининградского облисполкома. Оп. 1. Д. 42. Л. 196.

⁹ Там же. Л. 201.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-181. Областное управление статистики. Оп.15. Д. 5. Л. 7.

¹¹ ГАКО. Ф. П-1. Областной комитет КПСС. Оп. 2. Д. 112. Л. 34.

го материала рабочего скота и скота продуктивных пород, чтобы сформировать общественное стадо. Привезенного с собой и найденного на месте материала, явно не хватало для создания элементарных условий труда и быта.

Государству в таких условиях ничего не оставалось, как распространить опыт работы сети снабженческих и заготовительных контор, существовавший на большей части территории СССР, и на новую область. Одним из традиционных таких учреждений, просуществовавших до конца советской эпохи, был Облснаббыт, появившийся уже в сентябре 1946 г.¹² В идеале подобные структуры представляли собой контору с базой или сетью баз, через которые осуществлялось централизованное снабжение организаций и предприятий и сбыт имевшихся у них же товарных излишков. Однако создание централизованных баз для всевозможных товаров было сложно не только в новой области. И поэтому существовало множество снабженческих контор, ориентированных либо на отдельные виды продукции, либо на определенные отрасли (облконтора по снабжению каменноугольным топливом; облконтора по снабжению и сбыту стройматериалами и жилищным оборудованием; база снабжения облоно; хозрасчетный отдел снабжения; ряд отраслевых управлений рабочего снабжения)¹³. За облснаббытом традиционно закреплялось снабжение противопожарным инвентарем.

Сельское хозяйство обзавелось своими базами для совхозов. Их в области создали либо на базе остатков от поместий прусских юнкеров, либо — подсобных хозяйств воинских частей, организованных в 1945–1946 гг. на базе тех же поместий и являвшихся основной формой осуществления сельскохозяйственной деятельности до организованного заселения области. (два треста совхозов, подчиненные разным министерствам¹⁴), облконтора Главного управления снабжения Министерства заготовок СССР, но не колхозы. Здесь государство пошло по пути создания межколхозных объединений, а также управлений по ремонту. Очевидной становилась разница в отношении между государственным и кооперативным сектором, хотя объяснить ее в условиях формирующейся области было сложно. Как правило, переселенцы не выбирали, в какую местность их направят, и уж тем более, не могли выбрать производственную форму своего хозяйства. Правда, отметим, что и снабжение государственных хозяйств было

¹² ГАКО. Ф. Р-113. Управление снабжения и сбыта Калининградского облисполкома. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ См.: ГАКО. Ф. Р-391. База материально-технического снабжения Калининградского треста молочно-животноводческих совхозов. Ф. Р-392. Калининградское отделение Управления материально-технического снабжения треста Минсовхоза СССР.

организовано не самым лучшим образом. Все те же сложности не только со стройматериалами, но и инвентарем, который необходим, например, на фермах (ведра, подойники), да и для обслуживания лошадей (упряжь). В области в короткое время была создана сеть артелей промкооперации, которые могли бы наладить производство хозяйственно-бытовых мелочей, но те сами влачили жалкое существование.

О том, что снабжались совхозы и колхозы не лучшим образом, свидетельствуют и многочисленные обращения во власть, с просьбой оказать помощь. Обращаются руководители всех рангов — как партийные, советские, так и хозяйственные, причем уровень обращения явно не соответствует объектам этих просьб, как по содержанию, так и по объемам. Так, можно понять, когда к министру сельского хозяйства РСФСР отправляют просьбы о выделении молочных фляг (200 штук), молокомеров, центрифуг, 20 тыс. кв. м стекла и 200 т бензина¹⁵. Однако просьба, обращенная к Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову об открытии конторы тракторосбыта и выделении для колхозов 300 комплектов авторезины на автомобили ГАЗ-АА и 200 — на ЗИС-5, выглядит отправленной чересчур «высоко»¹⁶.

Особо необходимо сказать именно о технике, использовавшейся в полевых работах. Значительное количество тракторов, распахивавших поля в области были трофейными. Так, в 1947 г. во всех совхозах Молживсовхозтреста имелось 22 трактора и все они были немецкими (а убирать предстояло более 22 тыс. га различных посевов), а направляемые из саратовских совхозов 12 тракторов не доехали до страды¹⁷. Трофейные трактора преобладали и в колхозах, так как отечественные поступали в машинно-тракторные станции (МТС). Правда, резонен вопрос — были ли это трактора, которые оставались в области вместе с другим не эвакуированным имуществом, либо это трофеи, вывезенные с территории Германии в качестве репарационных выплат? С учетом того, что форма отчетов МТС предполагала указание на трофейную технику, можно предположить, что это была не только калининградская специфика. К слову, максимальное количество трофейных машин в МТС в 1948 — 25, далее три года сохранялось 21, при 930 отечественных тракторах к лету 1951 г.¹⁸

Вместе с тем, область получала не только трактора, но и комбайны советского производства. Причем, именно комбайнами С-4 и С-6 гордились особо, и не только потому, что «С» означало «Сталинец». Во-первых, в 1949 г. комбайны были редкостью во многих российских МТС

¹⁵ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 165.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Там же. Л. 162.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.

(а в области их оказалось уже 39), а во-вторых — это были именно самоходные (а не прицепленные к тракторам) машины, выпуск которых только начался. Количество комбайнов выросло до 166 (включая прицепные) уже к 1951 г.¹⁹, что добавило проблем с ремонтом и запчастями.

Если говорить о другой технике, в том числе сельскохозяйственной, то снабжение ею (или поставки) отличаются какой-то абсолютной хаотичностью, о чем говорит тот факт, что многое из привозимого в область, просто не выкупалось за ненадобностью. Среди последнего — соломорезки, конные окучники и косилки, жмыходробилки, корнерезки, корнеклубнойки, автопоилки, опыливатели²⁰.

Все сказанное отражает скорее не калининградскую, а вообще советскую специфику плановой экономики. Не берясь ее охаивать огульно, и не сводя все к отдельным недостаткам, следует заметить, что во вполне естественном желании свести воедино все нужды, и затем определять приоритеты в снабжении ничего плохого нет, однако подобная работа требует обработки очень большого объема информации, что в тех условиях было не всегда возможно, и, что еще важнее, — обеспеченности ресурсами, которыми предполагалось снабжать (вопрос о денежной цене для тех, кого снабжали, важен, но не столь принципиален в тех условиях). Поэтому ситуация с Калининградской областью выглядела примерно так: понимание, что нужна особая забота, присутствовало, но параллельно существовало желание поскорее нивелировать калининградские особенности до обычной российской нечерноземной области, в которой нет особо сурового климата и удаленности от центров цивилизации, которые надо компенсировать.

Вместе с тем, специфика присутствовала. Наряду с перечисленными снабженческими организациями в Калининграде с 1946 г. существовала областная база сельскохозяйственного снабжения. В 1947 г. было принято решение сохранить в областном центре лишь контору и склад ядохимикатов, а саму базу перевести на станцию Бокелен (в дальнейшем поселок Фрунзенское Железнодорожного, а ныне Правдинского района)²¹. Станция находилась достаточно далеко от «центров цивилизации», но через нее проходили пути как отечественной, так и европейской колеи, к тому же на ст. Железнодорожный располагался первый в области таможенный пост на границе с Польшей. Документов о деятельности базы сохранилось немного, но выдержку из одного из них (с сохранением авторской орфографии) нельзя не привести: «Приказ № 82 о нарушении трудовой дисципли-

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 51. Л. 158.

²⁰ Там же. Л. 66.

²¹ ГАКО. Ф. Р-393. Калининградская областная контора сельхозснабжения, ее отделения и база. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

плины. Прибывшие шесть эшалонов аккупационных войск с упряжью и повозками оформлены только три, а на три эшалона сопроводительных актов не оказалось, на ряду с другими имуществами прибыла пианино, но на склад не оприходована. Есть все основания думать, что в эшало-нах на которые нет сопроводительного акта имелось больше, чем в акте для приемки на склад. Тов. Котов уходит с работы несмотря на наплыв клиентов»²². В дальнейшем отделение базы появилось также на станции Шиллен (пос. Жилино Советского, ныне Неманского района) на перегоне Черняховск-Советск, также далеко от центра области. В июне 1953 г. отде-ления были закрыты, все склады стали располагаться рядом с Калинин-градской конторой²³.

Конечно, резонен вопрос, только ли сельскохозяйственный инвентарь и скот и сортовые семена переваливались через эти базы? — Очевидно, что не только. Можно конечно порассуждать, что культтовары также способствовали обустройству колхозов и совхозов, но, скорее всего, базы могли выступать в роли логистических пунктов всего, что вывозилось из побежденной страны. Автор позволит себе подтвердить это рассказами своего тестя (в прошлом директора сельской школы), с рождения прожи-вающего в районе бывшей базы при ст. Фрунзенское. Однако значитель-ное количество потребных для колхозов и совхозов товаров могли посту-пить на места значительно быстрее.

Таким образом, сельскохозяйственное снабжение формирующегося крестьянства (или, правильнее, сельского населения) Калининградской области нельзя отнести ни к системе обеспечения, формировавшейся для северных районов страны, или для полностью закрытых административ-но-территориальных образований (с секретными объектами или осо-бым режимом доступа). Это было неразумно в силу природных условий и невозможно по причине достаточно большой территории и немалого (в перспективе) населения. В тоже время, государство отдавало себе от-чет в том, что ему необходимо осуществить меры, необходимые для того, чтобы люди, набранные в ходе кампаний по добровольному переселению, смогли обжиться на земле, которая совсем не давно воспринималась как вражеская. Грань между существенной и достаточной помощью, и допол-нительным снабжением по мере возможности, оказывается очень зыб-кой, позволяющей ей склоняться как в ту, так и в другую сторону. В том числе по причинам идеологических предпочтений.

²² ГАКО. Ф. Р-393. Калининградская областная контора сельхозснабжения, ее отделения и база. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

²³ Там же. Д. 8. Л.22.

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н. С. ХРУЩЕВА
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА КУБАНИ (1953–1964 гг.)**

В статье рассмотрены основные направления аграрной политики Н. С. Хрущева и их реализация на Кубани. Раскрыты достоинства и недостатки проводимых преобразований, которые носили противоречивый характер и не привели к устойчивому развитию сельского хозяйства страны.

Ключевые слова: аграрная политика, колхоз, сельское хозяйство, кадры, личное подсобное хозяйство, оплата труда, пенсионное обеспечение.

Serogodsky N. A.

**THE AGRARIAN POLICY OF N. S. KHRUSHCHEV
AND ITS IMPLEMENTATION IN THE KUBAN**

The article considers the main directions of N. S. Khrushchev's agrarian policy and their implementation in the Kuban. The advantages and disadvantages of the ongoing reforms, which were controversial and did not lead to sustainable development of the country's agriculture, are revealed.

Keywords: agricultural policy, collective farm, agriculture, personnel, personal subsidiary farming, labor remuneration, pension provision.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, критически рассмотрел состояние сельского хозяйства в стране и разработал программу его дальнейшего подъема. В докладе Н.С. Хрущева были определены задачи по дальнейшему техническому перевооружению колхозного производства, коренному улучшению работы кадров, более полному использованию принципа материальной заинтересованности тружеников деревни в результатах своего труда. Были пересмотрены и повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, что должно было способствовать улучшению экономического положения колхозов и совхозов и развитию трудовой активности сельских тружеников.

Вопросы реализации решений сентябрьского пленума ЦК КПСС были рассмотрены на VIII пленуме Краснодарского краевого комитета КПСС

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, обществознания и педагогических технологий филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Россия, г. Славянск-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru.

(1–2 октября 1953 г.). В постановлении пленума была поставлена задача, добиться подъема всех отраслей сельского хозяйства в течение ближайших лет и обеспечить на этой основе высокий уровень материального благосостояния крестьянства². С этой целью снижались нормы обязательных поставок колхозами сельскохозяйственной продукции государству. В сельхозартелях Кубани они составляли: по зерну — 107 кг, по мясу — 6,0 кг, по молоку — 24,8 кг; по шерсти — 0,608 кг³.

Меры по повышению материальной заинтересованности коренным образом изменили источники поступления доходов в сельхозпредприятия. До 1953 г., в колхозах Кубани 61 % доходов формировалось за счёт продажи сельскохозяйственных продуктов государству, 39 % от их реализации на колхозном рынке. В дальнейшем это соотношение резко изменилось. В 1954 г., оно составило соответственно 71 % и 29 %, в 1955 г. — 78,8 % и 21,2 %, в 1956 г. — 80,1 % и 19,9 %⁴. За три года доходы от продажи колхозной продукции на рынке уменьшились вдвое, зато почти на 20 % возросли доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов государству. Принцип материальной заинтересованности стал активно воплощаться в жизнь. Денежные доходы колхозов за период с 1953 г., по 1958 г., возросли втрое. Средняя выдача на трудодень увеличилась с 2 руб. 92 коп. и 2,1 кг зерновых в 1953 г. до 5 руб. 20 коп. и 2,6 кг в 1956 г. Доля доходов, распределяемых на трудодни возросла с 40 % до 48 %. Годовой доход колхозов Краснодарского края с 1954 по 1958 гг. увеличился в три раза.

В комплексе мер по организационно-хозяйственному укреплению колхозов было их массовое укрупнение (слияние). В начале 1950 г., этот вопрос обсуждался на совещании секретарей райкомов ВКП (б) в Краснодарском крайкоме. Для накопления опыта первым начать работу по объединению мелких артелей поручалось Курганинскому и Северскому районам. В регионе активно готовились к слиянию артелей. В тоже время следует отметить некоторую особенность, а именно то, что процент слияния колхозов Кубани, как и в целом на Северном Кавказе был наименьший, чем по стране. Это было связано с тем, что колхозы здесь были более крупные и экономически сильные. Большинство укрупненных колхозов Кубани образовалось от слияния двух-четырех артелей. Этот процесс, в основном, завершился к началу 1960-х гг.⁵

Процесс объединения мелких сельскохозяйственных артелей имел, как положительные, так отрицательные последствия. Положительными

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. ОП. 4а. Д. 2012. Л. 4–20.

³ Криводед В. В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. — Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1984. — С. 127.

⁴ Там же. — С. 27.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1246. ОП. 5. Д. 8. Л. 91.

моментами объединения хозяйств было сокращение управленческого аппарата, увеличение площади посевов и более эффективное использование сельхозтехники. К негативным последствиям объединения колхозов следует отнести строительство центральных усадеб, которое требовало огромных финансовых затрат, при этом многие населенные пункты были объявлены «неперспективными», что усилило отток населения из деревни в город. А объединение экономически сильных хозяйств с нерентабельными, вызывало у крестьян недовольство, так как нелегко было решить вопрос с распределением доходов у разных по развитию экономики колхозов.

Следующим признаком начавшихся перемен в жизни колхозников стало введение авансирования труда, которое стало использоваться в колхозах Краснодарского края с 1954 г., и позволило с 1955 г. отдельным колхозам края перейти к ежемесячному авансированию.

В марте 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» что привело к увеличению практики ежемесячного авансирования в хозяйствах Кубани. 59,6 % колхозов Краснодарского края имели переходящие фонды авансирования⁶. В дальнейшем количество таких хозяйств увеличивалось до 90 %⁷.

Был также поставлен вопрос о пенсионном обеспечении сельских жителей, с этой целью стали формироваться в колхозах фонды социальной помощи, осуществлявших пенсионные выплаты престарелым колхозникам. В результате проведенной работы фонды пенсионного обеспечения и социальной поддержки появились в 1957 г. в большинстве колхозов Краснодарского края. Расширялся круг лиц, пользующихся данной помощью. В течение 1958–1964 гг. в Краснодарском крае число колхозников, получавших натуральные и денежные выплаты из фонда помощи и пенсионного обеспечения, возросло в 1,6 раза, со 138748 до 218130 работников⁸.

Принятые государством меры, по повышению материальной заинтересованности тружеников села, способствовали росту эффективности сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае. Так, в 1958 г. валовой сбор зерновых в крае вырос в 2,5 раза, овощей и бахчевых в 2 раза, мяса в 1,4 раза, молока в 2,8 раза по сравнению с показателями 1952 г.: Это привело к росту доходов сельхозпредприятий в период

⁶ ГАКК. Ф. Р-1246. ОП. 7. Д. 595. Л. 83 об.

⁷ Филатов С. В. Колхозы Дона и Кубани на этапе аграрных реформ 1953-1964 гг. // Исторические и социально-экономические проблемы Юга России. — Ростов н /Д, 2010. — С. 78.

⁸ Там же. — С. 79.

с 1952 по 1958 гг. в 4 раза⁹. В связи с этим увеличилась оплата труда колхозников. Так, в 1952 г. колхозник на Кубани получал оплату за трудодни 628 руб., а в 1959 г. данный показатель вырос в 4,7 раза¹⁰.

Реализация нового аграрного курса создавала условия для появления на Кубани экономически крепких хозяйств, которые обеспечивали своих работников высокой заработной платой и хорошими социально-бытовыми условиями. Так, например, в колхозах «Маяк революции» Курганинского района, «Ленинский путь» Тихорецкого района, им. Калинина Гулькевичского района наряду с высокой оплатой труда строились жилые дома, детские сады, больницы, учреждения культуры и быта¹¹.

Вопрос о необходимости перехода к денежным выплатам при оплате труда колхозников был поднят в выступлении члена Краснодарского крайкома КПСС М. Е. Анненко на II пленуме краевой партийной организации, который отметил, что преимущества данной формы расчетов «позволит поставить под контроль хозяйственную деятельность колхозов, бригад, ферм и других подсобных хозяйств, они будут под контролем рубля»¹². Это предложение получило поддержку участников пленума. С конца 1958 г. колхозы Кубани начали осуществлять денежные расчёты с крестьянами. Курс на переход колхозов на денежную оплату труда получил закрепление в постановлении X Краснодарской краевой партконференции в январе 1959 г., в котором было рекомендовано колхозам, рассмотреть вопрос о переходе на денежную оплату труда колхозников к 1961 г.

В результате принятых мер, доля колхозов, применявших денежную оплату труда, неуклонно росла, составив в 1964 г. 75 %. Введение денежной оплаты труда способствовало повышению благосостояния колхозников, что обуславливалось высокой стоимостью человеко-дня и, как следствие, ростом среднего годового денежного дохода трудоспособного колхозника¹³.

Одним из направлений модернизации в сельскохозяйственном производстве в 1950 гг. стала реорганизация машинно-тракторных станций. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинотракторных станций» принятое в апреле 1958 г. предполагало реорганизовывать МТС и продать

⁹ Филатов С. В. Колхозы Дона и Кубани на этапе аграрных реформ 1953-1964 гг. // Исторические и социально-экономические проблемы Юга России. — Ростов н /Д, 2010. — С. 79.

¹⁰ Шмелев Г. И. Производство сельскохозяйственных продуктов населением России. — М., 2002. — С. 61; Чижикова Л. Н. Социальные преобразования в быту и культуре крестьянства Кубани, сближение бытового уклада городского и сельского населения // Союз рабочего класса и крестьянства на совместном этапе. — М., 1962. — С. 275.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 1774. ОП. 6. Д. 10. Л. 39.

¹² Филатов С. В. Указ. соч. — С. 80.

¹³ Криводед В. В. Указ. соч. — С. 42.

технику колхозам. В крае, в короткий срок была проделана работа по реорганизации МТС в ремонтно-технические станции (РТС) и их отделения (РТО) по продаже техники колхозам¹⁴. Эта работа продолжалась с марта по июнь 1958 г. После реорганизации МТС в некоторых колхозах Кубани стали возникать принципиально новые формы организации и оплаты труда — коллективный бригадный подряд. Его появление было связано с поиском новых, более эффективных форм общественного труда. Однако, продавая технику машинотракторных станций колхозам, государство включало ее стоимость в состав капиталовложений в сельское хозяйство. В результате этих мероприятий многие колхозы превратились в должников. Еще до реорганизации было подсчитано, что даже при рассрочке платежей на 5–10 лет во многих хозяйствах оплата трудодней снизится на 7 %. В результате, за период 1958–1961 гг. задолженность колхозов государству выросла на 25 %. Изъятие финансовых ресурсов из деревни сопровождалось ростом цен на сельскохозяйственные машины, запчасти и ремонтные услуги в 2–2,5 раза. В результате этого только в 1965 г. колхозы переплатили за промышленную продукцию 0,5 млрд руб.¹⁵

В связи с успехами в развитии общественного производства в сельском хозяйстве Кубани, среди регионального руководства сложилось мнение о постепенной утрате личными подсобными хозяйствами колхозников своего прежнего экономического значения. Так, с начала 1959 г. в крае была развернута кампания по скупке крупного рогатого скота, находящегося в личной собственности колхозников. Однако, данная акция проходила не всегда на добровольной основе, не учитывала возможностей колхозов в обеспечении крестьян молочной продукцией, и рассматривалась местными партийными и хозяйственными руководителями как один из резервов пополнения общественного стада¹⁶.

Вместе с тем, в начале 1960-х гг. в сельском хозяйстве Краснодарского края, как и страны в целом, возникли серьезные проблемы. Поспешная реорганизация МТС, недостаточное материально-техническое обеспечение хозяйств, недочёты в ценообразовании и другие ошибки в аграрной политике ухудшили экономическое состояние колхозов, снизили темпы роста их доходов и материальное благосостояние колхозников.

Одной из важных проблем в развитии общественных хозяйств на Кубани в начале 1960-х гг. стало использование колхозами средств фонда оплаты труда и авансирования на производственные нужды, в результате

¹⁴ Сельское хозяйство Кубани: проблемы и тенденции развития (XIX — начало XXI вв.): монография / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний — Краснодар: Традиция, 2016. — С. 123.

¹⁵ Шмелев Г. И. Указ. соч. — С. 64.

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 5523. ОП. 1. Д. 2. Л. 17–18.

чего в хозяйствах несвоевременно проводилось авансирование, снижался уровень оплаты труда, что ухудшило удовлетворение материальных и бытовых потребностей крестьян за счёт общественного хозяйства. На данные факты, получившие распространение в хозяйствах края, было обращено внимание партийных, советских и хозяйственных руководителей на V пленуме Краснодарского крайкома КПСС в феврале 1961 г.

В тоже время причины нестабильности экономики колхозов, как правило, связывались партийно-советскими руководителями с возрастающей занятостью колхозников в ЛПХ, являвшейся естественной реакцией крестьян на недостаток денег и продуктов, получаемых из общественных хозяйств. Развитие ЛПХ, как одну из главных причин ослабления экономики колхозов, называл и ряд руководителей региона, направлявших аналитические записки в партийные органы. Вместе с тем, как показала практика, эти взгляды оказались не верными, и их реализация нанесла ущерб сельскому хозяйству страны. Так, политика ограничения личных подсобных хозяйств, привела к сокращению поголовья скота у населения и тем самым ухудшила продовольственное обеспечение населения.

Еще одной новацией этого периода стал переход от отраслевой системы управления к территориальной (создание совнархозов), что предполагало реорганизацию органов управления сельским хозяйством и построение партийных и советских органов по производственному принципу. Это, по мнению авторов данной идеи, должно было улучшить управление экономикой страны.

На практике дело обстояло иначе. Зачастую партийные комитеты распыляли свои силы, брались то за одно, то за другое дело. Предложенная ЦК КПСС новая организационная структура партийных органов, в основу которой положен производственный принцип, по мнению авторов, должна была дать возможность более конкретно и планомерно руководить всеми отраслями экономики.

Для сельской местности новое построение партийных органов означало, что комитеты, занятые в сельском производстве, в учреждениях и организациях, обслуживающих сельское хозяйство, а также на предприятиях, перерабатывающих сырьё, будут объединены в одну партийную организацию. Осуществлять руководство этой партийной организацией должен был партийный комитет сельскохозяйственного производственного управления¹⁷.

В соответствии с решением ЦК КПСС на территории Краснодарского края было создано 22 производственных управления с центрами в одноименных городах и станицах вместо 46 сельских районов¹⁸.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 5523. ОП. 1. Д. 2. Л. 17–18.

¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 7.

Это была очередная попытка усовершенствовать организационно-хозяйственный механизм без вложения значительных материальных ресурсов в развитие производства.

Создание совнархозов имело, как положительные, так и отрицательные стороны. Так, в экономических районах стала возможной кооперация предприятий различных отраслей, координация их деятельности, рациональное использование сырьевых ресурсов. Однако через несколько лет становило очевидным, что реорганизация системы управления народным хозяйством дала хотя и значительный, но кратковременный экономический эффект. Абсолютное господство совнархозов в управлении порождало местничество, затрудняло централизованное руководство народным хозяйством. А излишнее дробление системы управления нарушало экономические связи не только между регионами страны, но даже внутри крупных регионов. При этом «новая» система управления не была принципиально новой. Заменив отраслевой принцип управления территориальным, она ликвидировала недостатки, присущие отраслевой системе управления, но при этом создала новые проблемы, характерные для территориальной системы управления, в которой ухудшалось взаимодействие между отраслями экономики¹⁹.

В процессе реорганизации управления сельским хозяйством региона партийно-государственные органы в 1962–1964 гг. продолжали принимать многочисленные решения по устранению причин отставания колхозов, наведению порядка в организации и оплате труда колхозников, дальнейшему улучшению культурно-бытовых условий жизни сельских тружеников. Однако эти решения не были подкреплены материальными ресурсами и не могли качественно улучшить работу хозяйств. В колхозах и совхозах Краснодарского края начался процесс снижения темпов роста производства основных сельскохозяйственных продуктов, за исключением зерна. Это привело к снижению роста денежных доходов колхозов в Краснодарском крае. Так, в 1958–1964 гг. они выросли всего в 1,5 раза: с 486 млн руб. до 754 млн. руб. Незначительно увеличилась и доля денежных средств, направляемых хозяйствами Кубани в фонд оплаты труда, за 1958–1964 гг. она выросла в 1,5 раза (против 3,4–5,5 раза в 1952–1958 гг.). При этом сократилось и получение натуральной продукции при оплате трудодней в колхозах края. Это привело к тому, что денежная оценка колхозного трудодня в 1964 г. фактически осталась на уровне 1958 г., что не могло не отразиться на годовых доходах колхозников²⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменения в аграрной политике страны на первом этапе привели к повышению заготовитель-

¹⁹ Исторический опыт и перестройка/ под ред. Ю. С. Борисова. — М., 1989. — С. 201–202.

²⁰ Филатов С. В. Указ. соч. — С. 82.

ных и закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, сдаваемые государству, что привело к увеличению доходов колхозов и совхозов, и усилению материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда в общественном производстве. А, значительное снижение налогов улучшило материальное положение сельских домохозяйств.

Вместе с тем, далеко не все меры, которые были предприняты в 1950-е – начале 1960-х гг., способствовали повышению сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае и в стране в целом. Командно-административные методы управления экономикой сельского хозяйства привели к многочисленным реорганизациям, которые не дали необходимого эффекта. Так, реализация мероприятий по объединению колхозов, реорганизации машинотракторных станций, укреплению финансовой дисциплины не позволили значительно повысить благосостояние колхозников. Итогом аграрной политики Н. С. Хрущева стало повышение цен на мясо-молочные продукты, ухудшение продовольственного обеспечения населения и начало массовых закупок зерна за рубежом.

**СУДЬБЫ СЕЛЬСКИХ РАЙЦЕНТРОВ ПОСЛЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РЕФОРМ
1950-х — НАЧАЛА 1960 гг.²**

Статья посвящена изучению истории крупных сельских поселений, особенно в контексте демографических процессов в среде сельского населения центрально-черноземных и соседних с ними областей. Роль государства в поддержке сельской поселенческой сети в последние полвека несколько снизилась, и это негативно отразилось на развитии сельских территорий.

Ключевые слова: административно-территориальные реформы, сельские поселения, районные центры, население.

Kanishchev V. V., Zhirov N. A.

**FATE OF RURAL REGIONAL CENTERS AFTER
ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORMS
1950s — BEGINNING 1960s**

The article is devoted to the study of the history of large rural settlements, especially in the context of demographic processes among the rural population of the central black earth and neighboring regions. The role of the state in supporting the rural settlement network has slightly decreased over the past half century, and this negatively affected the development of rural areas.

Key words: administrative and territorial reforms, rural settlements, regional centers, population.

Авторы статьи уже не раз обращались к актуальной теме истории крупных сельских поселений, особенно в контексте демографических процессов в среде сельского населения центрально-черноземных и соседних с ними областей³. Среди прочих факторов мы обратили внимание

¹ Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов, uvalcan@mail.ru; Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Россия, г. Липецк, zhirov-nikolai@mail.ru.

² Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX — начале XXI в.».

³ Жиров Н. А. Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в 1959–2010 гг. на районном уровне // Вестник Тамбовского университета.

на роль государства в развитии сельских поселений. В советское время эта роль особо проявилась в даровании или лишении статуса районных центров и соответственно в поддержке опорных пунктов сельского поселения.

Широкое учреждение этого статуса происходило в конце 1920 — начале 1930-х гг. В 1950-х — начале 1960-х гг. советское государство произвело административно-территориальную реформу по укрупнению сельских районов, что привело к сокращению числа райцентров. Как показали наши предыдущие исследования на материалах сёл Центрального Черноземья, районные центры, сохранившие тогда положение районных центров, в 1960-е и последующие годы росли численно, имели возможность развивать свою инфраструктуру. Напротив, большинство сельских поселений Центрально-Чернозёмного региона, которые утратили положение государственной опоры на субрегиональном уровне, сократилось по числу жителей и сузилось по своим функциям.

В данной статье мы решили расширить круг наблюдаемых объектов. Цель работы мы видим не только в большем количестве исследуемых сёл, но в привлечение внимания к типологически иным регионам. В выборку для сравнения мы включили 2 нечернозёмных, наименее пригодных для сельского хозяйства областей (Московскую и Ивановскую), с одной стороны, и самые южные в Европейской части русские сёла с наиболее благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, а также курортного и туристического обслуживания населения всей России (Волгоградская область и Краснодарский край) — с другой.

Главная задача статьи состоит в том, чтобы определить роль государства в развитии сельских административных центров разнородных в аграрном отношении регионов в сравнении с другими факторами.

Источниковой основой нашего исследования стали первичные материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1989 гг. и Всероссийской переписи 2010 г., размещенные на сайте Демоскоп Weekly⁴.

Данные переписи 1959 г. приходится учитывать, как первые послевоенные сведения, собранные по единой методике. Материалы

Сер. Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. № 183. — С. 244–251; Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Моделирование демографических процессов в поздней советской деревне: 1959–1989 гг. // Историческая информатика. — 2019. — №4 (30). — С. 43–73; Канищев В. В., Жиров Н. А. Динамика численности населения крупных сельских поселений Центрального Черноземья в 1939–2010 гг. // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2020. — №3 (16). — С. 19–38; Канищев В. В., Кунавин К. С. «Нелинейные эффекты» в миграции сельского населения в города во второй половине XX — начале XXI в. (на материалах областей Центрального Черноземья и Северо-Запада Европейской России) // Северо-Запад в аграрной истории Руси. Вып. 25. — Калининград: Изд. БФУ, 2019. — С. 279–289.

⁴ demoscope.ru.

Всесоюзной переписи 1989 г. были привлечены для определения демографического состояния изучаемых сёл на конец советского периода. Поселенные данные Всероссийской переписи 2010 г. дают возможность выяснить постсоветские судьбы поселений, бывших крупными по меркам середины XX в.

Приходится сразу оговариваться о том, что составители списков по-разному подходили к отбору крупных селений: в перечень 1959 г. были включены все райцентры, независимо от их размеров, а также другие сёла с населением свыше 5 тыс. чел.; в списки 1989 г. вошли данные только о районных центрах (по Волгоградской области не оказалось и таковых); в данных по 2010 г. опять-таки представлены все райцентры и наряду с ними другие сельские поселения с числом жителей свыше 3 тыс. чел.

Для нашей темы важно, что во всех случаях представлены сведения о сохранившихся до 2010 г. районных центрах. Данные о простых крупных сёлах имеют значение для определения судеб сельских населённых пунктов, утративших районный административный статус и соответственно повышенное внимание государства.

Поскольку часть районных центров 1950-х гг. вообще не попала в демокоповские списки 1959, 1989 и 2010 гг., пришлось искать другие справочные сведения о них. Благоприятным моментом для исторической демографии стало то, что в последние годы статьи Википедии о населённых пунктах стали отличаться достаточной точностью. Они основаны на официальных региональных материалах переписей населения, которые включают сведения обо всех населённых пунктах своих регионов, а также материалах разнообразных опубликованных в книжном виде и размещённых в Интернете областных и краевых административно-территориальных справочников.

Для понимания причин сохранения бывшими районными центрами крупных размеров вплоть до начала XX в. были использованы ресурсы сайта ИННИндекс⁵, которые содержат информацию о сельскохозяйственных, добывающих, промышленных, строительных, транспортных, коммунальных предприятиях и социально-культурных учреждениях отдельных поселений. Именно широкий набор таких предприятий и учреждений обеспечивал устойчивость сёл даже без широкой государственной поддержки.

⁵ <https://inndex.ru>

Таблица 1

**Изменения статуса сельских райцентров некоторых регионов
Европейской России в 1950–2000-е гг.**

Регион	Утратили статус райцентра		Сохранили статус райцентра	
	Остались сёлами	Влились в город. пос	Остались сёлами	Стали город. пос.
Московская обл.	6	9	1	6
Ивановская обл.	0	0	0	3
Белгородская обл.	6	0	1	12
Воронежская обл.	27	0	14	6
Курская обл.	12	1	7	9
Липецкая обл.	12	0	6	1
Тамбовская обл.	20	1	5	9
Сталинградская (Волгоградская) обл.	20	1	8	13
Краснодарский край	22	0	22	11

Отражённые в таблице изменения явно носили, во-первых, масштабный, во-вторых, разнообразный характер. В ходе укрупнения районов и других связанных с этим преобразований, 117 сельских районных центров изученных нами регионов утратили административный статус, 70 — сохранили. При этом мы обратили внимание на то, что некоторая часть из них превратилась не в обычные сёла, а влилась в состав городских поселений (городов, посёлков городского типа или рабочих посёлков).

Мощное влияние урбанизационных процессов проявилось не только в период самих административно-территориальных реформ, но и в последующие десятилетия. Роль государства в этих процессах была двоякой. С одной стороны, оно инициировало распространение распространения городской среды на окрестные большим городам сельские поселения. С другой стороны, государство сохраняло сельские райцентры, но всё-таки способствовало развитию там современной экономической и социально-культурной инфраструктуры.

Особенно это было заметно в Московской области, где в ходе административных реформ 1950 — первой половины 1960-х гг. утратили свой статус почти три четверти районных центров. При этом только 40 %

бывших райцентров остались сёлами, остальная часть волилась в состав городов Московской области. С точки зрения роли государственного фактора дело было не в отказе в поддержке бывшим сельским административным пунктам, а о включении значительной части из них в состав Москвы. Существенно и то, что почти все подмосковные сёла, которые сохранили после реформ свой административный статус, в дальнейшем стали городскими поселениями.

Другими словами, в развитии крупных сельских поселений Московской области во второй половине XX — начале XXI в. тесно переплетались государственный и урбанистический факторы.

В Ивановской области в конце 1950-х гг. вообще осталось только 3 сельских районных центра. Все они попали в списки крупных сёл 1959 г. только благодаря административному статусу, а численность имели намного меньше 5 тыс. чел. Растить они начали в последующие десятилетия, когда стали посёлками городского типа. В этой нечернозёмной, индустриальной области наибольшую роль в изучаемых процессах играл урбанистический фактор.

Сведения по Чернозёмному центру в целом показали, что в ходе реформ 1950 — первой половины 1960-х гг. сохранилась половина сельских райцентров. Чуть более 50% впоследствии обрели статус поселений городского типа. Среди населённых пунктов, лишившихся статуса районных центров, почти все остались сёлами, только 2 из 79 слились с городом и посёлком городского типа. Несомненно, роль урбанизационного фактора в Центрально-Чернозёмном регионе была намного меньше, чем в изученных областях Нечерноземья. В ЦЧР определяющей в судьбе крупных сельских поселений была роль государства.

В «старых», дореформенных Воронежской и Тамбовской областях государство сократило почти две трети районных центров начала 1950-х гг. К тому же, в середине 1950-х гг. из Воронежской области 14 районов были переданы в новые Белгородскую и Липецкую области, где через несколько лет 8 из них утратили райцентровский статус, зато из 6 «выживших» 5 стали городами или посёлками городского типа. Из 6 оставшихся в Воронежской области 20 сельских районных центров в последующие десятилетия лишь 6 стали городскими поселениями.

Несколько заметнее урбанизационные процессы шли в Курской и Тамбовской областях, где больше половины сохранившихся райцентров в 1960–1970-е гг. стали городами или посёлками городского типа. При этом ещё 6 бывших курских райцентров получили значение городских поселений в составе новой Белгородской области.

В состав Липецкой области перешли периферийные райцентры Воронежской, Курской, Орловской и Рязанской областей, большая часть

которых постепенно утратила свой административный статус. Городское значение обрело только село Данков, которое долгое время было уездным городом Рязанской губернии. Так что в этом случае следует вести речь о реурбанизации.

Явной спецификой Липецкой области оказалось то, что здесь урбанизация развивалась не путём преобразования в города и посёлки городского типа сельских поселений, а на базе старинных городов, которые в немалом числе достались новой небольшой области: Елец, Чаплыгин (Раненбург), Лебедянь, Задонск, Грязи, Усмань и, наконец, сам Липецк. Советское государство в 1950–1960-е гг. укрепило положение этих городов.

Заметно специфической была роль урбанизационного и государственного факторов в развитии административной сети в Волгоградской (в 1959 г. ещё Сталинградской) области и особенно в Краснодарском крае. В Волгоградской области из сохранивших статус 21 райцентра немногим более половины впоследствии стали городами или ПГТ. В Краснодарском крае это доля была ещё меньше — 33 %. Только 1 бывший районный центр Волгоградской области в ходе административных реформ вошёл в состав города, в Краснодарском крае все бывшие центры районов остались станциями и сёлами.

Но главное было в другом, в том, что 20 из 22 бывших райцентров края сохранились к 2020 г. в качестве крупных сёл (свыше 3 тыс. чел.). В Волгоградской области таковых осталось 1 из 22, в Воронежской — 7 из 26, в Курской — 2 из 12, в Липецкой — 1 из 12, в Тамбовской — 2 из 20, в Московской — 1 из 6. В Белгородской области все бывшие районные центры имели численность менее 3 тыс. Ясно, что в большинстве изученных регионов утрата весомой государственной поддержки вело к измельчанию бывших райцентров.

В Краснодарском крае решающую роль сыграла высокая экономическая роль бывших районных центров как развитых агропромышленных поселений, а в целом ряде случаев и крупных курортно-туристических пунктов. Иначе говоря, здесь главное значение имели не поддержка государства, а социально-экономические и природно-географические факторы.

В остальных областях единичные села — бывшие районные центры сохранились как крупные по людности сёла в силу каких-то локальных особенностей. Так, сёла Большие Чапурники Волгоградской области и Лосево Воронежской области остаются крупными потому, что через них проходят федеральные автотрассы Каспий и Дон соответственно. Близость к Рязано-Уральской железной дороге помогло сохранить крупные размеры тамбовскому селу Платоновка. Подмосковное село Рогачево давно перестало быть райцентром, но там сохраняются крупные сельскохозяйственные и промышленные предприятия с сотнями рабочих мест. Благодаря

крупному авторемонтному заводу и сохранившемуся крепким колхозу «Рассвет» более чем 6 тыс. населения имеет воронежское село Митрофановка. В некоторых случаях сказывается близость бывших райцентров к крупным городам (Гремячье близко к Воронежу, Боринское близко к Липецку, Горелое близко к Тамбову).

Чисто административным путём включения в состав соседних населённых пунктов выросло до 3 с лишним тысяч с. Землянское Воронежской области (бывший уездный город Землянский).

Во всех регионах большинство сохранившихся после административных реформ райцентров увеличило свою численность. Очевидно, что решающую роль сыграло государственное финансирование этих поселений.

Только в Московской области количество выросших по численности населения бывших райцентров к началу XXI в. было больше, чем утративших свою людность. Это вполне объяснимо влиянием сильно урбанизированной и привлекательной для мигрантов средой региона.

Среди утративших статус только в Краснодарском крае увеличили свою численность немногим менее половины станиц и сёл. В остальных регионах подавляющее большинство бывших районных центров, потеряв весомую поддержку государства, сузились в размерах.

Таблица 2

Изменения численности населения сельский районных центров
некоторых областей Европейской России в 1959–2010 гг.

Регион	Сохранившие статус		Утратившие статус	
	рост.	убыль	рост	убыль
Московская обл.	7	0	7	4
Ивановская обл.	3	0	0	0
Белгородская обл.	12	1	0	5
Воронежская обл.	15	5	5	22
Курская обл.	13	3	1	13
Липецкая обл.	6	0	2	10
Тамбовская обл.	12	2	2	16
Волгоградская обл.	20	1	3	19
Краснодарский край	30	3	9	12

Мы специально отдельно рассмотрели изменения численности сохранившихся райцентров в позднее советское и в постсоветское время.

Таблица 3

Изменения численности населения сельский районных центров
некоторых областей Европейской России в 1959–1989 гг.

Регион	Количество с ростом нас.	Количество с убылью нас.
Московская область	7	0
Ивановская область	2	1
Белгородская область	8	1
Воронежская область	20	0
Курская область	15	0
Липецкая область	7	0
Тамбовская область	11	0
Волгоградская область	19	2
Краснодарский край	20	2

Таблица ясно демонстрирует рост населённости советских райцентров. Этот рост определялся широким набором поддерживаемых государственным бюджетом хозяйственных предприятий и социально-культурных учреждений. На базе районных центров позднее советского времени действовали крупные, технологически современные предприятия агропромышленного комплекса, нередко других отраслей промышленности, строительные, транспортные, торговые, общественного питания предприятия, учреждения связи, финансовых, бытовых услуг, разного уровня основного, дополнительного, специального образования, несколько детских садов, Дома культуры и другие культпросвет учреждения, районные больницы и иные медицинские заведения. Весь этот комплекс предприятий и учреждений создавал многие сотни рабочих мест для физического и умственного труда, давал возможности для широкого выбора профессий и в конечном итоге удерживал немалую часть населения в родных сельских краях.

Данные о численности населения бывших районных центров на 1989 г. удалось сравнительно полно выявить только по Краснодарскому краю, где без особой поддержки государства сохранилась половина из 22-х станиц и сёл этой группы.

По другим регионам мы нашли данные конца 1980-х гг. о единицах бывших центров районов. Утратив статус, они редко «попадали на глаза» государству.

Таблица 4

Изменения численности населения сельский районных центров
некоторых областей Европейской России в 1989–2010 гг.

Регион	Количество с ростом нас.	Количество с убылью нас.
Московская область	4	3
Ивановская область	0	3
Белгородская область	5	3
Воронежская область	3	14
Курская область	1	13
Липецкая область	0	4
Тамбовская область	1	11
Волгоградская область	17	9
Краснодарский край	19	3

В 1990–2000-е гг. в Краснодарском крае ситуация с развитие сельских райцентров почти не изменилась. Количество таких поселений с понижением людности выросло только на 1. При этом в данный период в росте числа жителей районных центров края главным фактором оказалась инвестиционная привлекательность с точки зрения удобных природных условий и сложившей исторической базы для сельского хозяйства, отдыха, туризма, оздоровления.

В какой-то мере с Краснодарским краем можно сопоставить Волгоградскую область, в которой в постсоветское время выросло по численности две трети сельских районных центров. Судя по всему, в их развитии сказалась крепкая агропромышленная основа, в целом успешно пережившая переход к рыночной экономике.

Небольшое преобладание увеличивших в 1989–2010 гг. численность своего населения сельских райцентров наблюдалось в Московской и Белгородской областях.

Первый факт говорит о том, что даже в Подмоскowie не все сельские райцентры вписывались в рыночные условия. Второй, — напротив, говорит о том, что в наиболее продвинутой в Центральном Черноземье с точки зрения перехода к рыночному сельскому хозяйству области благоприятные условия для развития большей части районных центров сохранялись.

В 4-х областях Центрального Черноземья в 1990–2000-е гг. количество райцентров, в которых население уменьшилось, явно преобладало.

Совершенно очевидно, что в конце XX – начале XXI в. большинство сельских районных центров изученных областей без прежнего уровня бюджетного финансирования численно расти не смогло.

В ещё большей степени снижении роли государства в финансировании сельских поселений сказалось на категории бывших райцентров. Из почти 20 поселений этой группы Московской, Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской, Волгоградской областях, сопоставимые данные по которым за 1989 и 2010 гг. удалось выяснить, только село Кайсацкое Волгоградской области и село Плоское Воронежской области выросли в этот период по численности населения.

Специфические социально-экономические и природно-географические факторы проявились в Краснодарском крае, где по людности выросло в конце XX – начале XXI в. 11 из 22 давно утративших статус райцентров сёл и станиц. Конечно, государство поддерживает в этих поселениях школы, детские сады, медицинские и культурно-просветительные учреждения, современную жилищно-коммунальную инфраструктуру. Но главную поддержку жители этих сёл и станиц получают от агропромышленных предприятий, личного подсобного хозяйства, предоставления туристических услуг.

В целом можно сказать, что роль государства в поддержке сельской поселенческой сети в последние полвека несколько снизилась. Но и в рыночных условиях оно может поддерживать инвестиционную и иную привлекательность крупных сельских поселений, о чём свидетельствует опыт не только особого по условиям Краснодарского края, но и целого ряда других областей с традиционно развитым аграрным сектором, сохранивших десятки крупных сёл.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЕСТЬЯНИНА И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ
В ГОДЫ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» (1953–1964 гг.)**

Данная публикация посвящена рассмотрению основных элементов правового статуса советского крестьянства, состоящего из прав, свобод, ответственности и обязанностей. Проведение аграрных реформ в годы «оттепели» затронуло все сельское хозяйство, сказалось и на положении крестьян, являвшихся основными тружениками сельского хозяйства.

Ключевые слова: крестьянство, деревня, колхозы, «оттепель», аграрные реформы, сельское хозяйство.

Konyshhev D. N.

**THE LEGAL STATUS OF THE PEASANT AND ITS CHANGE DURING
THE «KHRUSHCHEV THAW» (1953–1964)**

Summary: This publication is devoted to the consideration of the main elements of the legal status of the Soviet peasantry, consisting of rights, freedoms, responsibilities and duties. The implementation of agrarian reforms in the years of the «thaw» affected all agriculture, and affected the situation of the peasants, who were the main workers of agriculture.

Keywords: The peasantry, the countryside, collective farms, the «thaw», agrarian reforms, agriculture.

Колхозно-совхозная система в СССР окончательно сложилась ко второй половине 1930-х гг., после проведения политики коллективизации, перехода основной массы крестьянства в коллективные хозяйства и придания последним положения основных аграрных производителей. Соответственно, с созданием колхозно-совхозной системы сельского хозяйства, не мог не сформироваться новый статус крестьян, вынужденных вписываться в новые реалии аграрного производства. Под правовым статусом советского крестьянина нами понимается совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности, установленных и гарантированных государством в различных нормативно-правовых актах.

Конституция СССР 1936 г. установила политические права крестьян (наряду с рабочими) на власть в государстве, одновременно закрепив

¹ Коньшев Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Волго-Вятский Институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», Россия, г. Киров, Denis-Konyshhev@mail.ru.

обязанность каждого трудоспособного гражданина трудиться. Труд одновременно был правом каждого гражданина, которому по 118 ст. «сталинской» Конституции гарантировалось «право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством»².

Основным источником законных средств к существованию крестьянина как члена колхоза была оплата труда за работу в данном хозяйстве, а также доход от продукции личного подворья. Согласно Примерного Устава сельскохозяйственной артели, утвержденного 17 февраля 1935 г., (который брался за основу при утверждении устава каждого колхоза страны) все работы должны были производиться только за счет членов колхоза, согласно правил внутреннего распорядка. По сути, здесь были заложены основы трудовых правоотношений между колхозом и крестьянами, обязанными работать в колхозе и являвшихся его основной рабочей силой. Привлечение к труду наемных рабочих предполагалось как исключение для выполнения отдельных работ, требовавших определенной квалификации (агрономы, инженеры, техники, строители и т.п.). Наемные рабочие разрешались к найму и в период «страды» при нехватке наличных рабочих рук колхозников.

Каждый член колхоза должен был отработать за календарный год определенный минимум трудодней. По каждому виду работ были установлены нормы выработки, с учетом различных факторов: состояния почвы, скота, квалификации работника, сложности работ. К началу 1950-х гг. продолжали действовать нормы выработки, введенные в чрезвычайных условиях военного времени периода Великой Отечественной войны Постановлением от 13 апреля 1942 г.³ Минимум трудодней составлял 100–120 дней в году для большинства регионов СССР, 150 — в хлопковых районах. Фактически работали больше, например, колхозниками Кировской области в 1950 г. было выработано (в среднем на 100 хозяйств) по 220 трудодней⁴. Несмотря на то, что такие нормы занятости колхозников вводились «на время войны», формально это было отменено только в 1962 г.⁵

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 27.09.2020 г.

³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 14.02.2021 г.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 14. Д. 315. Л. 1.

⁵ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 27.02.1962 N 214 «О признании утратившими силу решений ЦК КПСС и Правительства СССР в связи с принятием новых уголовных, уголовно-процессуальных законов и законов о судостроительстве Союза ССР и союзных республик» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 14.02.2021 г.

С военного времени действовали и нормы ответственности за отказ от работы всех трудоспособных граждан города и села. По Указу Президиума ВС СССР от 15 апреля 1942 г., уклонение от мобилизации или самовольный уход с работы, карался уголовной ответственностью по приговору народного суда с назначением наказания в виде принудительных работ по месту жительства на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%⁶. Постановлением СНК СССР от 25.04.1942 г. предусматривался и порядок рассмотрения подобных дел судами⁷. Данные меры стали пересматриваться только в 1962 г.⁸ В годы «оттепели» произошло и определенное послабление такой важной составляющей правового статуса крестьян, как привлечение их к различным видам ответственности (перестали высылать в отдаленные местности по Указу 1948 г., не было большого количества уголовных дел по малозначительным хищениям). Скорее всего, здесь сказалось наступление определенного предела возможностей административного нажима.

Согласно Устава сельхозартели, крестьянский труд оплачивался не гарантированной заработной платой, а по так называемому «остаточному принципу» — по трудодням, на которые должны были распределяться доходы всего колхоза. Соответственно, чем больше было выработано трудодней, тем больше должен был получить за них тот или иной колхозник. Оплата предполагалась не только в денежном, но и в натуральном эквиваленте — преимущественно зерном. Фактически оплата трудодней крестьянам производилась не в полном объеме или вообще отсутствовала вследствие бедственного положения колхозов. Заметим также, что расходы по оплате труда не были первоочередными у хозяйств, приоритет отдавался госпоставкам, выплате ссуд, оплате работ машинно-тракторных станций и т. п.

Статья 120 Конституции СССР установила право на материальное обеспечение граждан СССР в старости, а также в случае болезни и потери кормильца, что должно было обеспечиваться за счет «социального страхования рабочих и служащих за счет государства». При такой формулировке

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 15.02.2021 г.

⁷ Постановление Совнаркома СССР от 25 апреля 1942 г. N 582 «О порядке направления в суды дел об уклонении от мобилизации на сельскохозяйственные работы, о самовольном уходе мобилизованных с работы и о не выработке колхозниками обязательного минимума трудодней» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 15.02.2021 г.

⁸ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 27.02.1962 N 214 «О признании утратившими силу решений ЦК КПСС и Правительства СССР в связи с принятием новых уголовных, уголовно-процессуальных законов и законов о судостроительстве Союза ССР и союзных республик» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 14.02.2021 г.

Основного закона крестьяне заведомо не имели прав на социальное обеспечение.

Важнейшим экономическим правом каждого члена колхоза было право пользования личным подсобным хозяйством. Так, согласно Примерного Устава сельхозартели, каждый крестьянский двор имел право на личное пользование от 0,25 до 0,5 га приусадебной земли (не считая земли под жилыми застройками). Земля при этом считалась находящейся в собственности государства, которое, в свою очередь, передало колхозу занимаемые угодья в бессрочное пользование. Также крестьянам разрешалось в ЛПХ содержать корову, мелкий рогатый скот, птицу, считавшиеся их собственностью.

Оплата работы в колхозе, в итоге, была не единственным и далеко не основным источником дохода крестьянской семьи. Вплоть до начала 1950-х гг. крестьянская семья в Кировской области получала за работу в колхозе в 2,5 раза меньше, чем от ЛПХ⁹. В 1953 г. крестьянская семья в области получала за работу в колхозе в год в среднем 751 руб., а за проданную продукцию своего двора — 1877 руб. (больше в 2,5 раза)¹⁰. В тоже время, можно отметить и определенные вложения со стороны колхоза в ЛПХ в виде выдачи кормов для скота, производства работ (вспашки) за счет колхозной техники, помощи в строительстве и содержании жилья, и т. п.

Из такого представления вытекала необходимость увеличения объема работы крестьянина в колхозе и уменьшения занятости в собственном хозяйстве. Основными мерами ограничения ЛПХ станут административные (требование уменьшить число голов скота, «отрезки» земли от крестьянских усадеб), а также налоговая политика. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 мая 1963 г. «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхозов» устанавливался налог с лиц, содержащих скот сверх установленных норм.

Такая политика была не новой: если государство мирилось с различными прирезками к крестьянскому двору в годы войны, то после ее окончания делается попытка административными мерами ограничить работу крестьянина «на себя», заставить его в приоритетном порядке работать в колхозе. Вообще в период «оттепели», несмотря на все проводимые преобразования, государством жизнь простых колхозников связывалась с общественным хозяйством колхозов.

Отсюда стремление Н.С. Хрущева, вполне логично вытекающее из его представлений о незыблемости колхозно-совхозной системы —

⁹ Безнин М. А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье: 1950-1965 гг.: Дис... док-ра ист. наук. — М., 1991. — С. 251.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 28. Д. 1318. Л. 110.

уменьшить объем личного подворья крестьянина, а соответственно, и его занятость в нем. Политика ограничения ЛПХ вызвала непонимание и негодование простых колхозников, справедливо считавших подобную политику нарушением их прав. Так, колхозница Марийской АССР в 1950-е гг. писала в ЦК: «Мне уже 70 лет, но я продолжаю работать в колхозе и ежегодно имею не менее 60 трудодней. С 1936 г. я пользовалась приусадебным участком 0,15 га.... Не понятно — по какому поводу меня лишили огорода. Казалось бы, что колхоз должен мне помогать, как престарелой, а получается — наоборот»¹¹.

По мнению М.А. Безнина, «нарушения правил приусадебного землепользования носили в Нечерноземье массовый характер»¹². В отношении крестьянского подворья Первый секретарь действовал полностью в русле политики своего предшественника, когда в условиях послевоенного голода 1946–1947 гг. государство начало политику ограничения ЛПХ¹³, в ходе которой требовалось ликвидировать вторую корову в хозяйствах колхозников, не превышать норму площади крестьянской усадьбы, запретить колхозникам работать постоянно где-либо еще, кроме колхоза.

Все ограничения с личного подворья были сняты сразу же после отставки Н.С. Хрущева. Постановлением от 13 ноября 1964 г. колхозам рекомендовалось восстановить статус-кво, а именно: пересмотреть положения Устава сельхозартели относительно размера приусадебного хозяйства колхозника, а также норм содержания скота, существовавших до начала политики ограничений¹⁴. Но крестьяне, права которых относительно ЛПХ были нарушены государством, не спешили снова развивать личное подворье.

Права крестьянина как члена колхоза в итоге оказались тесно взаимосвязаны с его обязанностями трудиться на него, что подкреплялось нормами ответственности, а также вытекало из ограничений, связанных со статусом крестьянина.

Способом своеобразного прикрепления крестьян к колхозу выступала паспортная система, а вернее ее отсутствие для колхозников. Согласно Конституции СССР 1936 г. свобода передвижений и выбора места житель-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 223. Л. 110.

¹² Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. — Москва-Вологда, 1991. — С. 93.

¹³ Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г. // Консультант Плюс. Дата обращения: 16.02.2021 г.

¹⁴ Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 13.11.1964 г. № 1408 «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 14.02.2021 г.

ства гражданам не гарантировалась. Положением о паспортах 1940 г.¹⁵, их выдача предусматривалась всем гражданам Союза ССР в возрасте старше 16 лет, постоянно проживающим в городах, рабочих поселках, районных центрах, населенных пунктах, где расположены МТС. Без паспорта находились (в местностях, где была введена паспортная система) колхозники и единоличники, временно работающие в период посевной или уборочной кампании в совхозах и МТС в пределах своего района. Формально крестьяне получили паспорта только с принятием Постановления Совмина СССР в 1974 г.¹⁶

Стоит признать, что Н. С. Хрущев не сомневался в жизнеспособности колхоза как способа и формы хозяйствования. По мнению Н. Л. Рогалиной, если для Сталина колхоз являлся средством бесплатного и беспрепятственного изъятия продовольствия, то для Хрущева — жизнеспособным институтом, который предстоит сделать истинно экономическим предприятием, ориентированным на рост производительности труда¹⁷.

Все вышеуказанные факторы позволяют историкам говорить о втором издании крепостного права в России. Фактически крестьянин в условиях советской действительности оказался прикреплен не к земле, а к колхозу, и оплатой крестьянского труда к началу 1950-х гг. была подчас чисто символическая выдача денег и продуктов за отработанные трудовые дни, а также право работы на личном подворье, с определенной поры воспринимавшееся как нежелательное, отрывавшее от работы в колхозе.

В июне 1946 г. крестьяне Ставропольского края писали: «... работаем в колхозе, как у помещика, потому что на работу гонят, а не кормят и за работу не платят. А для приманки дают в день по чайной ложке баланды, 50 г хлеба и то не всегда, а в неделю 2–3 раза, чтобы дышали...»¹⁸. В 1953 г. в письме властей Мордовской АССР в ЦК отмечалось, что при выполнении плана по хлебу в регионе на 83,6 %, подавляющее большинство колхозов смогут выдать на трудодень не более 500 гм, а около 70 хозяйств вообще не выдадут хлеба¹⁹. В считавшемся показательным колхозе «Борец» Бронницкого района Московской области в 1953 г. оплата деньгами трудодня составила 1,30 руб., было выдано около 2 кг картофеля. Зерна не выдали

¹⁵ Постановление СНК СССР от 10.09.1940 N 1667 «Об утверждении Положения о паспортах» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 14.02.2021 г.

¹⁶ Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 N 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 16.02.2021 г.

¹⁷ Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. — М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. — С. 176.

¹⁸ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 62.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 592. Л. 41.

вообще²⁰. В 1958 г. средняя оплата трудодня по колхозам по РСФСР составила 7,23 руб., в том числе 3,76 руб. деньгами и 1,52 руб. зерном²¹. Оплата подчас задерживалась: к концу 1961 г. по Российской Федерации за 1960 г. имелась задолженность перед колхозниками за трудодни в сумме 244,1 млн руб., за 1961 г. — 248,2 млн руб.²²

Право на пенсионное обеспечение у советских крестьян впервые возникло только с 1 января 1965 г. с принятием Закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов»²³, при этом рабочие и служащие получили право на пенсии в 1956 г.²⁴ Пенсии по старости стали назначаться мужчинам-колхозникам с 65 лет и при стаже работы не менее 25 лет; женщинам-колхозницам с 60 лет и при стаже работы не менее 20 лет. Устанавливались пенсии по инвалидности, по случаю потери кормильца и пособия женщинам по беременности и родам. На размер пенсий по старости должны были влиять трудовой стаж, размер заработка, материальное положение колхоза и его отчисления в пенсионный фонд. Минимальный размер пенсии для колхозников составил 12 руб., максимальный 102 руб. в месяц. В пересчете на оплату трудодня в среднем по стране размер пенсии колебался от 1,5 до 12 трудодней, поскольку средняя оплата трудодня (включая как деньги, так и продукты) составляла к концу 1950-х гг. около 8,27 руб.²⁵ Средняя розничная цена государственной торговли в 1964 г. составляла 10–12 коп. за 1 кг картофеля, 15–20 коп. за 1 кг капусты²⁶. Средние цены на говядину по РСФСР в 1964 г. (на колхозных рынках) составляли 2,26–2,43 руб. за 1 кг, баранину 2,36–2,62 руб., на свинину — 2,42–2,63 руб. за 1 кг, на молоко — 0,35–0,42 руб. за 1 литр²⁷. Из чего можно сделать вывод, что пенсия обладала определенной покупательной способностью. К 1965 г. уровень реальных доходов колхозников по сравнению с доходами рабочих и служащих в расчете на члена семьи составлял только 75%²⁸.

Вводившаяся пенсионная система должна была затронуть значительную часть крестьянства: по данным Всесоюзной переписи населения

²⁰ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 3559. Л. 24.

²¹ РГАЗ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6549. Л. 8.

²² ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 8505. Л. 71.

²³ Закон СССР от 15.07.1964 «О пенсиях и пособиях членам колхозов» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 07.02.2021 г.

²⁴ Закон СССР от 14.07.1956 «О государственных пенсиях» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 07.02.2021 г.

²⁵ История советского крестьянства в 5 тт. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945-конец 1950-х годов. — М.: Наука, 1988. — С. 326.

²⁶ РГАЗ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 2307. Лл. 9, 16, 37, 44.

²⁷ РГАЗ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 2298. Лл. 13–16.

²⁸ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. — М.: Статистика, 1977. — С. 472, 487.

1959 г. среди сельского населения (которое преимущественно состояло из колхозников) мужчин старше 60 лет было 1,849 млн, а женщин старше 60 — 4,048 млн чел., или в совокупности около 21% от общего числа колхозного крестьянства по РСФСР в 28 млн 441 тыс. чел.²⁹ Пенсионное обеспечение можно рассматривать как своеобразный итог изменения отношения государства к крестьянину в годы «оттепели», когда сочетались политика «кнута и пряника», но «пряника» оказалось все-таки несколько больше.

В годы «оттепели» не произошло кардинального изменения положения крестьянина, для этого требовалась бы перестройка всего сельского хозяйства. Согласно Л. Н. Денисовой «объединенное идеей социалистического переустройства деревни, сверяя жизнь по уставу, сельское большинство построило для себя Колхоз, который в реальной жизни оказался для многих его членов Колхозным ГУЛАГом»³⁰. А раз колхозно-совхозная система оставалась неизменной, то вопрос об изменении правового статуса крестьян не ставился.

Таким образом, проведение реформирования сельского хозяйства в годы «оттепели» так или иначе сказалось на статусе крестьянства — основной массы населения страны. Тем не менее, принципиального и кардинального улучшения положения крестьян не произошло, все изменения можно рассматривать только в рамках созданной при Сталине колхозно-совхозной системы. Показателем недовольства крестьян своим статусом могут являться «письма во власть», а также их стремление к переезду в город и, как результат, преобладание числа городских жителей по сравнению с сельскими к началу 1960-х гг. Определенные шаги к улучшению статуса крестьянина были сделаны уже на исходе «оттепели» — введены пенсии, сняты ограничения с ЛПХ, пересмотрены военные нормы выплаты трудодней, начато редактирование паспортной системы. Были повышены социальные гарантии для крестьян, хотя по уровню жизни они не достигали уровня рабочих и служащих.

²⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. — С. 61, 150.

³⁰ Денисова Л. Н. Жизнь по колхозному Уставу// Режимные люди в СССР. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 150.

О ЗАБЫТОМ ЗИГЗАГЕ ХРУЩЕВА ИЛИ О ЗАПРЕТЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ В СССР

Освещаются проблемы, связанные с процессом ликвидации промысловой кооперации в СССР, которая после прихода к власти Н.С. Хрущева подвергалась многократным реорганизациям. Отмечается, что ее запрет в 1960 г. стал итогом следования Хрущева коммунистическим догмам, нетерпимости к частникам, как он называл промысловиков-кооператоров еще с 1930-х гг.

Ключевые слова: промысловая кооперация, борьба с частниками, бытовые услуги, товары ширпотреба, достижения, хрущевская политика, запрет промысловой кооперации.

Saghatelyan G. Sh.

ABOUT THE FORGOTTEN ZIGZAG OF KHRUSHCHEV OR ABOUT THE PROHIBITION OF FISHING COOPERATION IN THE USSR

The article highlights the problems associated with the process of liquidation of fishing cooperation in the USSR, which after the coming to power of N. S. Khrushchev was subjected to multiple reorganizations. It is noted that its ban in 1960 was the result of Khrushchev's adherence to communist dogmas, intolerance of private traders, as he called the cooperative artisans since the 1930 s.

Keywords: commercial cooperation, fight against private traders, household services, consumer goods, achievements, Khrushchev's policy, prohibition of commercial cooperation.

В последнее время появилось немало работ историков, критически оценивающих деятельность Н. С. Хрущева и считающих, что она положила начало развала СССР. В частности, мы писали о его негативной роли в нагнетании гонки вооружений, погоне за стратегическим превосходством над США и тех последствий, к которым они привели². Среди множества волюнтаристских действий во внутренней и внешней политике предметом нашего внимания, в данной статье, будет роль Н. С. Хрущева в ликвидации промысловой кооперации в СССР.

¹ Сагателян Гарий Шагенович, доктор исторических наук, профессор, Международный юридический институт, Россия, Одинцовский район, garsag@yandex.ru.

² Сагателян Г. Ш. К вопросу о роли Н.С. Хрущева в холодной войне и гонке вооружений с США. ИСТОРИЯ: ФАКТЫ И СИМВОЛЫ. Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал № 3 (24) — Елец, 2020. — С. 157–172.

После Октябрьской революции партия большевиков, сначала подзрительно относившаяся к кустарям и промысловой кооперации, была вынуждена, под давлением экономического кризиса повернуться к ней лицом³. Вплоть до начала войны промкооперация наращивала темпы своего развития, внося весомый вклад в производство товаров народного потребления и оказанию бытовых услуг населению⁴.

Большинство большевистских вождей в 1920–1930-е гг. относилось к промысловой кооперации, как к необходимому (но временному) злу. При этом, как и НЭП, промысловая кооперация рассматривалась как частнособственническая форма хозяйствования, которая противоречит принципам социализма. Н. С. Хрущев, становление которого как политического деятеля проходило в 1920–1930-х гг. впитал именно такое понимание этого элемента народного хозяйства. С этим пониманием он остался до конца жизни. Не имея академического образования, этот талантливый «самоучка», воспринявший идеи социализма как неизменные догмы, через всю жизнь пронес ненависть к частному хозяйству и частникам.

Отметим, что в реальной жизни 1930-х гг., лишь небольшая часть произведённой кустарями продукции продавалась через кооперативы по государственным ценам, в то время как львиная доля этой продукции шла на чёрный рынок⁵. В докладной записке комиссии партийного контроля за октябрь 1935 г. говорилось, что из 8 тыс. кустарей, зарегистрированных в Москве, только 4–5% продавали свою продукцию через кооперативы⁶. Остальные, либо сами, либо через мелких оптовиков, сбывали произведённый товар на чёрном рынке по спекулятивным ценам. Вопреки запретам, применялся наём подсобных рабочих для расширения производства. Доходы утаивались от фининспекции. Кустарь получал десятки тысяч рублей в год чистой прибыли. Это были немалые деньги, поскольку

³ Резолюции и постановления VIII съезда РКП (б) 18–23 марта 1919 г. Резолюция «Об отношении к среднему крестьянству» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.): в 12 т. Т. 2. 1919–1921 гг./сост.: А. Г. Егоров, К. М. Боголюбов. — М.: Политиздат, 1983. — С. 111; Постановление ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» от 25 апреля 1919 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 1. 1917–1928 гг./сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. — М.: Политиздат, 1967. — С. 146–147; Ленин, В. И. О кооперации/В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. — М.: Политиздат, 1982. — Т. 45. — 1982. — С. 374; Ленин, В. И. О кооперации/В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. — М.: Политиздат, 1982. — Т. 45. — 1982. — С. 371.

⁴ Осокина, Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941/Е. Осокина. — М.: РОССПЭМ, 1999. — С. 157; Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 5446, Оп. 16 а, Д. 404, Л. 13–14.

⁵ Осокина, Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941/Е. Осокина. — М.: РОССПЭМ, 1999. — С. 157.

⁶ ГА РФ. Ф. 5446, Оп. 16 а, Д. 404, Л. 13–14.

зарплата главного конструктора на станкостроительном заводе, например, в это время составляла 19 тыс. руб. в год⁷. Н.С. Хрущев, будучи в это время одним из руководителей МК ВКП(б), был хорошо осведомлен об этом. Это подпитывало его отношение к промысловой кооперации, но вынуждало терпеть, пока высшее руководство считало его необходимым элементом народного хозяйства.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны начался перевод экономики на мирные рельсы. Остро ощущался дефицит самых необходимых товаров. Население переживало большие трудности в обеспечении жильем, продуктами питания, обеспечении бытовых потребностей и т.д. Отечественная промышленность «группы Б» явно не справлялась с возросшим спросом населения на товары ширпотреба. В магазины поступало недостаточно промышленных товаров, а те, что появлялись, как правило, имели высокую цену и плохое качество. Такое же положение было в российской провинции⁸.

Целью настоящей статьи является анализ причин и последствия ничем не обоснованного волюнтаристского шага Н.С. Хрущева по запрещению деятельности промысловой кооперации в СССР на фоне очевидных успехов по предоставлению бытовых услуг и обеспечению населения товарами народного потребления.

Чтобы представить себе тот вклад, который внесла промысловая кооперация в производство товаров народного потребления, обратимся к статистическим данным Горьковской (Нижегородской) области. За 1946–1950 гг. она изготовила: 14 млн столовых ножей, 16,5 млн вилок, 4,6 ламповых стёкол, 1,4 млн пар валенок, 1,2 млн пар обуви, 19 тыс. пар лыж, 450 тыс. шт. разного трикотажа, 25,5 млн шт. кирпичей, 8,4 т извести, на сотни миллионов рублей мебели и изделий домашнего обихода и многое другое. В следующей пятилетке эти темпы лишь наращивались. В 1955 г. по сравнению с 1950 г. производство металлических кроватей увеличилось с 24,4 тыс. шт. до 56,9 тыс. шт., разной посуды изготовлено на 166,5 т больше, чем в 1950 г., производство кожаной обуви возросло на 167 тыс. пар, трикотажных изделий — почти в 4 раза, мебели — в 3 раза, тетрадей ученических — в 6,5 раз⁹.

⁷ Осокина, Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. Осокина. — М.: РОССПЭМ, 1999. — С. 157.

⁸ Сагателян Г. Ш. Мифы и реалии послевоенной политики снижения цен в российской провинции (На материалах Горьковской области) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3 (43); Социально-бытовые условия жизни населения российской провинции в 1946–1950 годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Междунар. науч. конф., Иваново, 3–4 апреля 2019 г. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2019.

⁹ Галендеева, С. Местная и кооперативная промышленность области в VI пятилетке / С. Галендеева // Блокнот агитатора — 1956 — № 4. — С. 1.

Следует отметить, что в целом по СССР доля продукции промысловой кооперации в общесоюзном выпуске промышленной продукции в 1937–1960 гг. составляла: металлических тарелок, ложек — 100 %, обручей, мочала, корзин, изделий художественных промыслов — 90 %, дёгтя — 75 %, скобяных изделий — 71 %, ножей, вилок, валяной обуви, кровли, игрушек — 60 %, войлочных изделий, бочек, ободов—30%, продуктов деревообработки, утиля, верхнего трикотажа, стройматериалов — 40 %¹⁰.

Промысловая кооперация осуществляла почти 70% бытовых услуг в стране, что значительно превышало службу быта Минместпрома, Минторга и Центросоюза вместе взятых. Артельщики накопили значительный опыт по организации различных услуг. В 1947 г. промкооперация располагала 51 тыс., в 1954 г. — 60 тыс., в 1959 г. — 102 тыс. бытовых предприятий. Объём услуг за то же время вырос с 5 до 7 млрд. руб., а количество работников — с 200 тыс. до 300 тыс. чел.¹¹ Общий объём производства промысловой кооперации в 1950 г. по СССР составил 33 млрд руб., по РСФСР — 23 млрд руб., а спустя 10 лет, в 1960 г., — 62 и 32 млрд руб. соответственно¹².

Как видим в тяжелые послевоенные годы, когда шло интенсивное восстановление народного хозяйства, городов и сел, промысловая кооперация также служила подспорьем в деле обеспечения населения различной продукцией ширпотреба и бытовыми услугами. Политическую линию руководства страны по этому вопросу четко отразил А. И. Микоян, курировавший как член Политбюро ЦК и заместитель Председателя Совета министров СССР, промкооперацию. В марте 1950 г. А. И. Микоян, выступая перед избирателями в Ереване, повторил, появившуюся ещё в 1920-е гг. формулировку о том, что «неверно думать, будто с развитием крупной индустрии кооперативная промышленность теряет свою роль, наоборот, развитие крупной промышленности предполагает увеличение роли промкооперации, которая является постоянным и долговременным помощником госпромышленности в производстве товаров народного потребления»¹³. Именно эту долговременную линию, подверг ревизии Хрущев, когда начал политику ее свертывания с последующим уничтожением.

С начала 50-х гг. в стране ускорился процесс ликвидации мелких производств. Этот процесс в значительной степени связан с именем Н. С. Хрущева. Вернувшийся из Украины и став руководителем Московской городской и областной организации правящей партии Хрущёв привёз с собой

¹⁰ Назаров, П. Г. История российской промысловой кооперации 1799–1960 гг. / П. Г. Назаров. — Челябинск, 1995. Часть X. — С. 105.

¹¹ Там же. — С. 39.

¹² Там же. — С. 105.

¹³ Выступление А. И. Микояна перед ереванскими избирателями // Правда. — 1950. — 11 марта. — С. 2.

опыт прежней своей деятельности по укрупнению мелких украинских колхозов¹⁴.

Вообще, следует, особо отметить, что украинский «опыт» Хрущева сыграл зловещую роль в рассматриваемой нами проблеме. Ликвидаторская позиция Н. С. Хрущева во многом объяснялась влиянием на него правительства УССР. Именно СМ УССР был наиболее непримиримым противником Центропромсовета ещё с тех пор, когда Н. С. Хрущёв работал в Киеве. СМ УССР не мог смириться с тем, что непосредственные указания Центропромсовет получал от СМ РСФСР. Таким образом, правительство РСФСР могло влиять на промышленность местного подчинения Украины. Естественно, что в таких условиях украинское правительство стремилось безраздельно распоряжаться собственной промкооперацией. Н. С. Хрущёв же традиционно покровительствовал СМ УССР¹⁵.

Зимой 1950 г. Хрущёв развернул массовое укрупнение колхозов в Московской области, а ведавший тогда сельскохозяйственными вопросами секретарь ЦК ВКП (б) Г. М. Маленков начал активно пропагандировать его опыт по всей стране. И. В. Сталин неодобрительно отнесся к такому рвению своих сподвижников и вскоре официальная позиция изменилась. Когда в марте 1951 г. в «Правде» появилась статья Хрущёва о необходимости укрупнения колхозов, то Маленков нашёл эту идею «несвоевременной»¹⁶. Но главное — статья не понравилась Сталину, и в следующем номере «Правды» появилось сообщение о том, что по недосмотру редакции выпало примечание о дискуссионном характере статьи Н. С. Хрущёва¹⁷. Тогда же комиссия ЦК ВКП (б) во главе с Г. М. Маленковым подготовила закрытый циркуляр с осуждением позиции Хрущёва. Только после смерти И. В. Сталина Н. С. Хрущёв добился отмены этого циркуляра и с новой силой занялся ликвидацией мелких предприятий и «укрупнением» колхозов по всей стране.

Укрупнение колхозов, начало которому положил Хрущев, сыграло, по нашему мнению, пагубную роль для послевоенной советской деревни. Одержимый идеей строительства коммунизма Хрущев хотел, таким образом, ускорить этот процесс на селе, подняв уровень обобществления. Именно эта политика привела к ликвидации тысяч деревень и сел и, в конечном счете, обрекла сельское хозяйство на постоянное отставание. Не лишне будет вспомнить, что в немалой степени благодаря хрущевской

¹⁴ Постановление ЦК ВКП (б) об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1985. — Т. 8. — С. 215.

¹⁵ Назаров, П. Г. История ликвидации российской промысловой кооперации (1952–1960 гг.) / П. Г. Назаров — Челябинск: ЧГТУ, 1994. — С. 32.

¹⁶ Правда — 1951 — 4 марта. — С. 1.

¹⁷ Правда — 1951 — 5 марта. — С. 1.

сельскохозяйственной политике, в начале 1960-х гг. в стране стало остро не хватать хлеба и, СССР был вынужден приступить к небывалым в своей истории закупкам хлеба.

С середины 1950-х гг. он почувствовал вседозволенность, в том числе и в вопросе промысловой кооперации. Когда Н. С. Хрущёв неожиданно поставил на Президиуме ЦК КПСС вопрос о ликвидации Центропромсовета. А. Е. Петрушев пытался возражать: «Если ликвидировать Центропромсовет, связывающий многочисленные артели и другие организации в одно целое, то эти мелкие и мельчайшие артели рассыпятся, как крупинки, и их невозможно будет собрать»¹⁸. По словам Петрушева, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович придерживались такого же мнения, но молчали, опустив глаза. Хрущёв же заявил: «Если мы не способны провести реорганизацию какой-то промкооперации, то, что же мы будем делать, когда придется реорганизовывать всю промышленность!»¹⁹ Вскоре он провел свою линию через высшие партийные инстанции. 4–12 июля 1955 г. состоялся пленум ЦК КПСС, констатирующий утрату кустарно-промыслового характера предприятиями промысловой кооперации, которые, получая от государства сырьё и оборудование, перестали отличаться от госпредприятий. При этом пленум отметил, что уровень производства и качество изделий в артелях ниже, а себестоимость выше, чем на государственных предприятиях. Таким образом, партийное руководство однозначно высказалось в пользу ликвидации промкооперации, но никаких распоряжений из ЦК КПСС после пленума не последовало. В Центропромсовете не понимали, означает ли это решение немедленную ликвидацию всех артелей или речь идёт об отдалённой перспективе²⁰. Думается, что хозяйственники, сумели с цифрами в руках доказать пользу промкооперации и весь вред ее ликвидации. Хрущев, временно отступил, но от своей линии не отказался.

Период неопределённости закончился 14 апреля 1956 г., когда вышло постановление СМ СССР № 474 о передаче артелей в государственную промышленность. В нём было отмечено, что «в настоящее время многие предприятия промысловой кооперации перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности. Современный уровень производства этих предприятий и их техническое оснащение, требуют изменения формы управления и более квалифицированного технического

¹⁸ Назаров, П. Г. История ликвидации российской промысловой кооперации 1952–1960 гг. / П. Г. Назаров. — Челябинск, 1994. — Часть IX. — С. 32.

¹⁹ Там же. — С. 32.

²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. // Ред. Пономарёв, Б. Н. — М., 1959. — С. 635.

руководства предприятиями»²¹. Исходя из этого, ЦК КПСС и СМ СССР постановили: «признать необходимым реорганизовать промысловую кооперацию, передав её наиболее крупные специализированные предприятия в ведение республиканских министерств соответствующих отраслей промышленности и областных и городских Советов депутатов трудящихся»²². Упразднить Центральный Совет промысловой кооперации СССР...»²³.

В ходе реорганизации 1956 г. промысловая кооперация лишилась третьей части своих предприятий, причём наиболее технически оснащённых, достигших уровня государственной промышленности. До реорганизации Роспромсовет располагал 7495 артелями, 1285 тыс. работников и выпускал продукцию на 36,5 млрд. рублей. В результате реорганизации РПС лишился 2385 лучших своих артелей, 414 тыс. работников, объём производства сократился на 15,2 млрд. руб.²⁴ Результатом кампании по укрупнению артелей стало фактически полная ликвидация в СССР мелкой промышленности. Если в 1950 г. в артелях с численностью работников до 25 чел. трудилось 20 % всех промысловиков, то в 1954 г. — 8,8 %, а в 1960 г. — 1,5 %. Количество таких артелей уменьшилось соответственно с 2000 до 1200 и до 50²⁵.

Несмотря на такие потери, промысловая кооперация и после реорганизации 1956 года продолжала наращивать темпы производства товаров и услуг населению. Высокие показатели производства товаров широкого потребления в рассматриваемый период продолжала давать промысловая России. Так, состоявшееся 21 мая 1957 г. IV собрание Уполномоченных промысловой кооперации Горьковской области, подводя итоги работы за 1954–1957 гг. отметило, что «в течение отчётного периода промкооперация области увеличила выпуск валовой продукции в 1956 г. по сравнению с 1953 г. на 35,1 %. За этот же период значительно увеличился выпуск важнейших видов изделий: лыж — в 3 раза, фанеры клеёной — в 2,5 раза, скобяных и замочных изделий — в 3 раза, швейных изделий — в 2 раза, жёстких и мягких кожтоваров — в 1,7 раза, обуви кожаной — в 1,5 раза, чулочно-носочных изделий и трикотажного белья — в 1,6 раза и т. д.»²⁶. В связи с повышенным спросом населения было вновь организовано производство гардинной ткани, скатертей, жаккардовых одеял, шёлковых абажуров, стиральных досок, зеркал. Возрос «объём работ по бытовому

²¹ Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области (далее ГУ ЦАНО). Ф. 2497. Оп. 1. Д. 940. Л. 174.

²² ГУ ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 940. Л. 174.

²³ ГУ ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 940. Л. 176.

²⁴ Назаров, П.Г. История ликвидации российской промысловой кооперации (1952–1960 гг.) — Челябинск: ЧГТУ, 1994. — С. 32.

²⁵ ГА РФ. Ф. 396 а, Оп. 1, Д. 68, Л. 112.

²⁶ ГУ ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 940. Л. 95.

обслуживанию населения: индивидуальному пошиву одежды и ремонтных услуг»²⁷.

Накануне ликвидации промысловой кооперации в Горьковской области она продолжала эффективно наращивать производство товаров народного потребления и оказанию услуг населению: «торгующим организациям за 1959 г. было поставлено товаров на сумму 609 млн руб., в т. ч. сверх плана 61, 0 млн руб. Сверх плана выработано значительное количество важнейших видов изделий: 27 тыс. пар кожаной обуви, 100 тыс. метров тканей, 230 т. гвоздей, 200 т. различной металлической посуды, 300 т красок масляных, на 1 млн руб. мебели, на 4,5 млн руб. швейных изделий, на 1,5 млн руб. игрушек, на 2 млн руб. художественных изделий, на 1,5 млн. руб. скобяных изделий, 22 тыс. м³ деловой древесины, 550 м фанеры, 8 т кбм пиломатериалов»²⁸.

Местные власти видели очевидную пользу промысловой кооперации в сфере услуг населению и его обеспечению товарами широкого потребления. Они понимали, что местная промышленность регионов не способна восполнить ту нишу, которую занимала промысловая кооперация. Видело очевидную пользу и население, которое, не видя возможности удовлетворить свои потребности в разнообразных услугах и товарах, могло обратиться к промысловикам. Поэтому ни население не хотело, ни власти не имели планов ликвидации промысловой кооперации.

Но Н. С. Хрущев, настроившись построить в кратчайшие сроки коммунизм, считал промысловую кооперацию вчерашним днем, не отвечающим задачам сегодняшнего дня. Он, продолжал воспринимать кооператоров, как частных капиталистов, которым нет места при коммунизме. Многочисленные же реорганизации и «перебрасывание» управления промкооперацией из рук в руки не только не укрепили её позиции в экономике страны, а наоборот, закончились упразднением промысловой кооперации.

При анализе документов, связанных с ликвидацией промкооперации, бросается в глаза неожиданность данной акции. В феврале 1960 г. состоялся III съезд уполномоченных промысловой кооперации РСФСР, на котором отмечалось, что в течение ближайших 15 лет будет происходить дальнейшее укрепление и преобразование кооперативной промышленности в общенародную. В проекте «Генеральной перспективы развития народного хозяйства на 1959–1975 гг.» был намечен постепенный переход к единой общенародной собственности, но не как результат свёртывания промкооперации, а как итог повышения уровня её обобществления²⁹.

²⁷ ГУ ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 940. Л. 94.

²⁸ ГУ ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 997. Л. 22.

²⁹ Назаров, П. Г. История ликвидации российской промысловой кооперации (1952–1960 гг.). — Челябинск, 1994. — Часть IX. — С. 38.

Вскоре, однако, последовала очередная «инициатива» дорогого Никиты Сергеевича». Результатом волюнтаристского и неоправданного шага лидера страны стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 июля 1960 г. в котором предписывалось к 20 августа подготовить все артели к передаче в государственную промышленность. В нем предписывалось, до 10 августа провести собрания в артелях, на которых разъяснить, что постановление направлено на увеличение производства товаров народного потребления, улучшение их качества, снижение себестоимости, лучшее использование производственных площадей, ликвидацию параллелизма, усиление специализации. До 10 ноября Роспромсовет должен был прекратить существование, а до 30 декабря кооператорам надлежало выплатить распределяемую прибыль и паевые взносы³⁰.

Председатель Центропромсовета А. Е. Петрушев, считал, что «главным закоперщиком этого вредного дела был именно Хрущёв, который недооценивал преимущества малых производств, относился к ним с подозрением, как к рассаднику мошенничества и жульничества, в то время как Микоян, да и мы все в аппарате Центропромсовета отлично понимали вредность этой кампании... Всё это было ненужное дело, оно погубило промкооперацию!»³¹

Промысловая кооперация приносила огромную пользу, производя товары народного потребления, художественные изделия, стройматериалы, осуществляя бытовое обслуживание населения и трудоустройство инвалидов. Ликвидация её была грубой ошибкой властей.

Наличие спроса на товары и услуги, которые не могла удовлетворить экономика, спровоцировало нарастание теневой экономики. Появились подпольные «цеховики», массовым стали бригады «шабашников», работающих на стройках, огромные массы людей были вовлечены в нелегальную работу по ремонту квартир, машин, телевизоров, репетиторству и т.д. Теневая экономика стала расти небывалыми темпами. Ведь вплоть до 1991 г. производство товаров для народа и бытовое обслуживание населения оставалось слабым звеном советской системы.

Таким образом, промысловая кооперация стала еще одной жертвой хрущевского волюнтаризма. Не понимающий сути и смысла промысловой кооперации Хрущев, слепо следующий коммунистической догме, нанес еще один удар против социалистического строя в СССР.

³⁰ Постановление Пленума ЦК КПСС//Промысловая кооперация — 1960 — № 9. — С. 1.

³¹ Назаров, П. Г. История ликвидации российской промысловой кооперации (1952–1960 гг.) — Челябинск: ЧГТУ, 1994. — С. 12, 13.

Н. С. ХРУЩЕВ И КОЛХОЗЫ

Статья посвящена изучению аграрной политики советского государства в период политического лидерства Н. С. Хрущева. В ней рассматривается безжалостная эксплуатация правительством советской деревни и неэффективность аграрных реформ.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, КПСС, аграрная политика советского государства, колхозы, машинно-тракторные станции, сельское хозяйство.

Tomilin V. N.

N. S. KHRUSHCHEV AND COLLECTIVE FARMS

The article is devoted to the study of the agrarian policy of the Soviet state during the political leadership of N. S. Khrushchev. It examines the ruthless exploitation of the Soviet village government and the ineffectiveness of agrarian reforms.

Keywords: N. S. Khrushchev, CPSU, agrarian policy of the Soviet state, collective farms, machine and tractor stations, agriculture.

Советская деревня на протяжении длительного периода была преимущественно колхозной. Результаты производственной деятельности колхозов не только определяли уровень жизни и положение сельского населения, но и оказывали влияние на экономическую ситуацию в стране в целом. При этом речь идет не только и не столько о продовольственном обеспечении государства. Еще с 1930-х годов в СССР была создана система перераспределения ресурсов колхозов в казну государства.

Власть рассматривала развитие сельского хозяйства и деревни с точки зрения их донорских возможностей. Особую актуальность данное положение приобретает после окончания Великой Отечественной войны, когда необходимо было в кратчайшие сроки решить проблему восстановления промышленности и городов. Начавшееся противостояние великих держав — СССР и США потребовало выделения огромных ресурсов на создание военно-промышленного комплекса и модернизацию Вооруженных Сил.

¹ Томили́н Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, г. Липецк, tomilin58@mail.ru.

На развитие аграрного сектора экономики советское правительство выделяло минимум финансово-материальных средств. Они направлялись в основном государственным предприятиям машинно-тракторным станциям и совхозам. Машинно-тракторные станции являлись материально-техническим базисом колхозной системы вплоть до конца 1950-х гг., а также выступали в качестве важнейшего инструмента реализации аграрной политики. Через натуроплату тракторных работ МТС колхозами советское государство перераспределяло большую часть сельскохозяйственной продукции. Через этот канал государство получало в 1950–1955 гг. больше половины хлеба, сданного колхозами. Пик заготовок хлеба по натуроплате пришелся на 1952 г., когда таким путем в закрома государства было засыпано 60,8 % колхозного хлеба. Для сравнения. В 1940 г. путем взимания натуроплаты за работы МТС государство заготовило 45,1 % хлеба, а остальную часть — через обязательные поставки, возврат ссуд, закупки и другие поступления².

При этом цены на продукцию сельского хозяйства на протяжении почти двадцати послевоенных лет не компенсировали затраты на ее производство. При формировании продовольственного фонда государство использовало «сдвоенные» цены — заготовительные и закупочные. Заготовительные цены были намного ниже цен закупочных. Стоимость натуроплаты рассчитывалась по заготовительным ценам. По основным продовольственным продуктам вплоть до 1953 г. действовали заготовительные цены, установленные в 1935 г. на уровне цен, сложившихся к началу первой пятилетки. Закупочные цены на зерно превышали заготовительные примерно на 40 %, а по мясу крупного рогатого скота в 14,5 раза.

В 1953 г. закупочные цены на зерно, а также заготовительные цены на картофель, овощи и продукты животноводства были повышены. Новые закупочные цены на зерно были установлены почти в 15 раз выше действовавших тогда заготовительных цен. Заготовительная цена на зерно была повышена в 1955 г. Она выросла — более чем в 3 раза, а закупочная цена при этом снижалась на 25 %. В итоге разрыв между закупочной и заготовительной ценой на зерно сократился³.

Колхозы являлись продуктом советской директивной экономической модели, они осуществляли свою деятельность в условиях командно-административной, нерыночной экономики. Указанное обстоятельство во многом обусловило деятельность колхозов. Колхозы являлись элементами производственной системы, а стержнем ее были государственные предприятия — МТС.

² Томилин. В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. — М.: АИРО-XXI, 2009. — С. 328.

³ Там же. — С. 330.

Как раз посредством деятельности МТС достигалось полное огосударствление хозяйственной жизни колхозной деревни, включение колхозов в систему государственного планирования и управления. К середине 1950-х гг. в деревне были сформированы крупные предприятия по механизации колхозного производства, обладающие большим парком сложной сельскохозяйственной техники и инвентаря, необходимой ремонтной базой, кадрами специалистов и механизаторов.

Интенсивные методы ведения сельского хозяйства предполагают выделение соответствующих финансовых и материальных ресурсов. Однако аграрный сектор финансировался государством в том объеме, который позволял лишь существовать производственной системе «МТС — колхозы». Резервы роста сельскохозяйственного производства за счет экстенсивных факторов были исчерпаны.

Однако партийно-государственное руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым не хотело признавать очевидного положения дел. Обществу была навязана сомнительная идея о возможности получить в изобилии дешевый хлеб путем распашки целинных и залежных земель. Как можно получить дешевый хлеб в совершенно необжитых районах? Ведь необходимы были большие затраты на создание производственной инфраструктуры, дорог, жилья и прочих социально-бытовых объектов. Кроме того, распашка десятков миллионов целинных гектаров означала ухудшение структуры земельного фонда страны в плане роста удельного веса районов рискованного земледелия.

В сложившейся традиции не принято было сомневаться в правильности предложений руководителя партии, который к тому же предлагал «обогнать время». Всех сомневающихся и несогласных Н.С. Хрущев сумел устранить со своего пути. Но если рассуждать непредвзято, то резонно возникает вопрос об источниках финансирования.

Программа освоения целинных и залежных земель была принята после принятия Закона СССР о пятом пятилетнем плане развития народного хозяйства (1951–1955 гг.)⁴. В результате план развития народного хозяйства оказался разбалансированным. Деньги для освоения целины изыскивались за счет перераспределения их в сельском хозяйстве, изъятия из некоторых отраслей промышленности и у населения (займы, сокращение социальных расходов и т. д.).

Кампания по освоению целинных и залежных земель не принесла ожидаемых результатов. Она оказалась весьма затратной и лишь сдвинула по времени остроту зерновой проблемы. Рост численности городского

⁴ Сабуров Максим Захарович. Доклад о директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы 8 октября 1952 г. — Иркутск : Иркутское кн. изд-во, 1953. — 48 с.

населения обусловил растущее потребление продовольствия. Хрущевские мечтания об изобилии дешевого целинного хлеба обернулись иллюзией.

Кризис в высшем политическом руководстве 1957 г. Н. С. Хрущев преодолел с большими осложнениями. Правительственные реформы середины 1950-х гг. скептически оценивали даже партийно-государственные чиновники. Еще более нерациональной оказалась реформа 1958 г. по реорганизации МТС. Не подвергая сомнению саму целесообразность разрешения продажи сложной машинной техники колхозам, следует признать ошибочность решения о ликвидации МТС. Была ликвидирована базовая структура колхозного производства, колхозы были обязаны выкупать технику МТС. В результате они не только растратили деньги, вырученные за реализацию продукции по новым более высоким ценам, но и влезли в долги. Реформа 1958 г. оказала негативное воздействие на колхозную экономику, от ее последствий удалось избавиться лишь к концу семилетки.

К середине 1960-х годов колхозная деревня по уровню жизни значительно отставала от города. Нерешенность финансово-экономических проблем колхозов, непривлекательность и низкая производительность сельскохозяйственного труда не позволяли в полной мере обеспечить страну продовольствием и привели к необходимости закупок хлеба за рубежом. Таким образом, проблемы развития аграрного сектора экономики вышли на уровень решения задачи продовольственной безопасности страны. А это уже был вызов для самого существования советского государства.

В аграрной политике советского правительства первых послевоенных десятилетий сельское хозяйство — это отрасль экономики, которая подверглась наибольшему числу реорганизаций и в конечном итоге оказалась наиболее пострадавшей. Особое внимание деревне уделял Н. С. Хрущев. В основе большинства его новаций лежали политические цели, стремление удовлетворить свои лидерские амбиции. Сельское хозяйство для него стало полигоном для всевозможных упражнений и экспериментов. Уже на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС была объявлена широкая программа мер, призванная улучшить финансовое положение колхозов и снизить налоговую нагрузку на колхозников. Сложилась парадоксальная ситуация, когда заявленные реформы экономически не просчитывались, не увязывались ни с финансово-кредитной системой, ни с материально-техническими ресурсами, ни с аграрными технологиями.

Власть более всего полагалась на директивные методы хозяйствования, на силу партийно-государственной системы управления, на идеологические и политические кампании. Замена базовых принципов

планирования (планомерность и пропорциональность развития, учет межотраслевого баланса) жестким администрированием обернулось негативными последствиями для колхозного производства. В реальной жизни это нередко приводило к абсурдному положению, при котором спущенные сверху колхозам планы по расширению площади посевов кукурузы, пшеницы, сахарной свеклы и прочих культур не соответствовали структуре и емкости полей севооборота, что противоречило сути аграрных технологий.

Взятые «с потолка» государственные задания, невозможность их выполнения породили практику искажения отчетности, приписок, выполнения планов недопустимыми методами. В некотором роде Центр спровоцировал появление «рязанского дела», когда секретарь обкома КПСС А. Н. Ларионов ради выполнения трехкратно завышенных обязательств по заготовкам мяса распорядился не только забить большую часть скота колхозов и совхозов (в том числе и молодняк), но и весь личный скот колхозников. Вдобавок к этому рязанские заготовители закупали скот в соседних областях, расходуя на эти цели деньги, предназначенные на закупку сельхозтехники, на строительство школ и других объектов социально-бытового назначения. В итоге была не только опустошена областная казна, но и на многие годы оказалось подорванным животноводство области.

Рязанская афера затронула сельское хозяйство ряда других областей, где скупался скот и затем сдавался как рязанский. Одновременно стали выявляться нарушения при заготовках в других областях РСФСР, также бравших на себя повышенные обязательства⁵.

Отсутствие системного подхода при принятии решения об освоении целины, масштаб кампании нанесли огромный ущерб не только традиционным земледельческим районам, колхозной деревне, но и всему народному хозяйству. Неэффективно были потрачены огромные средства, они не дошли до колхозников, до тех, кто на протяжении долгих лет работал из последних сил, тая надежду на светлое будущее. Страдала колхозная экономика. Вплоть до середины 1960-х гг. многие аграрные районы по урожайности зерновых «топтались» на уровне 10–12 ц/га. При этом в тех же регионах отдельные хозяйства получали вдвое-втрое большие урожаи. Причина таких различий — нарушение элементарных основ агротехники при обработке почвы и уборке зерновых культур. Нередко колхозы не могли собрать хороший урожай, из-за растянутых сроков уборки зерно

⁵ См. более подробно: Сушков А. В. Высшее руководство СССР и «рязанское дело» (1959–1961 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История: Высшее руководство СССР и «рязанское дело» (1959–1961 годы). — Выпуск 28. — № 35 (136). — 2008. — С. 72 — 83.

осыпалось на корню. Нагрузка на тракторы и зерноуборочные комбайны на колхозных полях в несколько раз превосходила агротехнические нормы.

Непомерные государственные расходы привели к стремительному росту внутреннего долга в виде облигаций займов у населения. В целях «оптимизации» государственных расходов руководство страны в апреле 1957 г. приняло решение отсрочить на 20 лет погашение облигаций государственного займа. С 1957 г. Госбанк прекратил чеканку медной монеты. Реформа 1958 г. по реорганизации МТС разорила большинство колхозов. Образовавшаяся огромная задолженность колхозов по кредитам самым неблагоприятным образом отразилась на финансовой системе СССР: на новый уровень вышла скрытая инфляция. Денежная реформа 1961 г., проведенная под видом деноминации рубля, в действительности была девальвацией.

Целинный хлеб, вопреки заверениям руководителей партии и правительства, изначально обходился государству дороже, чем в целом по стране. А в дальнейшем его стоимость выросла еще более. Правительство «делает хорошую мину при плохой игре». Вновь следуют реорганизации: вместо ремонтно-технических станций создается Всесоюзное объединение «Союзсельхозтехника», на очередной круг вышла кампания по укрупнению колхозов и их преобразованию в совхозы, реорганизации подверглись партийные структуры на местах.

В последние годы своего пребывания во главе советского государства Н.С. Хрущев в полной мере осознавал провал своей аграрной политики. Готовя реформу 1958 г. по реорганизации МТС и продаже сельскохозяйственной техники колхозам, он убеждал общество в том, при существующем порядке она используется непроизводительно. Между тем, именно перераспределение сельскохозяйственной техники в пользу целинных районов Казахстана и Сибири ослабило материально-техническую базу машинно-тракторных станций старопахотных районов. Спустя несколько лет реформатор заговорил уже о недостаточном выпуске в стране сельскохозяйственных машин и орудий и о необходимости строительства новых заводов.

К середине 1960-х гг. в СССР складывается положение, когда дефицит хлеба покрывался за счет импорта, то есть страна лишилась экономической независимости по критичному направлению. На покупку продовольствия за рубежом государство тратило с каждым годом все больше и больше золота. В 1963 г. Н. С. Хрущев был вынужден пойти на массовую закупку зерна за границей, направив на это более 370 т золота.

Выделяя колоссальные средства на развитие военно-промышленного комплекса и Вооруженных Сил, правительство тем самым стремилось

защитить страну от внешних военных угроз, не понимая в полной мере того, что безопасность государства обеспечивается нейтрализацией не только угроз извне, но в еще большей степени она обуславливается социально-экономической и политической стабильностью общества. Указанное замечание относится не только к Н. С. Хрущеву, но и к его преемникам. Нерешенность продовольственной проблемы, низкий уровень жизни населения привели общество к разочарованию в модели государственного устройства и в конечном итоге к прекращению деятельности КПСС и краху советского государства.

**ЦСУ РСФСР О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1960-е гг.**

В статье приводятся статистические данные, аналитический анализ, а также предложения ЦСУ РСФСР о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства республики, Нечерноземной зоны РСФСР. В период, когда после отстранения Н. С. Хрущева, пришедшее к власти партийное руководство, приступило к формированию новой аграрной политики.

Ключевые слова: ЦСУ РСФСР, сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство, аграрная политика, урожайность.

Shevelkov A.I.

**CSU OF THE RSFSR ON THE STATE AND PROSPECTS
OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE 1960S.**

The article presents statistical data, analytical analysis, as well as proposals of the CSU of the RSFSR on the state and prospects of development of agriculture of the republic, the Non-Chernozem zone of the RSFSR. During the period when. after the removal of N.S. Khrushchev, the party leadership that came to power began to form a new agrarian policy.

Keywords: CSU of the RSFSR, agriculture, agricultural production, agricultural policy, productivity.

После отстранения Н. С. Хрущева от власти, новое руководство партии намеревалось изменить содержание аграрной политики, в том числе, в нечерноземной полосе страны, включая российское Нечерноземье. О чем было подтверждено на заседаниях октябрьского и ноябрьского (1964 г.) пленумов ЦК, Президиума ЦК КПСС, а затем и на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК.

Партийное руководство неоднократно заявляло о том, что будут внимательно изучаться все предложения партийных, советских и хозяйственных организаций по изменению ситуации в сельском хозяйстве. Это и предопределило поток писем, записок, обращений в ЦК КПСС и Бюро ЦК по РСФСР, начиная с октября 1964 г. Хотя многие обкомы и облисполкомы, включая Нечерноземную зону РСФСР, уже в течение сентября отправляли свои предложения в Москву.

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Россия, г. Коломна, Shevelkov51@mail.ru.

Инициатива обращения к региональным партийным и государственным руководителям с предложением — высказать свое видение перспектив развития сельского хозяйства, содержания аграрной политики, исходила из Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС по союзным республикам, которому, наряду с СМ СССР, еще в августе 1964 г. Н. С. Хрущев поручил готовить материалы к предстоящему ноябрьскому (1964 г.) пленуму ЦК по сельскому хозяйству. По известным причинам, пленум не состоялся. Только в начале января 1965 г. Президиум ЦК принял решение о подготовке к новому пленуму ЦК по сельскому хозяйству, который и должен был определить основы новой аграрной политики. За этим и последовали аналитические записки, справки научных, государственных учреждений, включая министерства, плановые и статистические ведомства.

В начале января 1965 г. начальник ЦСУ РСФСР Б. Колпаков направил в Бюро ЦК КПСС по РСФСР на имя членов Президиума ЦК: А. П. Кириленко, являвшегося заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Л. И. Брежнева и председателя СМ РСФСР Г. И. Воронова аналитическую записку о состоянии сельского хозяйства РСФСР. Несколько позднее и справку «Посевные площади и валовые сборы сельскохозяйственных культур», которая сопровождалась пометкой: «Не подлежит опубликованию в открытой печати». Это означало, что в ней было представлено достаточно объективное состояние аграрного сектора экономики республики. Не исключено, что документы направлялись в преддверии заседаний Президиума ЦК по вопросам развития сельского хозяйства, формирования новой аграрной политики, намеченные на январь – февраль 1965 г. Возможно, что эти справки были запрошены самим А. П. Кириленко или отделом сельского хозяйства Бюро ЦК КПСС по РСФСР для доклада Л. И. Брежнева на одном из заседаний Президиума ЦК².

В первой аналитической записке ЦСУ отмечалось, что «...благоприятные климатические условия, позволили в 1964 г., по сравнению с 1963 г., значительно увеличить валовой сбор всех сельскохозяйственных культур. Зерна произведено 86,6 млн т, что равно самому урожайному 1962 г.»³ Правда, в другой записке статуправления «Посевные площади и валовые сборы сельскохозяйственных культур» был уточнен объем производства зерновых культур — 88,7 млн т.⁴

Прежде чем анализировать итоги минувшего сельскохозяйственного года, производство отдельных видов продукции, делать предложения

² Документы ЦСУ РСФСР были зарегистрированы в общем отделе Бюро ЦК КПСС по РСФСР. На аналитической справке стоит пометка: «Тов. Кириленко ознакомлен. 8.II.65 г.» и подпись. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 1.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 15.

руководству партии и правительства, в документах была представлена информация об объемах и состоянии посевных площадей.

В 1964 г. посевные площади в республике составляли 126,8 млн га против 130,5 млн га в 1963 г. По заключению ЦСУ РСФСР, сокращение посевных площадей на 3,7 млн га, произошло во всех экономических районах республики, включая Нечерноземную зону. И, прежде всего, за счет расширения площадей чистых паров на 3,5 млн га. Так, в Кировской области удельный вес чистых паров в пашне возрос с 6 до 18 %, Марийской АССР — с 2 до 10 %, в Удмуртской АССР — с 7 до 12 % и т. д.⁵ Что явно расходилось с частыми указаниями Н.С. Хрущева о необходимости повсеместного увеличения посевных площадей, преимущественно, для «королевы» полей — кукурузы и гороха. В том числе, за счет сокращения чистых паров, то есть, нарушения трехпольной системы земледелия. По всей видимости, решение увеличить площади пашни под пары, стало следствием засухи 1963 г., когда страна столкнулась с острой нехваткой зерна. Когда снизилась урожайность на тех землях, где нарушался севооборот.

В 1964 г. из 126, 8 млн га посевных площадей в РСФСР, на долю колхозов приходилось 67 млн га, совхозов — 51,4 млн га. В год проведения «этапного», сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК по сельскому хозяйству, колхозы владели 97,1 млн га, а совхозы — 10,3 млн га. То есть, за 10 с небольшим лет активной политики по преобразованию колхозов в совхозы, освоения целинных и залежных земель на востоке республики, площади земель государственных сельхозпредприятий увеличилась более чем на 41 млн га. Тогда как в колхозах они уменьшились на 13,5 млн га⁶.

При сокращении посевных площадей на 3 %, площадь посева зерновых культур в масштабах РСФСР возросла на 2,8 % (2,3 млн га). К примеру, в Центрально-Черноземном районе — на 862 тыс. га или на 12%. Что также объяснялось последствиями засухи 1963 г., когда из-за нехватки отечественного зерна, впервые начался его импорт. По заключению ЦСУ, это было связано и с пересевом погибших озимых культур кукурузой на корм скоту.

В связи с тем, что из-за низких температур зимы 1963/1964 гг. озимые погибли на гораздо меньших площадях в республике, весной 1964 г. их засевали яровыми культурами. Предпочтение отдавалось пшенице, ячменю и кукурузе. В итоге, в 1964 г. возросли площади посевных площадей под эти культуры, объемы их производства. Валовой сбор зерна был выше урожая 1963 г. на 33 %, равно как и всех послевоенных лет, кроме 1962 г. Из зерновых культур, при не самой высокой урожайности в 9,8 ц/га, наибольшее количество было собрано яровой пшеницы —

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 9, 10.

⁶ Там же. Л. 9.

30,3 млн т. К примеру, в 1958 г., урожайность яровой пшеницы составляла 9,9 ц/га. По сравнению с 1950 г., рост производства всех зерновых культур составил 189 %, а против 1958 г. — 112 %, 1962 г. — 99,5 %, 1963 г. — 133 %. Из 88,7 млн т собранного зерна, объем сбора озимой пшеницы составлял 12,4 млн т, то есть, как и в 1963 г.⁷

За счет увеличения посевных площадей на 8,8 %, валовой сбор озимой ржи в 1964 г. возрос на 8,2 % и превысил урожай 1963 г.⁸ Хотя до этого времени происходило постоянное снижение посевных площадей этой культуры: по сравнению с 1940 г. они уменьшились на 25%⁹.

В 1964 г. объемы производство гороха против 1958 г. увеличились в 16 раз, а в сравнении с 1963 г. — а 1,7 раза. В 1964 г. было собрано про-са в 2 раза больше, чем в 1963 г. Его урожайность (10,5 ц/га) была самой высокой за все предшествующие годы. И, конечно, «не подкачала» кукуруза. Сельхозпредприятия собрали самый большой урожай «королевы» полей», площади которой не сокращались, а продолжали расти. Ее производство увеличилось на 42 %. В том числе, за счет высокой урожайности в 23,5 ц/га против 15,2 ц/га в засушливом 1963 г.¹⁰

Приводя данные о производстве сельскохозяйственных культур, посевных площадях, ЦСУ просило Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР: «...обратить внимание на следующие моменты...»¹¹.

Во-первых, на ухудшение структуры зерновых культур. Так, по сравнению с 1958 г. возросло производство гороха и ячменя, а производство пшеницы снизилось. Если в 1958 г. ее удельный вес составлял 53,9 % в структуре производства зерновых, то в 1964 г. — 49,2 %. В то же время, за этот же период сбор зернобобовых увеличился с 1,1 % — до 8,4 %. В отдельных же сельскохозяйственных районах ячмень и горох «...еще более потеснили пшеницу: в Ростовской области на долю пшеницы приходится 46 %, а ячменя и гороха — 41 %»¹².

Во-вторых, почти все области Северо-Запада, Центрального и Волго-Вятского районов Нечерноземной зоны РСФСР, производили зерна меньше, чем собирали его на этой же территории в дореволюционное

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 17.

⁸ Там же. Л.16.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л.16.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 1–8.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 1. Следует отметить, что по решению Президиума ЦК (май 1965 г.) 200 тыс. т «лишнего» гороха для кормовых целей из разбронированных государственных резервов в 1966 г. экспортировались в капиталистические страны. Валютная выручка от реализации гороха, пошла на оплату пшеницы, закупленной в Аргентине. Следует отметить, что стоимость 200 тыс. гороха, равнялась стоимости 200 тыс. т аргентинской пшеницы. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 344. Л. 61, 147.

время. Если в 1913 г. валовой сбор зерна в сельском хозяйстве Северо-Запада достиг 1794 тыс. т, то в 1958–1964 гг. в колхозах и совхозах Северо-Запада его среднегодовое производство составило только 679 тыс. т. И хотя в 1964 г. было произведено на 100 тыс. т зерна больше (777 тыс. т), это было только 43 % от уровня его производства в России в 1913 г. В 1913 г. в Центральном районе России было собрано 6377 тыс. т зерна, тогда как в 1964 г. — 5528 тыс. т. В той же многострадаальной Смоленской области, которая упоминалась Н. С. Хрущевым в ряде своих выступлений, а затем и Л. И. Брежневым на мартовском (1965 г.) приводилась в качестве негативного примера (как результата непродуманной аграрной политики Н. С. Хрущева в Нечерноземной зоне РСФСР), в 1913 г. было выращено 654 тыс. т зерна, тогда как в 1964 г. — только 369 тыс. т, или 56% от дореволюционного урожая¹³. В Костромской губернии-области соответственно 332 и 170 тыс. т (51 %), а в Кировской области (Вятской губернии) — 1325 и 726 тыс. т (55 %)¹⁴.

В-третьих, важнейшей причиной сокращения объемов производства зерновых культур в этих и ряде других областей Нечерноземья, было названо снижение их урожайности. Если в 1913 г. в сельском хозяйстве Северо-Западного района урожайность зерновых культур достигала 9 ц/га, то в 1964 г. — 6,8 ц/га. В Центральном районе этого региона снижение урожайности зерновых культур было менее существенным — с 7,6 до 7,4 ц/га. В связи с чем, ЦСУ РСФСР констатировало «сильную пестроту» урожайности сельскохозяйственных культур, в частности, зерновых. Так, только 3,4 % колхозов и 6 % совхозов собирали по 20 и более ц/га. Тогда как в 45% колхозов и 11 % совхозов урожайность зерна достигала лишь 4 ц/га. Площадь зерновых культур в этих низкорентабельных хозяйствах составляла 3,3 млн га или 4 % от всей площади зерновых культур в республике.

В-четвертых, серьезной причиной низкого уровня зернового хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР, была определена недооценка ржи, «...как эффективной сельскохозяйственной культуры». Так, если в 1913 г. в Северо-Западном и Центральном районах России под посевами ржи было занято 5,9 млн га при урожайности 7,1 ц/га, то в 1964 г. — только 2,9 млн га, при урожайности 6,7 ц/га.

В-пятых, в последние два года (1963–1964 гг.) происходило существенное уменьшение площадей посевов гречихи. Так, если в 1962 г. под нее было выделено 1689 тыс. га, в 1963 г. — 1317 тыс. га, в 1964 г. — только 899 тыс. га пашни. За три года (1962–1964 гг.) в Центральном экономическом районе площадь посевов гречихи уменьшилась на 46 %, а в хозяйствах Владимирской и Брянской областей — более чем в 2 раза.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 2.

В-шестых, констатировалось, что в Центральном районе Нечерноземной зоны РСФСР, прежде всего, в Владимирской, Тульской, Рязанской, Калужской и Калининской областях, производство зерна вообще велось неудовлетворительно. Несмотря на то, что «...выращивание хлебов при современной механизации не связано с большими затратами труда»¹⁵.

В итоге, представленная информация ЦСУ подводила, по сути, к однозначному выводу: сложившееся положение с производством зерновых культур в сельском хозяйстве РСФСР, является результатом «перекосов» аграрной политики Н. С. Хрущева. Хотя в записках имя Н. С. Хрущева не упоминалось.

Кроме анализа состояния производства зерновых культур, в аналитической записке ЦСУ РСФСР было представлено положение с выращиванием картофеля, овощей, льна. В частности, отмечалось, что, начиная с 1958 г., когда был собран рекордный урожай льна-волокна (253 тыс. т), в последующие годы происходило только снижение его производства. В 1964 г. было произведено 201 тыс. т льна-волокна или только на 3 тыс. т больше, чем в засуху 1963 г. Тогда как в 1913 г. производство льна-волокна составило 314 тыс. т, а в рекордном 1932 г. — 435 тыс. т или в 2 раза с лишним раза больше, нежели в 1964 г.¹⁶

По всей видимости, по поручению сельскохозяйственного отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР, на примере производства картофеля в Орловской и Вологодской областях, ЦСУ был проведен сравнительный анализ его выращивания в общественных и индивидуальных хозяйствах сельских труженников этих субъектов Нечерноземья.

Как отмечалось в справке ЦСУ РСФСР, урожайность в индивидуальных хозяйствах была меньше подвержена колебаниям по зонам, чем в колхозах и совхозах. Так, в Орловской и Вологодской областях, расположенных в разных климатических зонах, колхозники и рабочие совхозов на своих приусадебных участках собирали (в расчете на 1 га), примерно одинаковый урожай. Но урожайность в ЛПХ была гораздо выше, чем в общественных хозяйствах. Если в колхозах Вологодской и Орловской областей она составляла соответственно 96 и 69 ц/га, то в индивидуальных хозяйствах колхозников, достигала, соответственно 180 и 186 ц/га. То есть, в колхозах двух областей, находящихся в разных природно-климатических условиях, урожайность разнилась в 30 ц/га, а в индивидуальных хозяйствах колхозников этих территорий, была практически несущественной. В связи с чем, ЦСУ РСФСР были сделано следующее заключение:

– «...заслуживает особого внимания то обстоятельство, что урожайность картофеля и овощей в индивидуальных хозяйствах ежегод-

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 7.

но выше, чем в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах»¹⁷.

– если бы в колхозах, совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях урожайность картофеля была такой же, как в индивидуальных хозяйствах, то для выращивания таких же объемов продукции, потребовалось бы на 73% меньше площади посевов;

– «...при сравнении урожайности сельскохозяйственных культур в общественном хозяйстве и индивидуальных хозяйствах населения, особенно ощутим основной недостаток в ведении колхозного и совхозного производства, при котором производители еще слабо заинтересованы в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах»¹⁸;

– «...попытка влиять на улучшение сельского хозяйства административными методами, не приносит ощутимых результатов. Даже в годы некоторого ограничения ведения приусадебного хозяйства населения, интенсивность производства его была выше, чем в колхозах и совхозах. В обоих случаях работают одни и те же люди. Более того, самое производительное время дня они трудятся в общественном хозяйстве. Невольно напрашивается вывод о необходимости предоставления колхозам и совхозам самой широкой самостоятельности в организации и ведении производства, создании материальной заинтересованности колхозников и рабочих в результатах своего труда в общественном хозяйстве»¹⁹.

По мнению ЦСУ РСФСР, функции руководства колхозами должны постепенно свестись, главным образом, к регулированию мероприятий через механизм закупочных цен, к налаживанию материально-технического снабжения хозяйств и организации бесперебойного сбыта произведенной ими продукции²⁰.

Таким образом, ЦСУ РСФСР представило достаточно реальную информацию о состоянии посевных площадей, производстве растениеводческой продукции в республике. Но, в целом, она являлась неполной. Во-первых, не был сделан анализ обеспеченности хозяйств материально-техническими ресурсами, уровня оплаты труда в денежном и натуральном выражениях. Во-вторых, не были приведены сравнительные данные о рентабельности производства растениеводческой и животноводческой продукции в колхозах и совхозах, закупочных ценах при ее продаже государству. В-третьих, отсутствовали предложения относительно установления твердых планов поставок продукции государству. В-четвертых, не было реко-

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478. Л. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же.

мендаций по материальному стимулированию производства сельскохозяйственной продукции. В-пятых, не была представлена хотя бы краткая характеристика состояния социальной сферы села, обеспечения хозяйств сельскохозяйственными кадрами.

По всей видимости, таких запросов от нового руководства страны в государственные ведомства и в местные партийные органы еще не поступало. Они появятся позже, когда будут готовиться документы, проекты постановлений мартовского (1965 г.) пленума ЦК. Когда в мае 1965 г. союзным республикам будет предложено подготовить дополнительные мероприятия по реализации решений «этапного» для сельского хозяйства пленума ЦК. И тогда, по поручению Бюро ЦК по РСФСР и СМ РСФСР, рядом республиканских министерств и ведомств будет подготовлен фактически проект постановления ЦК КПСС и СМ СССР по подъему и дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Затягивание с его принятием до 1974 г., предопределило в дальнейшем недостаточно эффективную реализацию намеченных планов, а в социальной и демографической сферах, по сути, провал.

Как мы отметили, справки ЦСУ РСФСР попали на стол члена Президиума, секретаря ЦК А. П. Кириленко. Не исключено, что после освобождения от должности заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по союзным республикам и одновременно секретаря ЦК В. И. Полякова, курирующего сельское хозяйство, на А. П. Кириленко предполагалось возложить от Президиума ЦК эти функции. Освободив тем самым от кураторства Л. И. Брежнева, которому это было поручено в ноябре 1964 г. Однако, в феврале 1965 г. от этой идеи отказались, и, как позднее информировал сам Л. И. Брежнев, Президиум ЦК поручил (подтвердил) новому Первому секретарю ЦК курировать вопросы развития сельского хозяйства. Хотя и А. П. Кириленко не был отстранен от аграрного сектора экономики. К примеру, в 1972 г., ознакомившись с запиской председателя СМ РСФСР М. С. Соломенцева о тяжелом положении в сельском хозяйстве Нечерноземной зоне РСФСР, Л. И. Брежнев поручил А. П. Кириленко от Политбюро контролировать подготовку постановления ЦК КПСС и СМ СССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства региона.

**КОНЦЕРТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
МУЗЫКАЛЬНЫМИ КОЛЛЕКТИВАМИ
В 1970-е гг. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.**

В статье исследуется концертная деятельность музыкальных коллективов, направленная на трансляцию эстетических ценностей сельскому населению регионов Урала в позднюю советскую эпоху. В исторической ретроспективе изучены ставшие традиционными и новые методы концертного обслуживания, внедренные в гастрольную практику творческими коллективами.

Ключевые слова: концертное обслуживание, музыкальная культура, музыкальные коллективы, филармония, шефская помощь селу, Урал.

Zaelskaya S. A.

**CONCERT SERVICE OF THE RURAL POPULATION OF THE URALS BY
MUSICAL GROUPS IN THE 1970 s – THE FIRST HALF OF THE 1980 s**

The article examines the concert activity of musical groups aimed at transmitting aesthetic values to the rural population of the Ural regions in the late Soviet era. In a historical retrospective, the traditional and new methods of concert service, introduced into the touring practice by creative teams, are studied.

Keywords: concert service, musical culture, musical groups, philharmonic society, sponsorship of the village, Ural.

Под концертным обслуживанием села в статье понимается система мероприятий, осуществляемых музыкальными творческими коллективами путем публичного исполнения музыкальных произведений сельским жителям с целью приобщения населения к эстетическим ценностям, культурному проведению досуга, просвещения в музыкальном плане. В советский период истории на первый план изучаемой деятельности музыкальных коллективов выдвигалась функция идейно-просветительская, выражавшаяся в укреплении идеалов коммунистической идеологии в сознании населения эстетическими средствами, формировании «нового человека» коммунистической формации путем трансляции в социум идеологически выверенных произведений.

¹ Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Россия, г. Оренбург, sv_a_z@mail.ru.

В исследуемый поздний советский период, когда у населения появилось больше свободного времени, партийное руководство страной ставило перед сферой культуры и искусства задачу, заключающуюся в приобщении советских людей к именно культурному, нравственному, эстетическому заполнению своего свободного времени.

Целью статьи является изучение одного из ключевых аспектов музыкальной деятельности — концертного обслуживания сельского населения творческими коллективами, а также характеристика основных методов осуществления концертных выступлений на селе. Опыт культурного обслуживания села музыкальными коллективами, несомненно, оказывается ценным с позиций понимания современного духовного кризиса, проявлением которого является снижение эстетического уровня населения и нуждается в изучении и переосмыслении.

Концертное обслуживание села рассматривается как система, включающая в себя репертуарный план, временные и пространственные границы реализации проекта, актерский коллектив, финансирование проекта, логистическую составляющую, под которой понимается оборудование (декорации, костюмы, техника, аппаратура) и организационную работу (рекламная деятельность, продажа билетов, прием коллектива, филармонического имущества, открытие проекта, учет предпочтений зрителей, концертно-гастрольный график).

Репертуарная политика музыкальных коллективов, осуществляющих концертное обслуживание села была чрезвычайно разнообразна по жанровой тематике и строилась в неукоснительном соответствии с неизблемым принципом партийности, следования идеологическим установкам правящей партии. В репертуарных планах присутствовали темы современности, нравственного поиска советского человека, темы возвеличивания революционных и военных подвигов советского народа, классические произведения, произведения местных авторов, национальная тематика и многое другое, что, несомненно, способствовало решению, стоящих перед музыкальными исполнителями задач как идейного, так и эстетико-просветительного плана. Репертуар был ориентирован на разнообразные социально-демографические, профессиональные, этнические группы советского населения, учитывая их профессиональные и возрастные особенности и предпочтения.

К примеру, в программу Оренбургского народного хора, продемонстрированную сельскому зрителю в 1978 г. были включены постановки номеров об оренбургском газе, вокально-хореографическая картина «Багренъ». Татарским драматическим коллективом Оренбургской областной филармонии был показан и стал популярным и востребованным у татаро-башкирского населения региона спектакль Н. Асамбаева

и Ф. Асанова «Улица широкая». Ориентированный на детскую аудиторию детский коллектив «Звездочка» осуществлял свою деятельность исключительно в сельских районах области со спектаклями «Приключения Бублика в Африке», «Удивительная бомба». В первом отделении репертуарной программы эстрадного коллектива Оренбургской областной филармонии «В добрый путь» присутствовали произведения, посвященные строителям газопровода «Союз», исполнявшиеся под девизом «Магистраль семи флагов»².

В поздний советский период музыкальные коллективы освоили и внедрили как новые методы концертного обслуживания села, так и усовершенствовали способы, ставшие традиционными для советского искусства.

Концертное обслуживание сельчан осуществлялось в рамках дней и праздников музыки, организовывавшихся на селе. Праздник музыки под лозунгом «Композиторы Башкирии — XXVI съезду КПСС» был проведен в января 1981 г. в сельских районах республики. Ведущие исполнители филармонии совместно с национальными композиторами Р. М. Хасановым, Р. Х. Газизовым, Х. Ф. Ахметовым, Д. Д. Хасаншиным выступили с концертами-отчетами в совхозах и колхозах Мелеузовского и Федоровского районов автономной республики в рамках 35 творческих встреч³.

Недели музыки и поэзии, включавшие филармонические концерты, стали традиционными в изучаемый период в Челябинской области. Так, в феврале 1984 г. в Увельской районе Челябинской области была проведена неделя музыки, в рамках которой было дано 22 музыкальных концерта, в том числе с участием композитора, заслуженного артиста РСФСР В. Афанасьева и народного артиста СССР, солиста Академического Большого театра А. Ф. Ведерникова⁴. Неделя музыки в Октябрьском районе Челябинской области, проходившая в ноябре 1984 г., включала 34 концерта, в создании которых принимали деятельностное участие рабочая хоровая капелла «Металлург», залуженный артист РСФСР М. Дробина, лауреат Всесоюзных конкурсов О. Глухов, Композитор Е. Гудков, солисты Челябинской театр оперы и балета⁵.

Ставшие уже традиционными «Поезда искусств» регулярно осуществляли свою просветительскую миссию на Урале. «Поезда искусств», организуемые объединенными усилиями Челябинской областной филармонией и бюро путешествий и экскурсий, являли собой систему

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 1091. Л. 27.

³ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 10295. Оп. 1. Д. 146. Л. 17.

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

комплексных мероприятий по пропаганде среди сельчан разнообразных искусств. В работе «Поезда искусства» в июле 1972 г. наряду с сотрудниками картинной галереи, краеведческого музея, общества «Знания», приняли участие вокально-инструментальный ансамбль «Уральская скоморошина» и струнный квартет Челябинской областной филармонии. Поезд проходил через села Красноармейского, Чебаркульского, Кунашакского районов области, в которых музыкальными коллективами было дано 22 концерта, из них 3 — шефских⁶. В Свердловской области в 1983 г. очередной «Поезд искусства» осуществил концертное обслуживание в 7 районах области, способствовал распространению эстетических ценностей, приобщению сельчан к музыкальному искусству⁷.

Концертное обслуживание сельчан осуществлялось и сторонними, приглашенными из других регионов страны, творческими коллективами. В сельских районах Оренбургской области концертировали Черкасский народный хор, Сибайский драматический театр, Чувашский ансамбль народного танца, эстрадные бригады из Ленинграда и Москвы⁸. К примеру, в Челябинской области, в апреле 1984 г. в рамках фестиваля «Уральские зори», на проведенных творческих встречах с концертами выступили солисты Большого театра А. Бабыкин, Г. Чернобой и Г. Калинкина, а также артисты Ленинградского и Московского драматических театров. Успешно выступили перед тружениками сел и деревень Аргаяшского, Красноармейского и Сосновского районов Челябинской области музыкальные коллективы Оренбургского и Воронежского хоров. Нагайбакский район радушно принял концертные выступления татаро-башкирской группы «Родные напевы», в репертуар которой был представлен современными и народными татаро-башкирскими песенными произведениями⁹.

В исследуемый период музыкальными коллективами начитается использование ценных возможностей активно входящего в быт советских граждан телевидения как канала трансляции музыкальных концертов. Ряд музыкальных коллективов Урала наладили тесные контакты с телевидением, используя новые, более современные способы передачи своих творческих продуктов. К примеру, в Челябинской области на телевидении возникла регулярная рубрика «Сельский клуб принимает гостей», основное содержание которой, помимо повествования о передовиках производства, было заполнено концертными выступлениями музыкальных коллективов, таких как Оркестр народных инструментов имени

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 937. Л. 7.

⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 106. Д. 435. Л. 133–134.

⁸ ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 856. Л. 8.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2–3.

Н. П. Осипова, Омский и Уральский русские народные хоры и многих других популярных исполнителей¹⁰. Оренбургский народный хор записал свою программу на студии «Мелодия» на Центральном телевидении¹¹.

Концертное обслуживание села способствовало распространению эстетических знаний среди различных социально-демографических категорий населения. В Оренбургской областной филармонии группами музыкального лектория в 1979 г. было разработано тематическое мероприятие «Есть хлеб — будет и песня» по мотивам произведения Л. И. Брежнева «Целина» и осуществлено более 200 концертов на эту тему в школах городов и сел Оренбургской области¹². Свердловская областная филармония разработала и воплотила в жизнь концертные программы для младших школьников на тему «Клуб музыкальных путешествий»¹³. Только в 1984 г. в Челябинской областной филармонии было разработано более 100 разнообразных абонементов с учетом профессионально-демографических характеристик концертной аудитории. В число абонементных циклов входили концерты для рабочих и инженерно-технических работников, симфонические утреники для школьников, камерные концерты мастеров искусств, абонементы с участием лучших художественных коллективов страны. Аргаяшский, Брединский, Верхнеуральский, Красноармейский, Чесменский районы приобрели вновь открывшиеся сельские филиалы Челябинской областной филармонии, в задачу которых входила обязанность согласовывать концертную работу на местах¹⁴. В селах Пермской области в середине 1980-х гг. насчитывалось 4 сельских филиала Пермской областной филармонии работали 3 университета культуры¹⁵.

Концертное обслуживание в исследуемый период являлось важнейшим аспектом активности музыкальных коллективов, через который шла трансляция ценностей музыкальной культуры в сельский социум советской формации, обогащая духовный мир советского человека, способствуя формированию высоких эстетических вкусов и предпочтений, приобщая граждан к идейности средствами эстетики. Концертные выступления музыкальных коллективов на селе осуществлялись как автономно, так и логично вплетались в иные мероприятия (дни и поезда искусств, шефская помощь, филиалы филармоний, университеты культуры). Творческие коллективы начинают пользоваться возможностями телевидения, набиравшего обороты популярности в изучаемую эпоху, тем самым

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2089. Л. 4.

¹¹ ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 1091. Л. 27.

¹² ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 856. Л. 35.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 435. Л. 133–134.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2086. Л. 5–6.

¹⁵ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 105. Оп. 354. Д. 3867. Л. 7.

осваивая новые горизонты возможностей для охвата в больших масштабах сельской аудитории. Анализ архивных источников позволяет сделать вывод о расширении концертного обслуживания села в исследуемый период, усилении активности музыкальных коллективов на селе, внедрении в практику их деятельности новых способов трансляции продуктов, концертных программ своей творческой работы.

ОБ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»

В статье рассматриваются основные мероприятия в области аграрной политики в годы «Перестройки», обозначаются характер и этапы преобразований. Дается оценка провозглашенным реформаторским инициативам и мероприятиям. Делаются выводы о неоднозначных практических результатах реформаторских начинаний партийно-государственного руководства.

Ключевые слова: перестройка, агропромышленный комплекс, ускорение, продовольственная программа, кооперация, Госагропром, сельское хозяйство, аграрное производство.

Filatov S. V.

ON THE AGRARIAN POLICY OF THE «PERESTROIKA» PERIOD

The article describes the main actions in the field of agrarian policy during the years of «Perestroika,» identifies the nature and stages of the changes. The stated reform initiatives and activities are evaluated. Conclusions are made about the ambiguous practical results of reform initiatives of the party-state leadership.

Keywords: restructuring, agro-industrial complex, acceleration, food program, cooperation, Gosagroprom, agriculture, agricultural production.

С приходом к власти в марте 1985 г. нового политического руководства начался новый и последний период советской истории, получивший название «перестройки». Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Председатель Совета Министров Н. И. Рыжков инициировали ряд реформ в различных областях общественной жизни, в том числе, и в аграрном секторе народного хозяйства, направленных на преодоление нараставшего кризиса системы «государственного социализма»². В отечественной историографии широко принято выделение в реализации стратегии «перестройки» двух этапов (1985–1987 гг. и 1987–1990 гг.), отличавшихся

¹ Филатов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Исторических наук и политологии, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Россия, г. Ростов-на-Дону, filatovsv@rambler.ru

² Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. — СПб., 2010. — С. 57.

по характеру реформаторских инициатив³. Во многом это справедливо и для оценки аграрной политики той эпохи.

Как известно, этап реформ 1985–1987 гг. проходил в рамках курса «ускорения социально-экономического развития страны», провозглашенного М.С. Горбачевым на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС. Мероприятия курса на «ускорение» не предусматривали ломки сложившейся командно-административной системы управления сельским хозяйством и во многом были продолжением политики «авторитарной модернизации», начатой генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. Андроповым в 1982–1983 гг., когда М.С. Горбачев уже выступал куратором вопросов по сельскому хозяйству в Политбюро ЦК⁴. Прежде всего, к середине 1980-х гг. реализовывалась принятая в 1982 г. «Продовольственная программа», представлявшая систему экономических, материально-технических, организационных и социальных мер по решению проблем производства и потребления основных продуктов питания. При этом, производственные задачи здесь были тесно увязаны с вопросами развития агропромышленного комплекса СССР, улучшения социально-бытовых условий жизни на селе⁵. Одновременно с программой был утвержден ряд постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, призванных преодолеть дискриминационную систему взаимоотношений партнеров в АПК, при которой колхозы и совхозы оставались безропотными донорами других отраслей экономики. Среди них: «О мерах по совершенствованию экономического механизма и укреплению экономики колхозов и совхозов» (1982 г.), «О совершенствовании экономических взаимоотношений сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства» (1983 г.), «О недостатках в установлении надбавок к закупочным ценам на сельхозпродукцию, продаваемую государству низкорентабельными и убыточными колхозами и совхозами» (1983 г.), «О некоторых вопросах организации и деятельности агропромышленных объединений» (1983 г.)⁶.

По существу, аграрный курс периода «ускорения» должен был обеспечить решение объективно назревших еще до 1980-х гг. задач советской хозяйственной системы — сбалансированной интеграции структуры АПК, интенсификации сельхозпроизводства, преодоления дефицита продуктов

³ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. — М., 2008. — С. 242.

⁴ Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. 1946–1985 гг. — СПб., 2010. — С. 310.

⁵ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1984. — С. 28.

⁶ Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 139.

питания и качественного роста благосостояния сельских тружеников⁷. Кроме прочего, «Продовольственная программа», как и в целом аграрная политика 1982–1987 гг., испытывала сильное влияние концепции «развитого социализма». Это выражалось в недооценке колхозной формы производства, положении о важности обеспечения целостности экономики, в которой не находилось места как для частной, так и для кооперативной собственности. В данный период продолжали довлеть догмы о социально-классовой структуре советского общества, отражавшие неполноправное положение крестьянства, недооценку его особенностей и специфики как класса. По-прежнему, при оценке перспектив развития сельского хозяйства в партийных документах подчеркивалась особая роль планирования, а проблемы внедрения хозяйственной самостоятельности и хозяйрасчета сельхозпредприятий сводились к формальным декларациям⁸. В этом видится не только специфика начального этапа «перестройки», но и причина того, что в этот период М. С. Горбачеву не удалось добиться реального поворота экономической политики к приоритетному обеспечению потребностей аграрного сектора.

Итоги выполнения 11-й пятилетки показали, что меры одобренные майским 1982 г. пленумом ЦК КПСС существенно не изменили положения в сельском хозяйстве. «Продовольственная программа» выполнялась с большим напряжением, а хозяйственный механизм АПК СССР по-прежнему находился под диктатом ведомств⁹. Однако и в 1985 г., уже будучи генеральным секретарём партии, М. С. Горбачев еще надеялся на результативность прежней аграрной политики, придав ей дополнительный импульс. После апрельского (1985 г.) пленума ЦК, партийно-государственное руководство пришло к признанию целесообразности создания единых органов управления АПК — Госагропрома СССР, государственных агропромышленных комитетов союзных и автономных республик, краев, областей и районов. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом», принятом в ноябре 1985 г., отмечалось, что появление централизованной системы управления АПК, даст необходимый эффект, особенно, при условии четкого распределения функций, прав, обязанностей и конкретной ответственности каждого из уровней управления АПК¹⁰. Госагропром СССР, как центральный административный орган, должен был

⁷ Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 151.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Беспяхотный Г. В., Штанов В. И. Пути перестройки хозяйственного механизма АПК. — М., 1987. — С. 54.

¹⁰ Беспяхотный Г. В., Штанов В. И. Пути перестройки хозяйственного механизма АПК. — М., 1987. — С. 68.

сосредоточиться на решении базовых проблем, связанных с ускорением научно-технического прогресса в агропромышленном производстве и обеспечить научно-обоснованное планирование, финансирование, ресурсное обеспечение производства, способствовать интеграции сельхозпредприятий с перерабатывающей промышленностью, совершенствовать экономические методы хозяйствования и хозрасчетных отношений. В этой связи, на агропромышленные комитеты республик, краев и областей были возложены задачи выполнения планов по производству, закупкам и поставкам сельхозпродуктов в общесоюзный фонд, развития взаимосвязей в деятельности предприятий по переработке и хранению сельхозпродукции.

Однако, уже в начале 1987 г. был признан фактический провал курса на «ускорение» и начался этап «перестройки», непосредственно связанный с формированием концепции «социалистического рынка», являвшейся вариантом либерально-демократической ревизии теории социализма с характерными догмами о возможности совершенствования социализма путем либерализации экономических отношений, монополизации, децентрализации, разгосударствления собственности и т.п.¹¹

Начало более решительных преобразований было провозглашено М.С. Горбачевым на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС, где он подверг резкой критике ведомственную бюрократию и высказался за расширение самостоятельности государственных предприятий, развитие разнообразных форм кооперации и частной хозяйственной инициативы. В своем выступлении на пленуме генеральный секретарь развенчал прежние предубеждения в отношении колхозов: «Неправильное отношение было к кооперативной собственности, которая изображалась как нечто «второстепенное» и бесперспективное. Все это имело серьёзные последствия в аграрной и социальной политике, порождало администрирование в отношениях с колхозами...»¹². Вскоре решения партийного форума отозвались соответствующими инициативами в аграрном секторе, где стали появляться новые формы организации производства в виде агропромышленных комбинатов, агрофирм, агропромышленных объединений¹³. По инициативе регионов, в РАПО стали упраздняться отраслевые отделы, на их месте формировались кооперативы земледелия, животноводства, материально-технического обслуживания и пр. Создаваемые на добровольных началах, кооперативы наделялись правами юридического

¹¹ Полынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. 1946–1985 гг. — СПб., 2010. — С. 96.

¹² Беспяхотный Г. В., Штанов В. И. Пути перестройки хозяйственного механизма АПК. — М., 1987. — С. 38.

¹³ Тюрина А. П. Советская деревня на путях обновления. — М., 1989. — С. 18.

лица, обзаводились самостоятельным балансом и счетом в банке. Советы кооперативов и их председатели избирались собранием уполномоченных представителей коллективов-учредителей и утверждались советом РАПО. Председателями, как правило, становились руководители хозяйств или главные специалисты сельского хозяйства. Вся деятельность членов кооперативов осуществлялась на договорной основе и взаимной ответственности между учредителями и советом¹⁴.

Вместе с этим, нарастание экономических трудностей вскоре вызвало дальнейшее наступление на ведомственные структуры управления сельским хозяйством в 1988–1989 гг. В выступлении на июльском 1988 г. пленуме ЦК, М. С. Горбачев высказался следующим образом о текущих приоритетах аграрной политики: «Раз уж мы признали, что нынешняя система управления АПК особого эффекта не дала и изживает себя, то не стоит за нее держаться. Нам надо широко переходить к добровольному созданию колхозами и совхозами совместных органов управления вместо РАПО, к кооперативным формам производственно-технического и экономического обслуживания. Причем эти принципы стоит распространить и на более высокие уровни управления АПК»¹⁵.

Вскоре поле пленума специально созданная комиссия Политбюро ЦК КПСС определила главные направления реорганизации Госагропрома СССР, деятельность которого должна была сосредоточиться преимущественно на организации планирования и регулирования экономических отношений АПК, совершенствовании хозяйственного механизма, проблемах кадровой, научно-технической, инвестиционной и финансовой политики. Структура центрального аппарата теперь должна была основываться на функциональном принципе, исключая узкоотраслевой подход к решению проблем АПК. При этом на аппарат, численность управленцев которого планировалось сократить в двое, было решено возложить ответственность за те проблемы, решение которых не могло передаваться на места — в республики, края и области. Одновременно, в краях и областях должны были преступить к созданию кооперативных объединений, которым передавались функции управления агропромышленным производством на местах¹⁶.

Но этим планам не суждено было состояться. Реформаторские инициативы приобретали все более радикальный характер. Мартовский (1989 г.) пленум ЦК КПСС принял решение об упразднении Госагропрома СССР и образовании Государственной комиссии СМ СССР по продовольствию и закупкам. Партийный форму признал необходимым «исключить

¹⁴ Тюрина А. П. Советская деревня на путях обновления. — М., 1989. — С. 33.

¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 года. — М., 1988. — С. 24.

¹⁶ Тюрина А. П. Советская деревня на путях обновления. — М., 1989. — С. 25.

всякое давление в выборе форм управления «... при всем их разнообразии, общим для всех должны быть самостоятельность и самоуправление, экономические методы руководства хозяйственной деятельностью, развитость кооперативных начал, налаживание интеграционных связей в производстве, переработке и реализации продукции»¹⁷. В постановлении СМ СССР, принятом вскоре после пленума, была сформулирована задача: преобразовать РАПО из органов государственного управления в хозрасчетные формирования, широко распространять новые организационные формы агропромышленной интеграции и кооперирования, а именно — агропромышленные объединения, агрокомбинаты, агрофирмы, производственные объединения, ассоциации и другие формирования, создаваемые на добровольной основе¹⁸. Кроме этого, партийный форум отметил, что для поддержания эквивалентного обмена между аграрным сектором и другими сферами народного хозяйства важно не допускать завышения цен на продукцию, поставляемую промышленностью. С этой целью было принято решение выработать ценовой паритет и создать механизм его поддержания, установить за этим надлежащий контроль. Дополнительной мерой по повышению экономической заинтересованности сельхозпредприятий в производстве продукции стало введение договорных цен и развитие арендных отношений¹⁹.

Очередная реорганизация управления АПК, не решив прежних проблем (командно-административные методы руководства, ведомственность), породила новые. Результатом передачи большинства прав в союзные республики страна лишилась единого общегосударственного органа руководства АПК. В этой связи, совершенно ожидаемым было появление в 1990 г. идеи воссоздания Министерства сельского хозяйства СССР. Последний в истории СССР XXVIII съезд КПСС, в июле 1990 г. принял решение о создании Министерства сельского хозяйства и продовольствия²⁰.

Таким образом, ярким выражением аграрного курса «перестройки» являлась перманентная реорганизация управления агропромышленным комплексом СССР. При этом, каждая новый этап реформирования административных структур АПК проводился в то время, когда предыдущий этап входил в стадию стабилизации. Общей проблемой данной политики оставались кадры. Массовый слой управленцев, сформировавшийся в условиях командно-административного управления сельским хозяйством,

¹⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15–16 марта 1989 года. — М., 1989. — С. 159.

¹⁸ Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 151.

¹⁹ Тюрина А.П. Советская деревня на путях обновления. — М., 1989. — С. 18.

²⁰ Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 159.

в целом оказался не готов к переходу на экономические методы управления, следствием чего явилось воспроизводство привычных для советских руководителей и специалистов форм, методов управления. Вместе с этим, анализ официальной статистики сельхозпроизводства показывает, что после майского (1982 г.) пленума ЦК в течение пяти лет происходил рост производства сельхозпродукции, сменившийся спадом на 1,2 % в 1987 г. После чего последовали еще два года подъема и очередной спад на 2,8 % в 1990 г.²¹ Это говорит о том, что после принятия «продовольственной программы» и ряда мер по оздоровлению аграрной экономики 1982–1983 гг., развитие сельхозпроизводства стало носить стабильный характер, нежели в период 1965–1981 гг. Динамика сельхозпроизводства 1980-х гг. отмечена как отсутствием выраженных скачков «вверх», так и крупных спадов. Возможно это и являлось определенным достижением аграрного курса М. С. Горбачева. Вместе с этим, мы можем предполагать, что потенциал роста сельскохозяйственного производства в период «перестройки» не был реализован до конца. Он сдерживался многочисленными субъективными и объективными факторами — от сокращения поставок сельхозтехники, минеральных удобрений предприятиям и т. п. — до ситуации потери контроля над аграрным сектором из-за постоянных реорганизаций системы управления.

²¹ Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 170.

**ПРОСЧЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО СОЦИАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ СЕЛА В 1990-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

В статье на основе статистических данных и материалов периодической печати анализируется состояние социальной сферы села в 1990-е гг. в областях Центрального Черноземья, выявляются просчеты государственной политики по социальному возрождению села.

Ключевые слова: аграрная реформа, государственная политика, социальная сфера, Центральное Черноземье, инфраструктура, жилищные условия.

Logunova I. V.

**MISCALCULATIONS OF THE STATE POLICY ON THE SOCIAL REVIVAL
OF THE VILLAGE IN THE 1990S (BASED ON THE MATERIALS OF THE
REGIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION)**

The article analyzes the state of the social sphere of the village in the 1990s in the regions of the Central Chernozem region on the basis of statistical data and materials of the periodical press, reveals the miscalculations of the state policy for the social revival of the village.

Keywords: agrarian reform, state policy, social sphere, Central Chernozem region, in-frastructure, housing conditions.

На рубеже 1980–1990-х гг. одной из основных целей проведения аграрной реформы стало социальное возрождение села, предполагавшее выравнивание условий жизни в городе и деревне при сохранении самобытности сельского образа жизни и создание для живущих в сельской местности социально-экономических преимуществ, призванных повысить престиж труда и жизни на селе. На реализацию поставленных задач был направлен Закон «О социальном развитии села», принятый в декабре 1990 г. на II (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР². В соответствии с этим законом правительство приняло шесть государственных

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Липецкий филиал, Россия, г. Липецк, logunova.12@gmail.com.

² Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 411.

социальных программ, реализация которых была рассчитана на 1991–1995 гг.: «О строительстве объектов жилищного и культурно-бытового назначения», «О сельской газификации», «О дорожном строительстве в сельской местности», «О развитии водоснабжения сельских населенных пунктов», «О развитии электрификации села», «О развитии средств электрической и почтовой связи, радио и телевидения в сельской местности». Однако этим программам не суждено было осуществиться.

После распада СССР в декабре 1991 г. начался новый этап аграрной реформы. Функции управления и финансирования социальной сферы были переданы с федерального уровня на местный³, правительство перестало выделять средства для реализации социальных программ. В результате государственная программа возрождения российской деревни на 1991–1995 гг. практически была сорвана. Так, в Липецкой области в указанный период ввод в эксплуатацию жилых домов был выполнен на 37 %, школ — на 39 %, дошкольных учреждений — на 18 %, клубов — на 17 %, тепловых сетей — на 13 %, канализационных сетей — на 5 %, внутрихозяйственных дорог с твердым покрытием — на 32 %⁴.

Проведение аграрной реформы сопровождалось сокращением инвестиционной активности, что отрицательно сказалось не только на производственной, но и на социальной сфере села. В Липецкой области в 1990-е гг. капитальные вложения в агропромышленный комплекс сократились более чем на 90 %⁵. При этом, как правило, основная часть капитальных вложений приходилась на объекты производственного назначения и лишь оставшиеся 7–12 % направлялись в непроизводственную сферу⁶. Державшаяся ранее на государственных дотациях и лишенная теперь этой поддержки социальная сфера села не могла нормально развиваться. Положение еще больше ухудшилось после начавшейся в 1992 г. реорганизации сельскохозяйственных предприятий, когда колхозам и совхозам было предоставлено право передавать в ведение местных властей (сельских (поселковых) Советов народных депутатов) объекты социальной сферы, жилой фонд, внутрихозяйственные дороги, системы энергообеспечения, водоснабжения, газоснабжения и телефонизации⁷.

³ Постановление правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. (п. 5) // Собрание постановлений правительства РФ. 1992. № 1–2. Ст. 9.

⁴ Юдин О.И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК // Социально ориентированная рыночная экономика: теория, практика, проблемы. — Липецк, 1998. — С. 53.

⁵ Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1997. — С. 130.

⁶ Липецкая газета. 1997. 29 января, 1998. 3 февраля; Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1997. — С. 130.

⁷ Постановление правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 января 1991 г. // Собрание постановлений правительства РФ. 1992. № 1–2. Ст. 9.

Ситуация на селе в то время складывалась таким образом, что из-за больших экономических трудностей, вызванных диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, монополизмом перерабатывающей промышленности, а также значительным сокращением и нестабильностью государственной поддержки, у сельскохозяйственных предприятий не стало средств для содержания социальной сферы села. Поэтому многие из них, воспользовавшись предоставленным им правом, начали передавать объекты социальной сферы местным органам власти. Однако порядок передачи и дальнейшего содержания передаваемых объектов не был четко определен. Это, в свою очередь, нередко приводило к возникновению конфликтов, когда органы местного самоуправления требовали от сельхозпредприятий проведения ремонта социальных объектов и участия в их финансировании⁸. Проблему удалось урегулировать лишь в июле 1995 г. благодаря принятию постановления правительства «О передаче объектов социальной и инженерной инфраструктуры сельскохозяйственных организаций»⁹. Несмотря на то, что в 1990-е гг. наметилась тенденция к усилению роли местных органов власти в деле ведения социальной сферы села, они по-прежнему не обладали необходимыми полномочиями, а их бюджетная база оставалась крайне слабой.

Итак, в ходе аграрной реформы старая система финансирования социального и инженерного обустройства села, находившаяся в руках колхозов и совхозов и опиравшаяся на государственные дотации, была полностью демонтирована, а новая, связанная с местными органами власти, еще не создана. Данное обстоятельство отрицательно сказалось на развитии социальной сферы села.

В 1990-е гг. возникли большие трудности в сфере улучшения жилищных условий сельских жителей. Во-первых, начиная с 1992 г., резко сократилось строительство жилья. Так, в Тамбовской области ввод жилых домов в 1992 г. по сравнению с предыдущим годом снизился почти в 3 раза¹⁰. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода, что можно проследить на примере Липецкой области. Если в 1990 г. здесь было введено в действие 173,6 тыс. кв. м жилых домов, то в 1992 г. этот показатель составил 89,6 тыс. кв. м (то есть сократился почти в 2 раза), в 1993 г. — 86 тыс. кв. м, в 1996 г. — 59,6 тыс. кв. м, в 1998 г. — 35 тыс. кв. м (что почти в 5 раз было ниже уровня 1990 г.)¹¹. Одна

⁸ Беляева З. С. Аграрная реформа и изменение организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий // Реформирование сельскохозяйственных предприятий: правовые проблемы. — М., 1996. — С. 10.

⁹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2945.

¹⁰ Тамбовская жизнь. 1993. 26 января.

¹¹ Агропромышленный комплекс Липецкой области в период перехода к рыночным отношениям. Стат. сб. за 1992 г. — Липецк, 1993. — С. 100; Агропромышленный комплекс Липецкой

из основных причин сокращения строительства жилья в сельской местности заключалась в отсутствии у сельхозпредприятий необходимых денежных средств. В условиях, когда цены на стройматериалы увеличились в 11 раз, а подрядчики стали брать за работу в 8–10 раз дороже¹², только экономически крепкие хозяйства (число которых было невелико) могли позволить себе вести строительство жилья на собственные деньги. Среди них: колхоз им. Винниченко Суджанского района Курской области, колхоз «Рассвет» Лискинского района Воронежской области, коллективное сельскохозяйственное предприятие «Рассвет» Хлевенского района Липецкой области¹³. Решение проблемы было найдено в 1996 г. в Белгородской области, где по инициативе местной администрации в действие была введена программа «Свой дом». Она была нацелена на оказание помощи сельским жителям (в первую очередь, фермерам) в строительстве жилья. По этой программе всем желающим сроком на два года выдавался кредит под 1 % годовых при условии, что полученная сумма будет возвращена сельхозпродукцией. Помимо финансовой помощи также оказывалось содействие в разработке проектов строительства, в предоставлении транспортнх средств и т. д. С лета 1998 г. программа «Свой дом» была запущена и в Липецкой области. В результате в 1998 г. по области было введено в эксплуатацию 840 кв. м жилой площади, в 1999 г. — 41 тыс. кв. м, в первом полугодии 2000 г. — 30 тыс. кв. м¹⁴.

Во-вторых, в 1990 е гг. в сельской местности практически перестали проводиться работы по благоустройству жилых домов. Сельские жители были лишены элементарных коммунальных удобств. Так, в Тамбовской области в 1992 г. каждые четыре из пяти сельских населенных пункта не пользовались централизованным водоснабжением, 99 % не имели канализационных сооружений, газом было обеспечено около трети сел (при этом в 1992 г. протяженность газопровода в области практически не увеличилась)¹⁵. Подобным образом обстояло дело с благоустройством жилых домов и во всех остальных областях Центрального Черноземья. Правда, на этом фоне особо выделялась Липецкая область, где существенное внимание уделялось вопросу газификации сельских населенных пунктов. В результате в 1990 е гг. в области значительно повысился уровень

области. Стат. сб. за 1993 г. — Липецк, 1994. — С. 91; Юдин О. И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК. — Липецк, 1998. — С. 54; Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 63.

¹² Липецкая газета. 1992. 24 июля.

¹³ Коммуна. 1993. 1 апреля; Курская правда. 1994. 26 января; Липецкая газета. 1995. 1 февраля.

¹⁴ Социально-экономическое положение Липецкой области за январь–декабрь 1999 года. — Липецк, 2000. С. 178.

¹⁵ Тамбовская жизнь. 1993. 26 января.

газоснабжения. В 1992 г., в отличие от Тамбовской области, в Липецкой области было введено в действие 362,3 км газопровода, что в 1,6 раза было выше уровня 1990 г.¹⁶ В последующем протяженность уличной газовой сети в Липецкой области с каждым годом продолжала расти: в 1993 г. было пущено в эксплуатацию уже 472 км газопровода, а в 1998 г. — 1369 км¹⁷. Результатом успешного выполнения областной программы газификации села стало то, что в 1998 г. протяженность газопровода по сравнению с 1990 г. увеличилась более чем в 7 раз, а количество газифицированных квартир на селе достигло 90 %¹⁸. Однако, в 1996–1998 гг., несмотря на возросшие темпы газификации, сократилось среднее количество квартир, газифицированных за год. Данное сокращение объяснялось тем, что, во-первых, основная часть сельских квартир уже была газифицирована, а во-вторых, из-за возросших цен на газовое оборудование и подключение дома к газовой сети далеко не все сельские семьи (и тем более пенсионеры) могли собрать требуемую сумму. Поэтому даже в районных центрах (например, пгт. Добринка) и крупных селах (например, Талицкий Чамлык Добринского района) нередко были случаи, когда при наличии газопровода дома продолжали отапливаться углем и дровами.

Еще хуже дела обстояли с предоставлением сельским жителям иных видов коммунальных услуг. С 1990 по 1998 г. протяженность водопровода в Липецкой области увеличилась всего лишь на 535 км, канализационных сооружений — на 23 км¹⁹. В 1998 г. центральным отоплением в сельской местности было оборудовано 68 % жилых домов, водопроводом — 49 %, канализацией — 46 %, горячим водоснабжением и ваннами — 36 %²⁰. Четвертая часть населенных пунктов по области не была телефонизирована²¹. К тому же за годы реформы число радиоточек в сельской местности сократилось в 1,5 раза²².

Большие проблемы существовали и с обеспечением сельских населенных пунктов дорогами с твердым покрытием. Качество сельской

¹⁶ Агропромышленный комплекс Липецкой области в период перехода к рыночным отношениям. Стат. сб. за 1992 г. — Липецк, 1993. — С. 100.

¹⁷ Агропромышленный комплекс Липецкой области. Стат. сб. за 1993 г. — Липецк, 1994. — С. 91; Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 69.

¹⁸ Рассчитано по: Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 69; Юдин О. И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК. — Липецк, 1998. — С. 55.

¹⁹ Рассчитано по: Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 66, 68.

²⁰ Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 285.

²¹ Юдин О. И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК. — Липецк, 1998. — С. 54.

²² Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1997. — С. 165.

дорожной сети оставляло желать лучшего. В Центральном Черноземье около половины сельских автодорог общего пользования приходилось на грунтовые, которые в осенне-весенний период становились практически непригодными для передвижения²³. Однако из-за отсутствия финансирования строительство автомобильных дорог с твердым покрытием практически прекратилось. Если в 1990 г. в Липецкой области было введено в эксплуатацию 204,5 км автодорог, в 1993 г. — 154,3 км, то в 1996 г. — всего лишь 19 км (что было в 10,8 раз меньше уровня 1990 г.)²⁴.

Итак, уровень социальной обустроенности села оставался крайне низким. Наряду со значительным сокращением строительства жилых домов и проведения работ по благоустройству жилищного фонда в 1990-е гг. в сельской местности произошло уменьшение сети дошкольных учреждений, школ, больниц, клубов, предприятий бытового обслуживания. Главная причина этого опять же крылась в недостатке финансовых средств, которых не хватало не только на строительство новых объектов культурно-бытового назначения, но и на завершение строительства объектов, готовность которых составляла 40–60 %. По этой причине в 1992 г. в Тамбовской области было приостановлено строительство детских садов в четырех колхозах и семи совхозах²⁵. В Липецкой области в 1998 г. было введено в действие всего лишь две школы — в Добринском и Чаплыгинском районах и один клуб — в Лебедянском районе²⁶, а с 1994 по 1998 г. на селе не было построено ни одного объекта здравоохранения²⁷. Многие школы, больницы, клубы и магазины нуждались в капитальном ремонте.

В отношении детских садов и школ следует отметить, что большую роль в сокращении их численности играло не только отсутствие финансирования, но и снижение рождаемости на селе. В результате чего существенно уменьшилось число детей дошкольного возраста, и, как следствие, — в сельской местности стали закрываться детские сады. Так, в Липецкой области в период с 1990 по 1998 г. их число сократилось в 1,8 раза, а число детей, посещающих детские дошкольные учреждения, снизилось почти

²³ Тамбовская жизнь. 1993. 26 января; Юдин О. И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК. — Липецк, 1998. — С. 54.

²⁴ Агропромышленный комплекс Липецкой области в период перехода к рыночным отношениям. Стат. сб. за 1992 г. — Липецк, 1993. — С. 100; Агропромышленный комплекс Липецкой области. Стат. сб. за 1993 г. — Липецк, 1994. — С. 91; Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1997. — С. 281.

²⁵ Тамбовская жизнь. 1993. 26 января.

²⁶ Доклад о социально-экономическом положении Липецкой области за 1998 г. — Липецк, 1999. — С. 214.

²⁷ Юдин О. И. Решение социально-экономических проблем в процессе реформирования АПК. — Липецк, 1998. — С. 54.

в 3 раза²⁸. Что касается общеобразовательных школ, то сокращение их численности не было столь значительным. В той же Липецкой области с 1990 по 1998 г. она уменьшилась только на 8,3 % (52 школы)²⁹.

В условиях прекращения государственной поддержки программ социального развития села и недостаточного финансирования этих программ из местных бюджетов ряд сельхозпредприятий собственными силами пытались разрешить некоторые социальные проблемы своих работников. Например, колхоз им. Горького Семилукского района — один из немногих в Воронежской области вкладывал собственные деньги в строительство бесплатного жилья для молодых семей, бесплатное содержание детей в колхозном садике и бесплатное питание школьников, механизаторов и водителей³⁰. Колхозы имени Фрунзе Белгородского района Белгородской области, имени Винниченко Суджанского района Курской области и коллективное сельскохозяйственное предприятие «Рассвет» Хлевенского района Липецкой области на свои средства строили производственные помещения и почти полностью заасфальтировали примыкавшие к хозяйствам проселочные дороги³¹. К сожалению, подобные случаи носили единичный характер, в то время как основная масса сельхозпредприятий не имела возможности выделять средства на социальное развитие села.

Таким образом, в ходе реализации аграрной реформы 1990-х гг. не была достигнута одна из основных целей ее проведения — социальное преобразование села и выравнивание условий жизни в городе и деревне. Переход к рынку, сопровождавшийся снижением государственной поддержки не только производственной, но и непроизводственной сфер села, усилением экономического дисбаланса между городом и деревней, слабостью органов местного самоуправления, затормозил социальное развитие деревни. Различия между городом и деревней в условиях труда и быта, качестве жизни, напротив, стали нарастать. Реформа сопровождалась снижением уровня жизни сельского населения, появлением безработицы, отсутствием элементарных бытовых условий (за исключением повышения уровня газоснабжения), а также необходимого медицинского, торгового и культурного обслуживания, что вызывало у сельских жителей чувство безысходности. Однако проблема преодоления этих трудностей по непонятным причинам выпала из формируемых правительством задач социальной политики. Не была она решена и на региональном уровне.

²⁸ Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 56.

²⁹ Рассчитано по: Экономика и социальная сфера Липецкой области. — Липецк, 1999. — С. 279.

³⁰ Коммуна. 1993. 28 декабря.

³¹ Белгородская правда. 1994. 20 сентября; Курская правда. 1994. 26 января; Липецкая газета. 1995. 1 февраля.

ПУБЛИКАЦИИ НАЧАЛА 1990-х КАК ФОРМА ПРОТЕСТА УЧЕНЫХ ПРОТИВ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье дан обзор публикаций ученых, которые в начале 1990-х гг., выступали за сохранение коллективных крупных предприятий, доказывая, что переход к фермерскому хозяйству в условиях России приведет к утрате продовольственной безопасности. Доказательность этих публикаций обеспечивалась большим статистическим материалом, который и сегодня позволяет читателям сформировать свою позицию.

Ключевые слова: аграрная политика, фермеры, АПК, США, ЕЭС, Россия.

Shirokalova G. S.

PUBLICATIONS OF THE EARLY 1990S AS A FORM OF PROTEST OF SCIENTISTS AGAINST THE AGRARIAN REFORM

Annotation. The article reviews the publications of scientists who in the early 1990s advocated the preservation of collective large enterprises, proving that the transition to farming in Russia will lead to a loss of food security. The evidence of these publications was provided by a large statistical material, which even today allows readers to form their position.

Keywords: agrarian policy, farmers, agriculture, USA, UES, Russia.

В большинстве средств массовой информации, научных и публицистических журналах в конце 1980-х — начале 1990-х гг. шла агитация за развитие агропромышленного комплекса «по западному образцу». Под этим лозунгом принимались законодательные акты, направленные на реорганизацию/разрушение коллективных хозяйств и предоставление льгот индивидуальным крестьянским хозяйствам. Информация же об истинном положении АПК в развитых капиталистических странах, тенденциях его развития крайне редко встречалась вне специальной сельскохозяйственной литературы. Наиболее активно защищали крупные формы сельхозпроизводства в РФ «Международный агропромышленный журнал» (с 1992 г. вынужден сменить наименование на «Международный сельскохозяйственный журнал») и Международный научный журнал

¹ Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. Добролюбова, Россия, г. Нижний Новгород, shirokalova@list.ru.

«Малый бизнес, рынок и общество», публикуя материалы отечественных и зарубежных авторов о положении АПК стран Запада.

Рамки статьи ограничим публикациями в этих двух журналах о странах, в которых традиционно преобладает фермерство. Причем выберем те аспекты, которые воспроизвелись в России в результате аграрной революции 1990-х. Понятие «революция» более точно характеризует это десятилетие, поскольку в АПК произошла кардинальная смена форм собственности.

Для всех развитых зарубежных стран в последние десятилетия XX в. были характерны: 1) медленные темпы роста сельского хозяйства по сравнению с промышленностью; 2) постоянное и ускоренное сокращение сельских жителей в общем населении страны; 3) сокращение численности ферм; 4) рост числа фермеров с частичной занятостью; 5) рост концентрации и специализации производства; 6) поляризация хозяйств: образование большой группы ферм с мелкими и немногочисленной группы с крупными земельными площадями.

В. Пчелинцев приводил следующие данные: среднегодовая численность занятых в сельхозпроизводстве (включая лесное и рыбное хозяйство) 12 стран ЕЭС сократилась за 1975–1988 гг. с 14,2 до 9,2 млн чел. Доля занятых в сельском хозяйстве — с 11 до 6,4 %. Во всех развитых капиталистических странах отмечается сокращение численности ферм, прежде всего, за счет ликвидации мелких немеханизированных и нерентабельных предприятий. В то же время, в период финансовых кризисов сельского хозяйства происходит банкротство и тех, кто применяет интенсивные технологии, обладает опытом работы.

Определяющей тенденцией являлось наличие большой по численности группы хозяйств с мелкими участками и относительно немногочисленной группы ферм, расположенных на крупных площадях. Так, в США, по данным сельскохозяйственной переписи: 28,4 % ферм расположены на участках площадью до 20 га, 41,2 — на площадях от 20 до 105 га и 30,4 % — на участках более 105 га. 58 % всей земли занимали хозяйства, имеющие более 400 га. Их число с 1959 по 1982 г. увеличилось с 136 до 161 тыс. Фермы, расположенные на участках до 4 га, относятся к приусадебным. За 1964–1987 гг. общее число фермерских хозяйств в США сократилось на 34 %, а число ферм площадью до 4 га выросло на 3,7 %.

Увеличивающаяся социально-экономическая дифференциация не находит отражения в средних данных, которые в США таковы: в 1960 г. средний размер составлял 120 га, число занятых на одну ферму — 3,9 чел.; в 1989 г., соответственно, — 184 га и 2,2 чел.

По размерам земельных площадей ферм между США и ЕЭС исторически существуют значительные различия (в среднем более чем в 10 раз):

в 1985 г. средняя площадь составляла около 14 га с одним работником, но указанная тенденция характерна для всех².

Земельная площадь фермы — это ограниченный по экономическому значению показатель, не учитывающий качество земли, объем производства, профиль хозяйства. В анализе структур ферм часто используются группировки на основе стоимостных показателей объема производства. В конце 1980-х гг. в США 15 % ферм (около 300 тыс. хозяйств) производили три четверти сельхозпродукции, 70 % ферм (1,5 млн хозяйств) — лишь 10 % сельхозпродукции. Последняя группа с объемом реализации до 40 тыс. долларов, относится к категории некоммерческих, т.е. не обеспечивает полной занятости и достаточных доходов для семьи фермера. Это результат процесса постоянного роста минимального размера рентабельного хозяйства. В целом 40–60 % сельхозпредприятий не обеспечивают владельцам достаточных доходов. Большинству фермеров приходится совмещать несколько занятий в своем хозяйстве и вне его: магазин, ресторан, ремесленный цех, пансионат для туристов; осуществлять подрядные работы в сельском хозяйстве, используя свою технику, опыт хозяйствования; быть наемными работниками в другой отрасли и т.д. Это сказывается на отношении к фермерству: лишь 43 % фермеров и 29 % наемных работников рассматривали труд в сельском хозяйстве как основное занятие. 11 % заняты в хозяйстве менее 25 дней в году.

В целом же в 1987 г. в сельском хозяйстве США насчитывалось 2,75 млн фермеров, 3,56 млн неоплачиваемых семейных работников и 2,46 млн наемных работников, т.е. 7,7 млн чел.

С падением рентабельности сельхозпроизводства, ухудшается положение сезонных работников. Для 10 % из них — это основное и единственное занятие. Треть работает более 150 дней в году, треть — от 25 до 150 дней, треть — менее 25 дней в году. По оценке Э. Френча, главного эксперта по организации труда Министерства сельского хозяйства США, «нельзя быть профессиональным сельхозработником и зарабатывать достаточно на жизнь». Помимо зарплаты фермер не обязан им что-либо представлять. Оплата же труда — не ниже установленного официального минимума почасовой оплаты, т.е. не менее \$3,8 в час. В общей сложности заработок таков, что жизнь даже в дешевых мотелях недоступна сезонникам. Поэтому иногда фермер для стимуляции производительности представляет им за небольшую плату жилье и еду. Обычно сезонники не закреплены за одной фермой, а работают по системе ротации по мере созревания урожая. Зерновые хозяйства обслуживаются мобильными комбайновыми

² Пчелинцев В. Социально-экономические изменения в аграрном секторе развитых капиталистических стран // Международный агропромышленный журнал 1991. № 6. — С. 13.

колоннами, представляющими собой объединения кооперативного типа. Особенности труда определяют социально-демографическую структуру сезонных работников. Они, как правило, — молодежь, для которой это первая работа; на ней не задерживаются более 4–5 лет. Среди сезонников немало эмигрантов, студентов; встречаются домашние хозяйки, работающие недалеко от места жительства. На сезонников, если они постоянно не работают, не распространяется закон о социальном страховании. Пособие для безработных эквивалентно их среднему недельному заработку или купонам на продукты³.

В последние десятилетия XX в. в аграрном секторе США укрепились позиции крупнейших ферм (с годовым объемом реализованной продукции 500 тыс. долларов и более). В 1987 г. их насчитывалось 32 тыс. хозяйств (1,5 % всех ферм), а их доля в товарной продукции составила 38 %⁴.

Концентрация производства — один из результатов уровня развития технологий и материально-технической базы хозяйств: применение современных машин и технологий требует больших объемов⁵.

Крупнейшие сельскохозяйственные предприятия концентрируются в некоторых отраслях: овощеводство, садоводство, тепличное хозяйство, птицеводство, откорм крупного рогатого скота (их доля в производстве от 50 до 70 %). Крупные фермы используют 55 % всех затрат наемного труда, на их долю приходилось 49 % закупки коров, 39 % совокупных производственных затрат.

По форме собственности фермерские хозяйства неоднородны. Их обследование в штате Нью-Йорк в 1987 г. показало, что 76 % принадлежит индивидуальным собственникам, 17 % ферм — совместным собственникам (партнерам), 7 % — акционерным владельцам (корпорациям). Средняя площадь индивидуальных хозяйств — 136 га; партнерств — 210 га; корпораций — 271 га⁶.

В восьмидесятых годах в АПК США шел процесс образования совместных кооперативных предприятий, которые создавались для осуществления одного-двух видов деятельности. Кооператив несет ответственность за продажу и распределение практически всей продукции, выработанной или переработанной его членами, осуществляет анализ рыночной системы, обеспечивает рекламу. Объемы сбыта продукции и цены на нее устанавливают члены кооператива; за ними сохраняется право полной собственности и контроля за своими долями капитала. Совет директоров

³ Френч Э. Как убирают урожай на американских фермах // Международный сельскохозяйственный журнал. 1992. № 4. — С. 34.

⁴ Пчелинцев В. Указ раб. — С. 14

⁵ Затраты труда снижены // Международный сельскохозяйственный журнал. 1992. № 4. — С. 7.

⁶ Пчелинцев В. Указ раб. — С. 14.

распоряжается только после получения на это разрешения собрания членов кооператива⁷.

Поскольку в небольшом поселении кооператив часто единственная или основная фирма, он обслуживает и других жителей, что способствует развитию сельской общности. Процветающие кооперативы содержат достаточно большой штат, вкладывают деньги в медицинские пункты, местные ярмарки и т. д.

Существует сложность в соблюдении справедливости по отношению ко всем членам кооператива, так как услуги одному могут оказываться за счет другого. Трудно соблюсти справедливость и при дележе прибыли между клиентами пропорционально объему услуг, которыми он воспользовался. Бывает, что получение прибыли кооперативом становится самоцелью, что не выгодно пайщикам. В целом же на долю кооперативов приходится 1/4 закупок и 1/4 продаж. Причем, их доля в различных отраслях различается. Например, они доминируют на молочном рынке, контролируя 80 % продаж; на мясном — роль незначительна⁸.

Кооперативы возникают как реакция на снижение удельного веса сельского хозяйства в экономике страны и доходов производителей, которые ниже доходов городского населения. Причины этого в том, что производительность труда в промышленности достигает высочайшего уровня, практически не достижимого в сельском хозяйстве, где могут быть механизированы лишь некоторые виды работ, а в мелких хозяйствах возможности механизировать труд крестьянина еще более ограничены. Отсюда различия в оплате и льготах социального характера, а, следовательно, отток наиболее активной и образованной молодежи в города. Отъезд молодежи заставляет родителей отказываться от перспективного планирования производства, вложения капитала, внедрения передовых технологий.

Среди всех видов кооперации только кооперативы по совместной обработке земли ведут к вытеснению личного крестьянского хозяйства, прочие же виды кооперации способствуют его функционированию. Не поясняя причин, В. К. Мельядо отмечает, что создать посредством сбытовой кооперации кооперативы по совместной обработке земли или интегрировать отдельные этапы земледелия несложно, в то время как непосредственное создание товариществ по совместной обработке земли наталкиваются на значительные трудности⁹.

⁷ Смешанный кооператив // Международный агропромышленный журнал 1991. № 6. — С. 15.

⁸ Крэйи Д. Роль сельхозкооперативов в экономике США // Малый бизнес, рынок и общество. Международный научный журнал. 1991. № 3. — С. 133–142.

⁹ Мельядо В.К. Сельскохозяйственная интеграция в Европейском континенте 90-х годов // Малый бизнес, рынок и общество. Международный научный журнал. 1991. № 1. — С. 75–78.

Постоянная эволюция части семейных хозяйств в сторону более сложных форм организации является следствием жестокого воздействия механизма конкуренции через ценовые и рыночные связи, растущую зависимость фермеров от других сфер АПК, кредитно-финансовых учреждений и т.д. Растут размеры хозяйств, потребности в капитале, цены на землю и материально-технические ресурсы — в результате семья фермера сама по себе уже не в состоянии обеспечить все факторы производства. Возникают сложные формы собственности, землепользования, управленческого контроля. В некоторых отраслях растет удельный вес наемного труда. Характерно, что при этом благополучие производителя не зависит от того, является ли он собственником земли или арендатором, так как основные факторы успешности хозяйствования лежат в иной плоскости¹⁰.

Экономическая и законодательная стимуляция к созданию на базе семейных ферм корпораций осуществляется следующим образом: 1) акционерная форма организации облегчает передачу фермы наследникам; 2) не облагаются налогом обязательные отчисления на социальное страхование; 3) управляющие и владельцы-пайщики несут меньшую финансовую ответственность за результаты производственной деятельности по сравнению с фермерскими хозяйствами.

Крупные корпорации так же интегрируются в мощные агропромышленные фирмы, которые имеют контрольный пакет акций на переработку и сбыт наиболее доходных продуктов питания¹¹.

В странах ЕЭС тоже взята ориентация на поддержку концентрации сельхозпроизводства. В 1975 г. была принята программа поддержки хозяйств, работающих в неблагоприятных условиях (географических, социально-экономических, природно-климатических и т.д.) с целью уменьшения разрыва в уровнях развития между благополучными и бедными районами, поддержания минимального уровня населения, развития сельскохозяйственного производства и т.д. С 1984 г. принимаются комплексные региональные программы развития этих районов: землеустройство, развитие инфраструктуры, переработка, сбыт продукции, промышленное производство, организация обслуживания туристов и др.

Политика оказания правительственной помощи направлена на предотвращение дробления на мельчайшие хозяйства: пособия выплачиваются тем, кто имеет не менее определенного количества га (в основном

¹⁰ Сергеев С. Ценообразование и ценовое стимулирование производства зерна в США // Международный сельскохозяйственный журнал. 1992. № 4. — С. 32.

¹¹ Коровкин В. Опыт экономической поддержки фермерских хозяйств в ЕЭС и других капиталистических странах // Международный сельскохозяйственный журнал. 1992. № 4. — С. 29.

не менее 3-х га) и намеревается продолжать сельскохозяйственную деятельность не менее 5 лет¹².

В целом же за 1980-е гг. совокупные бюджетные ассигнования в сельском хозяйстве США возросли в 2,7 раза и составила почти половину (45 %) затрат населения на продукты питания. В Дании субсидии фермеров оцениваются в 17,7 % валового внутреннего продукта, Великобритании — 27,2, Норвегии — 32,5¹³.

Вместе с тем появляется мнение о целесообразности мер рыночного регулирования цен. Причина этого — необходимость корректировки программы по аграрной политике, принятой ЕЭС в 1972–1977 гг., успехи которой оказались менее значительными, чем это ожидалось. Причин несколько: недостаточность финансовых средств, избыток рабочей силы в результате повышения производительности труда, который не могут поглотить другие сферы экономики. Определяя положение в сельском хозяйстве как кризисное, специалисты ссылаются на такие показатели: низкая продуктивность сельского хозяйства, заставляющая устанавливать цены на продукцию выше мировых цен и нарушение прав потребителя; разрыв в доходах мелких и крупных производителей, а также различных регионов; перепроизводство некоторых видов продукции. Поэтому перемены в направлении либерализации политики цен и перестройки аграрных структур призваны устранить безработицу, предотвратить углубление противоречий между более богатыми и бедными регионами, снять перепроизводство сельскохозяйственной продукции¹⁴. В связи с этим выбирается другая стратегия — структурное реформирование сельского хозяйства. Согласно этой стратегии, к 1993 г. удваивались ассигнования на:

1 — ликвидацию региональных диспропорций. Наряду с субсидиями на развитие транспорта, связи, дорог, снабжения, народного образования и охрану окружающей среды планировалось инвестировать собственное сельхозпроизводство, способствовать образованию кооперативов по самостоятельной деятельности или обработке земли. В первую очередь в районах рискованного земледелия.

2 — повышение продуктивности сельского хозяйства: модернизация мелких и средних хозяйств с целью повышения их эффективности при качественном и количественном регламентировании производства в соответствии с рыночным спросом. Приоритет отдается совместным формам ведения хозяйства.

¹² Коровкин В. Указ. раб. — С. 30.

¹³ Милосердов В. Переход на рыночные отношения // Международный сельскохозяйственный журнал. 1992. № 4. — С. 15.

¹⁴ Мельядо В. К. Указ. раб. — С. 78–85.

3 — развитие пищевой и перерабатывающей промышленности и организации сбыта, что способствует появлению новых рабочих мест и увеличивает стоимость, дополнительно полученную от переработки продукции.

В зависимости от района и характера продукции, дотации со стороны Общего рынка могут колебаться от 5 до 35 %¹⁵.

Изменяются требования к профессиональной подготовке и уровню образования фермера: кроме технологических, нужны экономические знания. По мере углубления агропромышленных связей предпринимательство становится все более доминирующим качеством фермера. Поэтому постоянно увеличивается доля фермеров, имеющих не только высшее образование, но и ученую степень. Например, в Австралии 10–15 % из них имели высшее образование, около 3 % — ученую степень. Среди обучающихся на фермера половину составляли женщины¹⁶.

Жизнеспособность фермерской системы производства основывается на семейной форме организации хозяйства, зависит от протекционистской политики государства, поскольку степень концентрации производства в аграрном секторе намного ниже, чем в других сферах АПК. Уровень этой протекционистской поддержки, особенно в области регулирования рынков, цен и доходов фермеров, постепенно снижается, но сохраняются значимость и размеры регулирования в области льготной кредитной, налоговой политики, финансирования научных исследований и разработок, системы внедрения достижений НТП, социального развития сельской местности, включая мероприятия в области инфраструктуры, образования, подготовки кадров, медицинского обслуживания, социального обеспечения фермеров и других слоев сельского населения.

Вместе с тем поддержка хозяйств осуществляется избирательно. Например, в Австралии, имеющей высшую производительность сельскохозяйственного труда в мире, наблюдается тенденция хронического обнищания сельского населения. В этих условиях государству выгодно в течение 3-х лет тем, кто хочет оставить фермерство и заняться другими видами деятельности, доплачивать до уровня пособия по безработице. Если через 3 года фермер покидает отрасль, ссуда рассматривается как дотация, если нет, возвращается с большими процентами. И хотя правительство критикуется за пренебрежение к «нежизненным» фермам, так как сокращение числа фермерских хозяйств ведет к упадку маленьких населенных пунктов, влияет на население в целом, этот путь остается единственно

¹⁵ Мельядо В. К. Указ. раб. — С. 78–85.

¹⁶ Фералл Д. Спад в сельскохозяйственном секторе Австралии: реакция правительства // Малый бизнес, рынок и общество... 1992. № 1–2. — С. 109.

возможным, поскольку государство не имеет средств для больших вложений в сельское хозяйство¹⁷.

Последнее замечание Д. Фералла фиксирует важный, но редко упоминаемый факт — упадок маленьких поселений до 1 тыс. чел. Этот процесс характерен и для других государств с сельским хозяйством фермерского типа. Например, А. Джоаль утверждает, что сельская и провинциальная Канада находится в кризисе, но он чаще обсуждается как экономическая проблема и очень редко как проблема поселенческой общности: «сельская и вообще провинциальная инфраструктура и в человеческом и в материальном измерении пребывает в кризисном стагнирующем положении и стоит перед угрозой массовой перестройки». Об этом свидетельствует сокращение традиционных видов деятельности как экономической основы и источника занятости; влияние глобальной перестройки, экономических, технологических и демографических процессов, воздействие роста сектора услуг и малого бизнеса на развитие образа мышления и экономическое поведение, и т.д. Верховная власть давно проводит политику регионального развития, но с опорой только на «жизнеспособные местные сообщества», в которых развивается сектор услуг, малый бизнес и т. п.¹⁸ Одной из мер, способствующих поддержанию поселений, является снижение пенсионного возраста для фермеров с целью замены их молодежью¹⁹.

Подведем итог. Анализ публикаций 1990-х гг. свидетельствует: науке были известны те риски, которые ждут АПК и 27 % сельское население России в результате «фермеризации» по западным лекалам. Все негативные прогнозы сбылись в их худшем варианте, щедрой же помощи от государства селяне не дождались. И это подтверждает вывод тех лет — решение об аграрной революции было политическим и имело основной причиной — создание класса земельных собственников.

¹⁷ Фералл Д. Указ. раб. — С. 109.

¹⁸ Джоаль А. Сельское предпринимательство: канадские общинные программы срочных контрактов // Малый бизнес, рынок... 1991. № 1-2. — С. 112-114.

¹⁹ Мельядо В. К. Указ. раб. — С. 82.

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Цель работы — проанализировать роль профсоюзов агропромышленного комплекса в решении экологических проблем современности.

Изучены формы и методы, особенности деятельности профсоюзов АПК в решении экологических проблем. Проведено сопоставление результатов работы российских профсоюзов АПК с соответствующими показателями представителей международных глобальных профсоюзов. Рассмотрены особенности негативных проявлений минеральных удобрений, пестицидов, различных ядохимикатов на сельское хозяйство и здоровье человека. Проанализирована конкретно-историческая информация, раскрывающая масштабы глобального экологического кризиса, в том числе под воздействием различных пестицидов, удобрений, гербицидов, специализированных наноматериалов, технологий «синтетической биологии» и борьба профсоюзных организаций за экологическую безопасность.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс (АПК), профсоюзы агропромышленного комплекса, глобальные профсоюзы, экология, экологические проблемы.

Krainov G. N., Zubkov S. A.

THE ROLE OF AGRICULTURAL TRADE UNIONS IN SOLVING ENVIRONMENTAL PROBLEMS

Abstract. The purpose of the work is to analyze the role of trade unions in the agro-industrial complex in solving environmental problems of our time.

Forms and methods, features of activity of trade unions of agrarian and industrial complex in the solution of ecological problems are studied. The results of the work of Russian agricultural trade unions were compared with the corresponding indicators of representatives of international global trade unions. The features of negative manifestations of mineral fertilizers, pesticides, various pesticides on agriculture and human health are considered. The article analyzes specific historical information that reveals the scale of the global environmental crisis, including under the influence of various pesticides, fertilizers, herbicides,

¹ Крайнов Григорий Никандрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра «История», Российский университет транспорта (МИИТ). Россия, г. Москва, krainovgn@mail.ru; Зубков Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, кафедра «История» Российский университет транспорта (МИИТ). Россия, г. Москва, zubkoff1956@mail.ru.

specialized nanomaterials, technologies of «synthetic biology» and the struggle of trade Union organizations for environmental safety.

Key words: agro-industrial complex (AIC), trade unions of agro-industrial complex, agricultural trade unions, global trade unions, ecology, environmental problems.

В марте 1919 г. в Петрограде состоялись I Всероссийский съезд Профсоюза сельскохозяйственных работников и I Всероссийский съезд Профсоюза рабочих пищевой промышленности². Впоследствии данный профсоюз не раз укрупнялся и разукрупнялся по территориальному и отраслевому принципу, менял названия и организационную структуру. Последнее такое реформирование произошло в 1986 г., когда был создан Профсоюз работников агропромышленного комплекса СССР.

В настоящее время Профсоюз работников агропромышленного комплекса РФ объединяет более миллиона рабочих сельского хозяйства и смежных отраслей, пищевой и перерабатывающей промышленности в 80 регионах РФ и является членской организацией ФНПР. В профсоюз АПК также входят преподаватели, студенты, учащиеся отраслевых аграрных учебных заведений, которые активно обсуждали с профсоюзами переход на «эффективный контракт»³.

Сегодня одним из актуальных направлений деятельности аграрных профсоюзов является борьба за экологическую безопасность. Начиная с 1980 г., ООН считает угрозу живой природе, исходящую от сельского хозяйства, в числе опасных. Источниками сельскохозяйственного загрязнения являются минеральные удобрения и пестициды. Например, при чрезмерной дозе внесения удобрений возможно накопление в растениях нитратов, большое количество которых попадает в пищу и может вызвать пищевое отравление. Также, попадая в больших количествах в организм человека, нитраты становятся причиной развития рака.

Пестициды входят в число ядохимикатов, применяемых для борьбы с болезнями сельскохозяйственных растений и сорняками. В среднем на каждого человека Земли ежегодно расходуется 400–500 г пестицидов, а в России и США — до 2 кг. При этом, поражая определенные сорняки, пестициды убивают все остальное живое. Из последних наиболее известных фактов в нашей стране, связанных с негативными последствиями применения пестицидов в агропромышленном комплексе, можно отметить

² Крайнов Г. Н. «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // *Общественные науки и современность*. 2021. № 2. — С. 79–89 DOI: 10.31857/S086904990014924-8.

³ Крайнов Г. Н. Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR. — СПб: Лань, 2018. — С. 72.

массовую гибель пчел летом 2019 г., причиной чего явилось опыление посевов рапса пестицидами. Применение работниками АПК пестицидов в производственном процессе наносит вред их здоровью. По данным специалистов ООН, в мире каждые 15 секунд из-за воздействия вредных и отравляющих веществ умирает один работник. Ежегодно число жертв составляет 2,7 млн чел.⁴

Особую актуальность в настоящее время приобретают экологические проблемы, связанные с загрязнением рек. Обилие на малых реках мелких предприятий лесной, пищевой, легкой, текстильной, сельскохозяйственной и промышленности с отсталой технологией очистки воды, приводят нередко к их катастрофическому загрязнению, разрушению экосистем, и полной гибели в реках всего живого. Крупным загрязнителем рек становятся животноводческие комплексы, построенные без очистных сооружений.

Ответом на вызовы, связанные с глобальными экологическими проблемами, стало объединение усилий правительств мира для поиска их решения. Первые шаги были предприняты в июне 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (Бразилия), на которой была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата, заложившая основы национальных стратегий сохранения целостности экосистем и биосферы Земли. Дальнейшие шаги в этом направлении были предприняты на конференциях стран-участниц РКИК ООН, известных как COP (Conference of Parties – COP), которые проводятся ежегодно с 1995 г.

В декабре 2015 г. в Париже на климатическом саммите COP-21 было достигнуто соглашение об установлении контроля за выбросами парниковых газов и сдерживании климатических изменений. Целью Парижского соглашения является стремление не допустить повышения средней температуры на Земле более чем на 1,5 °C⁵.

В решении экологических проблем современного человечества значительная роль принадлежит глобальным профсоюзам, которые включают в себя Международную конфедерацию профсоюзов (МКП), Профсоюзный консультативный комитет Организации экономического сотрудничества и развития (ПКК ОЭСР) и ряд международных отраслевых профсоюзных ассоциаций – Глобальных профсоюзных федераций (ГПФ).

Деятельность глобальных профсоюзов, направленная на решение экологических проблем, характеризуется большим разнообразием форм и

⁴ Зубков С. А. Глобальные профсоюзы в рядах международного экологического движения. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 5. – С. 43–51.

⁵ Крайнов Г. Н. Этапы аграрной политики в современной России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. – Коломна, 2015. С. 366–371; Старостина Л. Сельское хозяйство как фактор воздействия на окружающую среду. – URL: <https://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/>

методов, которые исследованы в наших работах⁶. В частности, нами раскрыта роль в решении экологических проблем международного отраслевого союза IndustriALL, который при этом использует методы и формы социального партнерства, заключая глобальные рамочные соглашения с ТНК. В содержание этих соглашений включаются обязательства ТНК по созданию зеленых рабочих мест и обеспечению экологической безопасности. Проведенный анализ природоохранной деятельности Международной Федерации Транспортников (МФТ), позволил авторам выделить следующие ее формы и методы:

- работа в экспертных группах во время проведения конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (СОР) с целью продвижения предложений по созданию зеленых рабочих мест на транспорте;

- участие в митингах и манифестациях, которые проводятся в рамках экологического движения для того, чтобы позиция МФТ в вопросах защиты окружающей среды была известна в широких общественных кругах⁷.

Отмечая активную природоохранную деятельность IndustriALL и МФТ, вместе с тем, не следует умалять роль в решении современных экологических проблем других глобальных профсоюзных федераций. В их рядах заметное место занимает IUF — Международный отраслевой союз, объединяющий работников агропромышленного комплекса, пищевой и табачной промышленности, гостиничного и ресторанного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей. Федерация создана в 1920 г. и в настоящее время включает 417 профсоюзных организаций из 126 стран мира и 2,5 млн членов. В ее составе наиболее многочисленной является сельскохозяйственная группа, в которую входит Профсоюз работников АПК РФ, объединяющий в своих рядах 8 тыс. первичных организаций и более 800 организаций и более миллиона членов в 80 регионах Российской Федерации. В Москве находится региональный офис IUF, который осуществляет координацию деятельности организаций федерации в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Решение о создании офиса было принято в мае 1997 г. на Конгрессе IUF⁸.

IUF отмечает единство экологических проблем с моделью хозяйственной деятельности, применяемой в агропромышленном комплексе. Сельское хозяйство, ориентированное на высокую урожайность и на по-

⁶ Крайнов Г. Н. О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования 2019. № 8. — С. 158–162; Зубков С. А., Крайнов Г. Н. Транспортные профсоюзы как составная часть международного профсоюзного движения: Монография. М.: ИНФРА — М., 2017. 297 с.

⁷ Зубков С. А., Крайнов Г. Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография / С. А. Зубков, Г. Н. Крайнов. — М.: МИИТ, 2021. 281 с.

⁸ Букетов К. 20 лет IUF ВЕЦА // Информационный бюллетень «Вместе», 2018, № 1. — С. 915.

ощряемое крупными корпорациями-экспортерами экстенсивное монокультурное земледелие, активно использует ядохимикаты, удобрения. Результатом является быстрое загрязнение водных источников, истощение почв и уничтожение биоразнообразия, а также ускорение глобального потепления за счет выработки парниковых газов. Среди всех видов экономической деятельности, вклад агропромышленного комплекса в процесс глобального потепления, является одним из существенных.

Подход к решению экологических проблем, который предлагает IUF, связан с внедрением технологической базы для перехода к устойчивой продовольственной системе. В агропромышленном комплексе для этого потребуется перейти к производству меньшего масштаба и большему разнообразию культур, объединению растениеводства и животноводства и системе севооборота, позволяющей сократить использование химикатов и вредные выбросы. Это позволит обогатить почвы, сохранить биоразнообразие, плодородный слой и запасы воды, создать достойную занятость, основанную на социальной и экологической устойчивости. Также этот подход включает применение мер регулирования процесса внедрения в сельскохозяйственное производство достижений в области биотехнологий, чтобы снизить риски для экологической и продовольственной безопасности, здоровья человека.

В рамках борьбы с экологическими проблемами IUF вместе с другими профсоюзами и общественными активистами многие годы выступает за запрет на использование в сельском хозяйстве глифосата, который был разработан в 1970 г. корпорацией «Монсанто». С 2000 г. (после окончания патента) этот гербицид выпускается под разными марками практически всеми крупными агрохимическими компаниями и используется при производстве почти 750 коммерческих продуктов. Столь массированное применение глифосата в сельском хозяйстве, не могло не привести к появлению десятков новых разновидностей сорных растений, устойчивых к его действию. Для их уничтожения требуется применение все более токсичных средств, в том числе — сочетания глифосата с гербицидами предыдущих поколений, хотя с самого начала он продвигался на рынке как более безопасная альтернатива им.

Особую экологическую опасность имеет продукт «Монсанто», представляющий комплекс с применением смеси глифосата и дикамбры, действующий на многолетние корнеопрысковые растения. Доказано, что дикамбра особенно сильно подвержена сносу ветром, в результате чего смесь поражает листовые растения далеко за пределами зоны целенаправленного распыления. Это ставит под угрозу виды насекомых, зависящих от этих растений. Сносимые пестициды попадают и на коммерческие культуры, создавая новые угрозы для здоровья и экологии.

Выступая за запрет использования в сельском хозяйстве глифосата, IUF и его сторонники предлагают в качестве альтернативы выращивание двух и более культур на одной посевной площади, ведение комплексного хозяйства и севооборот, включающий промежуточные и покровные культуры для нехимической борьбы с вредителями. Эти методы защищают биоразнообразие, обогащают почвы, берегут земельные и водные ресурсы и позволяют повысить производительность как угодий, так и труда. При должной поддержке, таким образом, может быть создана социально и экологически устойчивая сельская занятость.

Новые направления борьбы IUF за справедливое решение экологических проблем для работников агропромышленного комплекса, пищевой промышленности и смежных отраслей, были намечены на 27-м Конгрессе федерации. Прошедший 29 августа — 1 сентября 2017 г. Конгресс стал наиболее представительным в истории IUF. В его работе приняли участие 518 участников со всего мира, из которых 339 были делегатами, представлявшими все регионы и сектора IUF. В специальной резолюции «Борьба за справедливое решение проблемы глобального потепления для работников пищевой промышленности, сельского хозяйства и гостиничного сектора», Конгресс признал важную роль, которую могут сыграть в борьбе с изменениями климата прогрессивное налогообложение, уменьшение углеродного следа, «справедливый переход» и экологические рабочие места. Конгресс также выразил озабоченность тем, что с приходом к власти представителей правого крыла, происходит согласованная атака на климатологию и отказ от прогресса, достигнутого за последнее десятилетие в вопросах борьбы с изменением климата на национальном и международном уровнях. В связи с вышеизложенным, 27-й Конгресс принял решение:

- вмешиваться политически на всех уровнях, где это возможно, для включения в программу борьбы с изменением климата прав и интересов работников пищевой промышленности, сельского хозяйства и гостиничного сектора;

- поддержать сокращение выброса CO₂ в секторах IUF и «справедливый переход», который снимает тяжесть последствий изменения климата с плеч работников и гарантирует им долгосрочную занятость и устойчивость средств к существованию;

- включать обсуждение прогрессивных действий, направленных на борьбу с изменениями климата и вопросы стабильной занятости в коллективные переговоры;

- поддерживать экологические действия, уменьшающие «климатическую» миграцию и защищающие права работников, вынужденных мигрировать в связи с изменением климата;

– поддерживать экологические акции и справедливое решение проблемы изменения климата, защищающее право на продовольствие и питание, поддерживающее разнообразие, сельское хозяйство и гарантирующее доход сельским жителям⁹.

Являясь активным членом международного отраслевого союза IUF, Профсоюз работников АПК Российской Федерации проводит активную работу, направленную на решение современных экологических проблем. В рамках этой работы, профсоюз работников АПК нашей страны добивается ратификации Конвенции МОТ №184 о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве, которая устанавливает порядок защиты здоровья работников от воздействия вредных химических веществ (минеральных удобрений и пестицидов), используемых в процессе производства продовольствия. Согласно Конвенции МОТ № 184, для этого предпринимаются меры по:

– установлению особых критериев по импорту, классификации, упаковке, маркировке и ограничению применения или полному запрещению химических веществ, используемых в сельском хозяйстве;

– принятию норм безопасности и гигиены труда и предоставляли надлежащую и полную информацию их пользователям на соответствующих официальных языках страны и, по запросу, компетентному органу;

– обеспечению безопасного сбора, переработки и утилизации химических отходов, химических веществ с истекшими сроками хранения и порожних контейнеров, чтобы не допустить их использования в других целях и устранить или свести к минимуму риски для безопасности и здоровья людей и для окружающей среды.

Работники сельского хозяйства имеют право на:

– получение информации и консультаций по вопросам безопасности и гигиены труда, в том числе о рисках, связанных с новыми технологиями;

– отказ от выполнения опасной работы, когда у них имеются достаточно веские основания полагать, что существует непосредственная и серьезная угроза для их безопасности и здоровья, о чем они немедленно информируют своего руководителя. Эти действия не должны иметь для них неблагоприятных последствий.

На пути ратификации в нашей стране конвенции МОТ №184, сейчас существует ряд препятствий, главное из которых связано с мнением Минтруда РФ о нецелесообразности ратификации конвенции. Основные аргументы этого органа государственной власти — затратный характер реализации конвенции и необходимость существенной корректировки законодательства. В свою очередь, профсоюз работников АПК РФ считает,

⁹ 27-й Конгресс IUF: Объединяться, бороться, побеждать — вместе! — URL: <http://www.iuf.ru/3/125/>

что практически все исходные требования документа уже нашли отражение в российском законодательстве и реализация конвенции не потребует серьезных затрат.

Таким образом, в условиях роста экологической угрозы в сельском хозяйстве под воздействием растущего применения различных пестицидов, минеральных удобрений, ядохимикатов и других технологий «синтетической биологии», международные и российские аграрные профсоюзы играют важную роль в решении экологических проблем. Расширяется их борьба против бесконтрольного применения ядохимикатов и технологий «синтетической биологии», угрожающих органической аграрной экономике и здоровью людей.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

В статье рассматриваются ключевые аспекты развития агропромышленного комплекса Дагестана в 2000-е гг. Отмечается, что, несмотря на имевшиеся трудности и неоднородность качественных и количественных показателей, аграрный сектор республики в указанный период продолжал наращивать положительную динамику роста.

Ключевые слова: Республика Дагестан, сельское хозяйство, валовой продукт, аграрная политика.

Truzhenikova L. A.

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF THE AGRICULTURAL SECTOR DEVELOPMENT IN THE EARLY 2000 s

Key aspects of the development of agro-industrial complex of Dagestan in the 2000s are considered in the article. It is noted that despite the difficulties and heterogeneity of qualitative and quantitative parameters, the agricultural sector of the Republic continued to increase positive dynamics of growth during the specified period.

Key words: Republic of Dagestan, agriculture, gross product, agricultural policy.

Сельское хозяйство — это основа жизнедеятельности большинства населения Дагестана. Республика, хотя и характеризуется малоземельем, но всегда была достаточно развитым в аграрном отношении регионом. Однако к началу XXI в. состояние аграрного сектора находилось не в самом лучшем состоянии: сказывались накопившиеся проблемы предыдущего десятилетия. Но уже в 2000 г. в сельхозсекторе республики наметился процесс стабилизации, а в последующие годы началось хотя и слабое, но все же увеличение объемов производства во всех отраслях сельского хозяйства.

К концу XX в. ситуация в данной области была абсолютно иной. Так, относительно 1990-го г. урожайность зерновых сборов с 1 га земли сократилась на 37 %, а общий валовой зерновой сбор снизился на 52 %

¹ Труженикова Людмила Анатольевна, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Россия, г. Махачкала, lyuda-74@mail.ru

к 1999 г. В связи с этим на душу населения к концу 1990-х гг. по статистике приходилось лишь 0,23 га пашни, что в сравнении со среднестатистическими показателями по России было примерно в четыре раза меньше.

Традиционно к основным видам сельхозпродукции, производимой в растениеводстве, относятся картофель, виноград, плоды, зерно и т.д.

Животноводство и растениеводство издавна являлись традиционными направлениями сельского хозяйства региона. Животноводческая отрасль в первую очередь была направлена на удовлетворение потребностей местного населения в продовольствии, сырье предоставлялось также производителям в регионе, а также за его пределами².

В 2000 г. в связи с приростом количества домашней птицы, увеличением поголовья мелкого и крупного рогатого скота, стабилизировалось положение в животноводческой отрасли республики. Как результат данного процесса можно отметить некоторый рост объемов продукции мясного и молочного производств, производства яиц и шерсти. Однако в растениеводстве положение наоборот ухудшилось: на фоне неблагоприятных погодных условий сократились объемы сборов зерновой продукции, овощей, картофеля и плодов. Объем валовой продукции сельского хозяйства оценивался на уровне 1999 г.

Для поддержания агропромышленного комплекса в целом в республиканском бюджете на 2000 г. предусматривались средства в размере 50,0 млн руб. Из них: а) 25,0 млн руб. — на условиях возвратности — для обеспечения агропромышленного комплекса сельхозтехникой на основе договоров финансовой аренды; б) 25,0 млн руб. — на возвратной и платной основе — на сезонное, льготное кредитование предприятий и организаций агропромышленного комплекса (в первую очередь — сельхозтоваропроизводителей, включая фермерские хозяйства и организации потребительской кооперации, осуществляющие закупку сельскохозяйственных продуктов и сырья³).

В 2001 г. региональное Министерство финансов выделило беспроцентную бюджетную ссуду в размере 20 млн руб. из федерального бюджета производителям сельскохозяйственной продукции. Повышенный интерес в сельхозпроизводстве на тот момент вызывали вопросы развития первичного семеноводства бобовых и зерновых культур, но особое внимание уделялось восстановлению виноградарской отрасли, являющейся наиболее перспективной в Дагестане: за счет нее, существенно увеличивались поступления в республиканский бюджет.

² Программа экономического и социального развития Республики Дагестан на период до 2010 г. // Дагестанская правда. 2004. 3 ноября.

³ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 97. Л. 4–5.

За 2002 г., по сравнению с 2001 г., объем валовой продукции сельского хозяйства удалось увеличить на 21,6 %; он составил в целом 16907,2 млн руб. Доля сельхозпредприятий из общего объема валовой продукции за 2002 г. составила 14,1 % (2002 г. — 12,1 %), доля крестьянских фермерских хозяйств — 4,5 % (2002 г. — 4,1 %), доля хозяйств населения — 81,4 % (2002 г. — 83,8 %).

Сравнительно с 2001 г. в 2002 г. посевные площади в хозяйствах всех категорий расширились в целом на 13,3 %. Посевные площади по видам сельскохозяйственных культур увеличились: зерновые культуры — на 31,5 тыс. га (на 18,5 %), овощи — на 3,9 тыс. га (на 13,8 %), картофель — на 1,5 тыс. га (на 7,4 %). Площади садов увеличились на 0,7 тыс. га (на 3 %), виноградников — 0,5 тыс. га (на 2,5 %). Посевные площади в хозяйствах общественного сектора составляли 54,2 % общей площади⁴.

Однако в 2003 г. объем валовой продукции сельского хозяйства вновь снизился на 2,2 % и составил 19472,1 млн руб. Неблагоприятные климатические условия, затянувшие созревание сельскохозяйственных культур и уборку урожая, заметно сказались на темпах и объемах производства сельхозпродукции. Сокращались темпы и объемы производства главных видов продукции животноводства: мяса в живом весе от 123,5 % до 107,5 %, яиц — от 110,4 % до 95,6 %.

В 2003 г. в хозяйствах всех категорий валовой сбор зерна составил 340,7 тыс. т, то есть — на 7,6 % меньше, чем в 2002 г. В то же время в 2003 г. увеличились валовые сборы овощей, картофеля, плодов и винограда.

За 2003 г. наблюдалось увеличение поголовья скота как крупного рогатого (от 104,1 % в конце января до 108,5 % в конце декабря), так и мелкого — овец и коз (от 107,9 % в конце января до 108, % в конце декабря).

В сельхозпредприятиях республики в 2003 г. по сравнению с 2002 г. поголовье овец и коз возросло на 1,6 %, крупного рогатого скота — снизилось на 3,2 %⁵.

В 2004 г. начали реализовываться федеральные программы, ориентированные на развитие аграрного сектора республики. За 2004 г. объем валовой продукции сельского хозяйства составил 21841,0 млн руб., что было на 8,3 % выше предыдущего года. Повышение уровня производства сельхозпродукции за 2004 г. было заметно и в животноводстве, и в растениеводстве. В то же время в 2004 г. темп роста сельскохозяйственного производства замедлился по сравнению с 2003 г. в целом на 4,6 % в результате сокращения темпов в растениеводстве.

Замедление темпов по производству сельскохозяйственной продукции в 2004 г. по сравнению с 2003 г. связывалось со снижением темпов роста

⁴ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 134. Л. 3–4.

⁵ Там же. Д. 148. Л. 19–20.

поголовья скота в хозяйствах всех категорий. В производстве продукции животноводства в 2004 г. наблюдался спад по производству яиц и замедление темпов по производству молока. Сельскохозяйственная производственная отрасль напрямую связана с многочисленными объективными рисками, в первую очередь, — с неблагоприятными погодными условиями. В 2004 г. по республике прошли поздние заморозки, которые негативно сказались на производстве плодов, в результате — не был выполнен плановый показатель. Еще один фактор, влияющий на снижение показателей, — высокие цены на реализованную сельхозпродукцию: индекс цен на нее был выше на 0,3 % по сравнению с 2003 г.; за 2004 г. он составил 118,4 %⁶.

По информации Минсельхозпрода РД Республиканский фонд семян ООО «Семена Дагестана» начал свою деятельность с 1 июня 2004 г. как оператор Минсельхозпрода РД. За период с 1 июня по 30 декабря 2004 г. из семян озимых, отпущенных сельхозтоваропроизводителям республики согласно договорам, был осуществлен возврат на сумму 20 млн руб., из них 9 млн руб. в виде денежных средств.

В 2004 г. также под гарантию Минсельхозпрода РД в соответствии с заключенным договором между ООО «Семена Дагестана» и ЗАО «Семена Дона» (Ростовская область) были приобретены и отпущены сельхозтоваропроизводителям 5000 т семян озимой пшеницы на сумму 32 млн руб. для осеннего сева 2004 г.

В результате проведенной работы в 2005 г. было возвращено 3000 т семян, отпущенных хозяйствам для проведения посева. В Минфин РД переданы материалы на удержание из бюджетов районов средств, равных стоимости невозвращенных семян на общую сумму 18,7 млн руб., согласно договорам-поручительствам администраций. В Арбитражном суде РД также находились материалы на 12 хозяйств, не вернувших семена.

Субсидий на поддержку отдельных отраслей сельскохозяйственного производства из республиканского бюджета было выделено (в соответствии с утвержденными порядками) в 2003 г. — 39 млн руб.; в том числе — на поддержку элитного семеноводства — 20 млн руб., на садоводство — 5 млн руб., на закупку удобрений и средств защиты растений — 14 млн руб.

В 2004 г. было выделено 38,04 млн руб.; в том числе на семеноводство — 24,39 млн руб., на садоводство — 10,15 млн руб., на удобрения и средства защиты растений — 3,5 млн руб. В 2005 г. сумма 33,19 млн руб. была распределена: на семеноводство — 9,92 млн руб., на садоводство — 21,27 млн руб., на удобрения и средства защиты — 0,5 млн руб. и на раз-

⁶ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 166. Л. 29– 30.

витие племдела — 1,5 млн руб.⁷ Объем производства сельхозпродукции в Республике Дагестан за 2005 г. составил 25633,6 млн руб., увеличившись по сравнению с 2004 г. на 9,7 %.

Можно констатировать, что в сельском хозяйстве республики наметились определенные положительные тенденции. Начала укрепляться экономика предприятий АПК, сократилось число убыточных товаропроизводителей. Благодаря аграрным реформам, проводимым в регионе, были сформированы основы смешанной экономики в сельском хозяйстве, осуществлены земельные преобразования, стало возможным планирование структурных изменений комплексно, определено место агропромышленного комплекса в экономике Дагестана, определен состав сельских товаропроизводителей, а также отраслевая и продуктивная структура сельхозпроизводства в целом.

Агропромышленный комплекс в 2005 г. развивался в рамках Концепции развития АПК Республики Дагестан на 2003–2010 гг. и Программы экономического и социального развития республики на период до 2010 г.

В общем объеме сельскохозяйственной продукции за 2005 г. доля сельскохозяйственных предприятий из отдельных категорий составила 9,2 %, доля крестьянских хозяйств — 11,7 %, а доля хозяйств населения — 79,1 %.

За 2005 г. валовая продукция растениеводства составила 12507,9 млн руб., что было на 10,1 % выше уровня 2004 г. Важнейшими видами сельхозпродукции, производимой в растениеводстве, являлись зерно, картофель, плоды и виноград. Зерновыми культурами было занято в республике около 49 % посевной площади.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РД и Министерства сельского хозяйства и продовольствия РД валовые сборы сельскохозяйственной продукции за 2005 г. хозяйствами всех категорий составили: зерна в первоначально оприходованном весе — 335,6 тыс. т, овощей — 818,1 тыс. т, картофеля — 349,9 тыс. т, плодов — 123,7 тыс. т, винограда — 98,6 тыс. т.

Валовая продукция животноводства за 2005 г. составила 13125,7 млн руб. Векторы развития животноводства изначально были нацелены на удовлетворение потребностей населения в продовольствии, а также на обеспечение сырьем товаропроизводителей как внутри РД, так и за ее пределами.

За 2005 г. объем мясного производства увеличился на 8,8 % по сравнению с 2004 г., молока — на 6,2 %, яиц — на 10,7 %, производство шерсти — на 9,8 %. В то же время темпы производства основных видов животноводческой продукции, кроме мяса и шерсти, в 2005 г. превысили показатели 2004 г.: молока — на 1,1 % и яиц — на 13,3 %.

⁷ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 186. Л. 9–10.

На начало января 2006 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий составило 843,5 тыс. голов и по сравнению с началом 2005 г. увеличилось на 3,7 %, овец и коз — 4439,5 тыс. голов (рост — на 3,6 %)⁸.

Однако на начало декабря 2006 г. во всех категориях хозяйств зерновые культуры были скошены и обмолочены на площади 101,1 тыс. га, что на 21,1 % меньше, чем на тот же период 2005 г. В 2009 г. цифры составили всего 207 тыс. т, что было явно недостаточно: только для продовольственных целей республике было в среднем необходимо 360 тыс. т зерновых. От объема производства зерна зависел и уровень развития животноводства. Производство же зерна в регионе из года в год уменьшалось, большие площади пашни оставались неиспользованными; уменьшалась и урожайность озимых зерновых, составляя не более 12–15 ц/га.

Объем производства сельхозпродукции за январь – ноябрь 2006 г. составил 26710,4 млн руб. (105,0 % от объема соответствующего периода 2005 г.). Снижение темпов роста по сравнению с уровнем 2005 г. объяснялось климатическими условиями (устойчивыми морозами в начале 2006 г.) и эпидемией птичьего гриппа в республике⁹.

В 2007 г. производственный объем сельскохозяйственной продукции увеличился на 1,5 % и составил 106,8 % (за 2006 г. — 105,3 %), а по данным в рублях — 34556,6 млн.

Неблагоприятные климатические условия 2007 г. отразились в основном на показателях зерноводства; на уменьшение объема производства зерна повлияло и сокращение посевных площадей. В 2007 г. всеми категориями хозяйств зерновые были скошены и обмолочены на площади 71,1 тыс. га, что на 31 % было меньше, чем в 2006 г. В первоначально-зарегистрированном весе намолочено было всего 136,3 тыс. т зерна, против 189,8 тыс. т в 2006 г.

Объем производства продукции животноводства за 2007 г. составил 17038,0 млн руб. К началу 2008 г. поголовье крупного рогатого скота в сельскохозяйственных предприятиях, хозяйствах населения и фермерских хозяйствах суммарно составляло 911,4 тыс. голов, количество коров среди них составило 411,6 тыс. голов, овец и коз — 5006,9 тыс. голов. Темпы роста поголовья крупного рогатого скота, овец и коз не превышали показатели 2006 г. Доля поголовья скота сельскохозяйственных организаций в хозяйствах всех категорий была следующей: крупный рогатый скот — 8,5 %, овцы и козы — 18,8 %. Фермы населения содержали 79,2 % от общей численности крупного рогатого скота и 33 % овец и коз.

⁸ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 182. Л. 8–9.

⁹ Мудуев Ш. Новая экономическая политика // Деловой мир Дагестана. № 3. 2006. — С. 26.

По итогам в 2007 г. региональные производственные показатели составляли: 145,9 тыс. т мяса, 503,7 тыс. т молока, 196,1 млн штук яиц и 16,5 тыс. т шерсти. Прирост темпов производства молока (22 %) значительно превысил уровень 2006 г. (5,1 %); прирост мяса (5,1 %) и шерсти (6 %) оказался приблизительно на уровне прироста за 2006 г. Производство яиц уменьшилось на 9,1 % по сравнению с 2006 г. из-за последствий произошедшей в республике ранее эпидемии птичьего гриппа. Среди общей доли сельхозорганизаций на мясное производство приходилось 5,5 %, на молочное производство — 6,4 %, 33,3 % занималось производством яиц, хозяйства населения в общей доле составляли соответственно 83,1 %, 83,0 % и 63,1 %.

В целом укрепились позитивные тенденции к увеличению поголовья скота и производству животноводческой продукции, но качественные показатели в этой сфере оставались еще недостаточными. Средние надои молока в сельхозорганизациях за 2007 г. составили на одну корову 1234 кг/год, яйценоскость одной курицы-несушки — 259 штук/год. Обеспеченность скота кормами в сельхозпредприятиях на начало января 2008 г. составила в среднем 62 тыс. т кормовых единиц. Таким образом, достижение запланированных результатов в указанный период происходило очень медленно и скачкообразно, как в растениеводстве, так и в животноводстве.

Увеличению продуктивности скота препятствовали многие факторы, в числе которых наиболее важными являлись: слабая племенная работа, дефицит кормовой продукции, отсутствие надлежащих пастбищ и теплых, оборудованных помещений для животных, не соответствующее требованиям ветеринарное и зоотехническое обслуживание. Экономически невыгодным было то, что продукция животноводства большей частью реализовывалась за пределами республики не в виде конечного продукта, а в форме сырья. Этому причиной являлось отсутствие в республике современных высокотехнологичных перерабатывающих предприятий и недостаток средств на модернизацию уже существующих предприятий и организаций¹⁰.

Аграрный сектор республики сохранил в 2008 г. положительную динамику роста (105,1 %), однако темпы производства не превысили уровень 2007 г.

Валовой объем сельхозпродукции составил 40901,8 млн руб. За 2008 г. отдельные категории хозяйств в общем объеме валовой сельхозпродукции сформировали следующую картину: сельхозпредприятия — 10 %, хозяйства населения — 80,4 %, крестьянские фермерские хозяйства — 9,6 %. Из общего объема продукции сельского хозяйства доля растениеводства составила 48,5 %, на животноводство приходилось 51,5 %.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 241. Л. 11–13.

За 2008 г. темпы продукции растениеводства увеличились на 5,2 %, превысив уровень 2007 г., животноводства — на 4,9 %. В первоначально зарегистрированном весе было собрано 221,1 тыс. т зерна, что к 2007 г. составило 154,5 %. По предварительным данным в 2008 г. валовой сбор продукции растениеводства составил: овощей — 870,9 тыс. т, картофеля — 333,5 тыс. т, фруктов — 110,9 тыс. т, винограда — 89,5 тыс. т. В 2008 г. темпы роста поголовья скота остались позитивными, к тому же еще и превысили показатели 2007 г., но поголовье овец и коз несколько снизилось по сравнению с предыдущим годом. На начало 2009 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий республики составило 929,2 тыс. голов, в том числе коров — 410,1 тыс. голов, овец и коз — 4985,3 тыс. голов.

К 2007 г. увеличилось производство основных видов продукции животноводства — мяса, молока и яиц. В 2008 г. в регионе было произведено: 154,7 тыс. т мяса в живом весе, 527,2 тыс. т молока и 199,9 млн штук яиц¹¹.

В 2009 г. агропромышленный комплекс Республики Дагестан осуществлял свою деятельность в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.

Объем валовой продукции сельского хозяйства за первое полугодие 2009 г. составил 8631,1 млн руб. По данным Министерства сельского хозяйства РД по состоянию на 1 июля 2009 г. поголовье крупного скота в республике увеличилось незначительно по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. и составило 992,5 тыс. голов. Более 1,2 тыс. голов племенного молодняка разводилось в регионе ежегодно для продажи, в связи с этим не совсем достаточно принималось мер для улучшения продуктивных качеств основного стада. В первом квартале 2009 г. произошло увеличение производства продукции животноводства, в том числе мяса — 40,3 тыс. т, молока — 281,3 тыс. тонн, яиц — 99,2 млн штук, шерсти — 13,9 тыс. т¹².

Можно отметить, что в рассматриваемый период темпы развития сельского хозяйства в регионе хотя и заметно улучшились, однако присутствовали и факторы, не позволявшие пока говорить о серьезном качественном скачке в агропромышленном комплексе республики. Сельское хозяйство, являющееся основой народнохозяйственного комплекса региона, продолжало испытывать определенные трудности в своем развитии.

¹¹ ЦГА РД. Ф. 1620-р. Оп. 2. Д. 271. Л. 6.

¹² Там же. Д. 295. Л. 10.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АГЛОМЕРИРОВАННОГО РАССЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена проблемам трансформации расселения Калужской области и исторической обусловленности процесса агломерированного расселения в сельской местности.

Ключевые слова: пограничность территории, трансформации расселения, сельская агломерация, агломерированное расселение.

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL BACKGROUND AGGLOMERATED SETTLEMENT IN RURAL AREAS OF THE KALUGA REGION

The article is devoted to the problems of the transformation of the settlement of the Kaluga region and the historical conditionality of the process of agglomerated settlement in rural areas.

Keywords: borderline of the territory, settlement transformations, rural agglomeration, agglomerated settlement.

Калужский край издавна был пограничной территорией. В IX в. это была пограничная территория расселения вятичей, кривичей, голяди и финно-угров, лесистая, болотистая местность с редкими поселениями. Земля вятичей как отдельная волость фиксируется при Святославе Ярославиче Черниговском. С этого момента здесь появляются города Козельск (1146 г.), Воротыньск (1155 г.), Городенск (1158 г., в настоящее время село Городня), Мосальск, Серенск, Перемышль и Оболенск, которые были центрами мелких княжеств.

В XIII–XV вв. Калужский край был местом противостояния между Литвой и Москвой. Пограничное существование было насыщено ссорами и грабежами, что порождало необходимость строительства укрепленных пунктов. С 1512 г. территорию начинают беспокоить крымские татары, для защиты от которых были возведены Лихвинская и Козельская засеки, которые наряду с Белевской, Тульской, Крапивенской, Веневской, Каширской, Рязанской формировали одну из самых древних засечных черт 1521 г.²

¹ Нежданов Владимир Анатольевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Среднерусского гуманитарно-технологического института, менеджер по развитию Агентства городского развития Обнинска, Россия, г. Обнинск, vnej@mail.ru.

² История Калужской области. URL: http://www.protown.ru/russia/obl/history/history_401.html.

Пограничность городов-крепостей и военизированный характер их существования, Смута, русско-польские войны не давали возможности для развития каркаса сельского расселения вплоть до 30-х гг. XVII в., а в 1654 г. край был опустошен эпидемией (за 5 месяцев в отдельных волостях вымерло до двух третей населения)³.

С конца XVII в. начинается укрупнение сельских поселений. В условиях денежной ренты расселение маленькими деревнями в 1–3 двора на отшибе было невыгодно. Заселение большими деревнями и группами деревень к югу от засечной черты способствовало освоению лесных и целинных земель, реализации продукции на рынке, получению добавочных прибылей в сфере ремесла и извоза⁴.

Таким образом создавались предпосылки формирования приграничных центр-периферийных агломерированных систем сельского расселения.

В XVIII в. на калужской земле наступил длительный период мирного освоения территории. Сохраняется и **пограничность территории, но уже внутренняя**. В 1708 г. по указу Петра I о разделении государства на губернии калужские земли были включены в состав Московской (Калуга,

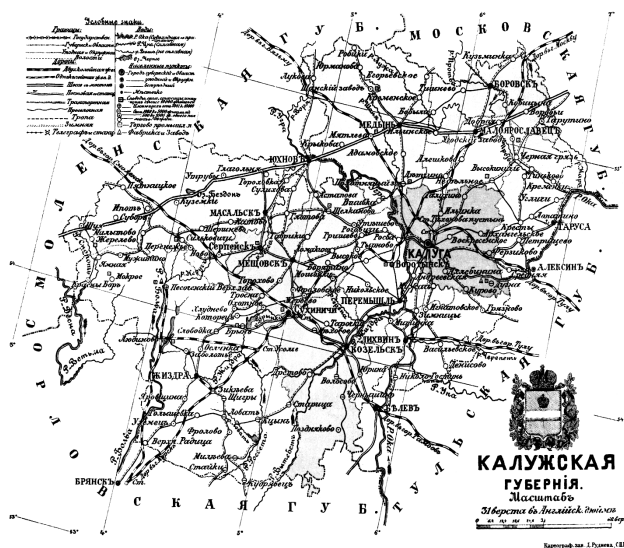

Рис. 1. Россия. Географическое описание Российской Империи по губерниям и областям с географическими картами. Калужская губерния. 1913. — С.59.

URL: https://runivers.ru/galleries/469727/?IBLOCK_ID=42

³ История Калужского края в XIII–XX вв. URL: <https://admoblkaluga.ru/main/russia/history/>

⁴ Русские. Отв. ред.: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. — М.: «Наука», 1999. — С. 211–215. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/index.htm>.

Таруса, Малоярославец, Медынь, Боровск) и Смоленской губерний (Серпейск, Мосальск, Мещевск, Козельск, Лихвин, Перемышль, Воротынский). **Определяющим моментом** в истории расселения Калужского края является указ Екатерины II от 24 августа 1776 г. об учреждении Калужской губернии в составе 12 уездов (рис. 1. В 1913 г. — 11 уездов).

Отягощающим фактором развития территории (в отсутствие фактора пограничности) являются военные действия, которые велись на территории края в 1812 г., 1917–1918 гг. и в 1941–1943 гг. Война 1812 г. затормозила развитие севера Калужской губернии, но уже в 1820-х гг. основатель огромного заводского округа И. А. Мальцов приобрел железоделательные заводы в Жиздринском уезде, где в 1841 г. впервые начали производство рельс для российских железных дорог, началось освоение паровых машин, был построен первый днепровский пароход⁵.

Развитие промышленного производства существенно трансформировало систему расселения Калужской губернии, а также соседних уездов Смоленской и Орловской губерний. Традиционная мелкопоселенная система расселения вокруг городов-крепостей засечных черт в центре губернии и крупнопоселенная система расселения к югу от засечной черты (Жиздринский уезд и юг Козельского уезда) начали поляризованное агломерированное развитие вокруг новых центров. Старые города-центры расселения (Городенск, Серенск, Оболенск, Воротынский, Серпейск и Лихвин) потеряли центральные функции и перешли в разряд сел, пгт и микрогородов (Лихвин-Чекалин). Отмена крепостного права послужила катализатором нового, промышленного этапа развития территории.

Одновременно начался процесс трансформации традиционных сельских общин, что выразилось в дробление старых сельских населенных мест и возникновение новых населенных пунктов, особенно по линиям дорог, в том числе железных. В 1877 г. заработал первый участок узкоколейной железной дороги от Радицы до Людинова заводского округа Мальцовых. В конце XIX–начале XX в. были построены железные дороги со стандартной колеей Москва – Киев, Вязьма – Тула, Смоленск – Тамбов, коренным образом изменившие всю систему расселения Калужского края (см. рис. 1).

По данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи на 1859 г. в Калужской губернии было 4187 сельских населенных мест, или пунктов (далее — СНП)⁶.

⁵ Людиновский тепловозостроительный завод URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁶ Калужская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Издано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Обработано состоящим при Комитете Н. Штигицом. Санкт-Петербург 1863 год. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/16028#mode/inspect/page/1/zoom/6>.

За период с Переписи населения 1897 г. до 1913 г. численность населения Калужской губернии увеличилась с 1 132 843 до 1 483 025 чел., т. е. на более чем 350 тыс. чел. Соотношение городского и сельского населения в 1897 г. составляло 8,4 и 91,6 %⁷.

По данным Списка населенных мест Калужской губернии на 1914 г. наибольшим по площади (24 % всей губернии) и численности населения был юго-западный Жиздринский уезд (6586 кв. верст и 335,75 тыс. чел.), с его уникальной системой расселения, включавшей Мальцовский заводской округ и район расположения крупных сел (более 1000 чел.), который до сих пор прослеживается в современной системе расселения (рис. 2) на юге Калужской области. Наименьшими по площади и численности населения были Малоярославецкий (1192 кв. версты и около 46 тыс. чел.), Боровский (1466 кв. верст и 62 тыс. чел.) и Тарусский уезды (1466 кв. верст и 68,3 тыс. чел.), располагавшимися на северо-востоке Калужской губернии. В центре губернии располагались Калужский (1845 кв. верст и 137,8 тыс. чел.), Перемышльский (1558 кв. верст и 76,1 тыс. чел.), и Мещовский (2441 кв. верст и 124,8 тыс. чел.) уезды. Через 100 лет численность населения и конфигурация расселения севера и юга губернии станут противоположными⁸.

В 1929 г. Калужская губерния была упразднена, а ее территория вошла в состав Московской и Западной областей. В 1937 г. произошло новое разделение между Московской, Тульской, Орловской и Смоленской областями. С 1929 г. Калуга (окружной центр, а с 1 сентября 1930 г. — районный центр) находилась в составе Московской, а с 1937 г. — в Тульской области.

Перепись 1926 г. фиксирует 8384 СНП при численности населения в 1 042 831 чел., т. е. с 1859 г. (за 67 лет) их число увеличилось вдвое, а численность населения с 1913 г. (за 13 лет) уменьшилась на 440 тыс. чел. (табл. 1). Плотность сельского населения по-прежнему была высока в центральных уездах и очень низка в пограничных, переданных из Смоленской губернии (Спас-Деменский и Юхновский). Боровский уезд был расформирован (большая часть вошла в состав Малоярославецкого уезда), а наиболее населенный и промышленно развитый Жиздринский уезд в 1920 г. был передан в Брянскую губернию. В то время его площадь составляла 5503 км², население 249 762 чел., в уезд входило 40 волостей,

⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. URL: <https://www.prilib.ru/item/436700>.

⁸ Список населенных мест Калужской губернии. Калуга, 1914. 166 с. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf.

282 сельсовета, 774 населённых пункта. Итак, **внутреннее пограничье как фактор расселения** Калужской губернии будет действовать почти до окончания Великой Отечественной войны⁹.

Первые десятилетия советской власти способствует резкой деградации системы расселения территории бывшей Калужской губернии. В целом по стране в 1930-е годы было сселено более 780 тыс. хуторов, на основе которых организовано 7800 новых поселений по 100–150 дворов. Сельское расселение меняется в эти годы под влиянием политики перераспределения населения между городом и деревней в пользу городских поселений. Бывшие торговые, промысловые, заводские села преобразуются в города и поселки городского типа. Пригородные промысловые и фабричные поселения сливаются с соседними городами. Агломерация проявляется по городскому принципу. Появляются пригородные поселения со смешанным социальным составом населения, которое работает в промышленности, городских учреждениях и занимается сельским хозяйством. Развиваются новые типы сельских поселений — районные административные центры¹⁰.

Таблица 1

Калужская губерния по итогам переписи населения 1926 г.

	Площадь, кв.км	Число населённых мест		Численность населения		Плотность населения, чел на кв. км		Процент городского населения
		Городских	Сельских	Городское	Сельское	Всего населения	Сельского	
Калужская губерния	25860	19	8384	108760	1042831	44,5	40,3	9,4
Уезды, 1926 г.								
Калужский	2797	3	1169	54391	133618	67,2	47,8	28,9
Козельский	2814	2	938	13064	144418	56,0	51,3	8,3
Лихвинский	2118	2	611	3067	107149	52,0	50,6	2,8
Малоярославецкий	2819	2	686	11299	90168	36,0	32,0	11,1
Медынский	3574	5	1037	16204	116387	37,1	32,6	12,2
Мещовский	3108	1	1110	2724	133871	43,9	43,1	2,0

⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=108

¹⁰ Русские. Отв. ред.: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. — М.: «Наука», 1999. — С. 225–235. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/index.htm>.

Мосальский	1970	1	751	2306	91160	47,4	46,3	2,5
Спас-Деменский	2450	1	944	1730	90012	37,4	36,7	1,9
Тарусский	1541	1	406	1943	53993	36,3	35,0	3,5
Юхновский	2669	1	732	2032	82055	31,5	30,7	2,4

Огромные потери понесла калужская земля в годы Великой Отечественной войны, пребывая под оккупацией в 1941–1943 гг. За годы войны численность населения сократилась с 1172,2 тыс. чел. на 1 января 1941 г. до 799, 4 тыс. чел. на 1 января 1945 г. В целях восстановления народного хозяйства Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 июля 1944 года была образована Калужская область. Последующая чехарда административно-территориального деления (АТД), укрупнение и разукрупнение колхозов и совхозов привели к дальнейшей деградации сельских поселений и поляризации всей системы расселения. Рост численности городского населения привел к тому, что доля сельского населения снизилась с 80 % до 50 % за 25 лет (1944–1969 гг.), а его численность в 1,3 раза (табл. 2)¹¹.

Таблица 2

Население Калужской области (по данным переписей населения)

Годы	Численность населения, тыс. человек			В % ко всему населению	
	всего	городское	сельское	городское	сельское
1939 ¹⁾	1183,0	235,0	948,0	19,9	80,1
1944 ²⁾	799,4	166,0	633,4	20,8	79,2
1959	938,0	350,0	588,0	37,2	62,8
1970	996,5	516,3	480,2	51,8	48,2
1979	1007,7	623,2	384,5	61,9	38,1
¹⁾ В границах Калужской области.					
²⁾ На конец 1944 г. по данным текущего учета.					

Дальнейшее дробление единиц АТД привело к формированию внутренней периферии сельского расселения по границам вновь образованных районов. В области насчитывалось уже 28 городских поселений, среди них 15 обрели статус городских при советской власти. Калуга перешла в разряд средних городов. Численность населения г. Малоярославца увеличилась почти в 5,5 раз по сравнению с 1913 г., в непосредственной

¹¹ Калужский край: население, экономика накануне войны, в военные годы, восстановление URL:<https://kaluga.bezformata.com/listnews/kaluzhskij-kraj-naselenie-ekonomika/83784468/>

близости от него возникли пгт Балабаново и Ермолино, появился совершенно новый город Обнинск, что послужило поводом для формирования нового явления — городской агломерации на северо-востоке Калужской области. Районный центр Жиздра, бывший центром самого многочисленного и промышленно развитого уезда, сократил численность населения с 6107 в 1913 г. чел. до 5144 чел. в 1959 г. Будучи оторванным от Калужской области в течение 24 лет, он превратился в рядовой пгт, а Киров (бывшая Песочня) и Людиново обрели статус городов областного подчинения¹².

Карта плотности населения Калужской области 1970 г. наглядно демонстрирует коренные изменения в системе расселения по сравнению с началом века. Образовалась линейная полоса расселения (ось социально-экономического развития) вдоль железной (позднее а автомобильной) дороги из Москвы в Брянск и отдельный промышленный Кировско-Людиновский район (рис. 2). За пределами этой полосы расселения сформировалась внутренняя периферия сельского расселения с очагами малой плотности населения в Медынском, Юхновском, Мосальском, Спас-Деменском (граница со Смоленской областью), Мещовском, Думиничском, Ульяновском районах в центре области и в Тарусском районе (граница Калужской, Тульской и Московской областей). Перестал существовать Лихвинский уезд, центр, которого (г. Чекалин) стал пограничным городком с численностью населения 866 чел.

Развал Мальцовского заводского округа и разделение Жиздринского уезда не позволило в полной мере способствовать развитию сельских агломерированных систем расселения на юге области, несмотря на наличие крупных сел (Кудрявец, Теребень, Милеево, Красное) в Хвастовичском (плотность сельского населения 21–25 чел. на 1 км²) и Ульяновском районах. В настоящее время предпринимаются попытки определения понятия «сельская агломерация» и выделения центров агломераций, как правило, административных центров районов¹³.

К концу XX – началу XXI вв. конфигурация системы расселения «сменила полюса»: численность населения (и положительная динамика) в северных районах области стала выше за счет городского агломерированного расселения и близости к Московской области, а численность населения и его динамика в западных и южных районах демонстрируют тенденцию к деградации сельского расселения (рис. 2).

¹² Всесоюзная перепись населения 1959 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php, http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg3.php

¹³ Об утверждении перечня сельских населенных пунктов, входящих в состав городских поселений, на территории Калужской области и перечня сельских агломераций на территории Калужской области (с изменениями на 30 марта 2020 г.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/570726662>

В 2002–2010 гг. численность населения области снизилась на 30,7 тыс. чел. (городское на 25,5 %, сельское — на 74,5 %). В 1989–2002 гг. (в среднем-годовом выражении) население области ежегодно уменьшалось на 0,18%; в 2002–2010 гг. — на 0,36%. Более половины городского населения области (55,7%) сосредоточено в двух городах — Калуге и Обнинске. По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения сократилась в 21 районе. Самое сильное снижение численности населения наблюдалось в юго-западных Куйбышевском и Спас-Деменском районах (на 19,3 % и 17,8 % соответственно). В то же время численность населения выросла в северных Боровском и Жуковском районах, а также в центральном Перемышльском районе (на 12,3 %, 6,1 % и 1,3 % соответственно).

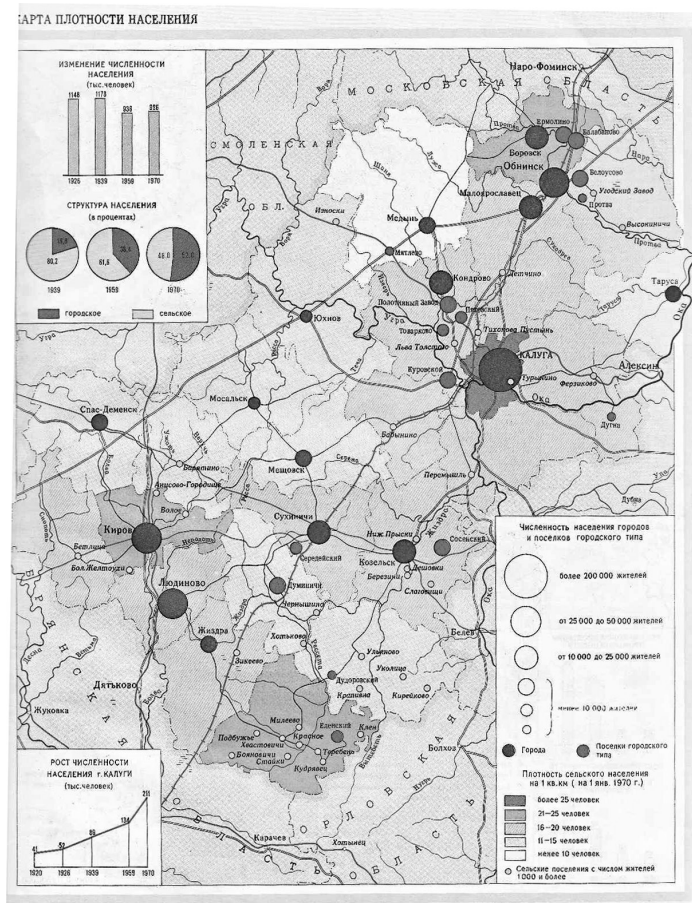

Рис. 2. Карта плотности населения Калужской области, 1970 г.

На момент переписи 2010 г. население Калужской области проживало в 32 городских и 3177 сельских населенных пунктах (в 2,6 раза меньше, чем в 1926 г.). В межпереписной период 3 поселка городского типа получили статус города (г. Белоусово, г. Кременки, г. Ермолино), а 3 СНП (п. Воротынский, п. Ферзиково, п. Городок) получили статус поселков городского типа. В это время по всей стране 725 пгт (2,4 млн чел.) перешли в разряд СНП что нивелировало снижение численности сельского населения. В 2002–2010 гг. число СНП уменьшилось на 12 единиц. Перепись 2010 г. зафиксировала 451 СНП, в которых население фактически не проживало. По сравнению с переписью 2002 г. число таких населенных пунктов увеличилось на 67 %.

Основной тенденцией сельского расселения области в 1989–2010 гг. явилось дальнейшее его измельчание, сокращение числа средних и крупных СНП (табл. 3). Вместе с тем поляризация хозяйства и населения достигли значительных масштабов. Наблюдаются диспропорции в развитии «северных» и «южных» территорий. «Разрывы» по уровню социально-экономического развития «северных» и «южных» районов области могут быть выражены через следующие показатели: по объему отгруженной промышленной продукции в расчете на 1 жителя среднее значение по «северным» территориям превышает значение по «южным» в 6,4 раза; по инвестициям в основной капитал в 15 раз; по строительству в 53,4 раза; по уровню зарегистрированной безработицы в 2 раза¹⁴.

Таблица 3

Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей
(по данным переписей населения)

	Число сельских населенных пунктов			Численность населения, тыс. человек		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
СНП, всего	3170	3189	3177	333196	262160	239275
из них с числом жителей, человек:						
до 10	815	1326	1620	4477	5228	5433
11-50	1362	1137	890	35113	26466	20135
51-100	393	247	222	27623	17642	16210
свыше 100	600	479	445	265983	212824	197497

¹⁴ Тютин Д. В. Пространственные дисбалансы в региональном развитии: case-study по материалам Калужской области // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12-1. — С. 214–218. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39394>

Дальнейшая трансформация системы расселения неизбежно будет продолжаться через процессы урбанизации населения и поляризации социально-экономического развития. В этих условиях необходимо найти принцип взаимосвязанного и коллективного взаимодействия. Таким механизмом может быть принцип агломерированного расселения, как городского, так и сельского, фундаментальные основы которого заложены в работах В. В. Пациорковского, А. А. Ткаченко и других авторов¹⁵.

В настоящее время опубликован проект федерального закона «О городских агломерациях», а также государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», где предусмотрено развитие сельских агломераций.

¹⁵ Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. — М.: ИСЭПН РАН. 2010. — 390с. URL:http://demographia.ru/UserFiles/Image/books/rural-urban_russia/Patsiorkovsky_Rural_Urban_Russia.pdf

Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Агломерированное расселение: к проблеме идентификации и учета. URL: <https://istina.msu.ru/journals/95205/?p=3>

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА – ЗАЛОГ ЕГО СУВЕРЕНИТЕТА, СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА

Статья посвящена проблеме продовольственной безопасности, обеспечению продуктами питания населения России, обострившихся в ходе реформ 1990-х гг., когда страна переступила порог продовольственной безопасности и стоял вопрос о сохранении ее суверенитета. Предлагаются, анализируются меры, позволяющие выйти из кризиса, стабилизировать ситуацию.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, земля, собственность, аграрная политика, государственное регулирование.

Miloserdov V. V.

THE FOOD SECURITY OF THE STATE IS THE GUARANTEE OF ITS SOVEREIGNTY, THE SAVINGS OF THE PEOPLE

The article is devoted to the problem of food security, the provision of food to the population of Russia, which worsened during the reforms of the 1990s, when the country crossed the threshold of food security and there was a question of preserving its sovereignty. Measures are proposed and analyzed to overcome the crisis and stabilize the situation.

Keywords: food security, agriculture, land, property, agrarian policy, state regulation.

Достаточное продовольственное обеспечение составляет первейшую потребность человека. Оно является одной из приоритетных ценностей и целей государственной политики, одной из гарантий реального права на жизнь, закрепленных в конституциях многих стран. Благополучие страны зависит от того, как люди питаются. В. Путин сказал: «Разве можно сравнить нынешнее изобилие продуктов питания на прилавках магазинов с той пустотой, которая существовала в советское время?» Главное не изобилие продуктов на прилавках магазинов, а сколько население их потребляет. При изобилии продуктов, общая энергетическая ценность суточного рациона за годы реформ сократилась. Россия давно переступила порог продовольственной безопасности. В 1998 г. впервые страна

¹ Милосердов Владимир Васильевич, доктор экономических наук, академик РАН, milvlad@mail.ru.

вынуждена была просить у Запада продовольственную помощь. Значительная часть населения и сегодня испытывает недостаток в пище, душевое потребление существенно отстает от цивилизованных стран. Недостаточный, биологически неполноценный и экологически небезопасный рацион, ведет к нарушению функций организма, серьезным образом сказывается на здоровье и продолжительности жизни, генофонде нации. Поддержание здоровья, работоспособности и активного долголетия человека может быть достигнуто и сохранено только при условии полного удовлетворения физиологических потребностей в питательных веществах.

Не владея достаточным продовольственным фондом, государство не может называться суверенным. Без необходимого продовольственного фонда, политика государства остается только пожеланием.

В условиях всевозрастающего спроса на продовольствие в мире и роста цен на него, правительству пора бы уже понять, что без собственного эффективного сельского хозяйства, не обеспечить ни продовольственную безопасность страны, ни остановить демографическую катастрофу.

В начале 90-х страна находилась на перепутье, в брожении. Шла острая дискуссия о формировании новой аграрной политики. В такой период нельзя было допускать шараханий, принимать скоропалительные решения, ибо каждый законопроект, каждая отдельная его черта, каждая особенность чувствительно отзываются на характере будущего законодательства, а, следовательно, и на благе страны. Непродуманные преобразования, замена форм собственности и хозяйствования, изменение мировоззрения на вопросы землепользования, привели к серьезным негативным последствиям. В результате отрасль оказалась в глубоком кризисе. Производственный потенциал ее резко сократился: посевная площадь — на 40 млн га (территория 2,5 Франций), поголовье крупного рогатого скота — на 37 млн голов (почти в 3 раза), парк основных видов техники — в 5–7 раз, минеральных удобрений — в 6 раз. С карты России ежегодно исчезает тысяча сельских населенных пунктов.

В последующие годы продовольственная зависимость страны нарастала. Подавляющая часть валютной экспортной выручки, вместо того, чтобы участвовать в наращивании инвестиционного потенциала аграрной отрасли, направлялась на импорт потребительских товаров. Словом, кризис охватил все стороны крестьянской жизни. Страна потеряла продовольственную безопасность.

Причины продовольственной безопасности у нас иные, чем в других государствах. Россия имеет 10 % от мировой пашни, в том числе, примерно 40 % чернозема, более 20 % пресной воды, огромное богатство энергоресурсов. С таким потенциалом страна могла бы вносить существенный

вклад не только в обеспечение продовольственной безопасности страны, но и в решение проблемы мирового продовольственного кризиса. Но она усугубляла этот кризис, являясь самым крупным импортером продовольствия. За что нас упрекают другие страны. Причина такого положения состоит в том, что реформаторы первой волны думали не своим, а чужим умом. Ликвидируя старый общественный порядок, они не имели элементарного представления о том, как строить новый, и обратились за помощью к злейшему врагу России — Америке, которая всегда относилась к нашей стране враждебно. В итоге, управление страной, по существу, было передано американским спецслужбам. Страну наводнили десятки тысяч таких специалистов, которые, как тараканы, расползлись по всем министерским кабинетам, банкам, оборонным предприятиям, институтам. Они получили доступ на все объекты, в том числе секретные. Началась криминальная приватизация, отказ от государственного регулирования экономики, внедрение дикого рынка с присущими ему рейдерским захватом земель, банкротством эффективно работающих предприятий. За многие столетия Россия впервые стояла перед угрозой потери своего суверенитета. Наши чиновники, стоящие на доволствии Запада, не знали, как угодить «благодетелям», указания которых выполнялись беспрекословно. Российские правители с собачьей преданностью пунктуально исполняли все указания западных «благодетелей», а развал страны объясняли тем, что реформы не могли быть легкими, что за реформы надо платить. Страна, якобы, была обречена на то, чтобы «переболеть» всеми болезнями переходного периода.

Прошло три десятилетия, а сельское хозяйство по многим показателям не достигло исходного положения (1990 г.). Пришла пора отказаться от навязанной нам спецслужбами США модели экономического развития и приступить к созданию условий для повышения эффективности экономики.

Для создания высокоэффективного технологичного сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, необходимы следующие экономические механизмы: оптимальное сочетание плана и рынка; государственное регулирование и поддержка сельского хозяйства. Только государство может сосредоточить ограниченные ресурсы на тех направлениях, в которые не идет частный предприниматель из-за больших рисков.

Наша страна, ориентируясь на рынок и отказавшись от государственного регулирования, скатилась на задворки мировой экономики, стала крайне неэффективной и все менее устойчивой, зависимой от других стран. Мы превратились в страну постоянных экологических катастроф, в страну с самой высокой коррупцией элиты, самой большой

дифференциацией между богатыми и бедными, ухудшающейся системой образования, нищенским положением крестьянства.

К сожалению, неолибералы продолжают выступать за сокращение роли государства в экономике, выдвигают идею новой масштабной приватизации государственной собственности и максимального охвата важнейших для страны государственных предприятий. Коррупция не уменьшается.

Производственная деятельность отрасли во многом зависит от природных условий, которые нередко сводят на нет труд крестьян. К тому же, сезонность работ, короткий срок использования техники в течение года, делают отрасль более капиталоемкой и менее эффективной. Великий реформатор Петр Столыпин в 1907 г. заявил с трибуны Думы: «Государство у нас хворает... Самой слабой частью, которая хиреет, завядает, является крестьянство. Надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту. Тогда организм осилит болезнь. В этом должно, несомненно, участвовать все государство..., чтобы тяжесть была разложена равномерно и не давила бы на плечи одного класса». Слова как никогда актуальны и поныне. К сожалению, некоторые чиновники проводят принципиально иную политику. Бывший министр финансов А. Кудрин говорил: «Я считаю, что прямая поддержка возможна и необходима только в одном случае — в интересах безопасности страны. Не продовольственной или экологической безопасности, а настоящей, национальной, чтобы страна сохраняла свой суверенитет». По-кудрински, продовольственная безопасность не национальная и не настоящая. И это заявлял чиновник, признанный мировой закулисой лучшим министром финансов мира. Бывший министр экономики Г. Греф говорил: «Точка зрения, что государство должно расширять присутствие в экономике и взять под опеку какие-то отрасли, является неандертальской».

Словом, власть должна понять, что сельское хозяйство не может с помощью рынка выйти из системного кризиса. Оно нуждается в серьезной государственной поддержке. Продовольственный вопрос в любом государстве — это коренной социально-политический вопрос, и здесь должно быть исключено всякое недопонимание его принципиальной важности. В странах Запада продовольственная безопасность официально объявлена важнейшей составной частью государственной политики, и ее цели рассматриваются как приоритетные.

В развитых странах поддержка фермерского хозяйства продолжается вот уже три четверти века. Например, фермеры Норвегии на 1 га пашни получают 3,5 тыс. долл., в Финляндии — 1,6 тыс. долл., в России — лишь 15 долл. Без решения проблемы поддержки, нельзя обеспечить высокоэффективное конкурентоспособное сельское хозяйство.

Больше всего сельское хозяйство страдает от неэквивалентного обмена. Для любого товаропроизводителя главное — сбыт продукции, на взаимовыгодных условиях. С ликвидацией государственной системы закупок и потребительских кооперативов, у сельских товаропроизводителей возникли большие трудности при реализации своей продукции, они стали жертвами криминальных структур, диктующих селу кабальные условия. Их не допускают на отечественный рынок. Между производителем и потребителем появился посредник-спекулянт, о котором В.И. Ленин говорил, как о главном «внутреннем» враге экономических мероприятий, мародере торговли, срывателе монополии². Неэквивалентный обмен между селом и городом достиг невиданных размеров и является одной из главных причин ущербного состояния отрасли. В стране отсутствует действенный рыночный механизм.

Из-за диктата спекулянта-перекупщика, розничные цены формируются далеко не на условиях свободного рынка. Крестьянин является неравноправным экономическим партнером в цепи вертикальной интеграции (производство — потребление). Он живет, по существу, в условиях продразверстки. Сегодня торговые сети забирают у крестьян продукцию практически даром: более половины всего дохода, созданного селянами (примерно 1,4 трлн руб.), присваивается торговыми сетями. Если бы эта сумма дохода оставалась у сельских товаропроизводителей, проблемы продовольственной безопасности не существовало бы в России.

На продовольственном рынке правят бал, с одной стороны, монополисты (крупные перерабатывающие предприятия и торговые сети), с другой, многочисленные перекупщики, паразитирующие на сельском товаропроизводителе. Именно они создают критическую ситуацию в отрасли.

Индекс цен на продукцию ресурсопроизводящих отраслей только за период с 1990 по 2000 гг. рос в 5,3 раза быстрее, чем совокупный индекс цен на сельскохозяйственную продукцию. По этой причине из села были выкачаны сотни миллиардов рублей. В этих условиях крестьяне не в состоянии обновить сильно изношенный производственный потенциал, не говоря уже о модернизации отрасли. Главной причиной такого состояния является монополизм. Крестьяне не могут выбирать себе покупателя.

В цивилизованном мире, наряду с частными торговыми сетями, существуют потребительские кооперативы. Чтобы производить продукцию, нужен спрос. Причем не абы какой. Цивилизованный рынок требует от поставщика ритмичной поставки продукции в больших объемах. Сегодня абсолютное большинство товаропроизводителей не могут обойтись без развитой системы торговли, инфраструктуры рынка. Мелкотоварный производитель вынужден объединять производственные и финансовые

² Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 43. — М., 1982. — С. 208.

ресурсы, функции управления. Поэтому нужна интеграция, представляющая собой экономическое, организационное и финансовое объединение товаропроизводителей. Такой организацией является потребительский кооператив.

Сегодня на рынке невозможно успешно работать без разветвленной, высокоорганизованной инфраструктуры рынка: специализированного транспорта, специальных складских помещений, предприятий доработки и переработки, собственных крестьянских магазинов или сельскохозяйственных рынков, логистических центров. Если не изменить сложившуюся ситуацию, страна потеряет сельского товаропроизводителя, возрастет ее продовольственная зависимость, а, следовательно, снизится суверенитет государства.

Чтобы обеспечить экономический рост, нужна новая идеология государственного управления экономикой, стратегическое планирование. На основе анализа опыта быстро развивающихся стран, следует выбрать такую модель развития, которая не просто восстановила бы «дореформенные» уровни объемов и ассортимента продовольственного обеспечения, но, прежде всего, создала условия для перехода к инновационной модели развития сельского хозяйства, стала бы основой устойчивого экономического роста и, действительно, сделала бы Россию привлекательной. Пора менять экономическое мышление, формировать новую политику, проводить серьезную структурную перестройку аграрной экономики. Не наращивать экспорт зерна, а перерабатывать его на комбикорма, муку, макароны, сокращая их импорт и создавая условия для быстрого развития птицеводства и свиноводства. Пока же мы гоним за рубеж сырье. Там строятся перерабатывающие предприятия, создаются миллионы новых рабочих мест, продукция проходит глубокую переработку, с высокой добавленной стоимостью наполняется бюджет страны.

Глубокая переработка сырья существенно повысит эффективность экономики, сократит импорт продовольствия. Без концентрации ресурсов в развитие сельского хозяйства, без повышения качества управления и стратегического планирования, без модернизации на основе технологического уклада, нельзя решать масштабные задачи, осуществлять системные проекты, подкрепляя их крупными финансовыми вложениями.

Важным условием повышения эффективности сельскохозяйственного производства, является наведение порядка на земле. Сегодня здесь царит беспредел, цивилизованный оборот сельскохозяйственных земель практически отсутствует. Государство выпустило из рук стратегическое управление земельными ресурсами, как от обузы отказалось от собственности на землю, а, следовательно, и от власти над ней. Это привело к свертыванию работ по повышению плодородия почв и обустройству террито-

рий, резкому сокращению мелиорируемых земель, развалу инфраструктуры, неэффективности землепользования, выводу из оборота десятков миллионов гектаров посевной площади. Федеральное правительство не знает где, сколько и каких земель находится в его собственности. Практически всеми земельными ресурсами страны распоряжаются органы местного самоуправления, которые торгуют ей, как торгуют на бирже, переводят землю из одной категории в другую. Чиновники не думают о рациональном ее использовании, об улучшении быта крестьян, повышении их жизненного уровня. Крестьяне не могут реализовать свое право собственника на земельный участок, а эффективный товаропроизводитель – приобрести землю в собственность. Многие крестьяне лишились земли, а государственные чиновники и депутаты разных мастей имеют по 30 земельных участков.

Необходим единый хозяин по управлению землей. Ему следует предоставить право законодательной инициативы по изменению земельной политики в стране, разрабатывать генеральный план использования земли. Важное значение имеет пропаганда земельной реформы.

Только оплодотворенная трудом земля приносит доход. Освоение целинных и залежных земель, позволило получить десятки миллионов тонн зерна. В советское время на землях Подмосковья паслись стада коров. Область поставляла в столицу огромное количество молока и мясной продукции. Сегодня эти земли покрыты бурьяном. На вышедших из оборота сельскохозяйственных землях, накапливается сушняк, который является главной причиной многочисленных лесных пожаров.

В 90-е гг., когда производство сельскохозяйственной продукции сократилось вдвое, резко уменьшилось душевое потребление продуктов питания, Запад стал поставлять нам залежалую продукцию, запрещенную к употреблению в собственных странах. Для западных экспортеров были созданы чрезвычайно благоприятные условия.

Сдерживающим фактором развития сельского хозяйства является бездарная законотворческая деятельность. Принимаемые Госдумой законы плохо прорабатываются, зачастую противоречат друг другу и без какой-либо апробации начинают внедряться по всей стране. Госдума приняла по сельскому хозяйству десятки законов. Однако положение дел в отрасли не улучшается. Сразу же после принятия закона, в судорожном порядке в него начинают вноситься поправки. Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» постоянно корректируется. Но цивилизованного оборота земли как не было, так и нет. Земельные отношения не стали более прозрачными, не ускорилось движение участков от неэффективных собственников к эффективным, посевные площади продолжают выходить из хозяйственного оборота. После принятия зако-

на «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», в него сразу же начали вноситься изменения, якобы предусматривающие упрощение процедуры вхождения в программу финансового оздоровления. Но после таких «упрощений», долги сельских товаропроизводителей растут еще быстрее. В 2000 г. они составляли 183,7 млрд руб., в 2005 — 438,2, а сегодня превысили 2 трлн руб. Около 5 тыс. предприятий выбыли из программы финансового оздоровления и потеряли право на реструктуризацию, а более 9 тыс. не могут принять участие в программе.

Наши законодатели думают, будто стоит им только перенести в Россию готовую государственную форму правления, и все у нас станет по-европейски. Что достаточно «привязать наш челнок к корме большого западного корабля», и все будет хорошо. Прежде чем законы внедрять по всей стране, они должны быть досконально проработаны и апробированы на ряде регионов.

Необходимо повысить роль министерства сельского хозяйства в решении проблем отрасли. Наш Минсельхоз, по сути, отстранен от участия в выработке решений по сельскому хозяйству. Аграрная политика страны формируется Минэкономразвития и Минфином. Чиновник МЭРТа А. Каульбарс заявлял, что Минсельхоз должен лишь подавать нам сигналы к действию. С функциями «сигнальщика» село не поднимешь.

Факторами экономического роста являются: знания, технологии, ресурсоемкость продукции, воспитание и преумножение кадрового потенциала. Сегодня на селе стало некому работать. Выпускники сельскохозяйственных вузов не хотят ехать на село, закрепляемость молодых специалистов на предприятиях — менее 20 %. Без создания кадрового и научного потенциала невозможно повысить производительность труда, эффективность его использования, обеспечить качественный экономический рост. Нужна ответственность высших чиновников за принимаемые решения.

Сегодня пропуском в постиндустриальный мир, является способность создавать уникальные технологии и производить основанный на них конкурентоспособный продукт. Руководители цивилизованных стран давно поняли, что без развитой науки, способной создавать экономику знаний, не может быть суверенного государства. К сожалению, наши чиновники разрушают науку, сваливают на нее свое бездарное руководство.

Руководители развитых стран считают, что сущностью привлекательного будущего является триумф технологий, а критериями качественного экономического роста — знания. Только благодаря использованию новейших технологий, можно повышать производительность труда. Но эта философия не для наших чиновников. Они не понимали того, что

без серьезной науки невозможно создать высокоэффективную, конкурентоспособную экономику. Экономическая мощь любой страны определяется способностью изобретать, то есть наукой, способностью превращать изобретения в продукцию, то есть, технологией. К сожалению, ни тем, ни другим страна не может похвастаться.

Принимаемые правительством меры не направлены на развитие науки, на создание уникальных технологий, на производство продукции с высокой добавленной стоимостью. В стране практически перестали заниматься исследованиями проблем селекции и семеноводства, улучшением генетического потенциала животных, созданием высокопроизводительной техники и современных технологий. Сегодня страна тратит на импорт научной продукции многие миллиарды долларов. Без развитой науки и создания энергосберегающих технологий, проблему отставания не решить. А ведь отечественные ученые в советское время помогли стать стране великой державой. Запад вынужден был уважительно относиться к нам. Не вел себя как слон в посудной лавке, не пытался накладывать унижительные санкции, как это делается сегодня. В начале нулевых лет, в связи с резким повышением мировых цен на энергоресурсы, в страну стали поступать сотни миллиардов нефтедолларов, были созданы благоприятные условия для модернизации экономики и повышения ее эффективности. Однако правительство не воспользовалось этим. Некоторый рост сельскохозяйственного производства происходил за счет ввода брошенных в 90-е гг. мощностей с устаревшей технологией, низкой производительностью труда, высокой материалоемкостью. Нефтяные доходы не доходили до реального сектора экономики.

Сегодня чиновники стали понимать, что ориентация только на трубу, к добру не приведет. Снова заговорили о необходимости модернизации экономики. С участием президента проводятся совещания по вопросам развития сельского хозяйства. На одном из них он заявил: «Важно помочь сельхозпроизводителям выйти на приемлемую окупаемость инвестиций, создать возможность для запуска новых инвестпроектов и программ». Наряду с изложенными механизмами, следовало бы заняться проблемами социального развития села, подготовкой сельскохозяйственных кадров всех уровней, кредитной политикой и другими приоритетными направлениями устойчивого развития аграрной сферы экономики.

СОДЕРЖАНИЕ

Романченко В. Я. Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. (О некоторых теоретических аспектах проблемы)	3
Долгих А. Н. О некоторых трактовках российского законодательства по крестьянскому вопросу дореформенной эпохи в современной отечественной историографии.....	11
Скорик А. П., Федина И. М. Правоустанавливающий акт 1815 г. на хутор черноморского казака Матвея Ломаки как исторический источник	19
Мельникова Л. В. Мнимый «указ о вольности» 1855 г. и духовенство: к вопросу о крестьянских волнениях в годы Крымской войны.....	27
Ружицкая И. В. Аграрные преобразования в Остзейских губерниях и крестьянская реформа 1861 г.	36
Николашин В. П. Манифест об отмене крепостного права и Тамбовская деревня.....	44
Никулин В. Н. Промыслы в жизни крестьян Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии (конец XIX – начало XX в.).....	50
Свиридов И. С. Понимание «духовности» великорусского крестьянства рубежа XIX–XX вв. в отечественной историографии	58
Шалаева Н. В. Модернизационные процессы в России и проблема крестьянской ментальности.....	65
Мийманбаева Ф. Н. Статистические материалы комиссии П. П. Румянцева как источник для изучения старожильческих хозяйств Семиреченской области	73
Будкина Ю. Б. Первая мировая война в восприятии российского крестьянства: особенности современных исследований	82
Сафонов Д. А. Крестьяне и закон	90
Кондрашин В. В. К вопросу о формировании системы «военного коммунизма» в Советской России	98
Иванов А. О. Некоторые аспекты истории крестьянского восстания в селе Золотоношка Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (июль 1918 г.)	110

Подлеснов В. И. Тамбовское и Зазейское восстания. Причины. Факторы. Итоги.....	118
Ильиных В. А. Аграрная политика Советского государства в начале 1920-х гг.	126
Пушкарёв В. С. Из практики взимания продналога в 1921–1923 гг.	133
Ковалев Д. В. Формирование совхозного сектора в агросфере столичной губернии (1918 – середина 1920-х гг.)	140
Комиссарова И. А. Единый сельскохозяйственный налог в 1924/1925 гг.: от принятия положения к сбору (на материалах Иваново-Вознесенской губернии)	147
Курапова Е. Р. К истории сельскохозяйственной кооперации в России в годы НЭПа (по материалам РГАЭ).....	155
Соколов А. С. Хозяйственный кризис 1924/1925 гг. и его влияние на аграрную политику в советской деревне	163
Поляков В. А. Царицынско-Сталинградская деревня накануне коллективизации: политика вытеснения зажиточных крестьян, 1924–1928 гг.	171
Дудникова Е. Б., Ножкина И. А., Шалаева С. С. Становление народного образования и просвещения в деревне как фактор социокультурной политики Советского государства в 1920-е гг.	180
Панкова-Козочкина Т. В. О причинах кризиса сельского хозяйства Дона, Кубани и Ставрополя в начале 1920-х гг.	187
Бершадская О. В. К вопросу об организации и проведении подразверсточной и продналоговой кампаний в регионах (на материалах Кубано-Черноморской области).....	195
Васильев Ю. А. Крестьянский вопрос в проекте Е. А. Преображенского	201
Багдасарян С. Д. Проблема преступности на юге России в 1920-е гг.	210
Белова А. В. К вопросу о выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев в 1925–1926 гг. (на материалах Саратовской и Сталинградской губерний)	218
Жукова В. С. Сельские праздники в доколхозной деревне Европейского Севера России	225

Бондарев В. А. «Старая колхозная гвардия» в советской деревне 1930-х гг.: возникновение и роль в аграрном производстве	231
Анфертьев И. А. Советский миф о последствиях массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса в интересах ускоренной индустриализации	239
Наухацкий В. В. О некоторых особенностях аграрной политики на начальном этапе коллективизации в Северо-Кавказском крае	246
Саблин В. А. Основные источники по демографии крестьянского двора на Европейском Севере России в первой трети XX в.	256
Мотревич В. П. Решение проблемы семян в сельском хозяйстве на Урале в годы Великой Отечественной войны	264
Исуфов Ш. В. Решение проблемы сельских кадров в Кулябской области Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны.....	273
Мамяченков В. Н. Тотальная ревизия колхозной жизни 1946 г.: Новые примеры, цифры и факты (на материалах архивов Свердловской области).....	277
Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система Сибири в 1946–1953 гг.: тенденции и проблемы развития.....	285
Аргунов О. Н. Колхозы Курской области во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: источники доходов.....	293
Полх П. П. Учреждения снабжения сельского хозяйства в первые годы становления Калининградской области.....	304
Серогодский Н. А. Аграрная политика Н. С. Хрущева и ее реализация на Кубани (1953–1964 гг.).....	312
Канищев В. В., Жиров Н. А. Судьбы сельских райцентров после административно-территориальных реформ 1950-х – начала 1960-х гг.	320
Конышев Д. Н. Правовой статус крестьянина и его изменение в годы «хрущевской оттепели» (1953–1964 гг.)	330
Сагателян Г. Ш. О забытом зигзаге Хрущева или о запрете промысловой кооперации в СССР	338
Томилин В. Н. Н. С. Хрущев и колхозы	347
Шевельков А. И. ЦСУ РСФСР о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в 1960-е гг.....	354

Заельская С. А. Концертное обслуживание сельского населения Урала музыкальными коллективами в 1970-е гг. – первой половине 1980-х гг.....	362
Филатов С. В. Об аграрной политике периода «перестройки».....	368
Логунова И. В. Просчеты государственной политики по социальному возрождению села в 1990-е гг. (на материалах областей Центрального Черноземья)	375
Широкалова Г. С. Публикации начала 1990-х как форма протеста ученых против аграрной революции	382
Крайнов Г. Н., Зубков С. А. Роль профсоюзов агропромышленного комплекса в решении экологических проблем	391
Труженикова Л. А. Проблемы и перспективы развития аграрного сектора республики Дагестан в начале 2000-х гг.	399
Нежданов В. А. Историко-географические предпосылки агломерированного расселения в сельской местности Калужской области	407
Милосердов В. В. Продовольственная безопасность государства – залог его суверенитета, сбережения народа.....	417

Научное издание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*Сборник статей
Международной научно-практической конференции*

Составит. и отв. ред.:
В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков

Компьютерная верстка
А. Е. Шматала

Подписано в печать 20.12.2021 г. Формат 60X84 1/16 Усл. печ. л. 25
Тираж 500 экз. Заказ 1961.
Отпечатано: ИП Воробьев О. М. г. Коломна, ул. Весенняя, 20

Участники I-й Международной научно-практической конференции
«Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века»
(24–25 октября 2007 г., город Коломна)

Участники VII-й Международной научно-практической конференции
«Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века»
(25 октября 2019 г., Институт российской истории РАН, город Москва)